

МАРК АННЕЙ
ЛУКАН
ФАРСАЛИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

M. ANNAEI
LVCANI

DE BELLO CIVILI
SIVE
PHARSALIA

МАРК АННЕЙ ЛУКАН

ФАРСАЛИЯ или ПОЭМА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ПЕРЕВОД Л.Е.Остроумова

РЕДАКЦИЯ,
СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
Ф.А.ПЕТРОВСКОГО

Репринтное воспроизведение текста издания 1951 г.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР» — «НАУКА»
МОСКВА, 1993

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ» (1993 г.)

Д. С. Лихачев (почетный председатель),
В. Е. Багно, Н. И. Балашов (заместитель председателя),
В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (председатель),
А. В. Лавров, А. Д. Михайлов,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь),
И. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
И. И. ТОЛСТОЙ

*Настоящее издание предпринято
по решению Редакционной коллегии
серии «Литературные памятники» 1993 г.*

А 4700000000-030
593(03)-93 Без объявления

ISBN 5-86218-056-7

ФАРСАЛИЯ
или
ПОЭМА О ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Бой в Эмафийских полях — грознейший, чем битвы сограждан,
Власть преступленья пою и могучий народ, растерзавший
Победоносной рукой свои же кровавые недра,

Родичей кровных войну, распавшийся строй самовластья
6 И состязанье всех сил до основ потрясенной вселенной
В общем потоке злодейств, знамена навстречу знаменам,
Схватки рарочных орлов и копя, грозящие копьям.

Что за безумье, народ, какое меча своеволие —

Сонмы враждебных племен латинскою радовать кровью!

10 В дни, как Авзонский трофей с надменных столбов Вавилон
Рвать надлежало, и Красс неотмщенную тенью скитался,
Вы увлекались войной, не сулившей Риму триумфа?

Сколько земель и морей, увы, покорить бы могли вы
Кровью, какую тогда проливали десницы сограждан, —

15 Там, где восходит Титан, где ночь укрывает созвездья,
Там, где полуденный зной пыланием землю сжигает,
Где коченеет зима, никогда от весны не смягчаясь,
Скифским морозом сковав ледовитого Понта пучину:
Серы и дикий Аракс теперь бы под иго склонились,

20 Как и народ, коль он есть, свидетель рождения Нила.

Рим, если так велика твоя страсть к несправедливым войнам, —
Только когда ты весь мир подчинишь латинским законам,
Против себя обратиться: еще нет во врагах недостатка!

Ныне ж, когда в городах Италии камни нависли

25 Полуразрушенных стен, и строений развалины всюду

- Грудой лежат на земле и стóрожа в доме не стало,
Лишь кое-где старожил по древнему городу бродит,
Вся же Гесперия вокруг невозделана многие годы
В жестких колючках лежит, и рук нехватает для пашни, —
30 Нет, ни яростный Пирр, ни Пуниец виновником стольких
Не был потерь и мечом не умел так глубоко проникнуть:
Сотни зияющих ран нанесла рука гражданина!
- Но, коль иного пути не нашли для прихода Нерона
Судьбы, и грозной ценой покупается царство всевышних
35 Вечное, и небеса подчиниться могли Громовержцу
Только когда улеглось сражение свирепых гигантов, —
Боги, нельзя нам роптать: оплачены этой ценою
И преступления, и грех; и пусть на Фарсальской равнине
Кровью залиты поля и насытились маны Пунийца;
40 Пусть и решительный бой разразился у гибельной Мунды;
Цезарь, к несчастьям тем прибавь и осаду Мутины,
Голод Перусии, флот у суровой Левкады погибший
Да и с рабами войну под склонами огненной Этны:
Все же гражданской войне мы обязаны многим: свершалось
45 Все это ради тебя! Когда, отстояв свою стражу,
Старцем к светилам взойдешь, тобой предпочтенное небо
Встретит с восторгом тебя; держать ли ты скипетр захочешь,
Или же ввысь воспарить в колеснице пылающей Феба,
Чтобы оттуда земле, не испуганной сменою солнца,
50 Пламенем новым сиять, — божества тебе всюду уступят
И предоставит природа права, каким бы ты богом
Стать ни решил и где бы свой трон ни воздвиг над вселенной.
Только престола себе не ставь ты в северном круге,
Или на полюсе том, обжигаемом ветром противным,
55 Видеть откуда свой Рим твое солнце лишь искоса сможет.
Если ты ступишь ногой на край безмерного свода —
Дрогнет под тяжестью ось; блюди равновесие мира,
Став посредине небес; пусть эта эфирная область
Ясной останется вся, в облаках да не скроется Цезарь.
60 Пусть человеческий род, оружие бросив, стремится

К общему благу в любви; и мир, по вселенной разлившись,
Да заградит навсегда железные Януса двери.

Мне ж ты — давно божество, и если ты в сердце поэта
Внидешь, не надо мне звать вдохновителя таинств Киррейских,

65 Вакха не буду тогда отвлекать от родной его Нисы:

Мощи один ты вольешь достаточно в римские песни!

Дух мой дерзает раскрыть причины великих деяний,
Труд необъятный предстал мне: что же погнало к оружию
Ярости полный народ и мир из вселенной исторгло?

70 Судеб завистливых ряд, не дающих великому долго
Выстоять; тяжкий распад от его непомерной громады,

Рим, не сносящий себя. Когда распадутся все связи,

И завершит все века последний час мироздания,

К древнему хаосу вновь устремясь, то созвездья столкнутся

75 В кучу, а пламя светил устремится на глади морские,

И берегов простирать не захочет уж более суша,

Воды она отряхнет, и кинется брату навстречу

Феба, уставшая гнать лошадей по наклонному кругу,

Требуя дня для себя, — и все мировое строенье

80 В полном расстройстве своем нарушит законы вселенной.

Рушат громады себя: ограничила этим пределом

Воля богов благоденствия рост. Судьба не уступит

Ни одному из племен свою зависть к народу, владыке

И на земле, и в морях. Ты сам своих бедствий причина,

85 Рим, потому что ты стал трех владык достояньем, и ныне

Их смертоносный союз смятение несет государству.

О, расточители смут, ослепленные дикою страстью!

Что вам за сласть в состязании сил, в полноте обладанья

Миром? Пока поднимать будет воды земля, а всю землю

90 Воздух, покуда Титан продолжает свой труд бесконечный,

Ночь пробегает за днем в небесах по тем же созвездьям, —

Верности нам не знаять в соучастниках власти, и каждый

Будет к другим нетерпим. Роковых не ищите примеров

У чужестранных племен и в веках, давно миновавших.

95 Братскою кровью у нас забрызганы первые стены.

Но ни земля, ни моря в то время предметом раздора
Не были: этих владык их тесный участок поссорил.

Краткое время раздор под личиной согласия скрывался.

Мир царил не по воле вождей; единой помехой

- 100 Против грядущей войны был Красс. Как валы рассекает
И разделяет с трудом рубеж неширокого Истма,
Не позволяя сойтись пучинам — коль суша уступит,
Море Эгейское вмиг с Ионийским столкнется, — вот так же
В час, когда Красс погиб, суровых вождей разнимавший,
105 Кровью латинской, увы, оросив ассирийские Карры, —
Эта победа парфян распоясала римскую ярость.
Больше, чем думали вы, совершив этот бой, Арсакиды:
Вы побежденным врагам подарили гражданские войны!
Меч тираннию дробит. и богатства народа-владыки,
110 Морем, и твердой землей, и целым владевшего миром,
Мало теперь для двоих. Потому что, связанный кровью,
Их дружелюбья залог — свой зловеющий свадебный факел,
Грозной рукою Сестер отсеченная, к манам с собою
Юлия прочь унесла. О, если бы рок справедливый
115 Дни твоей жизни продлил, ты одна только в мире сумела б
Бешенство мужа смирить и родителя гнев успокоить,
Руки их соединить, мечи обнаженные выбив, —
Так же, как тестей с зятьями сабинянки соединили.
Гибель твоя унесла и клятвы, вождям разрешивши
120 Междоусобье начать: подстрекала соперников доблесть:
Ты, о Великий Помпей, боишься, чтоб старых триумфов
Новый герой не затмил, и лавр побед над пиратом
В галльских боях не увял. В тебе же к походам привычка
Дух возбуждает, и ты со вторым не помиришься местом:
125 Цезарь не может признать кого бы то ни было — первым.
Равных не терпит Помпей. В чьем оружии более права —
Ведать грешно. Но призвал защитника сильного каждый:
Мил победитель богам, побежденный любезен Катону.
Вовсе не равны враги: один из них, в летах преклонных,
130 Тогой гражданской своей давно уже тело покоя,

- Быть разучился вождем от долгого мира; он ищет
Славы и, чернь веселя, увлекаясь любовью народной,
Рад он в театре своем выслушивать рукоплесканья,
Новых не черпая сил и душой доверяясь чрезмерно
135 Прежней счастливой судьбе. То — великого имени призрак;
Дуб величавый таков посреди полей плодоносных,
Весь под дарами вождей, под добычею древней народа:
Уж не впивается он корнями могучими в землю,
Держится весом своим и, голые ветви подъямая,
140 Тень от нагого ствола, не от листьев зеленых кидает;
Хоть и грозит он упасть, пошатнувшись от первого ветра,
Хоть возвышаются вокруг леса в своей силе цветущей, —
Только ему весь почет. А у Цезаря было не столько
Чести и славы вождя, сколь доблести той, не умевшей
145 Смирно стоять, был единственный стыд — не выиграть битву:
Неукротим и могуч, он вел легионы, куда их
Гнев иль надежда влекли, никогда не зная пощады,
Множил успехи свои, божество вынуждал на подмогу,
Все разрушал, что ему на дороге помехой стояло,
150 И с ликованием в душе свой путь пролагал меж развалин.
Так, порождение бурь, сверкает молния в тучах
И, потрясая эфир, грохочет неистовым громом,
День прерывает и страх между робких рождает народов,
Им ослепляя глаза косым полыханием блеска;
В небе бушует она, и нет никакой ей преграды:
155 Бурно падая вниз и бурно ввысь возвращаясь,
Гибель сеет кругом и разметанный огонь собирает.
Вот побужденья вождей; но в обществе также таились
Братской войны семена, всегда потоплявшей народы.
160 Ибо, когда принесло военное счастье чрезмерный
Дар покоренных племен, — от богатства испортились нравы,
И ограбленье врагов, их достаток — посеяли роскошь.
Великолепью палат и золоту меры не стало,
Трапезы предков — скудны; едва ли приличные женам
165 Носят наряды мужья; героев плодящая бедность

- В пренебреженьи; и вот со всего собирается мира,
То, что народ развращает. В те дни пределы имений
Вширь раздались, и поля, взбороненные строгим Камиллом,
Взрытые прежде киркой и мотыкою Куриез древней,
170 Стали уделом иных, неведомых сельских хозяев.
Был уж не тот народ, которому мир и свобода
Силы крепили, храня в бездействии долгом оружие.
Быстро рождается гнев; на злодейства — нужды порожденье —
Смотрят легко; а мечом захватить в свои руки отчизну —
175 Это великая честь; и ставят мерою права
Силу; в неволе закон и решенья народных собраний,
Консулы права не чтут и его попирают трибуны;
Ликторов связки отсель покупные, народ, продающий
Милость свою за металл, и торг для Рима смертельный —
180 Торг должностями в борьбе ежегодной на Марсовом Поле;
Хищный отсюда процент, беспощадные сроки уплаты, —
И поколеблен кредит, и война стала выгодной многим.
Цезарь уже перешел поспешно холодные Альпы,
Замысел в сердце тая о великих будущих войнах.
185 В час, когда он подступал к нешироким волнам Рубикона,
Родины смутной предстал предводителю призрак огромный;
Светлым, но грустным лицом сияя в сумраке ночи
И с башненосной главы седины свои рассыпая,
Космы он рвал на себе, обнаженные руки подымая,
190 Стон испуская глухой, воскликнул: «Куда вы стремитесь?
Мчите знамена мои куда? Если право за вами,
Ежели граждане вы, — здесь граница последняя: стойте!».
Трепет вождя охватил, власы поднялись и, прервавши
Натиск, в бессилии он возле самой воды задержался.
195 «О Громовержец! — он рек, — озирающий с звыси Тарпейской
Стены столицы своей, о пенаты фригийские рода
Юлиев, ты, о Квириц, вознесенный тайно на небо,
Ты, обитающий в Альбе крутой — Юпитер Латинский,
Весты святой очаги, о подобие высшего бога, —
200 Рим, — покровительствуй мне; не тебя преследую ныне

- Буйным оружием я; победитель на суше и море,
Всюду я — твой солдат, если быть им дозволишь и ныне.
Тот будет впредь виноват, чрез кого я врагом твоим стану!».
И, ускоряя войну, чрез набухшую реку он быстро
205 Двинул знамена свои. Так в знойной пустыне Ливийской
Лев, приметивши вдруг врага у себя по соседству,
Весь припадает к земле и колеблется, гневом исполнен,
Хлещет свирепо хвостом, себя самого разъяря,
Гриву вздымает, и рев из зияющей пасти несется:
210 Тут, если в бок вонзится копье проворного мавра
Или в широкую грудь вопьется рогатина снизу, —
Рану такую презрев, на железо он прыгает дерзко.
Узким течет ручьем и струею бежит мелководной
Красный поток Рубикон в пылании знойного лета,
215 Вьется по низким лугам, отделяя надежной границей
Жителя галльских полей от Авзонских селений и пашен.
Множила ныне зима его мощь и полнила волны
Кинфия третья своим отягченным ливнями рогом,
Так же и таянье Альп под сырým дуновением Эвра.
220 Конница первая здесь в быстрину кидается смело,
Переграждая поток; а прочее войско по броду
Вольно стремится вослед сквозь уже усмиренные волны.
Цезарь, пучину пройдя и выйдя на берег противный,
Молвил, свой стан укрепив на Гесперии низах запретных:
225 «Здесь нарушаю я мир и врагом оскверненное право;
Счастье, иду за тобой; да не будет отныне законов!
Ныне вверяюсь судьбе, война да предстанет судьбою!».
С речью такую повел свое войско вождь неусыпный
В ночь; он быстрее летит, чем камень с пращи балеарца.
230 Легче стрелы, что назад на скаку запускает парфянин;
Он, уже Риму грозя, в Аримин соседний вступает
В час, когда звезды бегут пред зарей, Светоносца оставив.
Вот уж рождается день, которому видеть придется
Первую вспышку войны: но по воле богов, или Австра,
235 Тучи собравшего вокруг, — осталось сумрачным небо.

- Цезарь войскам приказал значки на форуме взятом
Складывать; скрипы рожков и грохот трубы сочетают
Свой нечестивый сигнал с гудением хриплого рога.
Вспугнут народный покой, и юноши, с ложа вскочивши,
240 Мчатся — скорей отвязать от священных пенатов оружие,
Спавшее в мире давно; хватают погнутые копья,
Ветхие, в дырах, щиты, из которых повывезли прутья,
Сотни корявых мечей, изъеденных ржавчиной черной.
Но, когда Рима значки знакомым орлом засверкали
245 И в окруженьи когорт им Цезарь надменный явился, —
Души их страх охватил, и холодом ужас сказал их,
И на безгласных устах немые застыли упреки:
«О, наши стены стоят на горе так близко от Галлов!
О, это место скорбей! Над всеми народами веет
250 Мир и глубокий покой; а мы для губителей — жертва,
Лагерь их первый всегда! Фортуна! Было бы лучше
Дать на востоке нам дом, иль под северным небом холодным
Дать кочевые шатры, чем ставить нас Лация стражем!
Видели первыми здесь мы набеги сенонов и кимвров,
255 Марса Ливийского гнев и яростный натиск тееонов, —
Сколько бы раз на Рим ни падали судеб удары,
Здесь — дорога всех войн!». Так ропщут они затаенно,
Явно свой страх боясь выражать; ни единому слову
Скорбь не доверена их; но, как немые поля, когда птицы
260 Смолкнут зимой, как без шума лежит открытое море, —
Так царит тишина. Холодные тени ночные
Свет разогнал, — и факелы войн, язвя своим жалом
Косный в сомнении ум, к боям побуждают, и судьбы
Рушат преграды стыда; Фортуна старается правом
265 Натиск вождя оправдать и находит предлоги для брани:
Все попирая права, сенат из смятенного Рима
Буйных трибунов изгнал, угрожая им участью Гракхов.
Те под знамена вождя бегут, но благо он близко,
С ними спешит Курион — оратор продажный и дерзкий, —
270 Гласом народа он был когда-то, стоял за свободу

- И на военную знать дерзал поднимать он плебеев.
Этот, вождя увидав, омраченного тяжкой заботой,
Молвил: «Доколе я мог помогать твоей партии, Цезарь,
Я убеждал продлить твою власть против воли сената
275 В дни, когда было дано мне право стоять на трибуне
И, привлекая к тебе, разгонять сомненья квиритов.
В день, как под игом войны угнетенные смолкли законы,
Изгнаны мы из отчих домов и несем добровольно
Ссылку; победа твоя восстановит наше гражданство.
280 Ты, пока недруг дрожит, никакой не поддержанный силой,
Прочь замедленья отринь; созревшее губят отсрочки!
Больше получишь теперь ты за труд и опасность, чем раньше.
Два пятилетия тебя держала Галлия в битвах —
Мира ничтожный клочок. А теперь — хоть несколько стычек
285 Выиграй только — тебе вселенную Рим предоставит!
Ныне ведь пышный триумф твоего не украсит прихода,
И Капитолий теперь священного лабра не просит;
Зависть тебя обошла, — и вряд ли тебя не накажут
За покоренье племен! Но сбросить тестя с престола
290 Твердо твой зять порешил; разделить ты мира не можешь, —
Можешь владеть им один!». Призывом своим возбудил он
Новое рвенье к войне и сердце зажег полководца:
Так олимпийский скакун, побуждаемый криком, стремится
Вырваться прочь из оград, хоть еще заперта загородка,
295 Яростно ломится в дверь и ногами сбивает засовы.
Тотчас к знаменам зовет при оружии воинов Цезарь;
Взором суровым смилив смятенье взволнованных полчищ
И манозеньем руки тишину водворив, говорит он:
«О сотоварищи битв, испытавшие вместе со мною
300 Тысячи бедствий войны, — мы десять уж лет побеждаем:
Что заслужила нам кровь, пролитая на северных нивах,
Тяжкие раны, и смерть, и зимний под Альпами лагерь?
Рим не меньше кипит великим военным смятеньем,
Чем клекотал бы, коль вновь Ганнибал перешел бы чрез Альпы:
305 Силу могучих когорт пополняют кругом новобранцы;

- Рушатся всюду для флота леса; в морях и на суше
Цезаря велено гнать. Что, если бы эти знамена
Вражеский Марс одолел и с тылу нахлынули толпы
Галльских свирепых племен? Теперь, когда наши успехи
310 Множит судьба, и голос богов на подвиги кличет, —
Нас атакуют! Пусть вождь, расслабленный долгим покоем,
Набранных наспех ведет и сторонников, в тогу одетых, —
С ними болтливый Марцелл и Катоны — лишь имя пустое!
Что же? Иль долго еще покупные клиенты Помпея
315 Будут его пресыщать постоянною царскою властью?
Править ему ли триумф, хоть возраст еще не дозволил?
Он ли не сложит векв однажды захваченной чести?
Буду ль я ныне роптать на им угнетенные села,
Голод, им взятый в рабы? Кто не слышал, как войско смешалось
320 С форумом робким, когда мечей угрюмых сверканье
Судей испуганных вдруг окружило неожиданной оградой
И дерзновенный солдат закона святыню нарушил
В час, как Помпея отряд подсудимого запер Милона?
Так и теперь, чтоб не быть не у власти под старость, он хочет
325 Черную сеять войну, искушенный в смутах гражданских,
Он, в преступленьях своих превзошедший учителя Суллу.
Тигры свирепые так не смиряли векв свою ярость
В чаще Гирканской, стремясь по стопам матерей кровожадных.
Крови растерзанных стад отведавши в юности давней:
330 Так и тебя, Помпей, клинок у Суллы лизавший,
Вечная жажда томит! Ведь горло смочив хоть однажды.
Кровь не позволит векв укротить оскверненные пасти.
Где же предел обретет могущество долгое это?
Где преступлений рубеж? Так пусть же твой Сулла научит,
335 О нечестивец, тебя спуститься с этого трона!
Иль киликийцев разбив и Понтийское дряхлое царство
В битвах, насилию тогда законченных варварским ядом, —
Хочет Помпей, чтобы стал последним данником Цезарь,
Ибо победных орлов по приказу его не сложил я?
340 Если из рук у меня ускользнет моя мзда за лишение,

- Все же пусть этим бойцам, хоть вождя и лишенным, награда
Выдана будет: триумф с кем угодно да справит мой воин!
Денет куда же себя после войн бессильная старость?
Где отслужившим приют? Какие дадут им деревни,
345 Где бы пахал ветеран? Какое жилище усталым?
Иль предпочтешь ты, Помпей, земледельцами сделать пиратов?
Вверх, поднимайте же вверх знамена недавней победы!
Силы собрав, используем их! Справедливость поправший
Все отдает держащему меч! Нам боги помогут:
350 Ведь не ищу я себе ни добычи, ни царского трона:
Мы изгоняем владык из Рима, готового к рабству».
- Так он сказал: но, колеблясь, народ подымает неясный
Ропот, друг другу ворча. Благочестье, родные пенаты
Даже взволнованный дух и ум, одичавший в убийствах,
355 Поколебали; но вновь поджигает их злое влечение
Так же, как страх пред вождем. И вот заслуженный Лелий,
Первый центурион, увенчанный листьями дуба —
Этим почетным венком за спасенье в бою гражданина —
Громко воскликнул: «О вождь, полководец великого Рима!
360 Если по праву сказать мне можно правдивое слово,
Знай, — сожалеем мы все, что так твои силы сковало
Долготерпенье твое! Или к нам нехватало доверья?
Что ж? Пока жаркая кровь согревает дыханием тело,
Копья откуда метать умеют могучие руки, —
365 Граждан ничтожных терпеть и царство сената — тебе ли?
Или в гражданской войне побеждать — уж такое несчастье?
Нет, веди нас вперед, чрез враждебные отмели Сиртов,
Скопища скифских племен и жажду Ливийской пустыни:
Эта рука, чтоб весь мир за спиной покоренным оставить,
370 Поработила веслом Океана кипящие волны,
Северный водоворот одолела вспененного Рейна.
Я выполнять твой приказ и могу, и хсчу непременно!
Те не сограждане мне, на кого нас пошлют твои трубы,
Цезарь! Знаменами я десяти счастливых походов,
375 Каждым триумфом твоим над любым из врагов поглянуса:

- Если прикажешь мне меч вонзить в отцовское горло
Или же в братнюю грудь, иль в тяжелое чрево супруги, —
Выполнить этот приказ непокорную руку заставляю;
Если ограбить богов иль храмы поджечь мне прикажешь, —
380 Тотчас военный огонь охватит святыню Монеты;
Стан ли раскинуть велишь над волнами тусского Тибра —
В долы Гесперии я отважным приду землемером;
Стены какие бы ты ни замыслил повергнуть в равнинах, —
Камни развалит таран, направленный этой рукою,
385 До основанья снесет обреченный город, хотя бы
Это был Рим!». На речь откликнулись дружно когорты:
Руки подняв, обещали они сопутствовать в битвах
Всюду, куда ни пошлет. И к небу клики взнеслись
Будто фракийский Борей зашумел между сосен на Оссе,
390 Скалы бия и леса то низко к земле пригибая,
То воздымая их вновь вершинами гулками к небу.
Цезарь, увидев, что в бой солдаты радостно рвутся
Вслед за судьбой своей, не желает испытывать счастье
Долгой отсрочкой — и вот из галльских селений когорты
395 Вызвал и к Риму спешит, подняв отовсюду знамена.
Вот покидают бойцы шатры в котловине Лемана,
Стан над Восегом крутым на извилистом кряже, державший
В страхе лингонов народ — воинственный, с пестрым оружием;
Брошены броды у вод Исары, которая долго
400 Катится в русле большом, но, впадая в славнейшую реку,
Имени все ж своего не доносит до волн Океана.
Вот и давнишний постой уходит от русских рутенов;
Счастлив спокойный Атакс, что судов уж не носит латинских,
Этим доволен и Вар — Гесперии новой граница;
405 Также покинут и порт, божеством Геркулеса священный,
Стиснутый впадиной скал, — ни Зефира, ни Кора порывы
Вовсе не властны над ним; один только Киркий смущает
Бухты Монека покой, безопасную пристань колебля, —
Брошен сомнительный брег, который то суша, то море
410 Поочередно берут, когда Океан приливает,

- Или уносится прочь в безмерных потоках отлива.
Ветер ли с полюса так великое море там гонит
И оставляет, пригнав, иль Тефисы блуждающей волны
В смене лунных часов от второго светила бушуют,
415 Иль огненосный Титан, питая свой пламень волною,
Тянет наверх Океан и валы его к звездам возносит, —
Пусть отвечает, кто мудр в законах природы: навеки
Скрытой останется пусть причина столь частых движений,
Вызванных волей богов. Снимает с постоя знамена,
420 Кто у неметов живет и при бреге Атура, на взморье,
Там, где так мягко прибой принимает Тарбелльские струи;
И битуриг, и сантон удаленью врага веселятся,
И суессон под длинным щитом в движениях проворный.
Лучший в метаньи копья воитель из лезков и ремов,
425 Секваны — лучший народ в приручении коней непокорных,
Белг — управитель лихой пресловутой повозки — ковина,
Также арверн, что дерзнул назвать себя Лация братом
От илионских кровей, а также чрезмерно мятежный
Нервий, и племя, себя запятнавшее Котты убийством,
430 И вангион, шириною шальвар подражавший сарматам,
И первобытный батав, которого гнутые трубы
Медным хрипеньем бодрят; где Кинга быстриной несется,
Там, где Родан влечет поспешными волнами Арар
К морю, и там, где живет у вершин Кебенн неприступных
435 Пламя на горном хребте, нависшем скалой белоснежной,
Пашут равнины свои пиктоны свободные; дальше
Крепости жестким кольцом не сжимают подвижных туранов.
Праздно дряхлеет и анд в туманах твоих, Медуана,
И возрождается вновь в спокойных Лигера водах.
440 Славный избавлен Генаб от твоих союзников, Цезарь.
Также и ты, тревир, доволен боев отдаленьем,
Также и бритый лигур — когда-то соперник Косматой
В пышном убранстве волос, ниспадавших на шею и плечи;
Также и те, что привыкли поить человеческой кровью
445 Еза ужасный алтарь, или дикого в злобе Тевтата,

- Иль Тараниса, чей лик не добрей, чем у скифской Дианы.
Также, барды, и вы, векам сохранившие в гимнах
Сильные души мужей, загубленных жадной войною,
Распространили теперь, беспечные, множество песен.
- 450 Вы же, друиды, опять с окончаньем войны возвратились
К богослужениям злым и к варварским вашим обрядам.
Вам лишь дано познавать богов и небесную волю
Или не ведать ее; вы живете в дремучих дубравах,
Где не сияют лучи: по учению вашему тени
- 455 Не улетают от нас в приют молчаливый Эреба,
К Диту в подземный чертог: но тот же дух управляет
Телом и в мире ином; и если гласите вы правду,
Смерть посредине лежит продолжительной жизни. Народы
Северных стран, в ошибке такой, должно быть, блаженны,
- 460 Ибо несноснейший страх — страх смерти их не тревожит.
Вот и стремится солдат навстречу мечу и охотно
Гибель приемлет в бою, не щадя возвращаемой жизни.
Также и вы, что войной усмирять косматых кайков
Посланы, мчитесь на Рим, покидая дикого Рейна
- 465 Берег и бросив страну для всех народов открытой.
Цезарь, как только ему бесчисленность собранной силы
Смелость в дерзании дала, по Италии всей разливаясь,
Стены ближайших к нему городов наполняет войсками.
Всюду пустая молва к справедливым прибавилась страхам,
- 470 Душу народа смутив и заранее считая убытки,
Вестницей будущих войн промчалась и вдруг развязала
Много пустых языков, распускавших ложные слухи.
Кто-то доносит уже, что дерзкие турмы в сраженье
Рвутся туда, где лежат быконосной Мевании земли,
- 475 Или что варварский строй союзников Цезаря бьется
Там уж, где Нара поток впадает в течение Тибра;
Сам же, неся всех орлов и собрав все знамена, ведет он
Не одинокий отряд, а густыми колоннами войско.
Видят его не таким, каким его помнили; бóльшим,
- 480 Вдвое грознейшим, чем враг им поверженный, кажется Цезарь.

Следом за ним племена, что меж Рейном и Эльбою жили,
Те, что от северных стран, от отчизны отторжены силой,
Рвутся, приказ получив, разграбить свирепой ордою
Город у всех на глазах. Так каждый в смятении сердца
485 Силу молве придает и, хоть нет виновника бедствий,
Выдумав беды, дрожит. Не только народ потрясенный
Страхом встревожен пустым; но курия также — и с места
Все повскакали отцы, — и сенат, обратившийся в бегство,
Консулам вмиг о войне декрет ненавистный вручает.
490 Где-то защиты ища, не зная, где скрыта опасность,
В ужасе мчится сенат, куда его бегство уносит,
И прорывает, стремясь, бесконечные толп вереницы,
Загородившие путь; подумаешь — факел злодейский
Кровли строений поджег, иль домов поколебленных стены
495 Им разрушеньем грозят. Несется толпа, обезумев,
Мчится по Риму бегом, как будто одна ей осталась
В бедах надежда — скорей родимые стены покинуть,
Так, когда яростный Австр у Сиртов Ливийских вздымает
Моря безмерную гладь, и крылатые мачты, ломаясь,
500 Тяжко грохочут, — в прибой кидается, судно бросая,
Кормчий, матросы за ним, и хотя еще целы закрепы
Дна и бортов корабля, но, волнуясь, кораблекрушение
Каждый себе создает; вот так, столицу покинув,
Сами бегут на войну. Уже никого не удержат
505 Ни престарелый отец, ни жена своей скорбной мольбою,
Или же лары отцов, кому о неверном спасеньи
Люди возносят мольбы; на пороге никто не замешкал,
Всякий уносится прочь, на город любимый, быть может,
Кинув последний взор; невозвратные катятся толпы!
510 Вышние блага легко вы даете, о боги, — но трудно
Вам этот дар защищать! Приют побежденных народов,
Многих семейств и племен, сей город, вместительный даже
Для человечества, — вдруг стал Цезарю легкой добычей,
Брошен трусливой толпой. Когда, окруженный врагами,
515 Рима отважный боец в чужих укрепляется странах,

- Он нападений ночных избегает за валом ничтожным,
Или дерновый бугор, для защиты накиданный наспех,
Сон доставляет ему беспечный под кровом палатки;
Ты же, о Рим, опустел при одном только слухе о битвах;
- 520 Жители стенам твоим не доверили ночи единой!
Следует все же простить такую понятную робость:
Страшен Помпея уход. И чтоб никакая надежда
Трепетных душ не зажгла, в те дни были явные знаки
Судеб ужасных даны; предвестьями грозными боги
- 525 Всюду наполнили тут и сушу, и воздух, и море.
Людам во мраке ночном неизвестные звезды являлись.
Видели небо в огне и наклонно летящее пламя
Факелов в тверди пустой, и комету зловредную, страшно
Космами гривы своей земным грозящую царствам.
- 530 Частые молний огни сверкали в обманной лазури,
Всюду в эфире густом разнovidный огонь появлялся:
То копыа полоса, то лампада с разлитым сияньем
С неба блистали. Без туч молчаливые вспышки зарницы
С севера мчали свой блеск, поражали столицу латинов,
- 535 И озарявшие встарь лишь пустынное время ночное,
Малые звезды теперь среди ясного дня загорались,
Феба же, сдвинув рога и всем диском своим отражая
Светлого брата лучи, внезапно свой лик омрачила
И погрузилась во тьму, покрытая тенью землею.
- 540 Даже Титан, главу вознеся на средину Олимпа,
Мрачную тьмою закрыл пылающий жар колесницы,
Сумрак навел и весь мир отчаяться в свете заставил:
Все племена говорят, когда вспять повернулось солнце,
Точно такую же ночь Фиестовы зрели Микены.
- 545 Лютый Вулкан отворил сицилийской Этны провалы,
Но не вознес в небеса свой пламень, с покатой вершины
Вылив огни на поля Гесперии; в безднах Харибды
Черной бурлило тогда кровавое море, собаки
Подняли жалобный лай. И, жертвенник Весты покинув,
- 550 Пламя, давая понять, что праздник латинов окончен,

Стало раздельным теперь и двойным языком поднялося,
Будто фиванский костер. Земля на оси опустилась,
И погрузилась во тьму, покрытая тенью земною.
Альпы. Огромной волной залила гесперийскую Кальпу
555 И высочайший Атлас, моря всколыхнувши, Тетиса.
Слышали мы, что боги отцов слезу истечали,
Ларов холодный пот был свидетельством римских страданий,
Падали в храмах дары, зловещие птицы мрачили
День и, покинув леса, средь ночи дикие звери
560 Неустрашимы ничем, ложились на улицах Рима.
По-человечьи тогда языки бормотали животных,
Люди рождали детей безруких, чудовищных видом,
И ужасал свою мать ребенок, на свет появившись;
Кумской сибиллы тогда носились в народе заклатья
565 Грозные. Славя богов и тряся окровавленной гривой,
Галлы и те, кем в бреду свирепая движет Беллона,
Резали руки себе и пугали народ зазываньем.
Стон поднимали глухой костями полные урны.
Слышался гул голосов и бряцанье оружия в чашах,
570 И земледел, пахавший поля за чертой городской,
В ужасе прочь убегал, увидев поблизости призрак.
Возле стены городской Эриния грозно кружила
И, потрясая сосной с горящей вершиной, шипела
Змеями черных волос: Эвменида фиванку Агаву
575 Так же гнала и топор направила злого Ликурга,
Так был испуган Алкид по приказу враждебной Юноны
Страшной Мегерой тогда, когда он уже видел Плутона.
Трубы звучали, и ночь для чуткого слуха гудела
Криком когорт боевым. Посредине Марсова Поля
580 Людям являлись не раз и маны возникшие Суллы,
Риму вещавшие скорбь, а у хладной волны Аниена
Марий, гробницы лишен, главу над землей приподнявши.
Пахарей видом своим обращал в торопливое бегство.
Вот и решили тогда призвать, по обычаям древним,
585 Тусских пророков. Из них, старейший по возрасту, Аррунс

- В Луке покинутой жил; он знал движение молний,
Были понятны ему и внутренность теплая жертвы,
И предвещанье крыла летящей по воздуху птицы;
Прежде всего он велел чудовищ, рожденных природой
590 В темном смятении сил и без всякого семени, — тотчас
Жечь на зловещем огне, как плод нечестивого чрева.
Далее он приказал испуганным гражданам город
Весь обойти, а жрецам, очищающим жертвою стены —
Ибо им власть вручена священные таинства ведать, —
600 За рубежом пустырей пройти по далекому кругу.
Младших служителей сонм, опоясанных словно габийцы,
Следом идет, как и хор весталок с повязанной жрицей,
Коей единой дано троянскую видеть Минерву;
Дальше — хранители книг и тайных вещаний Сибиллы;
610 Те, что в Алмоне-ручье ежегодно Кибebu купают,
Авгур ученый средь них, наблюдавший птиц благодатных,
Также священных пиров блюститель и Титово братство,
Пляшущий салий, щиты несущий на шее, а рядом
В жреческой шапке своей с головой благородною фламин.
620 Так вот обходят они извивами долгими город,
Аррунс же тою порой огни рассыпанных молний
В кучу собирает и их хоронит с шопотом мрачным,
Место при этом свята; потом к алтарю он подводит
С гордою шеей быка. И вот уж вино начинается
630 Лить он и соль посыпать своим ножом искривленным;
Долго противится тут неугодному таинству жертва,
Но, наконец, ей рога служители вниз пригибают,
И на коленях она подставляет бессильное горло.
Но не обычная кровь заалела: из раны широкой
640 Льется зловещая слизь вместо крови багряных потоков.
Аррунс тогда побледнел, пораженный знаком зловещим:
Ищет он, жертву разъяв, объяснения гневу всевышних.
Здесь испугала жреца и самая внутренность жертвы:
В пятнах была она вся, и холодная кровь загрязняла
650 Мерзкой своей синевою в изобилии темное мясо.

- Видит он печень в гною, а на части зловещей открылся
Ряд угрожающих вен. Хрипящего легкого жила
Скрыта, и тонкая грань разделила органы жизни.
Мертвое сердце лежит, и желудок в зияющих язвах
625 Жидкость гнилую точит, и кишки тайники раскрывают.
То роковое, чего никто безнаказанно видеть
В недрах не мог, — явилось ему: вот жила срослася
С устьем жилы другой; часть хворая вяло повисла,
Часть же другая блестит, и бьются вены чрезмерно.
630 Только лишь он увидал эти знаки великих несчастий, —
Вскрикнул: «О боги, могу ль открыть я ныне народу
Замыслов ваших пути? Не тебе, всевышний Юпитер.
Эту я жертву принес: нет, адские боги вселились
В мертвые недра быка! Но я не предвестий боюсь:
635 Большие страхи грядут! Да пошлют нам доброе боги,
Жилам да не дадим мы веры: Тагет их измыслил —
Изобретатель волшбы». Так туск возглашал, извращая
Знаки дурные судьбы, в околичностях истину пряча.
Фигул, которому знать богов и таинства неба
640 Было дано и светил исчислять круговое движенье,
Кто в наблюдении звезд был острей, чем египетский Мемфис, —
Молвил: «Иль кружится мир в веках безо всяких законов
И в беспорядке течет планет небесных движенье, —
Иль, если движет их рок, — то Риму и роду людскому
645 Близкая гибель грозит. Не земля ли разверзнется разом
И города поглотит? Иль засуху ветер навет? —
Иль вероломно посев уничтожат бесплодные нивы?
Или повсюду вода смешается с ядом разлитым?
Людям ущербом каким, какою чумою, о боги,
650 Муки готовите вы? Один и тот же для многих
День роковой наступил. И если бы в небе высоком
Вредный свой пламень зажгла звезда ледяная Сатурна,
Пролил бы вмиг Водолей потоки Девкалиона,
И потонула б земля в пучине разлившейся моря.
655 Если бы лютого, Феб, Немейского льва ты лучами

Ныне преследовать стал, потекли бы по миру пожары,
И подожженный эфир под твоей запылал колесницей.
Но ведь бессильны теперь эти звезды! А ты, Скорпиона
Пламенем жгущий Градив — с его грозным хвостом
и клешнями, —

660 Что нам готовишь беду? Ибо добрый Юпитер к закату
Клонится с горних высот, и целительный светоч Венеры
Меркнет, и, быстрый, свое замедляет движенье Киллений, —
Небом владеет лишь Марс. Почему же свой бег изменили
Звезды и мчатся теперь затененные в круге вселенной?

665 Грудью своей чересчур Орион меченосец сверкает.
Близится ярость войны и власть меча разрушает
Всякого права оплот, беззаконию и преступлению
Доблести имя дано, и безумие это продлится
Множество лет. Что пользы просить у богов окончания?
670 Мир с властелином придет. Вереницу потерь непрерывных,
Рим, бесконечно терпи и познай на многие годы
Беды гражданской войны, для нее разнуздав свою ярость!».

Те предсказания на люд уж достаточно страха нагнали;
Но возрастает боязнь. Ибо так же, как с Пинда вершины,
675 Хмелем Лиеня полна огигийским эдонянка мчится, —
Так, ужасая народ, несется по Риму матрона,
Криком взывая таким к теснящему грудь ее Фебу:
«Мчусь я куда, о Пеан? Пронеся сквозь море эфира,
Где ты опустишь меня? Пангею снежную вижу
680 С белым хребтом и равнину Филипп под кряжами Гема.
Феб, отколь этот бред? Зачем и оружие, и руки
В римском смешались строю и без недруга битва пылает?
Есть ли, куда мне бежать? Ты ведешь меня в страны Востока,
Где перекрашен прибой потоком лагейского Нила:
785 Там на речном берегу безголовое тело я вижу
Возле воды. Я несусь через море коварное Сирта
В пламень ливийский, куда увлекла Эмафийское войско
Мрачная власть Эпио. Теперь я лечу над холмами
Облачных Альп, над воздушным хребтом Пиренеез высоких.

- 490 Снова в жилище отцов возвращаюсь я, в город родимый:
Даже и в самый сенат нечестивые вторглись битвы,
Партии вновь восстают, — и обратно иду я по миру.
Дай мне увидеть, о Феб, морей неизведанных берег,
Новую землю узнать; уже я видала Филиппы!».
495 Так прокричала она и упала без сил от припадка.

КНИГА ВТОРАЯ

- Явлен уж божеский гнев и войны очевидные знаки
Мир обнаружил очам: законы и строй мироздания
Свергла, в предвестии зла, чудовищ рождая, природа
И прорекла о грехе. Зачем, о правитель Олимпа,
8 Множить тревогу людей и смущать их новой заботой,
В грозных пророчествах им открывая грядущую гибель?
Или вселенной отец, творя первозданное царство,
Грубой материи ком, когда позволило пламя,
Создал навек и закон, который, всем управляя,
10 Держит творца самого в предначертанном беге столетий,
Мир ограничив чертой всегда неизменного рока;
Иль предрешенного нет, но неверная бродит Фортуна,
Вечно смены внося, и смертными случай владеет;
То, что готовишь, творец, да свершится внезапно; пускай же:
12 Люди не видят судьбы, и останется трусу — надежда.
В дни, когда каждый узнал, какими невзгодами Риму
Воля всевышних грозит, — и суд и закон по столице
Замер. Сановники все под плебейское платье укрылись,
И перестал провожать одеянья пурпурные ликтор.
20 Жалобы стихли в те дни, и над всеми витала безгласно
Неизмеримая скорбь. Так при первом призыве смерти
Дом пораженный молчит, когда причитаний над телом
Не начинали еще, и мать, волосы распустивши,
Не призывает рабынь к раздирающим сердце стенаньям,

- 26 Но коченеющий труп, покидаемый жизнью, обнявши,
В лик бездыханный глядит и в глаза, омраченные смертью.
Это еще не печаль, но один только страх: обезумев,
Злу лишь дивится она. Матроны бывшие наряды
Сняли с себя и угрюмой толпой переполнили храмы.
30 Слезы струили одни пред богами, другие же льнули
Грудью к жесткой земле, на священном пороге в смятеньи
Космы волос разметав; и уши, привыкшие слышать
Тихие звуки молитв, внимали неистовым крикам.
Жены не все, как одна, к алтарю Громовержца припали,
- 35 Но поделили богов; и возле каждого храма
Льются хулы матерей; из них одна причитала,
Щеки себе изодрав и грудь ударяя рукою:
«В грудь колотите себя, несчастные матери, ныне,
Волосы рвите себе, печали своей не гоните

- 40 В чаяньи больших скорбей: теперь-то и воля нам
плакать,

Ибо меж двух вождей колеблется счастье: взликуем,
Если один — победит». Так горе себя разжигало.

Так и мужья, отбывая в различные станы,

Лили на грозных богов справедливых жалоб потоки:

- 45 «О, как тяжел наш удел! Зачем не во время пунийцев
Мы родились, чтобы стать у Требии, в Каннах бойцами?
Боги, не мир мы зовем: разожгите вы гнев в иноземцах,
Дикие страны подняв. Племена да сольются в оружьи!
Из Ахеменовых Суз да ринутся орды мидийцев!
50 Скифского Истра поток да не свяжет пути массагетам,
С севера Эльба пускай и строптивого Рейна истоки
Русых нам свебов пошлют. Врагами нас сделайте, боги,
Всем пламенем на земле: но спасите от смуты гражданской!
Дак пусть оттоле теснит, а геты отсель; на иберов
55 Да поспешает один, а другой — против луков восточных.
Рим, пусть все силы твои не останутся праздными. Если ж
Боги хотят погубить Гесперии славу — да рухнет
На землю твердь непрерывным дождем из огненных молний.

Грозный отец, порази обе стороны вместе с вождями,
60 Не дожидаясь вины. Неужели же в новых злодействах
Будут решать они спор, — чья власть утвердится над миром
Вряд ли ведь стоило им начинать гражданские войны,
Чтоб не царил ни один». К отчизне любовь изливала
Пени предсмертные так; у родителей — скорби иные:
85 Тяжкий свой рок проклинали они — живучую старость,
Годы, продленные им для нозых гражданских раздоров.

В прошлом примеров ища дням ужаса, старцы ворчали:
«Судьбы готовили нам не меньшую, помнится, смуту
В дни, как тевтонов разбив, ливийских побед триумфатор —
73 Марий-изгнанник скрывал главу в тростниках на болоте.
Жадные топи тогда поглотили в глубоких трясиных
Ценный твой клад, о Судьба: но вскоре железные цепи,
Долгая мерзость тюрьмы разъели плененного старца.
Консул счастливый, на смерть обреченный в разграбленном
Риме,

75 До преступленья понес наказание. Смерть многократно
Мужа бежала, и враг напрасно держал в своей власти
Ту ненавистную кровь. Кто первый убить его вздумал, —
Из цепенеющих рук оружие выронил в страхе:
В мрачной темнице он вдруг увидел блистание света, —
80 Страшные боги злодейств и будущий Марий предстали;
И услышал он, дрожа: «Не дано тебе права коснуться
Этой главы; старику суждено до собственной смерти
Многих людей умертвить: усьми бесполезную ярость!
Если угодно отмстить за гибель племен истребленных,
85 Кимвры, храните его! От великого гнева всезышних
Лютый старик огражден не милостью неба благого:
Он — лишь помощник судьбы, несущей крушение Риму».
Был он гоненьем морей на вражеский выброшен берег,
Долго в чужой стороне меж покинутых хижин скитался,
90 В царстве Югурты пустом, над которым он правил триумфы.
Пепел пунийский топча. Тогда примирились с судьбою
Марий и враг-Карфаген; одинаково лежа во прахе,

Оба претили богам. Но как только вернулась удача,
Ливии гнев воедино собрал, рабѡв отпустивши,
95 Марий, и, цепи разбив, отворил невольничьи тюрьмы.
Но не взерял никому своих знамен полководец,
Кроме преступных людей, давно искушенных в злодействе,
Полнивших лагерь его беззаконием. Грозные судьбы!
Что за ужасный был день, когда победительный Марий
100 В город ворвался, и к нам свирепая гибель примчалась!
Чернь умирала и звать, мечи широко разгулялись,
И ни единую грудь не щадило глухое железо.
В храмах стояла кровь; и алели скользкие камни
Влагой обильных убийств. Не спасал человека и возраст:
105 Старцу в преклонных летах злодей ускорял без зазора
Смертного часа приход, иль ребенку несчастному гнусно
Нить судьбы обрывал на пороге начавшейся жизни.
О, за какие грехи достойны убийства младенцы?
Если ты смертен — умри! Сама по себе увлекает
110 Ярость. Виновных искать — напрасная времени трата.
Большая часть погибала толпой. Победитель кровавый
Головы жертвы своей уносил от безвестного тела,
Ибо стыдился итти с пустыми руками. Единой
Было надеждой — дрожа, целовать обгавленную руку.
115 О, развращенный народ! Хоть за знаменем новым несутся
Тысячи лютых мечей, — даже почесть на долгие годы
Так не оплатят мужи, а не то что позор свой короткий —
Жизнь на тот срок, пока вновь не придет к нам Сулла. Кто
сможет
Столько оплакать смертей? О Бебий, которому чрево
120 Вырвали толпы убийц, чье тело они окружили
И разорвали в клочки! Или бед прорицатель Антоний,
Чья голова, поседелых волос бахромою свисая,
Кровью сочилась, когда на праздничный стол ее бросил
Воин! Фимбрия там растерзал обезглавленных Крассов.
125 Страшный застенок тогда обгарился кровью трибуна.
Сцевола, также тебя, презрев оскорбленную Весту,

- Дерзкий зарезал злодей возле самых святилищ богини,
Близ ее вечных огней: но хилая старость из горла
Крови не много пролив, не смогла угасить это пламя.
- 130 Марий, в седьмой уже раз возвратил себе консула связи:
Здесь его жизни предел; он все перенес, что Фортуна
Злейшая может послать, и лучший свой рок испытал он.
Все он измерить сумел, что дает человеку судьбина.
Сколько уже мертвецов лежит у Священного порта?
- 135 Толпы какие легли у Коллинских ворот в эту пору —
В дни, когда места едва державная мира столица
Не изменила, и был самнит исполнен надежды
Рим опозорить сильнее, чем когда-то в Кавдинском ущельи?
Мстителем Сулла пришел, избиенья безмерные множа.
- 140 Он из столицы тогда ничтожный крови остаток
Вычерпал; руки его, отсекая загнившие члены,
Зло истребляя, чрез край свое завели врачеванье, —
И разрасталась болезнь: от меча погибали злодеи;
Но уцелеть в эти дни одни лишь злодеи умели.
- 145 Ненависть волю тогда получила, и вырвалась злоба,
Сбросив закона узду. Не один творил беззаконье, —
Каждый его создавал. И раз навсегда преступленье
Правилом вождь объявил. Коварный кинжал свой вонзает
Раб господину в живот; запятнаны кровью отцовской
- 150 Дети, и спорят о том, кому завладеть головою.
Братья назначить спешат продажную цену за брата.
Склепы полны беглецов, и тела живые смешались
С трупами мертвых; людей не вмещают звериные логи:
Этот, накинув петлю на горло, себя удушает;
- 155 Бросившись в пропасть, другой расшибает о твердую землю
Тяжкое тело свое; из рук победителя грозных
Смерть похищают они; а третий — костер погребальный
Сам себе строит из дров и, пока еще кровь не иссякла,
Прыгает в жаркий огонь, чтоб сгореть, пока еще можно.
- 160 Головы знатных несут по смятенному Риму на копьях,
В кучу на форум кладут: и здесь открывается людям

- Тайных убийств череда. Не видала таких злодеяний
Фракия в стойлах коней на дворе у царя Бистониды,
Ливия — подле ворот Антея; и Греция в скорби
165 Стольких растерзанных тел во дворце не оплакала Писском
Так как тела уж гниют, и время давно исказило
Лица родных мертвецов, — родители робкие тщатся
Трупы тайком подобрать к головам, узнаваемым трудно.
Помню, я сам, желая сложить в запретное пламя
170 Голову брата, искал среди мертвечины и тлена
Тело его и смотрел все трупы сулланского мира.
Пробовал я без конца, к какому обрубку могла бы
Ты, голова, подойти. Расскажу ли, как Катула призрак
Кровью хотели смирить? Пал жертвой несытой могилы
175 Марий, хоть может быть он нечестивым явился даяннем —
Жертвой, способной снискать лишь одно отвращение тени.
Видел я, были его суставы разорваны, тело
Раной казалось сплошной, — но хоть страшно и был он истерзан,
Смерть не касалась души; безмерность жестокости лютой
180 Хочет продлить ему жизнь для новых неслыханных пыток.
Отняты руки от плеч, и язык, изъятый из глотки,
Дико трепещет и бьет немym содроганием воздух.
Уши срезает один, другой — орлиного носа
Ноздри, а третий глаз выдирает из впадин глубоких, —
185 Гасит последний их взор, ужасавшийся членам разъятым.
Трудно поверить теперь, чтоб могла столько мести свирепой
Вынести одна голова. Под рухнувшей грудой развалин
Члены мешаются так, раздроблены тяжестью страшной;
Меньше истерзана плоть в пучине морской утонувших,
190 К скалам прибитых волной. Что пользы было лишаться
Плода побед и Мария лик безобразить, как вору?
Сулла не может уже насладиться убийством и жертвой,
Не узнавая ее. Фортуна в Пренесте узрела
Всех поселенцев своих, без разбору мечом перебитых,
195 Свой созерцала народ, одновременной смертью погибший.
Это Гесперии цвет, последние Лация дети

- Сгнули, кровью залив Озилии жалкого Рима.
Были примеры тому, что стольких юношей сразу
Голод косил или ярость морей, или землетрясенье,
200 Беды небес и земли, войны кроважадной потери, —
Только ни разу не казнь. Победителей грозные руки
Двигались ныне с трудом в толпе, обескровленной смертью.
В месиве плотном людей, убитый не мог повалиться, —
Стоя, мотал головой расслабленной: падал он вместе
205 С кучей других мертвецов; палачам помогали в убийстве
Трупы: живые тела они своим грузом давили.
Но без смущенья взирал с высоты созерцатель спокойный
Этих великих злодейств: без совести толпам несчастным
Он повелел умирать. И глубь Тирренского моря
110 Всех мертвецов приняла, накиданных Суллою густо.
Первые падали в Тибр, на них остальные валились.
Быстрые стали челны и, прерваны грудой кровавой,
Нижние воды реки укатились в пучину морскую,
Верхние — прудом легли перед этой огромной преградой.
215 Кровь проложила пути и, широко по лугу разлившись,
К Тибру ручьем прорвалась, помогая стесненным потокам:
Вот уж ни русло, ни берег сдержать не могут напора, —
Вдаль по лугам и полям расплываются трупы убитых;
Крови поток, наконец, к Тирренскому морю пробился —
220 И разделилась лазурь полосой багровой теченья.
Этим ли Сулла снискал Победителя сан и Счастливица
И надмогильный курган посредине Марсова поля?
Все это вновь придется терпеть: таков неизменный
Ход гражданской войны: и смута закончится этим.
225 Впрочем, грозят нам теперь тягчайшие ужасы, гибель
Злейшую ныне несут усобицы роду людскому.
Изгнанным Мариям был ценнейшей военной добычей
Им завоеванный Рим. А Сулла извлек из победы
Как величайший трофей — истребленье врагов ненавистных.
230 Ныне к иному борцов ты кличешь, Фортуна: столкнулись
Властные в прошлом вожди: ни один войны не затеет

С целью, о Сулла, твоей». Так плакала скорбная старость,
Страх вспоминая былой и грядущей беды опасаясь.

- Только не мог омрачить чело прямодушного Брута
- 235 Ужас, и Брут не делил смятенья и страха с народом,
Бившимся в жалобах злых; однажды он ночью глухою,
В час, когда звездная ось Паррасийской Гелики склонилась,
В скромную дверь постучал своего родного — Катона.
Мужа застал он без сна, удрученного общей невзгодой,
- 240 Рима бедой и судьбой, в тревоге за участь сограждан,
Но без забот о себе. И речь к нему Брут обращает:
«Ты, о последний оплот добродетели, древле гонимой,
Изгнанной всюду теперь, — тебя никаким возмущеньем
Судьбы ее не лишат! Наставь мой слабеющий разум,
- 245 От колебанья избавь узеренной силой свою.
Пусть за Помпея одни, за Цезаря встанут другие:
Бруту единственный вождь — Катон. Пребудешь ли в мире,
Шествуя твердой стопой сквозь смуты тревожной вселенной?
Иль в преступленья вождей и в раздоры народа вмешавшись,
- 250 Междоусобную брань ты решил оправдать соучастьем?
Каждого в мерзость войны свои увлекают причины:
Тех — опороченный дом, закон, при спокойствии страшный,
Этих — возможность прогнать оружием голод, в разгроме
Общем о чести забыв; но никто не всюет от злобы:
- 255 Все за добычей идут. Неужели один только будешь
Бой ради боя любить. Для того ль ты так долго крепился,
Был непорочен душой среди развращенного века.
В этом ли ты обретишь награду за долгую доблесть?
Примет виновных война, а ты в ней станешь виновным!
- 260 Нет, рокового меча не дозвольте коснуться, о боги,
Этой почтенной руке: и брошено дланью твою,
Да не взнесется копьё среди тучи слепого оружия!
Да не падет ни вовек столь высокая доблесть! Всей брани
Ляжет исход на тебя. И кто не захочет в сраженьи
- 265 Смерть от Катона принять, кто, хоть раненый чуждой рукою,
Не назовет убийцей — тебя? Влачи на покое

- Свой безоружный досуг: так звезды небесные вечно
Без потрясений текут своей чередой постоянной, —
Воздух же, близкий к земле, пылает сверканием молний.
- 270 В долах бушуют ветра и дождя огневого потоки, —
Но повеленьем богов Олимп над тучами блещет:
Распри ведет лишь то, что ничтожно; то, что велико, —
Свой сохраняет покой. С каким ликованием Цезарь
Встретит участие в боях такого, как ты, гражданина!
- 275 Не пожалеет он, нет! если, дав предпочтенье Помпею,
К стану врага ты примкнешь. Он безмерно полюбит Катона,
Если полюбишь ты брань. Сам консул и знати немало,
Чуть ли не весь Сенат с вождем отставным пожелали
Эту войну раздувать: прибавь же ты к ним и Катона,
- 280 Вместе с игом Помпея; тогда во вселенной свободным
Будет лишь Цезарь один. Но если захочешь оружие
Ты за отчизну поднять, закон защищать и свободу, —
Брут ни Помпею врагом, ни Цезарю ныне не станет:
Будет он после войны врагом победителю». Молвил.
- 285 И отвечает Катон такими словами пророка:
«Злом величайшим, о Брут, мы считаем гражданские войны,
Но за своею судьбой беззаботная доблесть влечется.
Будет виною богов, если стану и я душегубом.
Кто пожелает смотреть на крушение миров и созвездий,
290 Сам не волнуясь ничуть? Кто сложит ленивые руки
В час, когда рушится твердь, земля расступается, горы
Сшиблись, обломки смешав? И если помчатся народы
Буйству Гесперии вслед, если к римским знаменам пристанут
Дальнего моря цари, под звездою рожденные чуждой, —
295 Буду ли праздным — один? Отвратите, о боги, безумье,
Да не приму я шутя под натиском дагов и гетов
Рима погибельный день! Так, сына лишившись, родитель
Осиротелый идет — и ему провожать погребенье
Скорбь до могилы велит; он рад похоронное пламя
300 Собственноручно разжечь и к сложенной куче поленьев
Факел угрюмый поднести. Оторвать меня смогут не раньше,

- Чем обниму я, о Рим, твой труп: и твою, о Свобода,
Невоплощенную тень провожать я буду до гроба!
Так да свершится: весь Рим себе в жертву враждебные боги
305 Требуют: крови ничьей мы у жадной войны не отнимем.
О, если б вышним богам и Эребу явилось угодным
Эту главу осудив, предать ее всем наказаниям!
Деций себя обрек и раздавлен был вражьей толпою;
Пусть же меня поразят оба лагеря; стрелами Рейна
310 Варваров орды пронзят: пролагая сквозь копья дорогу,
Смело приму на себя всей битвы кровавые раны.
Всех людей искупи, моя кровь: пусть это убийство
Тяжкую пеню сотрет, заслуженную римским разворотом.
Но для чего погибать народам, податливым к игу,
315 Любящим жесткую власть? Меня лишь мечом поразите —
Воина призрачных прав и напрасного стража законов!
Смерть эта мир принесет, конец трудам и страданиям
Всех гесперийских племен: властителю после Катона
Незачем будет война. Почему не поднять за Помпея
320 Знамя общественных сил? Если будут с ним ласковы судьбы,
Это не значит еще, что во зло свое право над миром
Он обратить порешил: пусть со мной, как с бойцом, побеждает
Но не присвоит плодов!». Сказал; и острым стрекалом
Гнев он тогда возбудил и юноши пыл безрассудный,
325 В сердце его заронив к усьобице страстную жажду.
Феб между тем разогнал холодные сумерки утра,
С шумом раскрылася дверь: непорочная Марция, ныне
Сжегши Гортенсия прах, рыдая, вбежала к Катону;
Некогда девой она разделила с ним брачное ложе, —
330 Но, получив от нее трех потомков — награду супруги, —
Отдал пенатам другим Катон ее плодovitость,
Чтобы два дома она материнскою кровью связала.
Здесь, — ибо урна теперь Гортенсия пепел сокрыла, —
С бледным от скорби лицом, волоса по плечам распустивши,
335 В грудь ударяя себя непрерывно рукой исхудалой,
Пепел сожженья неся, сейчас она так восклицала,

- Только печалью своей желая понравиться мужу:
«В дни, когда жаркая кровь, материнские силы кипели,
Я, повинувась тебе, двух мужей, плодородная, знала.
- 340 С чревом усталым теперь, я с исчерпанной грудью вернулась,
Чтоб ни к кому не уйти. Верни договор нерушимый
Прежнего ложа, Катон; верни мне одно только имя
Верной жены; на гробнице моей да напишут — «Катона
Марция», — чтоб века грядущие знали бесспорно,
- 345 Как я, тобой отдана, но не изгнана, мужа сменила.
Я к тебе прихожу не как спутница радости или
Счастья: иду для забот — разделить и труды, и лишения.
В лагерь позволь мне пойти: безопасность и мир для чего мне?
Будет ли ближе меня Корнелия к битвам гражданским?».
- 350 Внял этой речи Катон; и хоть чуждо суровое время
Брачному ложу, и рок скорей на войну призывает
Он порешил заключить договор и без пышности праздной
Строгий обряд совершить, призвав во свидетели вышних.
Здесь вязеницы цветов не висят, как в праздник, у входа,
- 355 И на дверных косяках не белеет, спускаясь, позязка;
Свадебных факелов нет, не на ножках из кости слоновой
Ложе стоит, и покров золотым не сияет узором;
Не запрещает жена, осениз венцом башненосным
Юной невесты чело, касаться стопою порога.
- 360 И покрывала багрец, защищающий стыд новобрачной,
Не закрывает сейчас головы, боязливо склоненной;
Пояс в камнях дорогих не стянул широкой одежды,
Шее достойного нет ожерелья, и с плеч не свисает,
Только предплечья укрыв, с рукавами короткими платье.
- 365 Нет! Но супругой была, сохраняя наряд свой печальный,
Так же, как мать сыновей, обнимала заботливо мужа.
Пурпурной шерсти краса под скорбною тканью скрывалась.
Шуток обычных здесь нет; не рассеет угрюмого мужа
Праздничный шум за столом по обычаю древних сабинов.
- 370 Не было подле семьи, не сошлись на свадьбу родные:
Так обвенчались в тиши, довольствуясь Брутом за свата.

Космы Катон запустил на своей голове непорочной
И на суровом лице запретил появляться веселью;
С дня, как впервые узрел оружие яростной брани,
375 Стричь перестав, седины спустил на лоб непреклонный
И борода у него отрастала как знаменье скорби.
Время имел только он, лишенный пристрастия и гнева,
Весь человеческий род оплакивать. К старому ложу
Не прикоснулся он вновь; даже праведной связи враждебна
380 Воля его. Таковы и нрав, и ученье Катона:
Меру хранить, предел соблюдать, итти за природой,
Родине жизнь отдавать; себя неуклонно считал он
Не для себя одного, но для целого мира рожденным.
Пир его — голод смирить; чертога великолепье —
385 Крышу иметь над собой в непогоду; богатое платье —
Грубую тогу надеть по обычаю римских квиритов.
Да и в утехах любви лишь одно продолжение рода
Он признавал. Был он Риму отцом, был Риму супругом:
Чести незыблемой страж; справедливости верный блюститель;
390 Общего блага борец; ни в единый поступок Катона
Не проникало вовек, чтобы тешить себя, сластолюбье.
Тою порою Помпей, отступая поспешно с войсками,
В город кампанский вошел — поселенца дарданского стены.
Здесь укрепиться решил; и отсюда, навстречу движенью
395 Цезаря, выслал вперед отрядов рассеянных части, —
Там, где тенистый хребет Апеннин в холмы превращает
Глубь италийской страны и вздымает великие горы,
Главы которых порой высоты достигают Олимпа,
Горная тянется цепь, отделяя от Нижнего моря
400 Верхнего моря простор, и холмы укрощают смятенье
Здесь — Тирренских валов, омывающих отмели Писы,
Там — Далматинских пучин, грозящих Анконе прибрежной.
Влагой обильных ручьев здесь полнятся быстрые реки
И изливаются в два протизоположные моря.
405 Влево оттуда текут — Метавр, стремительный в беге,
Бурный Крустумия ток, с Исавром слившийся Сапис,

- Сена и быстрый Ауфид. Адриатики полнящий волны;
Здесь Эридан, из всех потоков земных величайший,
Воды Гесперии всей и поверженный лес к Океану
410 В мощном течении влечет. Был он первой рекой, по преданию,
Древле венком тополей свои берега осенившей;
В день, когда Фаэтон, без пути устремив колесницу,
Горний эфир в небесах поджег огневыми вожжами
И уничтожил ручьи, земные высушил недра, —
415 Лишь Эридан погасил огни разъяренного Феба.
Был бы, как Нил, он велик, когда бы в долинах Египта
Не затоплял ливийских песков тот Нил плодоносный.
Был бы велик он, как Истр, когда бы, весь мир обтекая,
Истр не питал своих вод бегущими всюду ручьями
420 И выливался один в пучину Скифского моря.
Воды, что вправо текут по горному склону, рождают
Рутубы глуби да Тибр, оттуда катится также
Быстрым теченьем Вултурн и вечерних туманов создатель —
Сарн, у Марики в лесах вестинской водой напоенный
425 Лирис, а дальше Силер, по полям Салерна текущий,
Макра, чей резвый поток, ни единым челном не замедлен,
В синий впадает залив близ Лúны, у моря стоящей.
Тянется дальше хребет, уходя вершинами в небо,
Галлии видит поля и в альпийские входит предгорья.
430 Умбрам дает он плоды и марсам; потом, укрощенный
Плугом сабельским, приют доставляет туземным народам
Лация в скалах своих, сосною заросших; бросает
Землю Гесперии он лишь обрезанный волнами Сицилы;
Горы свои простирает он до храма Лацинии даже.
435 Только, нахлынув, моря разрушили это соседство:
Вырыв широкий пролив, вода раздвинула сушу.
После того, как пучиной двойной земля разделилась,
На сицилийском берегу остались утесы Пелора.
Цезарь, во брани свиреп, одной только кровью облитой
440 Ищет дороги и рад, что, ворвавшись в предел гесперийский,
Он повстречал там врага, не в пустынные вторгся разнины, —

С пользой свершает поход и с войною войну сочетает.

Любит не столько входить в ворота открытые, сколько

Их разбивать; и не столь пожинать посевы покорных

445 Игу его поселян, сколь губить их огнем и железом.

Стыдно итти проторенным путем, гражданином являться.

Делали выбор в те дни меж двух покровителей сильных

Все города, хоть и были они охвачены первым

Страхом грядущей войны. И вот густым частоколом

450 Стены обводят свои и крутым укрепляют их валом;

В башни высокие стен таскают круглые камни,

Чтоб из орудий врага при осаде сражать издалика.

Был за Помпея народ, но верность боролась с грозящим

Ужасом: так, когда Австр царит на морях, грознозвучный,

455 Волны по воле его бегут, дуновенью покорны;

Если навстречу земля, трезубцем Эола раскрыта,

Эвра начнет посылать в порывах взволнованной бури, —

Воды при ветре втором — за первым следуют ветром

И, пока Эвр в небесах подчиняет летучие тучи,

460 Нот поднимает залы. Но умы под влиянием страха

Мысли меняли легко, от удачи зависела верность.

С бегством Либона в те дни беззащитной Этрурия стала,

Умбрия — прав лишена с утратой бежавшего Терма.

Сулла гражданской войны не ведет с отцовским успехом,

465 В бегство кидается он, услышав Цезаря имя.

Вар, как только полки, подойдя, Авксимон осадили.

Тыл обращает к врагу и бежит, оставивши город,

Вдаль по лесам и горам. Из крепости Аскула Лентул

Также был вытеснен прочь. С дороги свернул победитель —

470 Путь преградить беглецам: только вождь из огромного войска

В бегстве спасенье нашел, унося знамена без войска.

Даже и ты, Сципион, без защиты Луцории крепость

Бросил, хоть в стенах ее находился цвет молодежи —

Тот, что для Цезаря был давно уже в армию призван

475 Из опасенья парфян: потери галльских походов

Ею пополнил Помпей и в полное веденье тестя

Отдал ту римскую кровь, пока сам не призвал ее к битвам.

Город Корфиний тебя, Домиций воинственный, прячет,
Мощной стеной оградив; знамена твои охраняет

480 Рекрутов полк, что стерег обогрЕННОГО кровью Милона,
Пыли едва увидав огромную тучу над полем
И пламенеющий строй, оружием сверкавший под солнцем, —
Ты приказал: «Бегите скорей, союзники наши,
На берег, к самой реке — и мост в пучину обрушьте!
485 Ты же, поток, устремись многоводными ныне ручьями
С гор и в пенных ручьях влеки корабли за собою,
Скрепы разрушивши их! Пусть война на этом пределе
Станет: на сих берегах да ослабит недруга праздность!
Натиск вождя преградите вы здесь: победой нам будет,
490 Если тут Цезарь прервет свой путь». И, слов не теряя,
Мигом он войско со стен в порыве снимает напрасном:
Ибо, едва увидав, что река теченьем свободным
Может пути заградить, вскипел разгневанный Цезарь:
«Эй, не довольно ли вам искать за стенами защиты?

495 Что вы готовите тут из потока, помеху, лентяи,
Мне заграждая поля? Если б даже теченье Ганга
Вас берегло, — с любой рекой управится Цезарь,
Раз перейдя Рубикон! Скачи, моя конница, живо,
Следом пехота — вперед! — и мост обреченный возьмите!».

500 Только он это сказал — и, бросив поводья, помчалась
Легкая конница в бой: могучие руки взметнули
Дротики через поток, подобные частому лизню.
Цезарь, рассеяв заслон, берет опустевшую реку
И под защиту твердынь сгоняет защитников силы.

505 Башни он строит затем, способные тяжкое бремя
Двигать, и к самым стенам подводит, не медля, виней.
О беззаконье войны! Войска, распахнувши ворота,
Пленного тащат вождя, и вот гражданин уж повержен
К Цезаря гордым стопам. Но голову грозно поднявши,
510 Сын благородных отцов не пощады просит, а смерти.
Цезарь заметил, что он снисхожденья боится, не казни.

- «Хоть и не хочешь — живи», — сказал он, — по милости нашей
Солнце ты зри! Победенным явись надеждою доброй
И послужи как пример. Но вражду если хочешь продлить ты, —
515 Знай, при победе твоей не приму я прощенья такого». Молвил; и тут же велел с закованных рук удалить он
Цепи. Насколько, увы, было б лучше, когда бы Фортуна
Это убийство свершив, пощадила римскую гордость?
Для гражданина того наихудшая кара — прощенье
520 За принадлежность к бойцам отчизны, Помпея, Сената. Гнева жестокий порыв подавил в своем сердце Домиций
И прошептал про себя: «Неужели ты в Риме, ублюдок,
Будешь покоя искать? И, смерти уже обреченный,
Бросишь смятение битв? В своей уверенный правде,
525 Жизни круши рубежи и Цезаря милость отвергни!». Тою порою Помпей, о пленении вождя не проведая,
Войско готовил свое, чтоб сторонникам дать подкрепленье.
Он на заре трубить приказал, — когорты собравши,
Призванных воинов дух теперь испытать пожелал он
530 И к молчаливым рядам обратился с внушительной речью:
«Правого дела оплот, за все преступления мститель!
Истинно-римский стан, получивший теперь от Сената
Брани законной доспех, призывай молитвами битву!
Лютым огнем грабежей пылают Гесперии нивы;
535 Галльская ярость рекой через Альпы течет ледяные
Кровью уже запятнал мечи оскверненные Цезарь.
Благодаренье богам, что урон мы первые терпим:
Грех да рождается там! И пусть под моим руководством
Рим направляет теперь пощаду и кару. Нет речи
540 О правомерной войне, — здесь родины гневной отмщенье!
Эта война — не большая той, когда Катилина
Факел готовил домам, иль темных неистовств сообщник
Лентул, или Цетег — безумец с рукой обнаженной.
Жалкое буйство вождя! Когда судьбы к великим Метеллам
545 Или Камиллам тебя приравнять задумали, Цезарь,
Сам ты себя уронил до Мариев, Цинн! И ты сгинешь

- Так же, как Лепид погиб — от Катула, как под секирой
Нашею сгинул Карбон, сицилийской гробницей укрытый,
Или поднявший на бунт иберийцев — изгнанник Серторий!
- 559 Впрочем, я не хочу равнять тебя с ними, о Цезарь,
И негодую, что Рим на безумье воздвиг мои руки.
Ах, почему не воскрес от парфянских побоищ спасенный
Красс и со скифских берегов не вернулся он к нам, победитель,
Чтобы, о недруг, ты пал, рукою его пораженный
- 565 Если к трофеям моим прибавить тебя повелели
Боги, то хватит в руках здоровья, чтоб дротик направить:
Жаркая кровь, как и встарь, еще горячит мое сердце.
Ты испытываешь, что я бежать неспособен из боя,
Хоть и вкушал долговременный мир. И хилым, и жалким
- 580 Он называет меня, — пусть вас не пугает мой возраст.
Вождь в этом стане — старик, а у Цезаря — воины старцы.
Я — на такой высоте, на какую поднять гражданина
Может свободный народ, — лишь царскую власть я отринул.
Деспотом жаждет тот быть, который в городе римском
- 585 Хочет Помпея затмить. Здесь оба консула с нами,
Здесь предводителей сонм. Неужели Цезарь сумеет
Целый Сенат победить? Не так-то ты слепо несешься,
Вовсе не зная стыда, о Фортуна! Иль дух окрыляют
Годы трудов боевых и мятежная долгое время
- 570 Галлия? Бегство ль его от волн холодного Рейна?
Или же то, как лужу приняв за ширь Океана,
В страхе он тыл показал британцам, к которым стремился?
Или он горд от хвастливых угроз, ибо слухи о смуте
Граждан с оружием в руках из отеческих хижин изгнали?
- 575 Жалкий глупец! Бегут не тебя, но за мною стремятся, —
Ибо сверканье знамен понес я над морем великим
Раньше, чем полный свой круг свершила Канфия дважды.
В страхе смятенный пират покинул заливы морские,
Стал у меня он просить хоть бы тесного дома на суше.
- 580 Также мятежный царь, через Скифское море бежавший,
Римской судьбины палач, был мною вынужден к смерти:

- Большого счастья здесь достиг я, чем некогда Сулла.
Слава моя повсеместно гремит: и всюду под солнцем
Где ни простерта земля — полна она наших трофеев.
585 Север увидел меня победителем возле холодных
Фасиса волн; и полуденный эной в Египте познал я,
Даже в Сиене я был, никогда не бросающей тени.
Запад страшится меня, где Бетис течет гесперийский —
Самый последний поток, впадающий в волны Тефисы.
590 Знает меня покоренный араб, народ гениохов,
Лютых в бою, и руном похищенным славные колхи.
Знамя увидев мое, каппадоки дрожат, и Софена,
И Иудея — раба своего неизвестного бога.
Я покорил и армян, и киликов диких, и тавров.
595 Тестю какую войну оставил я, кроме гражданской?».
- Клика ответного нет на эти слова полководца,
Не попросили войска сигнала к немедленной битве.
Чувствует страх и Помпей: назад решил отодвинуть
Сам он знамена свои и не гнать в опасности боя
600 Строй, побежденный одним о незидимом Цезаре слухом.
Так же, отогнан от стад соперником в первой же схватке,
Прячется бык по лесам и, скитаясь в пустынных равнинах,
Пробует крепость рогов повсюду на встречных деревьях;
Не возвратится он вновь на пастбище раньше, чем шея
605 Станет могучей опять; но вскоре, врага одолевши,
В разнообразных прыжках за собой он стада увлекает
Наперекор пастуху: так Помпей, еще в силах неравный,
Отдал Гесперию сам и, пройдя чрез Апулии земли,
С войском своим заперся в безопасную крепость Брундисий.
- 610 Город тот некогда был во владеньи диктейских пришельцев.
Как беглецов, их Кекропа суда переправили с Крита
В день, когда парус солгал, возвестив о паденьи Тезея.
Там Гесперии брег, протянувшись узкой лукою,
Выслал навстречу волнам неширокую длинную отмель,
615 Адриатический вал замкнув кривыми рогами.
Все-таки этот залив с его тесным выходом в море

- Гаванью быть бы не мог, когда бы остров скалистый
Западных бурь не смирял, отгоняя разбитые волны:
Горы и здесь, и там встречали утесами море
620 И отражали ветра, так что в бухте стояли спокойно
И без помех корабли на одном лишь дрожащем канате.
Здесь широко открыты моря, и отсюда несутся
В гавань Коркиры суда, иль ищут, налево подавшись,
Над Ионийской волной Эпидамна хребет иллирийский.
625 Здесь приют моряков, когда Адрий движет все силы,
В тучах Керавны стоят, и Сасон калабрийский, затоплен
Пенным прибоем валов, погружается в бездну морскую.
Не ожидая себе какой-либо помощи с тыла,
Не в состоянии войну перенести к иберийцам свирепым,
630 Так как Альпийский хребет отделял их безмерною гранью, —
К старшему сыну Помпей с таким обратился приказом:
«Сын, за подмогой ступай в отдаленные земли вселенной.
Нил и Евфрат подыми, где имени нашего славу
Распространила молва, где Рим всенародно известен
635 Властью морей; и, собрав на полях киликийцев повсюду,
Снова морям их верни; Фаросских царей всколыхни ты
Вместе с Тиграном моим. Не забудь ни рати Фарнака,
Ни кочевых племен, скитальцев обеих Армений.
Ни первобытных родов, что живут на понтийских побережьях.
640 Также рифейских дружин и тех, которых подымлет
Лед Меотийских болот, выносящий скифов кибитки.
Что же я медлю еще? Мой сын, все народы Востока
Ты подними на войну и взволнуй везде во вселенной
Взятые мной города, да вернутся в мой лагерь триумфы.
645 Вы же, чьи имена отмечают летопись Рима,
С первым Бореем в Эпир неситесь: с полей македонских,
С греческих гор и равнин призовите новые силы,
Пользуясь миром зимы». Сказал: и все, выполняя
Этот приказ, от земли крутые ладьи отвязали.
650 Но отрицающий мир, не терпящий долго покоя,
Чтоб не позволить судьбе измениться, преследует Цезарь

- Зятя по свежим следам и быстро его настигает.
Был бы насыщен другой таким количеством взятых
В первой борьбе городов, крепостей и врагов побежденных;
655 Даже вселенной глава, величайшая Марса добыча, —
Рим — обреченный лежит: но думал стремительный Цезарь,
Что ничего не свершил, если дело еще остается, —
И не бросал наступать; хоть Италией всей завладел он,
Все же крушился о том, что над берегом, где скрылся Великий, —
660 С ним разделяет он власть; не желая, чтобы ходили
Морем открытым враги, он порт запирает плотиной,
И засыпает пролив обломками тяжких утесов:
Но пропадают труды напрасно в пучине: все камни
Жадно глотает волна и камни заносит песками.
665 Если б в Эгейскую глубь провалился сам Эрик высокий,
Не поднялась бы со дна над поверхностью моря вершина
Так же, как если бы Гавр, главу свою вниз обративши,
Рухнул стремительно вниз, в стоячие воды Аверна.
Ни на какой мели не могли задержаться громады;
670 И порешили тогда деревья рубить и вязать их
Цепью в большие плоты, стволы железом скрепляя.
Встарь, как молва говорит, такие же сделал дороги
Ксеркс в гордыне своей, дерзновенно сблизив мостами
Азии дальней берега с Европой и Сест с Абидосом,
675 И перешел Геллеспонт, не страшась ни Зефира, ни Эвра,
Прямо по бурным волнам; корабли же и барки на веслах
Через Афон перевел. Так был поверженным лесом
Выход из бухты стеснен. Большие возникли плотины
И над пучиной морской всколебались высокие башни.
680 Видит Помпей, что заперт залив искусственной сушей —
И омрачает вождя грызущая сердце забота, —
Как бы прорваться в моря и войну перебросить на воды.
С грузом он гонит суда, чьи ветрила Нот надувает:
Бьются в плотину они и, преграду ее разрушая,
685 Путь отворяют в простор кораблям, пленным в заливе.
Согнута сильной рукой, сквозь сумрак кидает баллиста

- Факелов пламенный град. Как только удобное время
Тайному бегству пришло, приказанье отдал Великий,
Чтоб не будили брегов матросские возгласы, трубы
690 Не отмечали б часов и рожки не звали матросов
К морю. Уже начала уступать уходящая Дева
Знаку Весов, где Феб заблестит, когда отвязали
От берегов корабли. Там якорь звука не издал
В миг, как от плотных песков отрывал свои цепкие крючья,
695 В страхе молчал капитан, пока реи под тяжестью гнулись
И на судах моряки сосновые ставили мачты;
С рей повисавшие вниз паруса распускали матросы,
Но не кидали концов, чтоб их свист тишину не нарушил.
Вождь, о Фортуна, к тебе мольбу обращал, да дозволишь
700 Бросить Италии край, которым владеть запрещаешь.
Чуть не сгубила судьба: ибо с шумом великим всплеснулось
Море под килем судов, и волны от них разбежались,
Глади покой всколыхнув бороздами, прорытыми флотом.
Тотчас враги захватили врата, которые город
705 Сразу раскрыл, изменив свою преданность вместе с судьбою,
И побежали стремглав по изогнутым отмелям порта
К устью, горюя, что флот уже вышел в открытое море.
Стыдно! Бежавший Помпей — совсем небольшая добыча!
Узким проходом ушли корабли в морские просторы —
710 Уже Эвбейской волны, что бьется прибоем в Халкиду.
Сели на мель здесь два корабля, и пленил их противник,
С флотом родным разлучив; их с боем к берегу тянут:
Тут-то впервые Нерей обогрился гражданскою кровью.
Все остальные ушли, оставив пленных в добычу.
715 Так, когда в Фасис летел Пагасский корабль по пучинам,
Выслала в море земля Кианейские камни навстречу,
Но ускользнул из-под скал, корму лишь утративши, Арго, —
Симплегады, вотще всколыхнув пустынные глади,
Стали недвижны опять. На востоке уж новые краски
720 Феба вещают приход, и заря еще в небе алеет,
Пламенем ярким своим похищая ближайшие звезды,

Меркнут светила Плеяд, и повозка Боота, склонившись,
Тихо теряет свой блеск на чистых полях небосвода,
Гаснет сверканье планет и сам Светоносец бледнеет
725 Перед пыланием дня. Ты далеко уж в море, Великий,
Только со счастьем иным, чем то, с каким ты гонялся
Встарь за разбойником вод! Устав от триумфов, Фортуна
Бросила ныне тебя! С детьми и женою гонимый,
В грозную эту войну всех пенатов влача за собою,
730 Мчишься со свитой племен, — доныне могучий изгнанник.
Жаждешь ты в дальних краях укрыть недостойную гибель:
Гроб твой — Фаросский песок, — не затем, что всевышних
решенье
Ныне судило лишить твои кости отеческой урны:
Счастье Гесперии в том! Да скроет на грани вселенной
735 Темное дело судьба, и останутся римские земли
Не опозорены ввек своего Великого кровью!

КНИГА ТРЕТЬЯ

- Австр надувал паруса, он флот подгонял, налегая.
И, торопясь, корабли уходили в открытое море:
На Ионийскую зыбь толпою смотрели матросы, —
Только Великий один не мог отвести своих взоров
- 6 От Гесперийской земли, пока не пропали из вида
Гавань родимой земли и берег невозвратный, и в тучах
Пики далеких вершин и гор исчезающих призраки.
Но уступил, наконец, крылам усыпляющей дремы
Вождь утомленный — и вот исполненный ужаса образ —
- 10 Юлии сумрачный лик, из разверстой могилы поднявшись,
Встал, будто фурия, дик над горящим костром погребенья.
«Я, Елисейских полей и приюта блаженных лишившись,
Изгнана прочь в стигийскую тьму и к манам преступным
Из-за гражданской войны. Эзменид я видала, держащих
- 15 Факел, которым они потрясают над армией вашей.
Много готовит челнов Ахеронта мрачного кормчий,
В чаяньи множества кар расширяются Тартара своды.
Дело справляют с трудом Сестер торопливые руки,
Нити свои обрывать устали давно уже Парки.
- 20 Помнишь, со мною, Помпей, ликуя справлял ты триумфы?
Брачное ложе сменив, сменил ты и счастье; был тепел
Смертный костер мой, когда Корнелию взял ты, который
В гибель вести суждено своих всемогущих супругов.
Пусть же разлучница льнет к значкам твоим в битвах и в море,

- 25 Но беспокойные сны я буду везде прерывать вам,
И для объятий любви ни мгновения вам не оставляю;
Цезарь пусть мучает днем, пусть ночью вас Юлия будит.
Муж мой, на дальних берегах забвением веющей Леты
Я не забыла тебя, и мертвых цари разрешили
- 30 Следовать мне за тобой: и вот — появляюсь в сраженьи
Меж легионов твоих; никогда не позволят, Великий,
Юлии маны тебе не считаться Цезарю зятем.
Нашу любовную связь ты напрасно мечом отсекаешь:
Волей гражданской войны — моим ты пребудешь!». Сказала
- 35 И улетучилась тень из объятий смущенного мужа.
Он же, хоть маны ему и боги грозят пораженьем,
Мужеством новым горит — уверенный в бедах грядущих.
«Что ж, — говорит он, — дрожать перед призраком этим
ничтожным?»
- Или теням не оставлено чувств по велению смерти,
40 Или и смерти уж нет». Титан уже к волнам склонился
И огненосный круг погрузился в пучину и ровен
Стал половине луны в те дни, как она к полнолунию
Или к ущербу идет; тогда приют открывает
Гостеприимно земля кораблям; канаты смотали
- 45 И, опустив паруса, к берегам устремились на веслах.
Цезарь, когда корабли под ветром попутным умчались
И затерялись в морях, один на берегах гесперийских
Долго угрюмый стоял, себе не считая во славу
Бегство Великого: он огорчался, что вновь невредимым
- 50 Враг через море ушел; уже никакою удачей
Не насыщается вождь: не разбить его — так же ужасно,
Как и войну затянуть! Но вот, отогнавши от сердца
Бранных забот череду, отдается он мирному делу,
Ведая, чем подогреть любовь легкомысленной черни,
- 65 Ненависть как возбудить иль снискать ее высшую милость
Хлеба ничтожным куском: потому, что лишь голод способен
Брать города и ужас рождать, если власть нерадиво
Кормит голодный народ: отощавший не ведает страха.

- Он Куриону велел переплыть к городам сицилийским
60 Там, где внезапно моря или залили волнами землю,
Иль разорвали ее, берега проложив среди суши.
Здесь постоянно кипит работа могучего моря,
Чтоб никогда не сошлись разделенные горные цепи,
И до Сардинских берегов война разливается ныне.
- 65 Нивы тех двух островов своим плодородием славны;
Нет во вселенной земли, способной питать урожаем
Житницы Рима — полней чем Гесперии тучные земли,
Их превосходит едва ливийская жирная почва
В год, когда тучи Борей собирает, и Австр, побеждая,
70 В ливнях приносит с небес хлебами обильное лето.
- Все это взвесив, Цезарь, в сознании своей победы,
К отчим стремится домам с опустившим оружие войском,
Мира личину надев. О, если б он в Рим возвратился,
Лишь племена победив на Севере, в Галлии дикой, —
- 75 Сколько он подвигов мог триумфам своим предпослать бы,
Что за картины войны! Оковы, которые Рейну
И Океану он дал! Если б шли за его колесницей
Галлии знатной сыны, белокурый бы влекся британец!
Горе, какой он триумф потерял, победив еще больше!
- 80 В селах теперь на него не с весельем люди взирали,
В страхе молчали они. И нигде вождя не встречают
Крики ликующих толп: но, увы, его радовал только
Ужас, рождаемый им, и любви не просил он народной.
- Вот он уже миновал и отвесную Анксурскую крепость,
85 И заболоченный путь, разделявший Помптинские топи,
Леса священного сень — владение скифской Дианы,
На гору Альбу взошел по старинной римской дороге,
Цезарь с высокой скалы вдали различил уже ясно
Город, не виданный им за годы северной брани;
- 90 И возгласил он, дивясь на стены родимого Рима:
«Этот приют божества неужели покинут бойцами
Без понуждений врага? За какой еще город сражаться?
Слава богам, что теперь ни Восток не нахлынул на Лаций,

- Ни быстроногий сармат с панноном в тесном союзе,
95 С даком и гетом лихим. Судьба тебя, Рим, пощадила
Вместе с трусливым вождем, ваш мир возмутив долголетний
Только гражданской войной». Так молвив, он в город вступает,
Скованный страхом глухим: все думали — пламенем мрачным
Он порешил истребить жилища взятого Рима
100 И опрокинуть богов. То было мерилом боязни;
Ждали — он хочет всего, что в силах свершить. Ни весельем,
Ни предсказаньем добра его не встречали притворным.
Лишь ненавидеть могли. Вот, выйдя из тайных убежищ,
Полнит сенаторов сонм Палатинские Феба чертоги,
105 Хоть собирать Сенат никто не имел полномочий.
Консула нет на скамье; отсутствует, саном ближайший,
Претор; и убраны прочь пустые курульные кресла.
Цезарь царил надо всем. Его своевольных решений
Стал очевидцем Сенат. Поддержать его старцы готовы,
110 Если б и царства себе, иль храмов искал, а Сенату
Казнь и ссылкой грозил. По счастью он постыдился
Требовать больше, чем Рим исполнять. Но все же Свобода
Гнев воплотила в одном из мужей, который решился
Силу законом пресечь: Метелл, воинственный духом,
115 Видя, что двери ломать Сатурнова начали храма,
Шествие резко прервал; и, Цезаря строй растолкавши,
Телом он вход заградил в еще не открытое зданье.
(Так вот ко злату любовь ни меча не боится, ни смерти!
Попранный гибнет закон и защиты себе не находит,
120 Самый же низкий предмет из дел человека — богатство —
Вечно рождает раздор). Итак, грабеж отвращая,
Голосом громким трибун заявил победителю твердо:
«Только чрез тело мое вы откроете храм потрясенный,
Эти богатства возьмешь — лишь кровью залив их священной,
125 Ты, похититель! И власть оскорбленная эта, конечно,
Мстящих богов обретет; проклятия грозных трибунов,
Следом за Крассом летя, его обрекли пораженьям.
Что же, свой меч обнажи: не толпы же тебе опасаться!

- Ведь преступлений она — только зритель: весь город покинут;
130 Все-таки наших богатств да не вырвет твой воин преступный!
Зданья чужие дари, истребляй другие народы!
Нет ведь нужды покрывать грабежом боевые издержки:
Цезарь, — война пред тобой!». На эти слова победитель,
Гневом пылая, сказал: «Напрасно лелеешь надежду
135 Ты на почетную смерть: Метелл, недостойным убийством
Не замараем мы рук. И не слишком ли много почета —
Цезаря гнев заслужить? Кто тебе защиту свободы
Здесь поручил? Еще не пришла кончина вселенной,
Чтобы законы, коль их Метелл охраняет речами,
140 Прочь не посмела убрать всеильного Цезаря воля!».
- Молвил; но так как трибун не желал от дверей отстраниться,
Гнев еще пуще вскипел; забыв миролюбья личину,
Взором обвел он войска. Но тут убеждает Метелла
Котта — не слишком дерзать в его безрассудной попытке.
- 145 Он ему так заявил: «При царях свободе народа
Смерть от свободы грозит; хоть призрак ее сбережешь ты,
Всякий приемля приказ. Побежденные, стольким невзгодам
Мы покорились уже: поверь, оправдание сраму —
150 Низкому страху лишь в том, что нельзя не исполнить приказа.
Так отвори же скорей губительный повод к раздору!
Горек убыток лишь тем, кто живет под защитою права.
Бедность страшна не рабу, — угрожает она господину.
Так удален был Метелл, и двери во храм растворились
С громким скрипением, и звук Тарпейской скалою отдается,
155 А из подвалов течет хранившийся долгие годы
Рима обильный запас, отовсюду издревле снесенный, —
Злато пунических войн, и дань боевая Персея
Вместе с добычею той, что в победах взята у Филиппа.
То, что испуганный Галл в своем бегстве Риму оставил;
160 Клад, за который царю себя ты не продал, Фабриций;
Все, что успела скопить бережливость расчетливых дедов;
Дань, которую в Рим азиаты богатые слали;
Все, что Миносов Крит победителю отдал Метеллу;

Все, что Катон перевез через море с далекого Кипра.

- 165 Были изъяты тогда богатства Востока и клады
Свежие пленных царей, что блистали в триумфах Помпея:
Опустошается храм злодейским разбоем; впервые
Рим оказался бедней, чем Цезарь, его разоривший.

Слава Помпея меж тем к нему привлекала народы.

- 170 И города, вместе с ним обреченные в битвах погибнуть.
Греция помощь дает, ближайшая к месту раздоров;
Гонит фокейцев своих Амфисса, скалистая Кирра,
Шлет опустелый Парнас с обоих хребтов легионы.
Здесь беотийцев вожди, которых Кефис неусыпный
175 Вещей водой окружил, и Кадмовой Дирки, и Писы
Мчатся войска, тут Алфей, сицилийским народам несущий
Воды свои чрез моря. Аркадяне бросили Менал,
Воин трахинский в те дни Геркулесову Эту покинул.
Вот и феспроты бегут, и дриопы, и древние селлы
180 Сень онемелых дубов Хаонской вершины забыли.
Хоть население Афин истошилось от частых наборов,
Несколько все же судов занимают Фебову гавань,
Три корабля подтверждают рассказ о былом Саламине.
Сотни племен своих Крит, Юпитеров старый любимец,
185 Ныне к оружию зовет, как и Кносс, умеющий ловко
Опорожнить свой колчан, и Гортина, чьи стрелы не хуже,
Чем у парфян. И встает дарданского Орика житель,
С ним кочевой афаман, блуждающий в темных дубровах,
Также Энхелии сын, своим именем древним гласящий
190 О превращеньи в змею умершего Кадма. Колхидский
Пенит моря и Абсирт, встают земледельцы Пенея,
Чей фессалийский сошник возделывал землю Иолка:
Море впервые отсель взбороздил новоязленный Арго
И осквернил берега, чужие друг другу народы
195 Сливши: он бурям вручил, пучине бушующей моря
Смерти подверженный род и к погибельным судьбам прибазил
Некую новую смерть. — Во Фракии Гем покидают,
Вместе с Фолоей — горой, баснословной отчизной кентавров.

Вот опустел и Стримон, посылающий к теплему Нилу
200 Стаи бистонских птиц, и область варварской Коны,
Где разбивается Истр на множество русл и, вливая
Воды сарматские в Понт, омывает потоками Певку.
Мисия также, за ней Идалия с холодным Каиком, —
И обезлюдели вмиг бесплодные земли Арисбы.
205 Здесь и Питаны сыны и проклятой Фебом Келены
Дети, что вечно скорбят о подарке твоём, о Паллада,
Там, где в прямых берегах низвергаясь, стремительный Марсий
В блудный впадает Меандр и с ним извивается вместе,
Край, где струится Пактол из копей золотоносных,
210 Где протекает и Герм, не менее ценный, по нивам.
Поднял знамена свои Илион, и в погибельный мчится
Лагерь, покорен судьбе, не смущаясь троянским преданьем
Или же тем, что Цезаря род — от Иула-фригийца.

Сирии здесь племена: покинут Оронт опустелый,
215 Баловень счастья Нин; Дамаск, овеваемый ветром,
Газа, и пальмовых рощ тароватая мать — Идумея;
И неустойчивый Тир и Сидон, багрянцами пышный:
Их корабли ведет, с пути не сбиваясь морского,
Кормчий, который судам надежнее всех — Киносура.
220 (Если молве дозирать, финикийцы впервые дерзнули
Звуки людских голосов закреплять в новосозданных знаках.
Старый Мемфис не умел сплести болотный папирус
В те времена: на камнях иссеченные птицы и звери,
Там под обличьем своим хранили речения магов).

225 Тавра пустеют леса и Тарса Персеева рощи,
Между изъеденных скал пещеру разверзнувший Корик;
Также снастями шумят и Малл, и дальние Эги:
Не на пиратском челне, на законном плывет кликиец.

К славе влечет боевой и далекие земли Востока,
230 Где почитается Ганг, дерзнувший один во вселенной
Устье широко раскрыть восходящему Фебу навстречу
И беспрепятственно гнать течение свое против Эвра;
Там-то Пеллейский вождь, переплывши просторы Тетисы,

- Остановиться решил, побежден беспредельностью мира, —
236 Там, где свой быстрый поток струит разделенной стремниной
Инд — и не зрит, что Гидасп с его мощными водами смешан;
Пьющие сладостный сок тростника поднялись отовсюду,
С ними и те племена, что волосы красят шафраном,
Ткани свободных одежд скрепляют цветными камнями;
240 Те, что слагают костры и живыми кидаются в пламя.
О, что за громкий почет и великая слава народу —
Броситься в руки судьбы и, пресытившись жизнью, остаток
Дней подарить всевышним богам! — Пришли каппадоки
Дикие, с ними народ, на суровом Амане живущий.
245 Следом армяне спешат с Нифата, катящего камни;
Лес, высотой до небес, покинули также хоатры.

- Вот и арабы пришли в еще незнакомые страны
И удивлялись, что тень от деревьев не влево ложится.
Римская ярость в те дни взволновала и дальних орестов,
250 И карманийских вождей, над которыми, сдвинувшись к югу,
Небо в морях не вполне созвездье Медведицы топит:
Там торопливый Боот по ночам ненадолго сверкает.
И эфиопов страна, над которой светил зодиака
Не было б в небе совсем, если только задним копытом
255 Там, на колени упав, Телец не блистал бы на тверди.
Страны встают, где главу поднимает с великим Евфратом
Тигр быстроводный: тех рек не различны истоки, и если б
Персия вместе слила их воды, не знали бы люди,
Имя которое дать потоку. В полях разливаясь,
260 Сей плодородный Евфрат подобен фаросскому Нилу.
Струи же Тигра земля поглощает неожиданным провалом,
Тайный скрывает он бег, а затем, возвратясь на поверхность,
Новым потоком река до морей свои волны доносит.

- Между Помпея знамен и армией Цезаря парфы,
265 Хоть и любили войну, — помогать никому не хотели,
Третьего раньше убив. Пошла отравами стрелы
Скифов бродячих орда, которую холодной водою
Бактра поток оградил, а Гиркания — лесом дремучим.

Лакедемонцы встают, гениохи — свирепое племя

- 170 Всадников; вот и сармат, сосед жестокого мосха;
Фасис, который течет по полям изобильным колхидян,
Галис, где Крес был разбит, Танаис, что с рифейской вершины
Падая, дал берегам названья стран света различных
И, отделив рубежом Езропу от Азии, полнит
275 Силой то здесь, то там страну, по которой струится,
Вторгшись в пределы ее своим прихотливым теченьем.
Там, где бушующий Понт меотийские волны уносит
Через пролив, Геркулеса столбы, лишая их славы,
И к Океану пройти не давая одним только Гадам, —
280 Эсседонийцы идут и встает с золотою повязкой
На волосах — аримасп, а за ними — арий отважный
И массагет, на сарматской войне заливающий жажду
Кровью коня своего, и летят, будто птицы, гелоны.

- В дни, когда Кир уводил войска из Мемнонова царства,
285 Иль когда Ксеркс выступал, по спущенным стрелам считая
Воинов, иль сотрясал моря своим флотом великий
Мститель за братнюю честь, — одного вождя не имели
Столько царей: и досель никогда не собиралось вместе
Столько различных племен, языком и одеждой несхожих;
290 Много народов тогда паденью Великого в помощь
Воля Фортуны дала и послала достойную свиту
Для похорон. Отправлять на войну мармарийские орды
Не прекращал рогоносец Аммон. И все, что возрастало
В Ливии знойной тогда, начиная от западных мавров
295 И до восточных берегов, до Сиртов Паретонийских, —
Весь этот мир для побед раскрыла Фарсалия разом,
Чтоб одновременно всем завладел удачливый Цезарь.

- Он же, покинув холмы дрожащего в ужасе Рима,
С армией перелетел осененные тучами Альпы.
300 Хоть от жестоких вестей трепетали другие народы,
Все же фокейцев сыны средь общих сомнений решились
Верность и право блюсти не с греческим непостоянством
И договору служить, а не судьбам. Но раньше, пытаясь

- Гнев непреклонный сломить и душу сурового мужа
305 Мирною речью, неся Минервы Кекроповой ветви,
Так умоляют они врага, подошедшего близко:
«С вашим народом всегда во внешних Массилия войнах
Свято свой жребий несла, о чем в латинских анналах
Можете справиться вы под каким угодно столетьем.
310 Если триумфа теперь ты ищешь в неведомых странах, —
Помощью преданных рук для внешней войны подкрепляйся:
Если же гибельный бой, если грозные битвы в раздорах
Ныне затеяли вы, то гражданским бойцам мы подарим
Слезы и тайный приют. Пусть к этим ранам сзященным
315 Не прикоснется рука. Если б даже всевышние бились
Иль — порожденья земли — ополчились на звезды гиганты,
То и тогда б не дерзнул помогать Юпитеру смертный
Силою стрел иль молитв: и божьих не ведая судеб,
Знать человеческий род по одним только молниям мог бы,
320 Что до сих пор в небесах продолжает царить Громовержец.
Видишь, несметных племен отовсюду стекаются рати,
И не боится весь мир заразы злодейства настолько,
Чтобы мечи вовлекать приходилось в усобицу силой.
Если бы все, как и мы, отказались от участи вашей,
325 И чужеземный солдат не участвовал в этих сраженьях!
Разве при виде отца не дрогнет рука душегуба?
Копья не станут метать во враждующих армиях братья.
Кончится скоро война, если тех, кому драться пристало,
Не вовлечете вы в бой. А мы об одном только просим:
330 Этих ужасных орлов и враждебные эти знамена
В город ты к нам не неси и стенам ты нашим доверься, —
Цезаря встретить позволь, войну отогнавши подальше.
Эти места навсегда от злодейства да будут свободны,
Чтобы и ты, и Помпей, если Риму поможет судьбина,
335 Здесь без оружия сошлись договор подписывать мирный.
Сильный грозит тебе враг — иберы, — зачем же свернул ты,
Бросив стремительный путь? Ведь мы не движем событий
И не решаем мы их: наши руки удачи не знали

- В битвах, — изгнанники мы из родины нашей исконной,
340 И перенесши сюда твердыни сожженной Фокиды,
Здесь, на чужом берегу, ничтожные вывели стены,
Верностью славясь одной. Но если ты хочешь осадой
Стены теперь обложить и силой ворота разрушить, —
Знай, мы готовы принять и факел на крышу, и копья,
345 В жажде палящей лизать разрытую землю, когда ты,
Реки от нас отведя, заставишь разыскивать воду.
Если Цереры даров не станет, гнущаться не будем
Даже ужасной на вид и на ошупь противною пищей.
Вынесет этот народ за свободу лишения так же,
350 Как осажденный Сагнут перенес их в войне с Ганнибалом.
От материнских грудей, иссушенных голодом, дети
Брошены будут в огонь, и жена у любимого мужа
Смерти попросит себе, и крови потоки сливая,
Братья друг друга убьют: коль принудишь нас к битве
гражданской,
355 Слаще нам этот удел». Так юные воины греков
Речь заключили свою; но гневом лицо полководца
Тут исказилось, и он возмущенье свое изливает:
«Греки, мой быстрый поход вас тщетною тешит надеждой!
Хоть мы теперь и спешим в гесперийские дальние страны, —
360 Времени хватит еще с Массилией кончить. Когорты,
Радуйтесь: даром судьбы по пути нам встречаются войны!
Как истощается ветер и в пустом иссякает пространстве,
Если густые леса не протпнутся буре стволами;
Как ненасытный огонь, не встречая препятствия, гаснет, —
365 Так мне вредит недостаток врагов: я считаю ущербом,
Если не вспыхнет мятеж, с которым могли бы мы сладить.
Но, коль один я пойду, недостойно оставив оружие, —
Двери откроются мне? Уж не только хотят отстранить нас,
Но и в плену запереть! Так вот что! Военной заразы
370 Мыслят они избежать! За просьбу о мире — казню вас!
Скоро узнаете вы: в мой век всего безопасней —
Вместе со мной воевать». И так сказавши, напразил

В город бестрепетный путь: но увидел врата на запоре.
Стены, да сомкнутый строй увенчавший валы молодежи.

375 Неподалеку от стен холмы, над землей возвышаясь,
Плоской вершиной своей небольшое создали поле.
Было нетрудно его окружить укреплением длинным,
И показалась скала удобным для лагеря местом.
Ближняя города часть поднималась высокой твердыней
380 Вровень с холмом: между ним и стенами пашни лежали.
Цезарь решил возвести — его тешит огромная трудность —
Вал на равнине внизу и, высоты связать меж собою.
Прежде всего он прорыл, чтобы город замкнуть отовсюду,
Ров непомерной длины от лагеря к самому морю,
385 Пастбища, низы, ручьи окружил он глубокой канавой,
Дерном, сырою землей и густым частоколом из сосен
Насыпи он укрепил, протянув их, как длинные руки.

Вечная память и честь достанется городу греков:
Без принуждения он и не зная позорного страха,
390 Натиск войны задержал стремительный, в пламя кидавший
Все на земле, и в то время, как все было Цезарем взято,
Он лишь его задержал. Как славно — препятствовать судьбам!
Как хорошо, что спеша властелина поставить над миром,
Дни эти там потеряла судьба! Тогда повсеместно
395 Срублены были леса, и разграблены в рощах деревья;
Так как из рыхлой земли и прутьев валы возводились, —
Прочною связью стволов с двух сторон укрепили их насыпь,
Чтоб не осела она под огромною тяжестью башен.

Был там священный лес, он веками стоял, нерушимый,
400 И под сплетеньем ветвей царили густые потемки.
Солнце согреть не могло холодного мрака дубравы.
Не населяли тот лес ни сивльваны, ни сельские паны,
Не было нимф — властительниц рощ, но стояли святыни
Варварских грозных богов с алтарями кровавых служений;
405 Был этот сумрачный лес окроплен человеческой кровью.
Ежели верить молве и ее суеверным преданьям,
Птицы боялись сидеть на этих заклятых деревьях,

- Звери — в берлогах лежать; не льнул к этим зарослям ветер,
И не скользила по ним, из черных туч вырываясь,
410 Молния; ибо листвы ни единый зефир не касался,
Собственной дрожью она трепетала. Здесь много потоков
Черной водою течет, и богов кровожадных кумиры
Будто обрубки торчат, не украшены силой искусства.
Самая ветхость и гниль истлевшего дуба ужасны
415 В этих кумирах: богов в их обычных святых изваяньях
Так не страшатся; а здесь особенный ужас внушало
То, что не знали богов, которых боялись. Шептали,
Будто утроба земли гремела порой, содрогаясь,
Будто сгибались вдруг и вновь выпрямлялись деревья,
420 Будто без искры огня пожаром светилась дубрава,
И копошились везде, дубы обвивая, драконы.
Не посещали ее из соседних племен богомольцы,
Лес уступили богам. Пусть Феб в высоте пламенеет
Или царит непроглядная ночь, — даже жрец не решится
425 Ближе к нему подойти и увидеть хозяина рощи.
Этот-то лес и велел повалить секирами Цезарь:
Ибо стоял он, густой, посреди холмов обнаженных,
Близко от места работ, войною еще не задетый.
Дрогнула тут и у смелых рука; величие места
430 В душу вливало им страх, что на них топоры обратятся,
Если решатся они сзященные тронуть деревья.
Цезарь, узнав, что войска охвачены ужасом грозным,
Первый секиру схватил и, осмелившись дать себе волю,
Дерзостно ствол надрубил до небес доходившего дуба
435 И, погрузив лезвее в оскверненное древо, воскликнул:
«Пусть не боится никто, что лес против вас обратится:
Я святотатство свершил!». И все подчинились велению
Не потому, что толпа успокоилась сразу, — но взвесив
Грозного Цезаря гнев и богов неизвестную ярость.
440 Ясени валяются вокруг и каменный дуб суковатый,
Как и Додоны стволы и ольха, что пригодны для моря,
Падает и кипарис — не плебейского горя свидетель, —

- Все тут лишились листвы и, кудри свои потерявши,
Свет пропустили к корням; порушенный лес, низвергаясь,
445 Ищет опоры себе в деревьях густых. Застонали
Галльские вокруг племена: но фокейцы в Массилии рады.
Может ли кто допустить, что столь оскорбленные боги
Не отомстят? Но хранит преступников многих Фортуна;
Лишь на несчастных людей способны гневаться боги!
- 450 Леса довольно срубив, повозки, взятые в поле,
Катят к нему: потерянный год земледелец оплакал,
Ибо разграблен весь скот, от плугов уведенный насильно.
Но замедленья в войне перед стенами Цезарь не терпит
И, обративши войска на испанцев, в далеких пределах
455 Хочет войну продолжать, одевается досками насыпь
И вырастают на ней, со стеной городскою ровняясь,
Башни: с землею они не связаны твердым подножьем,
Могут вдоль вала скользить, повинувшись невидимой силе.
Лишь закачались, пойдя, громады тяжелые башен,
460 Греки решили, что ветер, в глубинах земли заключенный,
Недра потряс, и дивились тому, что стоят еще стены.
Стрелы из башен летят и крепость разят городскую.
Но поражает сильнее железо фокейское римлян:
Ибо не только рукой копье бросают фокейцы,
465 Но и пускают его, закрутив потуже баллисты,
Так, что слабеет оно лишь несколько грудей пронзивши.
Путь пролагает копье сквозь доспехи и кости; оставив
Смерть за собою, летит; изранивши, дальше несется.
Мечут и камни бойцы, толкая их резким ударом:
470 Так с вершины горы, под порывами бури сорвавшись,
Мчится обломок скалы, подточенный старостью дряхлой,
Все разбивая вокруг: и людей умерщвляет, не только
Грузом своим придавив, но и рвет их в крошечные клочья.
Вмиг, когда доблестный строй приблизился к вражеским
стенам,
475 Вид черепахи приняв, — передние сблизили копья,
Шлемы щитами закрыв, — вредившие раньше снаряды

Стали безвредными вдруг: они, летя издалека,
Падают сзади рядов; не легко прицел переставить
Грекам иль изменить работу баллисты, пригодной
480 Для дальнобойной стрельбы: приходится скатывать камни
Голой рукой со стены, довольствуясь только их весом.
Так как щитов череда отражала те камни, казалось,
Будто по крыше стучат осколки безвредного града;
Все же, когда во врагах разожженная доблесть угасла
485 И, утомившись, бойцы навес развалили сплоченный, —
От непрерывных лавин разобщенные падали люди.
Стали тогда придвигать, землю покрывши, винкою
И под защитой ее, под нависшею спереди крышей,
Стены хотят раздробить и разрушить железом фундамент:
490 Вот уж, качаясь, таран пытается мощным ударом
Плотные скрепы разбить и выбить из каменной кладки
Камень хотя бы один. Но под пламенем, сверху летящим,
И под ударами свай, и под тяжестью грузных обломков,
Под непрерывным огнем зажженных деревьев фашины
495 Сбитые падают в прах и, напрасным трудом утомленный,
Воин спешит под шатры, исчерпав боевые усилия.

Греков мольбы — об одном: да стоят нерушимо их стены!
Выслать наружу отряд готовятся: факел горящий
Прячут они под щитом; и вот молодежь боевая
500 Вылазку сделала вдруг; не лук смертоносный, не копья —
Был их оружием огонь; и бурные ветра порывы
Мигом пожар разнесли по всем укреплениям римским,
Хоть и пришлось огню бороться с сырыми дубами —
Он не замедлил: везде, где только ни падает факел,
505 Пламя широко горит под клубами черного дыма;
Да и не только леса — сокрушал он огромные камни,
В мелкую, рыхлую пыль рассыпались и дикие скалы.
Рухнула, — но, раззаясь, еще большей казалась постройка.

У побежденных тогда исчезла надежда на сушу:
510 Счастья искать они стали в волнах. Не расписаны пестро
Были суда, не стоял на корме покровитель дубовый, —

Но из скатившихся с гор сырых, неотесанных бревен
Прочный настил на судах для битвы морской сколотили.
Вот и с флотилией Брут на судне приплыл башненосном
515 Роданом к морю в те дни, к Стехадским полям направляясь.
Были и греки не прочь с судьбою всей силой схватиться:
В строй молодежи послав и старцев, почтенных годами,
Дали оружие им; и флот, на волнах ожидавший,
Стал пополняться тогда не только молодыми бойцами:
520 Всех отслуживших людей опять в моряки призывают.
Утра лучи разметав по всему простору морскому
Феб озарил Океан, — восходя на безоблачном небе.
Бурный улегся Борей и Австр, не нарушив покоя,
Море открыл для войны; и каждый противник в ту пору
525 Двинул свои корабли от стоянок: со скоростью равной
Цезаря мчатся суда и флот на греческих веслах;
Вот от усилий гребцов содрогнулись высокие кормы,
Вот уж дрожат корабли от частых ударов по водам.
Груды могучих трирем — во флангах римского флота,
530 К бою ведут их суда по четыре яруса весел,
Много могучих гребцов, сосну погружающих в море;
Вкруг — корабли без числа. Развернулась в море открытом
Эта великая мощь. А там, полукругом широким,
Весла неся в два ряда, либурны легкие мчатся,
535 Преторский Брута корабль остальные суда превышает,
Движет громаду свою шестерными ударами весел
И далеко по зыбям простирает сзой бег величавый.
В миг, когда корабли так сблизились тесно, что мог бы
Весел один лишь удар столкнуть их бортами вплотную,
540 В воздухе дальнем слились голосов бесчисленных клики;
Весел взволнованный плеск заглушается воплем; не слышно
Даже сигналов трубы. Тогда лазурь закипела:
В грудь себя веслами бьют и валятся на спину люди.
Тут-то, треща, корабли носами друг с другом столкнулись;
545 Вновь отступили назад, и стрелы, взметнувшись из луков,
Воздух усеяли вкруг и, падая, воды покрыли.

- Вот уж, носы разведя, корабли раздвинули фланги,
В море рассеялся флот, смешавшись с чужими судами.
Как Океана прилив с зефирами, с эврами спорит —
650 Волны стремятся в простор, а течение навстречу им, — так же
В разные стороны здесь корабли бороздили пучину
Весла их гнали вперед, а море тащило обратно.
Были фокейцы всегда в нападеньи на море искусны,
В бегстве умели свой путь изменять крутым позором,
655 При отступлении они работали быстро кормилом.
Римлян же были суда гораздо устойчивей в море
И при сражении бойцам казались похожи на сушу.
Так рулевому сказал на палубе знаменоносной
Брут: «Допустишь ли ты, чтоб войско блуждало по волнам?»
660 Будешь ли в море хитрить? Завязывай битву скорее:
Наши борта подставляй без страха фокейскому килю».
Тот, подчиняясь, суда противнику боком подставил.
Много тогда кораблей испытало могущество Брута.
Мощным толчком сражены, они все будто в плен попадают:
665 Их зацепляют крюком, цепями, сплетенными туго,
Ход свой веслом тормозят: вот бой на покрытой пучине.
Здесь уж не колют врага, бросая копье издалека,
Не умирают от ран, нанесенных летучим железом, —
Здесь в рукопашную бой. В сраженьях морских постоянно
670 Действует меч: здесь каждый спешит под вражьи удары
С борта родного судов; не может воин сраженный
Пасть на сзоем корабле: далеко по волнам разливаясь,
Пенится алая кровь и море вокруг покрывает.
Хотя кузова кораблей и связаны цепью железной,
675 Соединиться бортам застрявшие трупы мешают;
Тонет в пучине морской немало бойцов полумертвых,
Крови горячей поток с водою соленой смешавши.
Эти, душою борясь с объятьями медленной смерти,
Вдруг под обвалом судов находят внезапную гибель.
680 Раз не попавши, стрела довершает убийство в пучине:
Всюду, куда б ни легло, на судах промахнувшись, железо,

Даже в морской глубине оно наносило раненье!

Бьется там римский корабль, окруженный флотилией греков.

Войско свое разделив, защищается вправо и влево

585 С равной затратой сил: на его корме горделивой

Храбрый сражается Кат, за корабль зацепившись фокейский;

Одновременно ему и грудь, и спину пронзили

Копьями; в сердце вошел и застыл наконечник железный,

Кровь же не знала тогда, в которую рану излиться.

690 Вытолкнув оба копья, наконец, и хлынув ручьями,

Жизнь отлучила она и раны наполнила смертью.

Правили этим судном злополучные руки Телона,

Те, что умели помочь кораблям на взволнованном море

Лучше других: на Феба взглянув или на месяц двурогий,

695 Вёдро иль дождь предсказать никто не сумел бы вернее,

Во-время парус поднять навстречу грядущему ветру.

Носом судна своего прорзал он линию римлян;

Но прилетело копье, вонзилось, дрожащее, в сердце,

И повернул свой корабль, упав, умирающий кормчий.

800 Тут захотел Гиарей перебраться на палубу к другу,

Но неприятель в живот вонзил ему злое железо

И пригвоздил к кораблю повисшее тело героя.

Было там два близнеца, плодотворной матери слава;

Их для различной судьбы породило единое чрево.

605 Лютая смерть разлучила бойцов: и теперь без ошибки

Будет несчастный отец узнавать уцелевшего сына.

Плакать всегда при виде него: отошедшего брата

Образ ведь он бережет и питает родителей горе.

Старший из них, узидав, что сцепились противников весла,

610 Вздумал с фокейской кормы протянуть дерзновенную руку

К римскому борту; но тут удар сокрушительный сверху

Мигом ее отрубил; она же, впившись в обшивку,

Оцепенела, вися как живая на стянутых жилах.

Доблесть в препонах растет; и гневом горит благородным

615 Раненый: в ход он пустил уцелевшую левую руку

И наклонился к воде — схватить отсеченный обрубок.

- Но неприятельский меч и ее до плеча отрубает.
Нет ни копья, ни щита, — но воин не прячется в трюме:
Грудью нагою своей прикрывая оружие брата,
620 Он продолжает стоять, пронзенный десятками копий.
Стрелы, что гибель несли его сотоварищам многим,
Смертью своей задержал. И вот, напоследок он в теле
Жизни остаток собрал, ускользавшей сквозь раны сплошные,
Мышцы напрягши свои последним усилием воли,
625 Он, чтоб врагу повредить хоть тяжестью мертвого тела,
Прыгнул на вражеский борт. Под этим неожиданным ударом
Трупами полный корабль, потоками крови залитый,
Набок качнулся и стал крениться под тяжестью груза.
Скрепсы с бортов сорвались, и вот, воды зачерпнувши,
630 Стал погружаться корабль и, налившись до самого верха,
Море вокруг завертел стремниною водоворота.
Волны раздвинув, на дно опускается судно поспешно,
Море сомкнулось над ним; немало тот день многотрудный
Водам смущенным явил изумительных случаев смерти.
635 Крючьями быстро в корму вонзилась железная лапа,
Был ей зацеплен Ликид: он сразу нырнул бы в пучину,
Но помешали друзья, удержав за торчавшие ноги.
Рвется тут надвое он: не тихо кровь заструилась,
Но из разодранных жил забила горячим фонтаном.
640 Тело жививший поток, по членам различным бежавший,
Перехватила вода. Никогда столь широкой дорогой
Не изливалась жизнь: на нижней конечности тела
Смерть охватила давно бескровные ноги героя;
Там же, где печень лежит, где легкие дышат, — надолго
645 Гибель препону нашла, и смерть едва овладела
После упорной борьбы второй половиною тела.
Вот в боевом пылу на один из бортов навалилось
Войско, оставив пустой ту сторону, где неприятель
Не наступал: и корабль, опрокинут тяжелой толпою,
650 Кузовом полым накрыл и море, и сотни матросов.
Тут утопавший не мог руками грести на просторе,

- Он погибал взаперти. И смерти пример небывалый
Взорам явился в тот миг, когда, носами своими
В море столкнувшись, суда пловца молодого сдавили.
- 655 Юноши ребра и грудь от такого удара расселись,
И помешать не могли в осколки разбитые кости
Звону брони на бортах: разодрано чрево, из горла
С кровью и желчью ползли желудка и легких лохмотья.
После того, как суда разошлись, отступивши на веслах,
- 660 Тело, плывя по волнам с раздробленной грудью, смешало
Кровь из зияющих ран с водою. Немало народа
Взмахами крепких рук боролось в пучине со смертью:
Люди, спасенья ища, сплывались к союзному судну.
Что ж! Когда сотни пловцов схватились за борт недоступный,
- 665 И обреченный корабль под тяжестью тел наклонился, —
Сверху безжалостный враг отсекает молящие длани:
Падают в воду тела, на борту оставляя фокейском
Кисти обрубленных рук; и волны уж больше не в силах
Отяжелевшую плоть на зыбких поддерживать гребнях;
- 670 Так как оружие свое давно уж бойцы растеряли, —
Новое ярость нашла: одни врага поражают
Веслами: сбросив гребцов и скамьи от бортов отодравши,
Выломав гребень кормы — тем оружием в воздухе крутят;
Так для борьбы разрушают суда: и топчут ногами
- 675 Трупы упавших на дно, и с мертвых железо срывают.
Часто, лишившись копья, вытаскивал дротик смертельный
Воин из собственных недр и, лезвой рукой зажимая
Рану, стоял до тех пор, покуда врага не ударит,
После чего истекал безудержным крови потоком.
- 680 Только ничто не губило людей вернее стихии
Той, что враждебна воде: ибо факел, смолой напоенный,
Серою скрытой горя, повсюду свое простирает
Пламя; огню корабли питание легко доставляли,
То от расплавленных смол, то от воска пожар разгорался.
- 685 Волны не в силах залить это пламя: рассеявшись в море,
Рушатся всюду суда, и огонь пожирает обломки.

Черпает воду один, пытаясь залить это пламя;

Ищет спасенья другой, держась за горящие доски.

В сотне различных смертей людей пугает одна лишь —

690 Смерть, что грозит им сейчас. Крепка утопающих доблесть:

Копья собирают они на волнах, неверной рукою

Их направляют в суда, бессильно над морем кидают;

Если оружия им теперь нехватает — водою

Рады врага погубить: свирепо противника недруг

695 В смертных объятьях теснит и с ним умереть, утопая,

Жаждет. В сражении том был некий фокеец, умевший

Долго дыханье в груди, ныряя, задерживать, в море

Шарить по дну, находить песком занесенные вещи,

С места сдвигать, поднимать вцепившийся наглухо якорь,

700 Если не двигался тот, когда его цепью тянули.

Воин, врага захватив, увлекал его в глубь за собою

И возвращался наверх победителем неузвимым.

Но, рассчитав как-то раз, что в пустынное вынырнет море,

Он угодил под корабль и навек под водою остался.

705 Часто хватались пловцы за вражьи весла руками,

Чтоб задержать отступление судов. Величайшей заботой

Было — не зря умереть, и часто, израненным телом

К судну прильнув, смягчали удар налетевшего носа.

Выпустил меткий Лигдам снаряд из пращи балеарской:

710 Твердым свинцом он пробил виски молодому Тиррену,

Ведшему яростный бой на высоком носу корабельном.

Мышцы снаряд разорвал и с кровью пролившейся очи

Выпали вдруг из глазниц: стоит боец, пораженный

Сумраком, вставшим вокруг, и смертным считает сей сумрак.

715 Но ощутив, наконец, в своем теле последние силы,

Крикнул он: «Вы, о друзья, поверните меня, как баллисту,

Прямо поставьте меня, чтобы в цель мои копья летели!

Что же, несчастный Тиррен, — сквозь все презратности боя

Жизни остаток влачи: хоть телом — уже полумертвый,

720 Можешь ты все ж выполнять невредимого воина дело;

Будешь удары терпеть за живых!». С такими словами

Бросил копье во врага слепою, но верной рукою.
Тело пронзило оно благородному юноше Аргу
Там, где желудок в кишки переходит и, падая на землю,

725 Раненый весом своим еще глубже копье загоняет.

А на другой стороне уже побежденного судна
Арга родитель стоял (он в юные годы оружием
Не уступал никому из самых искусных фокейцев;
Сила иссякла теперь, побежденная возрастом дряхлым,
730 Старца примером он был, а не воина); гибель увидев,
К сыну старик поспешил, через лавки гребцов спотыкаясь,
И добежавши, застал при последнем его издыхании.
Слезы из глаз не текут и в грудь он себя не колотит,
Оцепенелый стоит, раскинув дрожащие руки.

735 Ночь наступила, и тьма глаза старику омрачила,
Он перестал узнавать, хоть и видел, несчастного Арга.
Тот же, заслышав отца, пытается голову вскинуть,
Но поникает она: из уст ни единого стога
Не вылетает; лицом он молча лобзания просит

740 И умоляет закрыть глаза ему отчей рукою.

В чувство приходит старик, кровавая скорбь ему сердце
Гложет, и он говорит: — «не стану затягивать срока
Данного злым божеством и пронжу себе старое сердце!
Арг, умоляю тебя, прости несчастного старца,

745 Что от объятий твоих и последних лобзаний бежит он!

В ранах твоих до сих пор горячая кровь не иссякла,
Полуживой ты лежишь — и можешь поэтому выжить».

Так он сказал, и хоть кровь рукоять меча обагрила,
Ибо пронзил этот мечь его чрево, — он кинулся в море

750 Быстрым прыжком: пожелав обогнать сыновнюю гибель,
Дряхлую душу свою он смерти одной не доверил.

Клонится счастье вождей; и сраженья исход несомненен:

Большая часть фокейских судов затонула; другие
Прежних гребцов заменив, везут победителей войско;

755 Только немного пловцов, обратившись в поспешное бегство,
Жизнь сохранили свою. Как лили родители слезы

В городе! Как на берегах несчастные матери бились!
И обнимала жена, ибо волны лицо исказили,
Римского воина труп, за мужа его принимая;
760 Спорили часто отцы из-за клочьев злосчастного тела,
Смертный костер разложив. А Брут — победитель на водах —
Первый к трофеям вождя прибавил и славу морскую.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

- Цезарь меж тем продолжает вести на границах вселенной,
Марсу в угоду, войну, в сраженьях, хотя не кровавых,
Но долженствующих стать роковыми в судьбе полководцев.
Войско Помпеево двум равноправным вождям подчинялось:
1 В добром согласии власть Петрей и Афраний делили.
Лагеря бдительный страж валов неусыпный защитник
Повиновался в те дни посменным приказам обоих.
Был при латинских войсках не знающий устали астур,
Был и проворный веттон, и кельты, которые, бросив
10 Галлии старой поля, смешали с иберами род свой.
Между пологих равнин невысоким холмом вырастает
Тучная почва тех стран; на холме залегает Илерда,
Древней рукой создана; а рядом струею спокойной
Катится тихий Сикор — не последний из рек гесперийских:
15 Каменный мост чрез него перекинулся аркой, способной
Зимние воды сдержать. Вот тут-то, на скалах соседних,
Знамя Помпей водрузил; вблизи, на таких же высотах
Цезарь раскинул свой стан; шатры разделяла стремнина.
Полею открытым оттоль обширные тянутся земли,
20 Необозримы для глаз, и эти поля замыкает
Кинги бурливый поток, который не смеет струею
Брег океана омыть: Ибер, оградивший ту землю,
Имя украл у нее, смешав воедино пучины.
День изначальный войны не знал еще стычек кровавых,

- 25 Он перед взором вождей знамена и множество войска
Выставил; страшен им грех; и оружие безумных сковала
Созесть: но день лишь один законам, нарушенным ими,
Родине был посвящен. Лишь встала ночь под Олимпом —
Цезарь войска окружил втихомолку прорытыми рвами,
30 Взоры врага обманув, ибо строй авангарды держали,
И опоясал свой стан непрерывною цепью пехоты.
С новой зарей он велит захватить внезапной атакой
Холм между двух лагерей, защищавший собою Илерду.
Страх, поражения стыд туда же противника гонят:
35 В натиске бурном стремясь, высоту занимает он первый.
Тем геройство сулит удобное место, а этим
Место победу сулит. В оружии воин к вершине
Рвется, но скоро войска на склоне холма застревают,
Наззничь готовы упасть, и точку опоры дают им
40 Следом идущих щиты. Нет времени дротик направить,
Так как, валясь с крутизны, вонзенным копьем подпираясь,
И позабыв о враге, цепляясь за камни и корни,
Путь прорубают мечом. Но гибель, грозящая войску,
Цезарь заметил, и вот — он конницу в бой посылает,
45 Влево ее развернув для защиты нетвердого фланга.
Так отступил без труда пехотинец, никем не тревожим,
И победитель стоит, отхлынувшим боем обманут.

Были страшны до сих пор лишь одни боевые невзгоды;
Стала зависеть теперь от неверной погоды судьбина.

- 50 Зимний мороз цепенел и, вея сухим Акзилоном,
Воздух холодный сжимал и ливень удерживал в тучах.
Снег пламенел на горах, а в равнинах низменных — иней,
Таять готовый легко под первыми солнца лучами.
В странах, что близко лежат к заходящим созвездиям неба,
55 Окоченела земля и от ясной зимы затвердела.
После ж того, как весной перевозчик Геллы, упавшей,
Глядя на звезды назад, — горячего принял Титапа
И увеличился день, по Весам времена уравнивши, —
Кинфия тою порой, удалившись от Солнца, Борея

- 60 Рогом своим прогнала, дотоле сиявшим несмело,
И начала пламенеть, покраснев под порывами Эвра.
Тучи, какие обрел на пути, этот ветер тотчас же
К западным странам погнал набатейским своим дуновеньем:
Здесь аравийский туман и гангских берегов испаренья,
65 Пар, поднимавшийся вверх при первом блистании солнца,
Все, что вздымает Кор, затмитель восточного неба,
Все, что тяжелою мглой защищает индов от зноя.
Сзет заградили собой, с востока нахлынувши, тучи,
Грузом своим не покрыли они средоточие мира,
70 В бегстве дожди увлекли. Лишены и Север и Запад
Ливней, лишь Кальпу одну омывает небесная влага.
Тут, где Зефиру предел и Олимпа граница преградой
Встала Тефисе, весь строй облаков, на препону наткнувшись
В клусы густые сплелся и громаду черного пара
75 Еле вмещает в себе меж землей и эфиром пространство.
Сжатые небом пары в широкие ливни густеют
И, уплотнившись, текут, а молний огни незаметны,
Хоть непрерывно блестя: дожди заливают их пламень.
Кругом незамкнутым там обнимает небесные своды
80 Радуга, еле светясь своей разноцветной окраской,
Пьет Океана волну, в облака переносит потоки
И возвращает с небес, моря изливая обратно.
Вот уж текут с Пиренеев снега, которых доселе
Не расплавлял и Титан, и от льдов растопленных взошли
85 Скалы. В то время ручей, обычным источником бывший,
Старое ложе забыл: такие обильные воды
С берега в русло лились. И вот уже Цезаря войско
Тонет, плывет по полям — и гибнет в безмерной пучине
Лагерь, размытый дождем; чрез валы разливаются реки.
90 Трудно уж скот добывать, зодою покрытые доли
Не доставляют кормов: блуждая в полях наводненных,
По бездорожью бредет, пути не находит грабитель.
Голод суровый настал, который является первым
Спутником яростных бед — и воин нуждается тяжело, —

- 98 Хоть и осада снята; он не купит за все свои деньги
Скудных Цереры даров. О, жадности бледная немочь!
Золото даже теперь продавцов привлекает голодных!
Вот уж холмов и гор не видать, и вот уже реки
Вместе в болоте слились, исчезли в широком разливе.
- 100 Скалы покрыла вода, размыва звериные норы,
Прочь разогнавши зверей, во внезапном водовороте
С шумом столкнула валы и бурные волны всплеснула
Яростней, чем Океан. Не видала рождения Феба
Небо затмившая ночь; смешал все различье предметов
- 105 Лик искаженный небес и плотно сгустившийся сумрак.
Так же лежит преисподняя часть вселенной под гнетом
Вечной зимы и снегов; созвездий не видит на небе
И не родит ничего, коченея в бесплодном морозе,
Даже подземный огонь умеряя великими льдами.
- 110 Мира всевышний отец, и ты, обладатель трезубца —
Моря правитель Нептун, — услышь мою ныне молитву!
В вечном потоке дождей и впредь запрети повторяться
Злому смятению волн, которое сам же ты создал!..
Пусть не струятся ручьи по наклонной покатости берега,
- 115 Пусть они воды морей обратно несут и, колеблясь,
Путь им откроет земля: пусть Рейн зальет это поле,
Родан — луга близ него, — да вспять обратятся те реки!
Здесь растопи и рифейский ты снег, и стоячие воды,
Влагу недвижных болот повсюду широко разлей ты,
- 120 Чтоб у гражданской войны исторгнуть несчастные земли..
Кратким испугом вождя Фортуна насытилась скоро
И возвратилась к нему, а боги прощенье послали —
Благостны, как никогда. И воздух, уже поредевший,
С Фебом благим заодно, развеял водами тучи
- 125 В редкую мглу облаков, и ночь на заре заалела,
И убежала от звезд, сохраняя порядок природный,
Влага, в низины земли отовсюду отхлынули воды
Подняли рощи листву, из болот показались высоты,
И под сиянием дня высыхать начинают долины.

- 130 Только вошел Сикор в берега, и поля пообсохли,
Тотчас же ивы седой сплетают мокрые прутья
В малую лодку — и челн, обтянутый бычьей кожей,
Мчится по бурной реке, подчиняясь кормчего воле.
Так проплывает венет по Паду или британец
- 135 По океанским волнам; так в месяцы нильских разливов
Легкий Мемфисский челнок скользит сквозь папирус болотный
В этих ладьях переплывши поток, отряд повергает
Срубленный лес на берегах, но яростных вод опасаясь,
Не у реки устои крепит дубового моста,
- 140 А далеко на поля его продолжение выводит.
Чтобы Сикор не дерзнул разъяриться в новом разливе,
Гонят в каналы его: за реку наказание терпит
Сеть разобитенных ручьев. Петрей же, увидев, что счастьем
Цезаря сломлено все, покидает высоты Илерды,
- 145 Войско уводит свое из области, Риму знакомой,
К диким народам бежит, пылающим страстью военной,
Вечно свирепым в бою, — и к пределам вселенной уходит.
Цезарь, нагие холмы и покинутый лагерь заметив,
Взяться за меч приказал, не искать моста, или брода, —
- 150 С помощью собственных рук одолеть многоводную реку.
В бой прорываясь, бойцы тот путь совершают, что в бегстве
Страшным казался для них. А после они согревают
Мокрые плечи броней и топчутся, внозь оживляя
Ноги, в воде ледяной застывшие, — полдень доколе
- 155 Тени не стал сокращать; вот конница тыл атакует,
Вот уж не ведает враг — бежать или в битве держаться.
Два каменистых хребта посреди глубокой долины
Скалы воздвигли свои; отсюда земля, возвышаясь,
Вдаль простирает холмы, и в их расселинах темных
- 160 Тайные тропы лежат; чуть скрылся в ущельях противник, —
Цезарь увидел, что бой перешел в непролазные дебри,
В области диких племен. «Идите без всякого строя, —
Он приказал, — верните войну, унесенную бегством.
И покажите врагу лик битвы и грозные лица:

- 166 Да ни единый из вас не падет позорною смертью,
Каждый да встретит теперь открытою грудью железо.
Так приказав, обогнал он врага, уходявшего в горы.
Там, друг от друга вблизи, разбили два стана, валами
Низкими их окружив. Промежуток меж ними нисколько
- 170 Зрения не притупляя; и лица врагов различая,
В них узнавая отцов, сыновей узнавая и братьев, —
Мерзость гражданской войны себе уяснили. Сначала
Скозывал страх их уста, а родным привет посылали
Взмахом меча иль кивком; но вскоре влечением жарким
- 175 Свергла запреты любовь, и валы перепрыгнуть решился
Воин — и близким подать для объятия простертые руки.
Кличет знакомого тот, к родимому этот взывает,
Те вспоминают вдвоем младенчества давние игры;
Не узнавали врага лишь те, кто не римляне были.
- 180 Меч орошают слезой, поцелуй прерывают рыданьем,
Кровью еще не облит, того ужасается воин,
Что натворить бы он мог. Зачем же ты в грудь ударяешь?
Стонешь зачем ты, глупец, и льешь бесполезные слезы,
Не сознаваясь в том, что злодейство творишь доброзольно?
- 185 Или так страшен тот, кого сам ты сделал ужасным?
В битву да кличет сигнал: но не внемли яростным звукам;
Знамя да реет: уйди; Эриния распри исчезнет,
Будто простой человек, твой Цезарь зятя полюбит!
- Ныне, согласье, приди, нерушимою связью скрепляя
- 190 Всех: ты — спасенье земли, охваченной общею смутой, —
Мира святая любовь; теперь наше время угрозой
Служит грядущим векам. Злодеяний несчетных личины
Сорваны прочь, лишен народ преступный прощенья:
Люди узнали своих. Проклятье! Зловещие судьбы
- 195 Ужас великих потерь увеличили кратким покоем.
Мир наступил, и двух лагерей бродили, смешавшись,
Воины; ставят столы из жесткого дерна для пира
Братского, вместе творят возлияние общее Вакху.
Светит костер из травы и в рассказах о подвигах ратных

- 200 Ночи проводят без сна, вспоминая на дружеском ложе
То, как метали копье, и где было первой стоянки
Место. Пока говорят о своих приключениях военных
И отрицают порой те цели, к которым стремились, —
Ибо вернулась опять доверчивость к бедным, — злодейство
205 Выросло вдруг из любви. Петрей, проведав о мире,
В страхе, что лагерь его и сам он солдатами предан,
Снова к преступной войне побуждает брагские руки:
Вражьем толпой окружен, безоружных из лагеря гонит
И разлучает мечом объятами связанных граждан,
210 В их изобильной крови утопивши покой перемирья;
Сыплет неистовый гнев к свирепому бою призывы:
«Воин, отчизну свою и знамена свои позабывший,
Освободителем ты не вернешься, Сенат защитивши,
Цезаря здесь победив: но по крайней мере сумей же
215 Доблестно пасть! Покуда есть меч и превратности судеб,
Кровь пока есть, чтобы течь из бесчисленных ран, — неужели
Будешь владыку терпеть, знамена ему подчиняя?
Цезаря будешь просить, чтобы он без опасности всякой
Новых рабов приобрел? Умолять ли вождам о пощаде?
220 Наше спасение мы в оплату бесчестной измены
Не превратим никогда. Ради жизни ли нашей ведутся
Битвы гражданской войны? Нас пленяют, крича нам о мире?
Сгаль из глубоких недр вырывать бы не стали народы,
Стены вокруг городов не стояли бы твердой защитой,
225 В битву горячий скакун не рвался бы, в море не шел бы
Флот, башеноносных судов рассыпая по водам громады, —
Если бы миром благим легко добывалась свобода.
Наших, конечно, врагов с преступленьем безбожным связали
Данной присяги слова; но ваша доверчивость — хуже,
230 Ибо, сражаясь теперь, на прощенье надеяться должен
Правого дела боец. О, совести горькая гибель!
Ныне, судьбы не страшась, ты собираешь, Помпей, по вселенной
Войско свое и тревожишь царей в отдаленных пределах,
Здесь же, быть может, тебе уже обеспечил спасенье

235 Мирный наш договор». Такими речами потряс он
Все без изъятия умы, воскресив к преступлениям жажду.

Так, позабывши леса, приручаются в запертой клетке
Дикие звери — они, склоняя сзирепые морды,
Терпят покорно людей; но лишь малая капелька крови
140 Брызнет в их лютую пасть, — возвращаются злоба и ярость,
И распаляются вновь, отведавши крови, их глотки;
Гнев закипает — и вот чуть не гибнет, дрожа, укротитель...
Всяческий грех нипочем, и верность, которая ночью
Ненависть к братской войне возрастила веленьем всевышних,

245 Ныне злодейство родит: возле самых столов и на ложах
Грудь пронзают они, согретые ими в объятьях.
Хоть и со стоном сперва мечи обнажают, страдая,
Что милосердной рукой жестокое правит железо, —
Смертным ударом опять пробуждают в размякнувших душах
250 Ненависть. Вот уж бурлит весь лагерь великим смятеньем,
Толпы злодейством кипят, и дети родителей душат.
Пользы нет — резать тайком, — и мерзостью хвастает каждый
Перед глазами вождя; уж нравится — быть душегубом!

Цезарь, хоть ты потерял немало воинов в битве, —
255 Милость всезышних с тобой; ведь большего счастья не знал ты
Ни в Эмафийских полях, ни в фокейских Массалии всадах,
Ни на фаросских волнах ты подобных успехов не ведал, —
Ибо лишь в этом одном злодеянии усобицы был ты
Правого дела вождем. Предводители больше не смеют
260 В лагере, близком к врагу, оставить свой строй, истощенный
Сотней коварных убийств, и к стенам высокой Илерды
Вновь отступают они. А конница, поле напротив
Быстро заняв, на безводном холме запирает их войско.
Цезарь лишенных воды окружает глубокой канавой,
265 Не допускает врага на берег из крепости выйти,
Или широкий ручей повернуть при посредстве плотины.

Страх перешел в неистовый гнев, когда увидали
К смерти открывшийся путь. Отбросив на бегство надежду,
Люди убили коней — осажденным ненужную помощь —

- 270 И понеслись на врага, поневоле к себе призывая
Гибель. Заметивши их, бегущих в большом беспорядке
И обреченных на смерть, к своим обращается Цезарь:
«Воины, спрячьте мечи, отвратите копье от бегущих:
Да не заплатим за бой ни единой мы каплею крови.
- 275 Кто вызывает врага, — побежден не бывает задаром!
Жизнь ненавизю свою, юнцы эти жалкие сгинут
Мне самому в ущерб; не почувствовав даже удара,
Сами падут на мечи, пролитой радуясь крови.
Пусть охладет их пыл, пусть натиск безумный ослабнет,
- 280 К смерти охота пройдет!». И так он врагу позволяет
В тщетных угрозах сгорать, расточать свои силы без боя,
Звезд пока ночь не зажгла, сменив заходящего Феба.
Пищи себе не найдя в столкновении, гибель несущем,
Гнев их свирепый угас, постепенно их страсти остыли.
- 285 Так в изъязвленной груди горит еще дух неослабший
В час, когда рана свежа и горячая кровь напрягает
Жилы движеньем живым, и кожа к костям не присохла:
Если же, длань задержав, остановится вдруг победитель,
Чуя вонзившийся меч, — тогда охладевшие члены
- 290 Оцепененье скует и силы отнимет у духа
После того, когда кровь, запекшись, рану затянет.
Вот уж, без влаги томясь, они почву вокруг разгребают,
Ищут подземных ключей, источников, скрытых от взора;
Землю взрывали они не только киркой и лопатой,
- 295 Но и клинками мечей, пока не прорыли колодезь
Прямо сквозь недра горы до уровня низкого луга.
Вовсе не так глубоко, не так на́долго свет покидая,
Бледный, спускается вниз астурийского злата добытчик.
Но из подземной реки не хлынули с шумом потоки,
- 300 Не засверкали ручьи из лона пробитого камня,
Не засочилась росой иль скудными каплями яма,
Не замутила песка из недр извлеченная струйка.
Бышла наверх молодежь, изнуренная потом обильным,
Силы свои истощив на твердых породах утеса;

- 306 В поисках тщетных воды ей стало гораздо труднее
Зная дыханье терпеть. И тел истощенных не может
Пищей она поддержать и противной едой не способна
Голод теперь утолить. Если в куче земли разрыхленной
Влагу находят бойцы, то руками они прижимают
310 Жирные комья к устам. Если мутным, чернеющим илом
Сточная яма полна, припадают к ней взапуски люди.
И умирая, сосут те грязные воды, каких бы
Пить победитель не стал; или диким зверям уподобясь,
Скотское вымя сосут, а в нем молока не нашедши,
315 Из отошальных сосцов глотают кровавые капли.
Травы и листья они растирают и ветви срывают,
Полные влажной росы, и сок выжимают из стеблей
Иль из древесных стволов сердцевину берут молодую.
О, как блаженны те, кого убегающий недруг —
320 Варвар в полях распростер, отравив источники ядом!
Цезарь, уж лучше насыть чумою и гноем животных
Реки и в них, не таясь, на диктейских утесах растущий
Бледный забрось аконит: пусть Рима юная сила,
Не обманувшись, их пьет!.. Огонь пожирает желудки
326 И в иссушенных устах языки чешую твердеют;
Жилы увяли, в груди, не смягченной живительной влагой,
Легкие дышат с трудом и воздух едва продвигают,
Тяжкими стонами им раздирая засохшее нёбо;
Все ж раскрываются рты и ловят ночную прохладу.
330 Ждут, изнывая, дождей, в разливе которых недавно
Плавало все, и глаза к облакам обращают безводным.
Жажду несчастных стократ разжигают близкие реки:
Не над Мероей сухой, не под Рака созвездьем томятся,
Где гараманты живут, — но с обеих сторон протекают
336 Здесь — непроворный Сикор, а там — Ибер быстроводный,
И осажденный, томясь, их потоков движение видит.
Вот уж сдались, наконец, вожди побежденных; Афраний,
Мира решивши просить, с обреченными смерти войсками
В лагерь враждебный влачит свои полумертвые турмы,

- 340 Сам припадая к стопам победителя. Все же величьем
Несокрушенным в беде — полны о пощаде моления,
Между удачей былой и злосчастьем новым стоит он, —
Хоть побежденный — но вождь, и милости просит спокойно:
«Если бы судьбы меня, опозорив, врагу подчинили,
345 Я бы отважной рукой погибель привлечь не замедлил.
Ныне ж причина мне есть молить о спасении, Цезарь,
Ибо считаю тебя достойным, чтоб жизнь даровать нам,
Партии я не служил, меча во враждебном порыве
Не поднимал на тебя. Но гражданская распря застала
350 Уж полководцем меня, и верность первой присяге
Свято хранил я, как мог. Мы не станем противиться судьбам:
Путь на восток вам открыв, предадим племена гесперийцев,
Будешь спокоен за тыл, за край, остающийся сзади.
Ныне кончает войну не кровь, пролитая в поле,
355 Не утомленная длань, не железо. Прости побежденным
Грех их один — победу твою. Мы немного просим:
Отдых измученным дай, позволь провести без оружия
Жизнь, что подаришь ты нам. Считай распростертыми в поле
Наши полки; не годится тебе с войсками победы
360 Строй осужденных мешать, и плененных причастными делать
К гордым триумфам твоим; эти толпы уж вынули жребий.
Вместе с тобой побеждать не принудь побежденных, — мы
молим».

- Молвил; и с ясным лицом склонился к милости Цезарь,
Их предпочел не карать, обычай войны нарушая.
365 В миг, когда в силу вошел договор справедливого мира,
Кинулись к рекам бойцы, благо не было больше запрета.
И, упавая на брег, возмущали струи невозбранно.
Многие, сразу припав к потокам, их пили так долго,
Что захватило им дух, и вода, преградивши дыханье,
370 Крови нарушила ток; но все же их жгучая жажда
Не угасает в питье; она и при полном желудке
Требует снова воды. Однако, вернулись к ним силы,
Жилы наполнила мощь. О, роскошь, богатств расточитель,

Ты, никогда и нигде недовольная скудным обедом,
375 Ты, обходящий моря и сушу в поисках пищи,
Голод надменный, и ты, о слава пиров изобильных, —
Ныне узнаете ль вы, как мало для жизни потребно,
И до чего природа скромна! Не целит здесь болящих
Вакх благородный, что был при неведомом консуле разлит,
380 Пьют не из чаш золотых, не из мурры, — поток первозданный
Жизнь им вернул; Цереры да рек — достаточно людям.
Горе тому, чей жребий — война! Оставив оружие
Цезарю, с грудью нагой и тем от убийств защищенной,
Все по своим городам разбегаются вспять беззаботно.
385 О, как жалели теперь, до мира дорвавшись, что раньше
Меч поднимали они и лютую жажду терпели
И об успехе в бою напрасно богов умоляли!
Тем, кому помощь дает в сражениях Марс благосклонный,
Столько трудов на земле и рискованных битв остается!
390 Чтоб не могла погубить ненадежным успехом Фортуна,
Надо всегда побеждать; и кровь проливая позсюду,
Следовать надобно им за превратной судьбой полководца.
Счастлив, кто мог разузнать наперед при падении мира
Место, где будет лежать! Никакая война утомленных
395 В бой не зовет, их крепкого сна сигнал не тревожит.
Их обнимают — жена, сыновья молодые, отчизна,
Не как пришельцев-селян их скромный очаг принимает.
Их и от прочих тягот избавляет судьба благосклонно,
Так как в душе у них нет беспокойного пыла: их блага
400 Цезарь творец; а Помпей был вождем. Лишь эти счастливы
Могут войну созерцать, никому не давая присяги.
Но не всегда и везде улыбалось военное счастье:
Цезарю рок иногда дерзал посылать неудачу.
Там, где близ долгих Салон шумят Адриатики волны,
405 Там, где теплый Иадр сбегает к нежным зефирам.
Здесь, доверяясь вполне воинственным ордам куриктов,
Кох питает земля, окруженная зыбью морскою,
Здесь за стеной заперся, укрепившись у моря, Антоний,

- Чуждый вторженью войны, если только твердынь покоритель —
410 Голод его пощадит. Ни пастбищ земля не давала
Для прокормленья коней, ни даров белокурой Цереры
Не было там никаких; но только скудные злаки
Воины рвали в полях и вот уж, все нивы ограбив,
Стали они обгрызать иссохшие травы в окопах.
- 415 Скоро, на том берегу союзников видя, которых
Вел полководец Басил, замышлять они начали хитрость,
Чтоб через море бежать. Совсем не так, как обычно,
Строют они корабли, — с бортами, с кормою высокой, —
Но, чтобы груз наложить, скрепляют дубы вековые;
- 420 Плот этот крепкий с боков подпирают порожные бочки.
Тесен их стянутый ряд, обвязанный цепью тугою,
И вереницей двойной окружает наклонные брусья.
Вооруженных гребцов тот плот на бортах не имеет,
Мчит его моря прибой, омывающий толстые бревна;
- 425 Бег молчаливый такой невиданным кажется чудом,
Так как не видно ветрил, и веслами волн не сечет он.
Подстерегают волну, когда уходящие воды
Гонит пучина, и дно отливом своим обнажает.
Вот уж растут берега уходящего вдаль Океана:
- 430 В море уносится плот и двух за собою уводит
Спутников: там над водой большая виднеется башня,
Множество в ней этажей, и бревна дрожат, угрожая.
Страж иллирийской волны, не хотел Октавий поспешно
Атаковать плоты, и суда быстроходные долго
- 435 Сдерживал, мирным путем увеличить добычу желая:
Дал он отважным пловцам по глади спокойного моря
Дальше уйти. Так звонкую пасть молосской собаки
Ловчий стремится зажать, а псов спартанских и критских
Вяжет, пока не запрет своим пугалом робких оленей, —
- 440 Тех, что смятением полны от запаха перьев душистых, —
Или пока свою сеть не развесит он, колья расставив:
В лес до тех пор он пошлет лишь такую собаку, что может,
Нос опустив, по следу бежать, на добычу не лаять,

Но лишь дрожаньем ремня указывать скрытую нору...

445 Некогда ждать; громады плотов заполняются быстро
Нетерпеливой толпой, и остров она покидает
В час, когда сумрак ночной нависает над светом последним.

Но воскресил на морях киликиец, сторонник Помпея,
Хитрости древних — и вот, оставшая открытой поверхность,
450 Цепь опускает он в глубь, прикрепив к иллирийским утесам,
Ей позволяя висеть ненатянутой, тихо качаться
Вместе с прибоем волны. Она задержать не сумела
Первые оба плота, но третья громада застряла
И на канате ее к прибрежным камням притянули.

455 Там нависает скала, изъедена морем и — чудо! —
Вечно готовясь упасть, лесами залив осеняет.
Волны не раз приносили суда разбитые бурей
И утонувших тела скрывало в тех сумрачных гротах;
Море добычу свою из пещер извергало с валами
460 И оглушительный шум смятенного водоворота
Мог бы там рев превзойти Харибды тавроменийской.
К ней и причалили плот поселенцев опитергинских,
Здесь корабли окружают его, покинув стоянки,
И одновременно враг занимает утесы и берег.

465 Но замечает Вултей подводные тайные козни;
Плота начальник он был, который напрасно пытался
Цепи мечом разрубить; он хочет отчаянной битвы,
Ибо не знает, куда спиной повернуться иль грудью.
В этой тяжелой беде плененная доблесть сумела
470 Сделать, что только могла: меж тысяч, плот окруживших,
И когортой одной беглецов на плоту — разразился
Бой; но краток он был: ибо тени ночные покрыли
Отблеск вечерней зари и тьма принесла перемирие.

Великодушный Вултей тогда ободряет когорту, —
475 В ней же уныние царит и страх пред грядущей судьбою:
«Знайте, бойцы, лишь на краткую ночь еще вы свободны:
Надо последний свой час в это малое время обдумать.
Жизнь не бывает кратка для того, кто в ней время имеет,

- Чтоб отыскать свою смерть, и слава — не ниже той смерти,
180 Юноши, если итти грядущей судьбине навстречу.
Жизни неведом нам срок, — и всем одинаково славно
Гибель рукою маня, обрывать последние миги,
Юные годы терять, на которые много надежды
Мы возлагали пред тем. Никто тут желать себе смерти
485 Не принужден. Путь к бегству закрыт, грозят отовсюду
Граждане — наши враги: но всяческий страх исчезает,
Если решишь умереть: пожелай же того, что так нужно!
Но не годится нам пасть, во мгле непроглядной сражаясь,
Да не покроют мечей наши воины сумраком плотным
490 Ночи. Когда на полях тела громоздятся, сцепившись, —
Прячется в грудах и смерть: погибает геройство под спудом.
Волей богов мы стоим на виду у союзников наших
И на глазах у врага. Нам зрителей море доставит,
Суша их также пошлет, на скалы их выставит остров, —
495 Будут дивиться на вас с двух сторон враждебные рати.
Знаю ли я, сколь нетленный пример из участи нашей
Здесь ты готовишь, судьба! Но какой бы памятник вечный
Верность и воинский долг, хранимый мечом, ни воздвигли, —
Их навсегда превзойдет наших воинов твердая доблесть;
500 Ибо все ведаем мы, что слишком мало, о Цезарь,
Пасть на мечи за тебя; но нет у бойцов осажденных
Больших залогов любви, чем те, какие даем мы.
Много завистливый рок от нашей славы убавил,
Раз нас держат в плену — не с детьми, не со старцами вместе!
505 Пусть же увидят враги в нас воинов неукротимых,
Бодро встречающих смерть, пусть ярости нашей страшатся,
Радуюсь тем, что один только плот окружен! Укротить нас
Мирною сделкой хотят, развратить позорною жизнью!
О, если б милость они обещали, чтоб в гибели нашей
510 Стала значительней смерть, — на спасенье бы дали надежду
И не сочли, когда мы пронзим свои груди железом,
Что увлекло отчаянье нас! Только высшая доблесть
Может того заслужить, чтобы гибель немногих из тысяч

Цезарь потерей считал. И пусть, отпустив на свободу,
815 Рок мне убежище даст — от судьбы бежать не хочу я!
Жизнь я покинул давно, друзья, и меня подгоняет
Близкой гибели бич: я предвижу! Познание открыто
Тем лишь, которых уже коснулась близкая гибель.
Боги таят, дабы жизнь им продлить, что для всех побежденных
820 Счастье одно — умереть!». — Так души бойцов благородных
Поднял он жаром речей: пред тем как сказал полководцу,
Влажные очи солдат на небесные звезды взирали,
И трепетали бойцы пред Медведицы дышлом поникшим, —
Ныне же — ибо зажгло наставление храбрые души —
825 Дня возжелали они. В ту пору не медлило небо
Звезды в моря погружать, — так как солнце в созвездии было
Лединых двух Блинецов, возле Рака высоко стояло;
Краткая ночь торопила тогда Фессалийские стрелы.

Истров рассвет показал, стоявших на скалах прибрежных,
830 С греческим флотом большим либурнов воинственных — в море.
В бой не спеша, попытались сперва победить договором:
Думали, — пленникам их не покажется ль жизнь драгоценней
С этой отсрочкой конца. Но не двигался строй обреченных:
На смерть стояли они, бесстрашно сражаясь, поскольку
835 Сами себя истребить обещались, и в душах, готовых
Вышую долю принять, смятения не было вовсе.
Но и в ничтожном числе противились ратям несметным
На берегах и волнах: так сильна была преданность смерти!

Но наконец порешили они, что достаточно крови,
840 Гнев отвортив от врага. И перзый, требуя смерти,
Судна начальник Вултей обнажил себе грудь и воскликнул:
«Воины, чья же рука моей крови достойна, кто, верный,
Рану вождю нанесет и этим желанье докажет
Встретить бестрепетно смерть?». Еще не успел он закончить,
845 Как уж десятки мечей его отовсюду пронзили.
Хвалит он всех, но тому, кто первый нанес ему рану,
Он благодарной рукой возвращает удар, умирая.
Все подражают ему — и убийственных битв злодеянья

- В стане творятся одним. Вот так же, из племени Кадма,
550 Пала от собственных рук диркейская древле когорта,
Братьям фиванским явив предвестие грозное этим;
Дети драконьих зубов, разъярясь от волшебных заклятий,
Братскою кровью своей напоили борозды в поле
Фасиса так, что Медея сама испугалась злодейства,
555 Зелье сваривши из трав еще неискусной рукою. . .
Так умирают бойды, сговорясь о взаимном убийстве,
В том избиении мужей — умереть — наименьшая доблесть.
Вместе они разят, и падают сами от смертной
Раны; и ныне рука, предсмертно уже холодея,
560 Не промахнется ничья. Не меч там удары наносит:
Грудь ударяет о меч, на его острие натываясь,
Тянется горло к рукам. И множа кровавую участь,
Братья на братьев идут, встают на родителей дети.
И не дрожит их рука, но всей тяжестью меч погружает.
565 Кротости признак один — убивать с единого раза;
Вот по широким мосткам кишок выпадающих клочья
Вдоль по плоту волочат, полумертвые кровь проливая
В море широкой струей. Им нравится с гордым презреньем
Брошенный свет созерцать, глядеть победителю в очи,
570 Чувствовать близкую смерть. Вот плот уже весь покрывают
Груды растерзанных тел; на костер победители валят
Трупы, дивятся вожди, что ради вождя сотворилось
Столько ужасных убийств. А Слава, весь мир облетая,
Не восхваляла шумней ни единого судна доселе.
575 Но малодушный народ на этом примере отважных
Все же не понял еще, какая нехитрая доблесть —
С помощью собственных рук от рабства избавиться. Страшным
Деспота делает меч, от оружия гибнет свобода, —
Знает ли кто, что мечи нам даны, чтобы не было рабства!
580 Если бы ты, о смерть, щадила трусливых, и только
Доблесть дарила тебя! . . Тянулась не менее вяло
Тою порою война и на знойных разниах ливийских.
С флотом смельчак-Курион отплыл от берегов Лилибея,

- Он с Аквилоном пошел, едва паруса надувавшим,
685 И опустил, наконец, свой якорь возле Клипеи
И Карфагена — твердынь разбитых, у суши знакомой;
Первым он лагерем стал вдали от седого прибоя,
Там, где пески бороздит течение тихой Баграды.
Дальше идет он к холмам, к отовсюду иззубренным скалам:
590 Их неспроста в старину называли царством Антея.
Знать пожелал Курион причину названья, и дикий
Житель ее разъяснил по древним сказаниям дедов:
«Не истощившись еще, хотя и родила гигантов,
В чреве ливийском Земля зачала ужасного сына.
595 Меньшею славой, чем он, гремел Тифон по вселенной.
Титий и злой Бриарей; Земля небеса пощадила
Тем, что Антея она подняла не на поле Флегрейском.
Дивным подарком Земля увеличила детища силы:
Если он, наземь упав, материнского лона касался, —
600 Новою мощью тотчас наливались усталые мышцы;
В этих пещерах он жил; под высокой скалою скрывался;
Львов, говорят, он ловил и питался убитыми львами.
Ложем для сна не служили ему звериные шкуры,
Спал не на мягкой листве, но силы свои подкреплял он,
605 Лежа на голой земле. Ливийских равнин поселенцы
Гибли, страдали и те, которых моря пригоняли.
Долго, в геройстве своем Земли презирая подмогу,
Падать Антей не желал: он всех побеждал неизменно,
Хоть и стоял на ногах. Но вот, прослышавши славу
810 Этой кровавой беды, в пределы ливийские прибыл
Мощный духом Алкид, очищавший мир от чудовищ.
Шкуру с себя клеонейского льва он сбросил, Антей же —
Шкуру ливийского льва; чужестранец натерся елеем,
Ибо желал соблюсти олимпийской палестры обычай.
815 Враг же, боясь лишь стопой материнского лона касаться,
Тело себе укрепил, осыпав песком раскаленным.
Руки могучие их сплелись в объятии тесном;
Долго, но тщетно они друг другу шею сжимают, —

Не повернет головы и челом ни один не поникнет.

620 Равенство сил их дивит. Алкид свою мощь не желает
В первом бою истощить и так утомляет Антея,
Что задыхается тот, неровно, прерывисто дышит,
Хладного пота ручьи с утомленного тела струятся,
Шею усталую гнет и ко груди Алкид прижимает

625 Грудь — и погнулись тогда под косым ударом десницы
Ноги врага. Поперек живота, со спины, победитель
Смякшего стиснул борца, его бедра ногами раздвинул,
На землю вдруг повалил: раскинув огромные члены,
Пал ослабевший Антей. Сухая земля поглотила

630 Пот его, жилы тотчас налились горячею кровью,
Мышцы напряжились вновь, окрепли и руки, и ноги, —
И обновленная мощь порвала Геркулесову хватку.
Остолбенел тут Алкид, изумившись невиданной силе;
На инахийских зыбях его в юности так не пугала

635 Гидра, подбитая им, возрождая змеиные шеи.
Равные ныне сошлись: один — с материнскою мощью,
С собственной силой — другой. И мачехи лютой надежды
Так не цвели никогда; ибо видит, как потом покрылись
Тело его и чело — сухие под грузом Олимпа.

640 Снова, когда он обвил руками усталые члены,
Не дожидаясь врага, пал наземь Антей добровольно
И обновленный восстал, получив еще большую силу.
Дух, почивавший в земле, переходит в ослабшие мышцы
И помогает Земля борению грозного сына.

645 Но, наконец, заметил Алкид, что мать, прикоснувшись,
Помощь врагу подает, и молвил: «стоять тебе надо;
Больше тебя не дозерю Земле и упасть не позволю;
В воздухе будешь висеть, к моей груди крепко прижатый:
Так ты погибнешь, Антей». И вот прильнувшего долу

650 Поднял Антея он взысь. Земля не могла уже больше
Силу из недр перелить в своего умиравшего сына.
Долго Алкид держал его так, — пока смерть не сковала
Хладное тело врага, он Антея Земле не доверил.

Сторож седой старины, этим скалам болтливая старость
655 На удивление всем подарила Антеево имя.
Только оставил холмам еще более славное имя
Тот, кто от римских твердынь отвлек супостата-пунийца:
Имя его — Сципион. Ливийской земли покоритель
Здесь обитал. Вон видишь следы старинного вала:
660 Римляне в этих полях одержали победу впервые».

Рад Курион: возомнил, что поможет удачное место
В битвах ему и успех обеспечит былых полководцев.
Свой обреченный шатер раскинув на месте счастливом,
Смело он лагерем стал и холмам роковым доверяет,
665 И, уступая в числе, свирепых врагов беспокоил.

В Африке все, что досель покорилося римским знаменам,
Было у Вара в руках, который, хоть верил немало
В силу латинских когорт, однако скликал отовсюду
Войско царя, — племена ливийские, ратные силы,
670 С крайних пределов земли за Юбой летевшие. Шире
Не было в мире полей в руках одного властелина:
С запада был рубежом Атлас, возле Гадов лежавший,
С юга виднелся Аммон, граничивший с Сиртами, в ширь же
Полные зноем поля великого этого царства
675 От обожженных пустынь Океан отделяют собою.

Много в нем разных племен: разделяют походы гетулы —
Те, что готовы всегда на коне необъезженном мчаться,
Мавр, как индеец цветной, автолол, кочевой нумидец,
Тощий бедняк назамон, мармарид проворный, сожженный
680 Солнца огнем гарамант и мазакс, как в стрелах — миляне,
Ловкий в метаньи копья, и народ массильский, который
Гибкой лозой обуздав скакунов, незнакомых с уздою,
Ими привык управлять, на хребте неоседланном сидя;
Также кочующий там средь пустых шалашей африканец.
685 Ловчий, широким плащом накрывающий львов разъяренных,
Ежели дротину он довериться больше не может.

Юба мечи отточил не только для битвы гражданской:
Но замышлял он войну и собственным гневом влексмый.

- Ибо его Курион, богов и людей оскорбляя,
690 С древнего трона согнать пытался властью трибуна,
Ливию всю у тирана отнять в то время, как в царство,
Рим, он тебя превращал. Страдания прежние помня,
Эту войну он считал уцелевшего скипетра плодом.
Но Курион трепетал перед славой царя не на шутку,
695 Ибо войска у него не преданы Цезарю были,
Не был испытан боец, в твердых Корфиния взятый,
Рейнской студеной волной; но старым вождям изменивши,
Новых совсем не любя, считал он, что в этих раздорах
Каждый по-своему прав. Курион, заметив, что в страхе
700 Все присмирели сердца и покинула стража ночная
Свой караул на валу, — трепеща душою, промолвил:
«Первым я меч подниму: покрывается ужас дерзаньем!
Пусть мой боец, покуда он мой, в открытое поле
Выйдет: ведь праздность всегда порождает изменчивость
в мыслях.
- 705 Вырви у битвы совет: когда меч обнаженный рождает
Злые желанья, а стыд под медным скрывается шлемом, —
Сравнивать будет ли кто полководцев, судить побужденья?
С кем мы идем, тому и верны; на смертной арене
Двух гладиаторов в бой кидает не дрезняя распря, —
710 Враг ненавидит врага». Так молвив, он в поле открытом
Располагает войска; Фортуна его принимает
Ласково, чтобы затем обмануть боевою невзгодой.
Вара сначала разбив, он пронзал неприкрытые спины
В бегстве позорном, пока не укрыл противника лагерь.
- 715 Юба, узнав о несчастных боях побежденного Вара,
Возликовал, что теперь достается военная слава
Только ему одному; он тайно войско уводит
И, приказавши молчать, молву о себе затемняет,
Лишь одного трепеща, — как бы враг его рать не заметил.
720 Послан Саббура был им, — за царем в Нумидия первый, —
Чтобы врага обмануть, войну завязавши притворно,
Мелкие стычки начать и выманить в поле отряды.

- Юба же силы свои скрывает в глубокой долине:
Опытный враг так играет хвостом пред фаросской ехидной,
725 Тенью неверной своей дразня ее гнев — и внезапно,
Яда ее не страшась, опрокинет и в горло вопьется
В миг, как ее голова откачнется, погнавшись за тенью;
Тщетно ехидна тогда отраву свою выпускает,
Тщетно из зева ее слюна ядовитая брызжет.
- 730 Хитрости этой успех Фортуна послала: разгневан
Тем, что узнать не сумел врага незримого силы,
Коннице дал Курион приказанье — из лагеря ночью
Выступить и широко развернуться в неведомом поле.
Сам же на ранней заре из лагеря двинуть знамена
- 735 Отдал приказ, хоть просили его и долго, и тщетно
Злобных ливийских коварств опасаться, а также обычных
Козней пунических войн. Обречла роковая Фортуна
Юношу смертной судьбе, и гражданская распря умчала
В гибель творца своего. Повел он отважно знамена
- 740 На неприступный утес, на камни с обрывистым краем,
И на вершине холма внезапно врага обнаружил.
Этот, хитря, отступил, чтоб, высоты покинув, противник
Части рассеянных войск направил в открытое поле:
Бегству был рад Курион и, не зная уловок притворных,
- 745 Как победитель, спустил свое войско глубоко в низину.
Тут и открылся обман: бежавшая рать нумидийцев
Войско его заперла, заняв близлежащие горы.
Остолбенел тут и вождь, и его обреченные люди:
В бегство не кинулся трус, не помчался в сражение храбрый
- 750 Конь, возбужденный трубой, камней не тревожит скаканьем,
Грубой уздой не дерет себе рот, не дергает повод,
Он не подымлет ушей, непонятым смятеньем охвачен,
Всадника в битву не мчит, ибо ноги не терпят покоя.
Потом дымится круп, голова устало поникла,
- 755 В пене горячий язык из открытого рта повисает,
Стонет хрипящая грудь, надрывается в частом дыханьи,
В тяжких, глубоких толчках содрогается впавшее чрево,

И запеклась в удилах сухая кровавая пена.

Ни понуждение шпор коню быстроты не прибавит,

760 Ни наконечник копья, ни частые плети удары.

Раны коней горячат, но воинам не было пользы

Вялого гнать скакуна: не бежит он вперед и не рвется,

Только влечется к врагу и под копья его подставляя

Всадника, время дает для прицела и метких ударов.

765 Конницу кинул тогда кочевой африканец на римлян,

И зашумели поля, и пыль от земли размягченной

Тучей кругом поднялась, как будто от бури бистонской,

Небо закрывши собой и сумрак густой навлекая.

Истинно, горестный рок постиг в том сражении пехоту,

770 Не колебались в тот час решенья неверного Марса,

Но беспощадная смерть овладела участью боя:

Римская рать не могла навстречу кинуться, чтобы

В битве оружие скрестить; но враг, окружив отовсюду,

Сбоку наносит — вблизи, издалека — прямые удары

775 Так, что не только от ран и кровавых ручьев погибали,

Но и под градом стальным, раздавлены тяжестью копий.

Войско великое здесь в кругу столпилось тесном:

Всякий, кто в страхе спешил в середину строя укрыться,

Тот уж не мог без вреда меж своих же мечей повернуться;

780 Все уплотнялась толпа потому, что вглубь отступая,

Круг свой сужали ряды. И стиснутым нет уже места,

Чтобы оружием взмахнуть — и трутся тела друг о друга;

В давке доспехи круша, о грудь разбиваются груди.

Но не пришлось созерцать победителю-мавру в восторге

785 Все, что Фортуна дает; не видит кровавых потоков,

Трупов, лежащих ниц, и тел, на земле распростертых:

Сдавлены плотной толпой, мертвецы неподвижно стояли.

Пусть ненавистным теньям Карфагена ужасного снова

Жертву Судьба принесет, пускай искупление это

790 Примут кровавой рукой Ганнибал и маны пунийца!

Но, чтобы римлян разгром на полях ливийских Помпею

Или Сенату помог, это, боги, — святынь поруганье!

Пусть лучше Африка нас у себя победит! — Лишь увидел
Сломленный строй Курион, и пыль, прибитая кровью,
795 Оку дала разглядеть побоища злого картину, —
Он не посмел пережить несчастье это иль в бегстве
Робко спасенья искать, — но пал, с погибелью войска
Твердо решившись на смерть, в своей собранной доблести
сильный.

Что же тебе помогли и мятежные ростры, и форум, —
800 Крепость трибуна, отколь давал ты народу оружие,
Знаменосец толпы? Что пользы в законе Сената
Попранном, в страшной войне, поднявшей тестя на зятя?
Раньше, чем этих вождей Фарсалия грозно столкнула,
Пал ты, — тебе не дано гражданские битвы увидеть!
805 Так вот за Рима беду вы платите смертью своего,
Так оmyваете вы мечи своей кровью, владыки!
Был бы ты счастлив, о Рим, если б нразилась так же Всевышним
К милой свободе любовь, растящая граждан блаженных, —
Как наказание их!.. И вот благородное тело
810 Кормит ливийских орлов; не укроет костер Куриона.
Жизни достойной твоей воздаем мы, о юноша, славу,
Ибо что пользы скрывать и возможно ли скрыть от вселенной
То, о чем сквозь века хвала неумолчно вещает?
Рим не возвращал никогда гражданина, тебя даровитей,
815 Кто бы верней закон соблюдал, когда праву был верен.
Риму ущерб принесли века возвращенные — ныне,
После того, как ужасная власть богатства, тщеслазье,
Роскошь — в свой шумный поток неустойчивый разум втянули,
Участь свою изменил Курион, душой изменившись,
820 Золотом Цезаря вмиг и галльской добычей плененный.
Пусть свое право мечом на выях наших воздвигли
Сулла могучий, и Марий-палач, и Цинна кровавый,
Цезарь с потомством своим, — чья власть с Курионом сравниться
Может? Ведь все они Рим покупали, а он его — продал.

КНИГА ПЯТАЯ

- Так, меж обоих вождей разделив и удачи и беды,
В битвах им раны послав, для земли Македонской Фортуна
Равными их сберегла. Уж зима с Атлантидой, скользящей
Вниз по небесному льду, весь Гем засыпала снегом,
6 И приближался уж день, который новое имя
Году дает, вознося ведущему год за собою
Янусу — первый почет. Оба консула, пользуясь сроком
Власти своей, созывают в Эпир — по нуждам военным
Бывших в разъезде отцов. Приют чужестранный и бедный
10 Римских приемлет вельмож, и под крышей Сенат иноземной
Слушает в чуждой стране дела государственной тайны.
Лагерем ведь не назвать так много секир, по закону
Вложенных в фасции здесь. Отцы возвещают народам,
Что не Сенатом Помпей, а Сенат руководит Помпеем.
15 Вот, наконец, тишина водворилась в печальном собраньи
И начинается тогда с сиденья высокого Лентул:
«Если вы духом сильны и достойны латинского рода
С древнею кровью его, — так вы на то не смотрите,
Как далеко мы теперь заседаем от взятого Рима,
20 Но распознайте скорей собрания вашего облик.
Перед указом своим решите вопрос, — очевидный
Царствам и племенам, — что мы — Сенат полномочный.
И под возком ледяным Медведицы гиперборейской,
И в иссушенной стране, где небо, сковано зноем,

- 25 Не позволяет ни дням, ни ночам неравным рождаться, —
Власть и правленье над всем, куда бы судьба ни влекла нас,
Будут сопутствовать нам! Когда Тарпейскую крепость
Факелы галлов сожгли и в Вейях Камила поселился, —
Там был и Рим. Не теряло зовек сословие ваше
- 30 При перемене жилья — своих прав. А Цезарь владеет
Скорбными кровлями лишь, пустыми домами, законом
Смолкшим, — там Форум закрыт, прекратилось суда
производство.
- Курия там — из Отцов, исключенных при Городе полным;
С нами кто не был тогда из высокого изгнан собранья.
- 35 Нас, не знававших злодейств, успокоенных длительным миром,
Первая ярость войны рассеяла; но возвратились
Члены на место свое. Взамен Гесперии боги
Силы вселенной дают; и враг лежит, погребенный
Под илирийской волной, на скудных ливийских равнинах.
- 40 Пал Курион, кто у Цезаря был половиной Сената.
Взвейте знамена, вожди, течение судеб ускорьте;
Ваши надежды богам откройте, и дух ваш Фортуна
Так да крепит, как дала она вам, пред врагами бежащим,
Правое дело. Уж срок полномочиям нашим проходит;
- 45 Вы же, чья власть не узнает конца, обо всем совещайтесь
И повеленье, отцы, Помпею Великому дайте
Быть верховным вождем». Сенат это имя встречает
Радостным криком и вот свою жизнь и родины судьбы
Ныне вручает ему. Союзным царям и народам
- 50 Должный воздали почет, и был изукрашен дарами
Фебов Родос — властитель морей, и дикое племя,
Что на Тайгете живет; и древние славят Афины;
И за Массалию в дар получает свободу Фокида.
Садалу с Котием славят теперь, а с ним Дейотара
- 55 Верного в битвах, царя ледяных берегов Раскипола,
И предписаньем своим подчиняет держазному Юбе
Ливию ныне Сенат. О, горечи полные судьбы.
Также тебе, достойнейший царь племен вероломных,

О Птолемеи, преступленьи богов и бесчестье Фортуны,
80 Разрешено увенчать главу диадемой Пеллейской!
Мальчик на гибель племен получает меч беспощадный.
Если бы только — племен! Отдают ему Лага владенья, —
С ними — Помпея главу; сестра его царство теряет,
Цезарь — Великого казнь. . .

И вот заседание закрылось,

85 Все взялись за мечи; пока вожди и народы
Ищут неверных путей и судьбы слепые пытаются,
Аппий один лишь, боясь превратностям Марса отдаться,
Просит всевышних богов открыть исход предприятий
И отпирает тайник прорицателя Феба дельфийский —
70 Тот, что закрытым для всех стоял уже долгие годы.
На половине пути от западных стран до восточных
В небо вершиной двойной возносятся горы Парнаса —
Феба священный приют и Бромия, коим вакханки
В Физах в трехлетие раз дельфийский праздник справляют.
75 В дни, как потоп поглотил всю землю, лишь эта вершина,
Не погрузившись, была границею неба и моря.
Ты, о Парнас, из пучин едва поднимал свои скалы,
Даже один из хребтов под водой совершенно скрывался.
Мститель за странницу-мать, чье чрево от ноши томилось,
80 Там еще детской стрелой Пеан уничтожил Пифона
В дни, как треножник и власть держала десница Фемиды.
Только заметил Пеан, что земля из чудовищной пасти
Шлет откровенье богов, говорливыми ветрами дышит, —
Тотчас же он проник в глубину священного грота
85 И, в тайнике водворясь, прорицателем стал Аполлоном.

Кто из Всевышних там скрыт. Что за бог, низвергнутый
с неба,

Соизволяет там жить — заключенный в темных пещерах?
Кто из богов на землю сойдет, кто, знающий судьбы
Мира всего наперед и движения вечного тайну,
90 К людям готовый слететь и с народами соприкоснуться,
Вечно великий во всем и всегда неизменно могучий,

- Судьбы ль вещает, иль сам создает он судьбы народов
Псньем своим. Может быть, на лоне земли помещаясь,
Чтобы поддерживать мир в пустоте висящим и править, —
95 Это Юпитера часть, из Киррейских пещер источаясь,
В горний влечется эфир, сродни самому Громовержцу.
Если же в девичью грудь божество это властно проникнет,
Звуком пророческих уст потрясет оно дух человека;
Так, низвергая огонь, заливаet Сицилии кратер
100 Этну, иль Тифозей, под громадой таясь Инаримы,
С ревом завесой дымов обвивает кампанские скалы.
То божество открывается всем, никому не откажет,
Лишь заграждая себя от заразы людского безумья.
Там, бормоча про себя, греховной мольбы не возносят:
105 Бог, несомненный закон, неизменную волю вещая,
Людям молить запретил. Он, к праведным милости полный,
Часто приют доставлял из родимого града бежавшим.
Так он тирийцам помог; отвратил поражение в битве,
Как это помнит простор Саламинского моря; смирил он
110 Ярость бесплодной земли, указуя надежное средство.
Воздух тлетворный смягчал. Величайшего дара Всевышних
Век наш лишен потому, что умолк дельфийский оракул
После того, как цари грядущего стали бояться
И говорить запретили богам. Пророчицы Кирры,
115 Голос утративши свой, не горюют, закрытием храма
Пользуясь: ежели бог кому-нибудь в грудь проникает, —
Ранняя смерть вдохновленной жене является карой
Или наградой; тогда возбуждением, порывом безумья
Тело горит у нее и небесный удар сотрясает
120 Бренную душу. . . Но вот треножки, долгое время
Спавшие, тишь и покой пустынной скалы, пробуждает
Аппий, желающий знать Гесперии жребий конечный.
Старшему он из жрецов приказал отворить этот грозный
Храм и богам передать пророчицу, полную страха.
125 Тот Фемоною схватил, что бродила досель беззаботно
Возле кастальских ручьев и в чаще дремучей дубравы, —

- И принуждать ее стал в святилище храма проникнуть.
Страшных дверей коснуться боясь, пыталась фебада
Хитростью тщетной смутить вождя, пылавшего жаждой
130 Тайны грядущего знать, — «Какая надежда коварно
К правде, — сказала она, — влечет тебя, римлянин? Немы
Гроты Парнаса давно и с богом расстался он: или
Дух из ущелий ушел в другие пределы вселенной,
Или, когда сгорела Пифо́ от факела галлов,
135 В бездны великих пещер насыпался пепел, который
Фебу пути заградил; иль в силу божественной воли
Кирра молчит, и довольно уж вам поведали песни
Древней сибиллы, звеня вещаньем о судьбах грядущих;
Или Пеан, что привык отвращать от храма злодеев,
140 Уст не находит в наш век, которые мог бы раззерзнуть».
- Женская хитрость ясна, и то, что она, отрицая
Бога, страшится его, — внушает дозерию к деве.
Волосы лентой стянув, косу на спине распустивши.
К белой повязке она прибавляет фокидские лавры.
145 Все же знагнал ее в храм, несмотря на все колебанья,
Жрец. Но далеких боясь алтарей потаенных святилищ,
В первом приделе она рокового храма осталась
И, притворясь божеством, ведет со спокойною грудью
Четкую речь, и голос ее не бормочет в смятении,
150 Изобличающем дух вдохновенный священным безумьем.
И оскорбляет вождя, еще больше — треножник и Феба
Ложью вещаний своих. То не трепетный звук восклицаний,
Голос, способный собой заполнить всю глубь подземелья,
Здесь не колышется лавр на растрепанных яростно космах, —
155 И недвижим святилища свод, и спокойная роща
Ясно о том гозорят, что дева ввериться Фебу
Остереглась. Во гневе поняв, что треножники немые,
Аппий сказал: — «И от нас, нечестивица, грозную кару,
И от богов понесешь, которых ты здесь обманула, —
160 Если сейчас не сойдешь в пещеры и если не бросишь
Так от себя говорить — знакомая с бедами мира».

- В ужасе дева тогда к треножнику кинулась; жрицу
В сумрак пещер отвели, и там ее грудь против воли
Бог посетил и вдохнул в пророчицу дух тех утесов
165 Неистощенный в веках; и вот киррейскою грудью
Феб, наконец, завладел, — дотоле фебадой полнее
Он не владел никогда, — изгнал ее прежние мысли
И человеку велел уступить божеству свое место
В этой груди. Безумьем полна, неистово мчится
170 Вдоль по пещерам она с волосами, вставшими дыбом,
Феба венки и позязки трясет, с затуманенным мозгом
Кружится в храме пустом, по пути опрокинув треножник,
Пышет палящим огнем, в своем неизбывном смятении
Гневного Феба неся. И не только бичом и стрекалом
175 Жрицу ты, Феб, возбуждал и пламенем жег ее недра,
Но и узду наложил, ибо надо не столько вещать ей,
Сколько грядущее знать. Все столетья слились воедино,
Много веков тяготит несчастную грудь, вереница
Многих событий пред ней, и выходит на свет из потемок
180 Будущих дел череда, и, голоса требуя, судьбы
Борются; знает она и первый день, и последний
Мира, и моря предел, и число всех песчинок на свете.
Как и вещунья из Кум в Эвбейском своем заточеньи
Многим народам служить вдохновеньем своим не желая,
185 Выбрала гордой рукой из великого скопища судеб
Римскую только судьбу. Так страдает, исполнена Феба,
И Фемоноя, пока, нища между судеб важнейших,
Аппий, тебя наконец, вопрошатель сокрытого бога,
Вместе с судьбиной твоей, в кастальской земле не находит.
190 Бешенства пена тогда на устах показалась безумных,
Стон прозвучал, возопила она, прерывая дыханье:
Мрачное тут пронеслось завыванье в пустынных пещерах, —
Голос последний звенит уже усмирненной вещуньи:
«Римлянин, ты избежишь опасностей войн смертоносных,
195 Много беды испытаз, и один успокоишься с миром
Ты на эвбейской земле, в глубине котловины обширной».

Тут она смолкла совсем — уста Аполлон заградил ей.

- Вы, о судьбы сторожа, треножники — таинство мира,
Ты, о Пеан, кто в правде могуч, от кого не скрывают
200 Боги грядущих годин, — почему же открыть ты боишься
И убиенных вождей, и последние дни государства,
Гибель царей и десятки племен, что в крови гесперийской
Смерть отыскиали свою? Разве боги еще не велели
Быть беззакониям тем, и рок еще не решился
205 Суд над Помпеем свершить, но досель сомневаются звезды?
Или молчишь для того, чтоб судьба совершилась вернее,
Чтобы вновь рухнула власть под мечами мстителей-Брутов,
Злом воздающих за зло? .. Но вот пророчица, грудью
Выломав дверь алтаря, из раскрытого храма умчалась.
210 Не покидал ее бог, продолжалось ее испуганье,
Ибо она не сказала всего. Одичалые очи
Кверху подымлет она, блуждая по небу взором;
Попеременно лицо то гнев выражает, то робость:
Алсе пламя уста и багровые щеки ей красит:
215 Но, не от страха бледна, сама она ужас внушает,
Не успокоится в ней ни на миг утомленное сердце;
Но, как пучина морей после ярости долгой Борея
Стонет, хрипя, — так пророчицы грудь вздымается часто.
Вот возвращается вновь она от священного света
220 К зорям обычным, и тут ее тьма густая объемлет.
Влил в ее недра Пеан стигийскую Лету, желая
Тайны богов отобрать. Тогда из груди ускользнула
Истина, будущий мир возвратился к треножникам Феба;
В чувство придя, умирает она. Но смерти соседство,
225 Аппий, тебя не страшит, ты двусмысленной речью обманут;
Хоть тебе знать не дано, кто будет властителем мира,
Хочешь в надежде пустой завладеть ты эвбейской Халкидой.
Горе, безумец! Никто, кроме Смерти, не может ручаться
В том, что смятенья войны не почувствуешь ты, не узнаешь
230 Мира бесчисленных бед. Ты берегом дальним Эвбеи
Будешь всецело владеть, костру незабвенному предан

- Там, где скалистый Карист сужает морские проливы,
Где поклоняется Рамн ненавидящей гордых богине,
Там, где море кипит, в поток стремительный сжато,
235 И увлекает Еврип в течении волн своенравных
Дальней Халкиды суда к неприютной для флота Авлиде.
Цезарь меж тем, покорив иберийцев страну, возвращался:
В земли иные он нес орлов неизменной победы,
Но неожиданно бег столь счастливой судьбы его боги
240 Чуть не вернули назад. Никогда поражения не знавший,
Вождь меж походных шатров теперь потерять опасался
Плод злодеяний своих, ибо, верные в стольких сраженьях,
Кровью упившись теперь, войска едва не решились
Бросить вождя своего: потому ль, что на время заглохли
245 Мрачные звуки трубы и прогнал воинственных фурий
Меч, охладельный в ножнах, — иль гоняясь за большей добычей,
Стал осуждать причину войны и вождя ее воин,
Не перестав продавать свой меч, обогранный злодейством.
Цезарь еще никогда не ведал опасности большей, —
250 Точно на все он взирал с дрожащей, непрочной вершины
И под ногой ощущал колебание нетвердой опоры.
Он, потеряв столько рук и оставшись почти безоружным,
Он, кто столько племен увлекал на войну за собою,
Видит, что ныне булат обнажен не вождем, а солдатом.
255 Был уж не ропот глухой, не гнез, сокрытый глубоко;
Страх, который сдержать умов колебание может,
Если дрожит человек перед тем, кто его же боится,
Вообразив, что клянет только он произвол самовластья,
Кончился. Дерзкий мятеж людей от боязни избавил:
260 Без наказания всегда остаются толпы преступления.
Льются потоки угроз: «Избавь нас, Цезарь, скорее
Ты от безумья злодейств! Ты ищешь на суше и море
Нашему горлу — меча и дешевые жизни готов ты
Бросить любому врагу: немало наших погибло
265 В Галлии, много легло в жестоких сраженьях с испанцем,
Много в Гесперии спит; за твои победы солдаты

- Гибнут по всей земле. Что пользы было далекий
Север в крови обагрять, и Родан, и Рейн покоряя?
Дал ты за множество войн гражданскую бойню в награду!
- 170 В час, как родные дома, Сенат изгнавши, мы взяли, —
Разве людей иль богов дозволено было нам грабить?
Всяческий грех мы творим, руками вредим и железом,
Святы одной нищетой. Чего же ты ищешь оружием?
Где же предел, если мало тебе и Рима? Взгляни-ка —
- 175 Головы белы у нас, посмотри — истощились и мышцы.
К жизни теряется вкус: мы век свой размыкали в битвах!
Дай умереть старикам! Вот желанья чрезмерные наши:
Хочется тело сложить не на жесткий дерн, умирая,
Хочется больше не бить при последнем дыханьи по шлему.
- 180 Хочется длани искать, — да закроет нам мертвые очи, —
К плачущей никнуть жене и знать, что каждому будет
Свой пригрозлен костер. Пусть болезнь нашу старость закончит
Смертью иною, чем меч, да умрем мы под властью твоею!
Нас ты зачем надеждой влечешь, как будто не чуем
- 185 Ужасов тех, что творим? Неужель в этой бойне гражданской
Зла мы не знаем, каким добиться нам высшей награды?
Были бесплодны бои, если кто-то не понял, что эти
Руки способны на все. Ни боги, ни право людское
Не запретят нам дерзать! Полководцем был Цезарь на Рейне, —
- 190 Здесь лишь товарищ он нам. Злодейство, марая, равняет.
С неблагодарным судьей погибают и доблести наши:
Все, что ни сделали мы, приписано будет Фортуне.
Пусть же он знает, что мы — его счастье. Надейся, о Цезарь,
На благосклонность богов, — но если рассердится воин,
- 195 Будет и мир». И так говоря, по лагерю стали
Рыскать туда и сюда, враждебно вождя вызывая.
Боги, да будет хоть так! Если верность и честь отлетели,
То остается одна лишь на злобный характер надежда:
Ныне гражданской войне предел да положат раздоры.
- 200 Кто из вождей не дрогнул бы тут пред таким возмущеньем?
Но, уж привыкши свой рок отклонять стремительно, Цезарь,

- Радуюсь счастье свое испытать в опасности крайней,
Прибыл к войскам; он вовсе не ждал, чтобы страсти остыли:
Нет, он застигнуть спешит их ярость в самом разгаре!
- 305 Не отказал бы он им в разграблении города, храмов,
Дал бы тарпейский чертог Юпитера, сверг бы в бесчестье
Жен, матерей и Сенат. Желал он того, вероятно,
Чтобы просили злодейств, чтоб жаждали Марса добычи, —
Так непокорных солдат он здравого смысла боялся.
- 310 Цезарь, не стыдно ль, увь! Одному тебе нравится распря,
Войском твоим проклятая давно. Отвращение к крови
Раньше ль узнают они? И право меча их смутит ли?
Сам же ты будешь нестись сквозь закон и бесправье? Устань же,
Жить научись без меча: положи ты предел злодеяньям!
- 315 Гонисься, грозный, за чем? Что противишься их нежеланью?
Распря бежит от тебя... На вал дерновый взошел он
Неустрашимый на вид, бестрепетным взором способный
Ужас внушить им, и так, охваченный гневом, воскликнул:
«Воины, вы мне сейчас за спиной кулаками грозили, —
- 320 Вот моя голая грудь, готовая к вашим ударам!
Здесь побросавши мечи, бегите, коль мир вам угоден!
Бунт, неспособный дерзать, обнаружил смиренные души,
Бегство повальное рать замыслила, видно, — уставши
От непрестанных удач и побед своего полководца.
- 325 Сгиньте ж, отдайте меня моему военному счастью!
Это оружие найдет себе руки: когда прогоню вас,
Тотчас Фортуна вернет мне на брошенный меч по солдату.
Разве не даст мне победа людей, когда за Помпеем
В бегстве огромный флот и народы Гесперии мчатся,
- 330 Разве не даст мне людей, какие захватят добычу
Близкой к пределу войны и, трудов ваших плод пожиная,
Будут без ран за моей лавровой итти колесницей?
Вы же, совсем старики, обескровленной, жалкой толпою
В римскую чернь превратясь, увидите наши триумфы.
- 335 Мните ли вы, что уходом своим причинить вам удастся
Шествию Цезаря вред? Но если б текущие в море

- Начали реки грозить отвести от него свои воды, —
Право, лишенный их струй Океан оказался б не меньшим,
Чем существует сейчас. Иль вы мните, что в чем-нибудь право,
340 Был я зависим от вас? Никогда еще вышние боги
Не утруждали судьбу заботой о гибели вашей,
Или о жизни: вы все — по замыслу старших идете.
Род людской для немногих живет! Под властью моего
Ужасом был ты, боец, для иберов и стран полуночных;
345 Был ты смешным беглецом под властью Помпея. Героем
С Цезарем был Лабием: теперь перебежчиком жалким
Треплется он по земле и морям за вождем предпочтенным.
Явите ль верность, когда ни за них вы не будете биться,
Ни на моей стороне? Кто знамена мои покидает,
350 Хоть бы оружия он и не вверил дружине Помпея, —
Тот никогда не станет моим. Мой стан — под охраной
Вышних богов, не желавших обречь меня грозным сраженьем.
Стали теперь вы толпой, и сменю я вас свежеем ратью.
Ах, от какой тяготы мои уж усталые плечи
355 Ты избавляешь, судьба! Мне дозволено обезоружить
Руки желавших всего, которым уж мало вселенной!
Что ж, я войну поведу для себя: покиньте же лагерь
И уступите мужам мое знамя, лентяи-квириты!
Только немногих из вас — зачинщиков этого бунта —
360 Кара задержит, — не я! Падите скорее на землю
И подставляйте под меч вероломные головы ваши!
Ты ж, новобранец молодой, которого силой одною
Держится лагерь теперь, — на это зриай наказание
И научись поражать, научись умирать». Задрожала,
365 Оцепенев, толпа от угроз; огромное войско
В страхе стоит пред одним, кто готов отказаться от власти:
Кажется, прямо мечам, против всаи бойца, он веленье
Шлет, их желая поднять. Сам Цезарь боится, что руки
Этих злодейств не свершат; но нет, превзошла их покорность
370 Все ожиданья вождя, и мечи предоставив, и выпл.
Страшно ему потерять к преступлениям привычные души,

И, потерявши — пропасть. Но вернул он спокойствие силой, —
Снова покорную рать ему возвратила расправа.

Дальше в Брундисий пригiti сн в десять велит переходов
375 И отозвать корабли, стоящие в дальнем Гидрунте,
В древнем Таренте и там, у берегов окраинной Левки
И в Салапинских водах и близ Сипунта, что скрылся
Возле подножия гор; там, где берег Авсонии мѡя,
Хладным далматским ветрам, калабрийскому Австру
подвластный,

380 Мчит в Адриатику вал плодоносный Гарган-апулиец.
Сам же он в трепетный Рим спешит, не нуждаясь в охране,
Ибо научен уже тот подчиняться и тоге; конечно,
Внемля народным мольбам, он, диктатор, добился почета
Высшего: консулом став, взвеселил своим именем фасты.

385 Лживая речь, которою мы владык обольщаем
Столько уж лет, — впервые у нас зазвучала в то время, —
В год, когда Цезарь скрестил клинок с авсонской секироѡ,
Чтобы правами меча отныне владеть безгранично.

Фасции он прибавил к орлам и мрачной печатью
390 Век тот отметил, украв правителя титул тщеславный.
Подлинно, консул какой сумел бы отметить достойней
Черный Фарсалии год? . . Собрался на Марсовом поле,
Как ежегодно, народ, — и считать голоса не пришедших
Стал он, и трибы скликать, потрясая урной пустою.

395 Небу служить — не дано: но авгур грома не слышит,
В клятве за благодетных птиц сычей принимают зловещих
Некогда чтимая власть тогда впервые погибла,
Прав лишена; но, чтоб год своего не лишился названья,
Консул, чья месячна власть, — отмечает в хрониках время.

400 Кроме того и бог илионской Альбы, который
Не заслужил своих жертв годовых, ибо Лаций повергнут,
Видел, как ночью огни завершили праздник Латинский.

Снова он тронулся в путь и быстрее, чем небесное пламя
Или тигрица с детьми, пересек те поля, что покинул
405 Праздный Апулии плуг, предоставив их травам зловредным,

- И, к полукружью придя Брундисия, к зданьям миносским,
Запертой бухту нашел свирепую зимнею бурей
И неподвижным свой флот, уstraшенный зимним созвездьем.
Стыдно казалось вождю оставаться в бездействии праздном,
410 Дни отнимая у битв, и в гавани робко держаться,
Если открыт океан — одним несчастливцам опасный.
Так укрепляет он дух еще незнакомых с морями:
«Зимние бури царят постояннее в небе и водах,
Нежели ветер весны, изменчивой, тучи несущей
415 И запрещающей дуть в одном направлении ветру.
Нам ведь не надо блуждать по извилинам берега морского,
Следует плыть напрямик, одному подчинясь Аквилону.
Только бы он изогнул верхушки мачт дуновеньем,
Яростно к волнам прильнул, угоняя нас к греческим стенам,
420 Чтoб с Феакийских берегов на беслах своих помпеянцы
Перехватить не могли ветрил обессиленных наших!
Рвите же путы скорей, держащие флот наш счастливый!
Мы упускаем давно и ярость валов и ненастье!».
- Феб уж под волны ушел и первые звезды явились,
425 Тени густые луна повсюду уже распростерла
В час, когда все корабли отчалили разом, отдавши
Полностью все паруса; их направили влево матросы,
Реи концы повернув и ветрила вверх распустили,
Чтобы собрать в них скорей дуновенья последние ветра.
430 Ветер слегка холсты шевельнул, надул их немного, —
Вскоре же снова они повисли, к мачтам вернувшись,
Пали на дно кораблей: как только покинули землю,
Ветер не смог за судами поспеть, которые гнал он.
Тихо пучина лежит, охвачена сонным покоем,
435 И неподвижней болот цепенеют стоячие воды.
Так неподвижен Босфор, когда скифские волны застынут,
Льдами окованный Истр не стремится потоками к Понту,
И покрывает мороз все море; волна зажимает
Ею плененный корабль; в просторе, запретном ветрилу,
440 Всадник несется теперь и, шумящую скрытым прибором.

- Следом колес бороздит кочующий бесс Меотиду.
Моря суровый покой и воды печальной пучины
Тихим болотом лежат, и кажется, будто природа
В оцепененьи своем уничтожила море: забывши
445 Древние смены хранить, океан не волнуется больше,
В трепете он не кипит, не дрожит отраженьями солнца.
Множество всяческих бед грозит кораблям пригвожденным.
То это вражеский флот, спешащий на веслах усердных
Сонную гладь пересечь, то голод тяжелый, готовый
450 К пленникам моря притти. И новые ныне молитвы
Новый слагает им страх: волнения просят и бурных
Ветра порывов, чтоб вдруг неподвижность нарушили воды,
Морем бы стали опять. Нигде ни тучки не видно,
Бури не слышно и нет надежд на кораблекрушение:
455 Небо и море молчат. Но вот на исходе потемок
Туча затмила зарю и мало-помалу взыгрались
Глуби пучин и к пловцам придвинули скоро Керавны.
Тут уж суда сорвались, и бурные гребни помчались
Вслед кораблям, что, несясь с попутным теченьем и
ветром,
460 Живо к Палесты пескам приплыли и бросили якорь.
Первой землей, увидавшей вождей в лагерях близлежащих,
Та оказалась земля, Генус которую быстрый
С Апсом, чей тише поток, замкнул берегами. Болото,
В Апе потихоньку струясь, судоходною делает реку;
465 Полнится снегом Генус, растопленным солнца лучами,
Или дождями; тех рек совсем не пространно теченье,
Близкие их берега не много земель замыкают.
В этом-то месте судьба два имени славы великой
Соединила и мир лелеял пустую надежду,
470 Что полководцы легко, небольшим разделенные полем,
Бросят злодейства свои; ибо лица врагов различали,
Слышали их голоса, — и тесть, столько лет, о Великий,
Так любимый тобой, после дружбы пресекавшейся, после
Смерти несчастной внучат — сынозей его дочери кровной —

475 Видел здесь близко тебя, — только здесь, да на отмелях
нильских.

Цезарь мечтает о том, чтобы бой завязать поскорее,
Но преступленья его замедляют отставшие части.
Был предводителем их отважный и дерзкий Антоний,
В шуме гражданской войны уже замышлявший Левкаду.
480 Цезарь его торопил, побуждая угрозой и просьбой,
Так говоря ему: «Ты, причина всех бед во вселенной,
Что ты мешаешь богам и судьбе? Своим наступленьем
Все уже я совершил, и тебя призывает Фортуна
Руку свою приложить к победам законченным. Разве
485 Нас разделяют валы ливийских обманчивых Сиртов?
Разве я войско твое неиздеданной бездне вверяю,
К новой беде увлекаю тебя? Зовет тебя Цезарь,
О малодушный, к себе, не вперед наступать предлагает!
Первым сквозь гущу врагов я к пескам чужевластным пробился.
490 Иль тебе страшен мой стан? О часах проходящих удачи
Сетую я и мольбы посылаю и ветру, и морю;
Так не держи желающих плыть чрез коварное море;
Не ошибусь я в бойцах: они к армии Цезаря рвутся
И не боятся ни бурь, ни кораблекрушенья. Я должен
495 Негодовать наконец: мы не порвну мир поделили:
Цезарь и вкупе Сенат одним лишь Эпиром владеют,
Ты же один всю Авзонию взял!». Но снова и снова
Видит, что тщетно просить, что Антоний все медлит; и веря
В то, что он сам от богов, не они от него отвратились,
500 Цезарь пуститься дерзнул сквозь сумрак злокозненный в море,
Страшное тем, кому дал он приказ; по опыту зная,
Как храбрецам содействует бог, на маленькой лодке
Думает он одолеть флотилиям страшные бездны.
Тихая ночь совлекла заботы с усталого войска,
505 Краткий покой снизошел на бедных, которых Фортуна
Не подкрепляет и сном; уж лагери глухо молчали,
Третий от вечера час уже поднял стражу вторую;
Цезарь пустынную тишь проходит взволнованным шагом,

- То замышляя, на что и раб не пойдет, и, покинув
510 Всех, лишь Фортуна берет за спутника. Бросив палатки,
Перешагнул часовых, в карауле заснувших глубоко, —
И опечалился тем, что их мог обмануть втихомолку;
Вот на извилистый берег он вышел и в волнах прибой
Видит челнок, что стоит у изъеденных скал на канате.
- 515 Кормчий, владелец челна, оттуда совсем недалеко
В хижине маленькой жил, не из досок сложенной крепко, —
Только пустым камышом, тростником болотным покрытой
Да укрепленной с боков опрокинутой лодкой, как стенкой.
- Цезарь трясет этот дом, постучав в его двери три раза.
- 520 Встал туг, проснувшись, Амикл, которому мягким служила
Ложем морская трава: «Какой потерпевший крушение
В дом мой стучится? — спросил. — Кого принуждает Фортуна
В этой лачуге искать спасенья?». Так молвив, поспешно
Вынул он тлевший канат из кучи чуть теплого пепла,
- 525 Начал огонь раздувать из слабой искры, нисколько
Не опасаясь войны; ведь хижина, мол, — не добыча
В междоусобной борьбе! О, жизни дар безопасный —
Бедность меж ларов простых! О, милость богов, которой
Не оцнили еще! Какие храмы иль стены
- 530 Могут сказать, что они не трепещут в смятении, когда их
Цезарь толкает рукой? . . Но дверь отворив, полководец
Так говорит: «Надежды твои исполнятся, друг мой,
Сбудется больше того, чего просишь ты в скромных молитвах.
Если меня повезешь в Гесперию, внемля приказу,
- 535 Впредь ты не будешь ладьей поддерживать нищую старость.
Так не замедли зручить судьбу свою богу, который
Хочет пенатов простых осыпать неожиданным богатством».
- Так он ему говорит; хоть и был он в скромной одежде,
Просто сказать не умел. На это Амикл немущий:
- 540 «Много примет не велят довериться полночиному морю!
Солнце под воду зашло не в блистании облак пурпурных,
Но раскидало лучи: и Феба одна половина
Кликала Нота к себе, призывала Борея другая.

- Диск потускневший его уходил за моря, угасая,
645 Робкий рассеянный свет являя внимательным взорам.
Нехорошо подняла луна свои светлые рожки,
Выщерблен был ее круг нечеткою впадиной к центру:
Не заостряла серпа она линией ровной к вершине,
Сделали ветры ее багряной; затем, побледневши,
550 Лик свой сокрыла она, уйдя под печальные тучи.
Вовсе не нравится мне смятенье дубрав и прибоя
И беспокойный дельфин, вызывающий бурю на море;
То, что нырок сидит на земле, а цапля высоко
По небу смеет летать, доверившись крыльям широким.
555 Словно предчувствуя дождь, ворона голову мочит
В волнах, и взад и вперед по берегу ходит тревожно.
Все ж, если требует так великого дела решение, —
Не откажусь тебе руки отдать: на берег желанный
Перевезу я тебя, если ветер и море дозvoлят».
- 560 Так он сказал и, чели отвязав, подставил ветрила
Бурям, которых порыв не только скользющие в вихрях
Звезды влачил, их чертить заставляя в нестройном паденьи
Борозды, — но и небес висящие крепко созвездья,
Тожe, казалось, качал. И черная дрожь покрывает
565 Спину морей; далеко ползет грозящим извивом
Злое смятенье волн; не предвидя ветров направления,
Бурное море гласит, что все ураганы вместило.
- Кормчий дрожащей ладьи воскликнул: «Видишь, какую
Море грозит нам бедой: Зефир ли, Эвр ли бушует,
570 Я не пойму; заливает волна челнок отовсюду.
В тучах и в небе — Нот; но прислушайся к реву пучины, —
Разве не Кор возмущает моря? При подобном волненьи,
Ни кораблю, ни пловцу до Гесперии ввек не добраться.
Бросить запретный наш путь и, надежду оставив, вернуться —
575 В этом спасенье одно! Ладью потрясенную надо
К берегу вновь повернуть, пока он не слишком далеко».
- Цезарь, уверенный в том, что пред ним отступают все беды,
Мсавил: «Пренебреги угрозами моря и гневной

- Буре свой парус подставь. Если бог от Италии гонит, —
580 Мне повинуйся. Одно тебе есть основание для страха:
Ты не узнал, кого ты везешь; его не покинет
Милость богов никогда; к нему нерадива Фортуна,
Если спешит лишь на зов. Несись же в глубь урагана,
Жизнь мне доверив свою! В опасности — море и небо,
585 Только не наша ладья: плывет на ней Цезарь, и эта
Ноша — ее защитит. Недолго еще останется
Лютым ветрам бушевать: смирят волнение скоро
Этот челнок. Не складывай рук; от близкого берега
Мчись на всех парусах; уповай на Калабрии гавань,
590 Если другая земля ладье не откроется нашей,
Нам избавленье неся. Ты не знаешь, откуда явился
Весь этот хаос: судьба возмущает и небо, и море,
Чтоб дсказать свою преданность мне». Еще он не кончил,
Как сокрушительный вихрь все снасти сорвал, накренивши
595 Лодку, и парус взвился высоко над непрочною мачтой:
Скрепцы свои растеряв, ладья по швам затрещала.
Тут уж опасности вдруг со всей налетели вселенной.
Первый, вздымая валы, из глубин Атлантических поднял
Ты свою голову, Кор: тебя принимая, вскипело
600 Море и злобу свою на утесы вдруг устремило.
Хладный примчался Борей и волны затем обессилл;
Заколебались они — кому из ветров подчиниться.
Но победила их дурь Аквилона скифского; воды
Вздыбивши, он обнажил песчаное дно океана.
605 Но не кидает Борей валы на прибрежные скалы,
Гонит навстречу он их лавинам Кора; и хляби
Бьются еще меж собой, хоть ветры уже унеслись.
Эвр не умерил угроз, и Нот, от дождя потемневший,
Видимо, спать не залег под камнями Эолова грота:
610 Ветры, как будто бы вон из обычных жилищ вырываясь,
Яростным вихрем своим ограждали родимые земли,
Море на месте держа. Ураган не малые воды
Влек; Тирренская зыбь в Эгейское море хлестала;

Адриатический вал шумел в Ионийских пучинах.

- 118 О, сколько гор водяных, напрасно гонимых по морю,
Этот обрушивал день! Земля побежденная сколько
Гордых низвергла вершин! Ни в единой стране не бушуют
Силы подобной валы; прикатившись из края иного,
Гребни чудовищных волн вздымало великое море,
620 Что окружает весь мир. Так древле правитель Олимпа
Братским трезубцем помог огню утомленному молний, —
С царством вторым сочетал всю землю в те дни, когда море
Прочь унесло племена, а Тетфиса терпеть не хотела
Возле себя берегов, с одним только небом граница.
625 В море громады валов и теперь бы до звезд долетели,
Если б владыка богов не сдавил облаками их гребней.
Мрак не из неба сходил; но был испареньями ада
Воздух насыщен кругом и, грозами отягощенный,
Море собой угнетал, из туч принимавшее ливень.
630 Даже погас устрашающий блеск, не бегали больше
Молнии; но в темноте разлетались струи дождевые.

- Купол богов задрожал и там, в высоте поднебесной,
Гром загредел, и связи небес, потрясенные, страждут.
Хаос в природе возник: стихии, казалось, порвали
635 Вечной гармонии строй, и снова смешались в потемках
Маны и лики бсгов. Надежда одна на спасенье
В том, что они не погибли еще в крушении мира.
Так же, как ясную гладь с вершины Левкадии видит
Охо, так и пловцы наблюдают с вершины прибой
640 Бездну воды под собой: и когда разверзаются хляби, —
Над разъяренной волной едва поднимается мачта,
Парус касается туч, а ладья упирается в землю;
Ибо вода, вздымая холмы, песков не скрывает,
Дно обнажает вокруг, чтоб в громаду единую слиться.
645 Страх победил искусство пловцов: уж кормчий не знает
Резать какую волну, какой поддаваться. Спасает
Этих бедняг лишь смятенье валов, волна не способна
Их опрокинуть в волну: лишь только наклонится лодка,

Вал поднимает ее и ветер швыряет на кручу.

- 450 Их не страшат ни Сасона пески, ни Фессалии берег
Весь из извивов и скал, ни Амбракии узкая гавань:
Только зубцами камней Керавны пугают плывущих.
Цезарь уж начал считать опасности эти не меньше
Вечной удачи своей: «Неужели так важно, — сказал он, —
455 Вышним — с пути меня сбить, коль на эту ничтожную лодку
Шлют они весь океан? Если славу судьба мне дарует
В море найти свою смерть, а не в буре великих сражений, —
Гибель бестрепетно я, какую б ни слали мне боги,
Встречу. Пусть день роковой, поспешая, немало великих
460 Подвигов мне оборвет, — я великого сделал довольно.
Севера я покорил племена, враждебное войско
Страхом смирил; и вторым за мною был в Риме — Великий.
Я отнятые войной у народа взял фасции силой.
В Риме никто никогда мою власть ограничить не сможет.
465 Пусть не узнает никто помимо тебя, о Фортуна,
Знающий волю мою, что я, окруженный почетом, —
Консул, диктатор — сойду к теням стигийским, как будто
Самый простой человек! Всевышние боги, не надо
Мне никаких похорон! Мой растерзанный труп утаите
470 В темной пучине морской; да не будет костра, иль кургана:
Лишь бы я — ужас внушал и весь мир меня ждал, содрогаясь».

- Так он воскликнул; но тут десятым валом, — о чудо! —
Поднята вверх невредимо ладья: с высокого гребня
В море она не скользнула опять, но, гонима прибоем,
475 Тихо легла на песок там, где узкий берег свободен
Был от опасных камней. Города все, все царства, всё счастье
Сразу себе он вернул, на твердую вышедши землю.

- Но возвратясь на заре, не мог своих воинов Цезарь
Так же опять обмануть, как сумел при отплытии тайном.
480 Плачет, вождя окружив, и стонет смятенное войско,
И приступает к нему с упреками, милыми сердцу:
«Цезарь жестокий, куда увлекла тебя дерзкая доблесть?
И на какую судьбу наши жалкие души ты бросил,

На растерзанье отдав себя несговорчивым бурям.

- 885 Если от жизни твоей зависит народов спасенье,
Существование их, если мир тебя сделал главою, —
Грех тебе — смерти желать! И разве никто не достоин
Из сослуживцев твоих быть также участником верным
Судеб твоих? В те часы, как тебя похитило море,
690 Крепкий нас сковывал сон. О позор нам! Решился, конечно,
Сам ты в Гесперию плыть, ибо счел жестоким другого
В бурное море послать! Обычно смертельному риску,
Случаю вверить себя — последняя крайность судьбины
Нас заставляет: но ты, владеющий всею вселенной,
695 Что отдаешься волнам? Всевышних зачем испытуешь?
Много для счастья войны труды и милость Фортуны
Сделали ныне, тебя на наш отбросивши берег!
Стоит ли вышним богам не владыкой земли тебя делать,
Не повелителем всех, но удачливым лишь мореходом?».
700 Ночь отлетела меж тем, пока они так говорили,
Солнцем их день озарил, уняла, утомившись, пучина
Бурные волны свои, ибо это дозволили ветры.

- И гесперийцев вожди, заметив, что море устало,
Что успокоилась гладь и безоблачный веет под небом,
705 Волны смиряя, Борей, — тотчас корабли отвязали:
Долго их ветер держал, и к рулю привычные руки
Их сохраняли в строю. Широко раскинувшись в море,
Сомкнутым строем суда понеслись будто войско земное.
Все же ненастная ночь морякоз, с переменою ветра,
710 Сбила с прямого пути и флотилии строй искажила.
Так охладелый Стримон пред зимой журавли покидают,
Свой водопой переносят на Нил и в первом полете
Разнообразнейший строй принимает, коль надобно, стая;
Если ж крепчающий Нот ударит по сближенным крыльям,
715 Тотчас, смешавшись, они в случайную кучу собьются,
Где их растрепанных крыл письма рассыпаются в буре.
При возвращении дня, порожденные Феба восходом,
Шквалы сильнейших ветров неожиданно суда подхватили:

Тщетно пытались они причалить к берегу Лисса, —
720 И устремились в Нимфей: Акзилонам открытое море
Австр, Борея сменив, превратил в спокойную гавань.
Цезаря рать, отовсюду сойдясь, составила силу:
Видел Помпей, что последний удар сурозого Марса
Стану его уж грозит, и решил, удрученный, супругу
725 Скрыть в безопасном углу: тебя, удаливши на Лесбос,
Думал, Корнелия, он от шума свирепых сражений
Спрятать. Как сильно, увы, законной Венеры господство
В праведных душах царит! Нерешительным, робким в сраженьи
Стал ты, Помпей, от любви: что подставить себя под удары
730 Рима и мира судьбы не желал ты, тому основаньем
Только супруга была. Уж слово твое покидает
Дух твой, готовый к борьбе, — тебе нравится в неге приятной
Времени ход замедлять, хоть мгновенье у рока похитить.

Бот пред рассветом, когда беспамятство сна исчезает,
735 К мужней груди, что заботы полна, Корнелия никнет,
Ищет лобзаний его, — но он от жены отвернулся:
Видит в испуге она слезой орошенные щеки, —
Скрытою скорбью томясь, его слез не дерзает заметить.
Он ей со стоном сказал: «Не теперь ты мне жизни дороже
740 В час, как постыла мне жизнь, — в дни веселья, жена,
но не ныне.

Черный торопится день, который и слишком, и мало
Мы отстраняли: и вот готов уж к сраженью Цезарь.
Надо уйти от войны; надежным пристанищем будет
Лесбос тебе. Перестань умолять; самому себе в этом
745 Я отказал: но знай, — в разлуке мы будем недолго!
Скоро настанет конец: все высшее мчится к паденью
Будет с тебя и вестей о том, что грозило Помпею!
Если ты можешь смотреть на войну гражданскую, — значит,
Я обманулся в любви. А мне ведь в преддверии боя
750 Стыдно беспечные сны разделять с любимой женою,
Встать из объятий твоих, когда трубы весь мир потрясают.
Я б не решился послать в гражданскую битву Помпея.

Коль не страдал бы он сам от какой-нибудь тяжелой потери.

Ты ж, роковая супруга, таись от царей и народов,

755 Пусть мужа судьба тебя собой не придавит,

Да не погибнешь. А если боги сметут наше войско, —

Да сохранится моя половина дражайшая — в мире.

Если раздавит судьба, победитель крозавый, — да будет

Место, куда мне бежать». Корнелия слабая вынестъ

760 Скорби такой не могла, и чувства ее покидают.

Но собрала, наконец, она силы для жалоб печальных:

«Нечего мне на супружества рок, на всевышних, Великий,

Ныне роптать: ведь нашу любовь ни смерть не разрушит,

Ни погребальных костров последний факел; ничтожной

765 Доле, как все, отдана, остаюсь я покинутой мужем.

Что ж! С приближеньем врага договор мы брачный нарушим;

Тестю начнем угождать! Тебе известна ль, Великий,

Верность моя? Разве есть для меня ограда надежней,

Чем для тебя? Не одна ли судьба тяготеет над нами?

770 Сердце велишь мне обречь в разлуке с тобою, жестокий,

Молниям, рушащим мир? Тебе сладостной кажется участь —

Сгннуть в тот самый час, когда небу возносишь обеты.

Бед не хочу, как раба, я терпеть, — готовая к смерти,

К мзнам пойду за тобой; но пока еще весть роковая

775 В дальние страны дойдет — пережить твою гибель придется

Ты же миришься с судьбой и, жестокий, столь тяжкое горе

Учишь меня претерпеть; прости за такое признание:

Страшно его не снести! А ежели боги услышат

Наши моленья — жена об успехе узнает последней.

780 Ты уж давно победишь, — я же буду томиться в теснинах;

Буду бояться ладьи, везущей отрадную новость;

И не рассеют мой страх о победе счастливые вести,

Ибо из этих пустынь даже в бегстве отчаянном Цезарь

Может похитить меня. Далеко разнесется по берегу

785 Имя изгнанницы той — супруги Помпея, — и разве

Сможет остаться тогда сокровенным приют Митилены!

Просьбу последнюю знай: коль, оружие бросив, спасенья

- Будешь ты в бегстве искать и прихоти моря отдашься, —
Лучше в другие места направь свой корабль обреченный:
700 Схватят тебя на моем берегу». И так восклицая,
С ложа вскочила она в иступлении, пытки грядущей
Не пожелав замедлять: не сжимает в объятии нежном
Шен супруга она, Помпея печального груди;
Плод такой долгой любви погибает последний: торопят
705 Скорбные миги они: расставаясь, уже не находят
Сил, чтобы молвить «прощай»; и не было раньше в их жизни
Более черного дня; но с твердой и черствой душою
Тяжесть грядущих потерь они приготовились встретить.
Пала несчастная ниц; ее подняли руки родные
800 И отнесли на берег морской, где она распростерлась,
Пальцами впившись в песок, — и с трудом на корабль ее взяли
С меньшим страданьем она покидала Гесперии гавань,
Родину, в день, когда Цезарь теснил их жестоким оружием.
Бросив вождя, ты уходишь одна, его спутница жизни,
805 Ты от Помпея бежишь! Какая бессонная полночь
Ныне явилась тебе! — На ложе холодном вдовицы
Ей непривычен покой, и мужняя грудь не согреет
Груди нагие ее; как часто, овеяна дремой,
Сонной рукою она обнимала ложе пустое,
810 Мужа искала в ночи, о бегстве своем позабывши!
Ибо, хоть сердце ее молчаливое пламя сжигалс, —
Ложе во всю ширину не смела занять она телом,
Но половина его пустой оставалась. Помпея
Страшно ей было терять; но готовили худшее боги!
815 Час роковой наступал, возвращавший несчастной Помпея.

КНИГА ШЕСТАЯ

- Вот уж вожди на холмах, вступить собираясь в сражение,
Расположили шатры, войска свои сблизив вплотную.
Оба равны божествам; но греков твердынь по дороге
Цезарь брать не желал, одной лишь победы над зятем,
6 А не успехов иных от военной судьбы домогаясь.
Мира погибельный час он в молитвах своих призывает —
Час, решающий все. Его тешит рок прихотливый,
Ту иль иную главу уничтожить готовый. Он трижды
Турмы свои по холмам размещал. И битвы знамена
10 Грозно вещают о том, что он Лаций громить не устанет.
Зятя не в силах еще ни к каким побудить столкновениям,
Или в сражение завлечь из-за вала — надежной защиты, —
Цезарь, знамена подняв, к твердыням Диррахия мчится
Вдоль по заросшим полям, дремучим кустарником скрытый.
15 Опережает его Помпей по берегу моря
И разбивает свой стан на горе, которую Петрой
Житель тавлантый назвал. Сторожа эфирские стены,
Оберегает он их, хоть надежны достаточно скалы.
Город тот был защищен не искусством кладки старинной,
20 Не человека трудом, который громады создавши,
Гибнет однако от войн и от все уносящих столетий.
Нет! Укрепленья его никаким нерушими железом:
Это — природа сама, условия местности. Ибо
С бездной, лежащей вокруг, со скалой, отражающей море.

- 25 Мог бы он островом быть, когда бы не холм-перешеек.
Стены вздымают из вод для судов ужасные камни,
Если же яростный Австр ионийские волны подымлет,
Бьют они храмы, дома, и пену возносят до кровлей.
- Цезарь, жадный к войне, воспыал дерзновенной надеждой, —
- 30 Вал вдалеке от врагов, что по диким холмам разместились,
Тайно от них провести и их окружить незаметно.
Взором он меряет даль: ему мало, конечно, из дерна
Рыхлого выложить здесь ограду на скорую руку:
Глыбы огромные он, из недр изъятые скалы,
- 35 Камни из греческих стен, из разбитых домов перевозит.
Строится то, чего грозный таран сокрушить не способен
И ни одно не собьет орудие яростной битвы.
Цезарь, утесы круша, проводит ровную насыпь
Вдоль по высотам крутым: копает он рвы, на вершинах
- 40 С башнями строит форты, обнимает широким охватом
Все рубежи, — ущелья, леса, лесистые склоны,
Вместе с их диким зверьем запирает широкой облавой.
Есть и поля, и луга в огражденных владеньях Помпея,
Может он лагерь менять, опоясанный Цезаря валом.
- 45 Реки, рождаясь в кольце, свое продолжают течение,
В море вливаются там: желая объехать работы,
Вынужден делать призвал на пути своем Цезарь, усталый.
- Пусть же теперь Илион баснословные стены возносит,
Их приписавши богам! Пусть легкие в бегстве парфяне,
- 50 Глядя на ломкий кирпич стены вавилонской, — дивятся!
Столько земли, сколько Тигр и быстрый Оронт омывают,
Сколько в восточных краях занимает народ ассирийцев
Царством своим, — оградил этот вал, во мгновение ока
Выросши в буре войны. И такие работы — погибли!
- 55 Столько бесчисленных рук связали бы Сест с Абидосом
И, набросавши земли, запрудили бы Фриксово море;
Иль оторвать бы могли Эфиру от царства Пелопса,
Чтоб не ходили суда вокруг протяженной Малей;
Или пустую страну, вопреки веленьям природы,

60 В радостный край превратить. Здесь поприще битв создается:
Здесь соберется вся кровь, что пролиться должна во вселенной,
И фессалийские здесь, и ливийские все поражения.
Междоусобная брань бушует на тесной арене.

Стройка в начале своем ускользнула от взоров Помпея:

65 Житель Сиканских полей, от опасности всякой укрытый,
Так же не слышит вдали свирепого лая Пелора;
Так, когда буйная бьет Тefиса брег рутупинский —
Волн разъяренных ее каледонский не чувствует британец.
В час, как заметил Помпей весь край оградившую насыпь,
70 Он легионы свои, удаливши их с Петры надежной,
Вдоль по холмам разбросал, чтобы вытянуть Цезаря войско
И по ограде его ударить рассыпанным строем.
Вот в окруженных полях воздвигает он вал для защиты
На расстоянии таком, какое Дианы Микенской

75 Храм в арицийском лесу отделяет от крепости римской;
Иль на таком, какое б от стен до впадения в море
Тибра поток протекал, когда бы не делал извивов.
К битве сигнал не звучит, но стрелы летят без приказа:
И злодеянье творит лишь для пробы брошенный дротик.

80 Злейших забот череда отвлекает Помпея от битвы:
Грудь истощенной земли не дает уже пастбища больше,
Конь ее топчет ногой и в скачке своей безудержной
Твердым копытом до тла выбивает зеленое поле.
Часто скакун боевой, в обнаженных полях изнемоги,

85 Ясли пока наполняют ему привезенной соломой, —
В поисках свежей травы, издыхая, ложится на землю,
Иль в середине пути подгибает дрожащие ноги.

Конские трупы гниют, везде разлагается падаль,
Сея заразу вокруг, в безветренном небе зловонье
90 Мрачною тучей висит. Таким же дыханием Несис
От затуманенных скал испарения ада возносит,
Из смертоносных пещер источает Тифонову ярость.

Гибнул народ от заразы, но воды успешней, чем воздух,
Яд разносили вокруг, засоряя несчастным желудок.

- 95 Кожа чернела у них, глаза из орбит выползали
И обжигал им лицо, распалясь от священной болезни,
Пламень чумы огневой, голова повисала бессильно.
День ото дня все быстрее судьба наносит удары:
Лишь заболел человек — и конец наступает не медля:
- 100 Смертность усилила мор, возростала толпа умиравших,
И посреди мертвецов живые лежали вповалку.
Выкинуть труп из шатра — лишь в этом для граждан несчастных
Был погребальный обряд... Но уменьшились все же страдания:
С моря вдруг свежий пахнул Аквилонем насыщенный воздух
- 106 И к берегам корабли привезли чужеземную жатву.
Враг же, свободный вполне на высотах обширной округи,
Ни от загнившей воды, ни от воздуха злого не страждет;
Голод его жестокий гнетет, как будто осадой
Тесной он окружен. На нивах засеянных всходы
- 110 Не поднялись еще — и вот несчастные люди
Скотские гложут корма, грызут побеги деревьев,
Листья срывают в лесу, а также грозящие смертью
Корни неведомых трав и вредных растений копают:
Все, что смягчает огонь, что разгрызть удастся зубами,
- 116 Все, что в желудок пройдет сквозь зев исцарапанной глотки.
Блюда, которых досель не знавали столы человека, —
Все пожирают бойцы, осаждая противников сытых,
Но наконец Помпей порешил — прорвавши осаду,
Вылазкой путь проложить в просторы широкого мира;
- 120 Он не стремится себя окутать сумраком ночи,
Он не желает тайком, сложивши в бессильи оружие,
Бегством от тестя спастись; но сквозь развалины хочет
Выйти, ударом одним сокрушить на насыпи башни,
И через гущу мечей прорубить себе битвой дорогу.
- 126 Ближняя насыпи часть ему показалась удобной:
Этот кустистый бугор укрепленьем Миниция звался,
Лесом был густо покрыт. Не поднявши ни облачка пыли,
Двинул он войско туда и у вала явился внезапно.
Вдруг засверкали с равнин его латинские птицы,

- 130 Вдруг зазвенела труба. У мечей отнимая победу,
Опустошающий страх врагов пораженных объемлет.
Все, что могло геройство свершить — это пасть под атакой
На отведенном посту: уж скоро копье не находит
Жертвы себе, и дротиков град летит понапрасну.
- 135 Вот уж летучий огонь смолистые факелы мечут,
Вот уже башни дрожат и паденьем грозят от ударов.
Крепкие стонут валы под биением частым тарана.
Вот уж Помпея орлы на вершину вала взлетают:
С ними вселенной опять доступным становится право!
- 140 Место, которое вновь не могли бы отнять у Помпея
Тысячи вражеских турм и счастье Цезаря, — снова
Отнял один человек, сказав, что пока он оружие
Держит, никем не сражен, — не увидит Великий победы.
Сцева — вот имя бойца: рядовым до похода на Родан
- 145 К диким народам он был; проливши там крови немало,
Центурионом он стал, награжденный латинской лозой.
Склонный к злодействам любым, не знал он, каким
преступленьем
В междоусобной войне боевая является доблесть.
Он закричал, увидав, что соратники ищут спасенья
- 150 В бегстве и бросили бой: «Куда влечет вас позорный
Трепет, доселе еще неведомый Цезаря войску?
Мерзостный сброд! Ватага рабов! Без капельки крови
Смерти вы кажете тыл? Вам не стыдно — не лечь у могилы,
С грудами прочих бойцов, и не быть между трупами павших?
- 155 Хоть бы вас гнев удержал, если чести у вас не осталось,
Воины! Нас изо всех, желая прорваться, противник
Выбрал. Оплатит Помпей обильными реками крови
Нынешний день. К теням отойти перед Цезаря взором
Было бы радостней мне: но Фортуна мне в том отказала!
- 160 Под похвалы Помпея паду! Сломайте же копья
Натиском груди своей, притупите телами железо!
Пылью туманится даль, и грохот паденья развалин
Цезарю слух поразил издалека нежданной тревогой.

- Мы побеждаем, друзья! Найдется спаситель твердыне,
165 Хоть бы умерли все!». Так пылко звучал его голос,
Как не звучит и труба при первой тревоге военной.
Мужу дивились бойцы и за ним бежали, желая
Видеть, — на смерть ли одну, иль на большее доблесть
способна,
Если и место, и враг подавляют. На вал поврежденный
170 Стал он и начал тогда из башен, трупами полных,
Сбрасывать вниз мертвецов, засыпать врагов подходивших
Грудой растерзанных тел; снарядами были обломки,
Бревна и камни; врагу и своим угрожал он паденьем.
То он колот, то шестом пронзал неприятелям тело,
175 Их отгоняя от стен, и за гребень цеплявшихся руки
Острым мечом отсекал; дробил черепа он камнями
Так, что мозги из-под хрупкой сзоей разлетались покрышки,
Также и факелом жег врагов волоса он и лица;
И в полыханьи огня шипели глаза, вытекая.
180 Скоро гора мертвецов, вырастая все выше и выше,
Встала на уровне стен; и Сцева прямо на копья
В скопище прыгнул врагов с проворством, нисколько не меньшим,
Чем сирометчивый барс, на рогатину мчащийся слепо.
Клиньями войск отовсюду зажат, окруженный толпою,
185 Каждого он из врагов, на кого только взглянет, сражает.
Стало тупым лезвие, запекшейся кровью покрывшись,
Сцева не ранит врага, но только его поражает,
Это уж больше не меч, — поражает тела, но не ранит.
Сцеву теснит вся толпа, все копья его засыпают;
190 Нет неискусной руки и дротиков нет неудачных:
Видит Фортуна, дивясь, как с целой армией бьется
Равный по силе боец. Звенит под градом ударов
Щит и, плотно прильнув, протирают шлема обломки
Сцеве виски; уж ничто обнаженных источников жизни
195 Не прикрывает ему — лишь копья, застрявшие в ребрах.
Что же вы мечете зря, безумные, стрел окрыленных,
Дротиков яростных град в недоступное гибели сердце?

Пусть его сломит снаряд, запущенный жилой дрожащей,
Или упавший со стен огромной тяжести камень!

200 Пусть вам откроет проход таран с головою железной,
Или баллиста: стоит перед Цезарем прочно защита,
Нет для Помпея пути. Уж не прячется грудь под броней;
Стыдно вверяться щиту, не биться левой рукою,
Жизнь не терять, защищая себя; все раны сраженья

205 Он принимает — один; на груди — будто дротиков чаща;
Падает он, но врага раздавить собою не хочет,
Точно чудовище вод. Так зверь ливийской равнины,
Так африканский слон, осыпанный множеством копий,
Каждое древко крушит, в спине застрявшее жесткой,
210 Двигая кожей, с себя отряхает торчащие стрелы.
Внутренность чрева цела и крови не пролили копья,
В тело вонзившись слегка. Такое множество лезвий,
Дротиков столько и ран добить одного неспособно!

Но наконец от диктейской руки стрела из Гортины
215 Издали вдруг принеслась и, с меткостью сверх ожидания,
В голову Сцевы впиалась и левый глаз проколола.
Он же, бестрепетный, рвет и жилы, и связки, в которых
Лёт задержала стрела и, выдернув с глазом железо,
Наземь бросает его и око давит ногами.

220 Не свирепей паннонский медведь, сраженный ударом,
Раненый кружит, когда копье в него пустит ливиец;
В гневе пытается он схватить вонзенное древко,
Вергится, ползает вокруг, копье за собой увлекая.

Ярость угасла в чертах; облит кровавым потоком
225 Обезображенный лик; ликующий клич победивших
Воздух вокруг огласил: их меньше обрадовать мог бы
Цезарь, павший от ран, чем вид этой крови ничтожной.
Он же, глубоко в душе скрывая жестокие муки,
Голосом слабым сказал, как будто утративши доблесть:

230 «О, пощадите меня! Сograждане, меч отвратите!
Новые раны, узы! — моей смерти не могут ускорить;
Копий не надо вонзать, надо прежние вырвать из тела.

- Заживо взявши меня, доставьте к Великому в лагерь.
Дар поднесите вождю: да будет примером измены
335 Цезарю Сцева живой, а не жертвою смерти почетной».
- Этим обманным речам доверился Авл на несчастье,
Он не заметил, что меч утаен от него, обнаженный:
В миг, когда взять захотел он оружие с пленником вместе,
В горло вонзился ему клинок, как молния быстрый.
- 240 Доблесть воспрянула вдруг; ободренный новым убийством,
Сцева воскликнул: «Умри, кто меня побежденным считает!
Коль от клинка моего Великий требует мира,
Пусть перед Цезарем он падет, преклонивши знамена.
Мните ли вы, что на вас я похож и бессилен пред роком?»
- 245 Нет, вы любите все Помпея и дело Сената
Меньше, чем смерть я люблю!». Не успел он это воскликнуть.
Как возвестила им пыль, что когорты Цезаря близко.
Это Помпея спасло от того поношенья и срама,
Что легионы его пред тобой только, Сцева, бежали.
- 250 Выиграв бой, — ты упал: обескровленный черпал ты силы
В битве. Родная толпа соратников вмиг подхватила
Павшего друга, она поднять его на плечи рада.
Кажется им — божество в изъязвленной груди поселилось.
И преклонились бойцы перед образом Доблести высшей:
- 255 Вытащить стрелы спешат они из пронзенного тела
И украшают богов и Марса с голою грудью,
Сцева, оружием твоим. О, как бы прославил ты имя,
Если б бежал пред тобой ибер устрашающий или
С длинным доспехом тевтон, иль кантабр со щитом своим
круглым!
- 260 Но не дано уж тебе украсить военной добычей
Храм Громовержца и громко кричать в ликозаньи триумфа.
Горе! В геройстве своем возвеличил ты только владыку!
- Но отраженный Помпей не забыл о войне и не больше
Он успокоился тут за оградой своих укреплений,
265 Чем устает океан, когда при поднявшемся ветре
Он, разбивая валы, ударяет о скалы иль точит

Стену высокой горы, обвал себе этим готовя.
Пользуясь миром пучин, на ближайшую крепость Великий
С моря и суши напал; затем на широком просторе
270 Войско рассыпал и стан на равнине поставил открытой;
Был он возможности рад менять беспрепятственно место.
Так разлившийся Пад, вздуваясь, дамбы смывает,
И, затопив берега, поля покрывает далеко.
На потопленной земле своевольно холмы разрушает
275 Волн разъяренный поток; безудержной льется пучиной
И прерывает себе в незнакомых равнинах дорогу.
Там исчезает земля у владельца; здесь Пад поселянам
Новую пашню дает...

Как только об этом сраженьи
Цезарь узнал по огням, зажженным высоко на башне,
280 И, подойдя, увидал, что прахом засыпаны стены,
Всюду холодный лежит, как на давних развалинах, пепел, —
Он возмущился душой, безмятежностью места разгневан,
Видя, как мирно Помпей, победивши Цезаря, дремлет.
Битвой, потерь не боясь, он спешит омрачить эту радость:
285 Будто гроза, налетел на Торквата; тот Цезаря видит
И с быстротой моряка, который на мачте дрожащей
Все паруса стремится свернуть при Цирцеиной буре, —
Вмиг собирает войска меж внутренних стен укрепления,
Чтобы как можно тесней уплотнить их сомкнутым строем.
290 Цезарь уже перешел укрепления первые вала;
В эту минуту Помпей все силы с холмов близлежащих
Двинул и строй раззернул, отовсюду врага окружая.
Тот, кто под Этной живет, не так Энкелада страшится
В час, когда властвует Нот, когда из пещер, содрогаясь,
295 Лавы поток на поля извергает горящая Этна, —
Как, побежденный до битв, при виде клубящейся пыли
Цезаря воин дрожит под тучею страха слепого.
В бегстве своем натывается он на врага, попадает
Сам на грозящую смерть. До полного мира могла бы
300 Вылиться кровь гражданской войны. Но сам полководец

- Ярость мечей удержал. От царей свободен и счастлив
Был бы ты, Рим, и прав не лишен, когда б на том поле
Сулла тогда победил. О горе, о вечное горе!
- Цезарь, спасает тебя предел твоих преступлений, —
- 305 С зятем достойным борьба. Увы! Жестокие судьбы!
В Мунде Испания слез не лила бы и в Утике скорбной
Ливия, Нил бы не мчал, облитый запретною кровью,
Трупа в теченьи своем — фаросских царей благородней;
На Мармарийских песках нагой не залялся бы Юба,
- 310 И Сципион пунийских теней пролитой кровью
Не ублажал бы; и жизнь сберег бы Катон непорочный.
День этот стал бы, о Рим, последним днем твоих бедствий:
С ним из судьбины твоей могла бы Фарсалия выпасть!
- Цезарь бросает страну, одержимую богом враждебным,
- 315 Части расстроенных войск ведет в эмафийские земли.
Гнаться за тестем хотел Великий, куда б ни бежал тот,
Хоть и пыталась его удержать от этой погони
Свита, и к отчим домам, в Авзонию плыть убеждала,
Где неприятеля нет. «Не вернусь никогда, — возражал он, —
- 320 С войском, как Цезарь, на родину; нет, но Рим меня встретит,
Только когда я солдат распушу по домам после боя.
Мог бы Гесперию я удержать при начале восстанья,
Если бы бой завязать в отеческих храмах задумал,
Форум сраженьям обречь. Но, чтоб избежать этой бойни,
- 325 Я предпочту отступить в морозные скифские земли,
В жаркие страны уйти. Твой покой, побеждая, смущу ли,
Рим, если я убежал, чтоб сраженья тебя не терзали?
Ах, чем томиться тебе в раздорах воинственных, пусть уж
Цезарь тебя считает своим!». С такими словами
- 330 Путь на восток обратил и, пройдя по стране бездорожной,
Вдоль по ущельям пустым суровой Кандазии, вышел
В земли Эмафии той, где рок подготовил сраженье.
- С той стороны, откуда Титан зимою восходит,
Каменным горным хребтом оградила Фессалию Осса.
- 335 В дни ж, когда Феб высоко поднимается в летнее небо,

- Тени кладет Пелион от его лучей восходящих.
Если же полдень горит пыланием солнцестояний, —
Отрис свирепому Льву подстазляет вершину лесную.
Пинд преграждает пути Зефиру, а также Япигу,
340 Свет сокращает дневной и сумрак вечерний торопит.
Не устрашает Борей у подножья Олимпа живущих,
Вовсе не знают они, что всю ночь Медведица светит.
Между тех горных цепей, в долине, стиснутой ими,
Некогда были луга покрыты огромным болотом:
345 Воды ручьев держались в полях, и проходы из Темпы
Не достигали морей, но только ширил озера
Рек неослабный поток. Когда же рукой Геркулеса
Тяжкая Осса была с Олимпа низвержена, — новый
Видел Нерей водопад; и тогда морского Ахилла
350 Царство явилось, — ему оставаться бы ввек под волнами! —
То эмафийских равнин, Фарсалия, с нею Филика —
Первой к ретейским брегам приплывшая, и очезидец
Гнева Муз — Дорион; Птелей, Трахин, Мелибея, —
Та, что сильна за проклятый костер Геркулеса колчаном;
355 И всемогущая встарь Лариса; поля, где запахан
Некогда славный Аргос; и край, где, по слову преданья,
Древние Фивы цвели Эхиона: в те земли Агава
Голову сына снесла, на огонь возложила последний,
Плача, что только ее взяла из останков Пенфея.
360 Это болото потом разделилось на многие реки.
Чистый в теченьи своем, с глубиною ничтожною, льется
Эй к ионийским волнам; родитель беглянки Изиды
Не многоводней течет, а зятем Ойнея не ставший —
Мутным потоком воды острова Эхинады заносит,
365 Пересекает Эвен, обгаренный кровию Несса,
Твой Калидон, Мелеагр; Сперхей течением быстрым
Мчится в Малейский залив; своим источником светлым
Выгон, где Феб по-рабски служил, Амфрис орошает.
Дальше струится Анавр, никогда не вздымая туманов
370 Иль испарений сырых, не подъямля и легкого ветра.

- Множество рек и ручьев, чьи названия неведомы морю,
Воды вливают в Пеней. Апидан бурливым потоком
Прыгает, и Энипей, лишь в слиянии с ним торопливый.
Здесь истекает Асоп, Феникс и Мелас, а также
375 Воды свои бережет Титарес, который, впадая
В реку с названием другим, по ее поверхности мчится,
Словно бы руслом сухим — Пеней пользуясь влагой.
Эта река, говорят, из стигийских болот вытекает,
Помнит истоки свои, и с обычной рекой не желая
380 Смешивать струй, сохраняет и страх, внушаемый вышним.
Только лишь реки стекли и поля из-под них обнажились,
Бебриков там сошники распахали их тучную землю;
Взрыли сейчас же плуги под руками лелегов равнину.
Там эолидов сыны и долопов землю вспахали,
385 Миниев, славных гребцов, и магнетов, чьи копи известны.
Облако полузверей-кентавров от чресл Иксиона
Там родило в глубине пещеры Пелефронийской
Мониха, бывшего в прах Фолои крепкие камни;
Рета, кто, вырваз, кружил над вершиною Этны, свирепый,
390 Ясени те, что Борей дуновеньем не мог опрокинуть.
Фола, кто угощал Алкида; тебя, перевозчик
Мерзостный, через реку пронзенный лернейской стрелою;
Старца Хирона — тебя, кто, сияя холодной звездою,
Луком гемонским своим громаде грозит Скорпиона.
395 В этой земле проросли семена свирепого Марса.
Первым сорвался со скал, трезубцем морским потрясенных,
Вестник губительных битв, ретивый скакун фессалийский:
Рвет он впервые узду, грызет удила он и пеной
Повод неожиданный кропит, укротителя повод — лапифа.
400 Первым спустился корабль с пагасского берега в море
И сухопутных людей в незнакомые волны закинул.
Первым Ион принялся, повелитель земли фессалийской,
В четкую форму монет ковать металл раскаленный, —
Бросил в огонь серебро, из золота деньги чеканил,
405 И в необъятных печах расплавил медные глыбы.

Стало легко богатства считать, а это — народы
Гонит к злодействам войны. Из той страны появился
Эмей, величайший Пифон, и вполз в Киррейскую область;
К играм пифийским отсель перешли фессалийские лавры
410 И сыновей на всевышних послал Алоэй нечестивый
В час, когда Пелнон до звезд вознесся, а Осса,
Нагромождая на него, светилам пути заградила.

Там, на проклятой земле, вожди свои станы разбили, —
И изволновалось у всех предвестьем грядущих сражений
415 Сердце, почуяв, что срок, решающий судьбы вселенной,
Ныне уж близок. Дрожат трусливые души, готовясь
Участи сдаться своей и з будущем худшее видят.
Случая зыбкой игре немногие, с духом собравшись,
Противопоставили страх и надежду. В толпе оробелой
420 Секст находился — он был Великого сын недостойный,
Тот, кто скоро бежал бродягою в Сциллино море
И замарал Помпея триумф, как пират сицилийский.
Острый почувствовав страх, судьбу предузнать пожскал он,
Полный тревог о будущем дне, не терпя промедленья,
425 Не у пифийских пещер, иль делосских треножников начал
Он предвещаний просить, ни у Зевсовой меди в Додоне,
Первых вскормившей людей желудями; не стал узнавать он
Судьбы по жилам зверей, по птицам, по молниям неба
Иль по светилам гадать, подобно жрецам ассирийским, —
430 Или другим ведовством — негреховным. Противные вышним
Таинства магов он знал недобрых и ведал он также
Злых алтарей загробный обряд — и Дита правдивость,
И замогильных теней: несчастный думал, что боги
Видят слабей, чем они. Пустому и злому безумью
435 Место само помогло — от лагерных стен недалеко
Было жилье гемонид; навождение ужасов дерзких
Их не смущало совсем; искусство их — непостижимо.

На фессалийской земле растут смертоносные травы,
Ведомы скалам ее замогильные таинства магов
440 И заклинания их. Там всюду рождаются зелья

- Для заклинанья богов: колхидская гостья сбирала
Здесь, в гемонийской земле, с собою не взятые травы.
И небожители здесь, глухие ко многим народам,
Вечно склоняют свой слух к закланьям племени злого.
- 445 Их только голос один долетает к эфирным чертогам,
Он, против воли богов, приносит столь властные звуки,
Что ни вращенье небес, ни забота о небе не могут
Их отразить. И когда к сзетилам летит их ужасный
Шопот, тогда Вавилон персидский и чары Мемфиса
- 450 Тщетно пустили бы в ход все таинства древние магов:
Прочь от чужих алтарей фессалийка уводит всевышних.
Без повеленья судьбы при словах гемонийских закланьях
В хладную грудь проникает любовь; запретное пламя
Старцев суровых палит. И это свершают не только
- 455 Вредные яды иль сок из нароста на лбу жеребенка —
Знак материнской любви: никакою отравой не тронут,
Ум человеческий сам слабеет от тех заклинаний.
Те же, кого не сольет никакое брачное ложе
Ни единением чувств, ни соблазнами внешности милой, —
- 460 Нитью опутаны той, что скользит с веретен чародейных.
Замерли смены времен; отсроченный долгою ночью,
День не настал и застыл; эфир непокорен законам.
Мир в стремленьи своем цепенеет, заслыша закланья.
Сам, на быстрой оси вращающий небо, Юпитер
- 465 Той остановкой смущен. Теперь облака наполняют
Ливнями все, пеленой застывая знойного Феба;
Гром в небесах, хоть Юпитер молчит; от этих закланьях
Влагу рождает туман, от волос распущенных льется
Дождь. И хоть ветер утих, но море грозно бушует,
- 470 Иль затихает опять под запретом покорствовать вихрям,
Хоть и беснуется Нот. Паруса, влекущие судно,
Против дыхания бурь надуваются. Вдруг цепенеет
Льющийся с гор водопад, и вспять обращаются реки
Против течения, и Нил среди лета разлиться не может;
475 Бег выпрямляет Меандр; и Родана стихшие воды

- Опережает Арар. Вершины свои понижая,
Горы равняют хребет; Олимп скрывается в тучах;
Сразу, без вешних лучей, среди зимы цепенящей
Скифские тают снега. Фессалийские чары Тefису,
480 Даже Луне вопреки, от берега прочь отгоняют.
И сотрясает Земля равновесие твердое оси,
И от напора ее и сила оси расшаталась.
Вся громада тогда расседается врозь от заклятий
И открывает глазам вокруг скользящее небо.
485 Всякая вредная тварь, в себе таящая гибель,
Пред гемонидой дрожит и дает ей орудие смерти.
Тигры свирепые ей и гневные львы-властелины
Руку привыкли лизать; для нее холодные кольца
Гад развивает в горах и сползает в поля снеговые.
490 Сходятся вместе опять гадюки разрубленной звенья;
Яд человеческих уст змею дыханием губит.
Что заставляет богов подчиняться заклетьям и травам,
Их опасаясь презреть? И связь каких договоров
Волю всевышних мертвит? Покорствовать в том надлежит ли,
495 Или так нравится им? Или платят за тайную службу?
Сила ль угроз тут немых? На всех ли богов распростерлись
Этих колдуний праза? Иль волшебой они шлют повеленья
Богу-избраннику лишь, которого могут принудить,
Как принуждает он мир? Колдуньи впервые светила
600 С горного неба свели: побледнела ясная Феба,
Яда заклятий испив, землистым пламенем тусклым
Так загорелась она, как будто Земля ей затмила
Брата сияющий лик, небесный огонь заслоняя
Черною тенью своей; угнетенная шопотом вещим,
605 Терпит страданья она, покуда, к Земле приближаясь,
Не напитает своей ядовитой пеною травы.
Этот преступный обряд, те заклатья племени злого
Слишком святым сочла и отвергла лихая Эрихто,
Новый создавши обряд в своем мастерстве нечестивом.
610 Ведьма, считая грехом зловещую голову прятать

- В доме, средь стен городских, — жила в разворенных гробницах,
Или же, тени прогнав, занимала могилы пустые, —
В радость Эреба богам. Усопших полсаушивать сходки,
Дита все таинства знать и стигийских жилищ сокровенных —
615 Вышние ей разрешили — живой. Нечестивица мерзко
Вся отошала от лет, незнакомая ясному небу.
Облик ужасный ее покрывает стигийская бледность.
Ключьями космы гнетут. Если тучи и дождь застилают
Звезды покровом своим, покидает тогда фессалийка
620 Склепов пустынный приют и молнии ловит ночные.
Поступь ее семена пепелит на полях плодородных
И отравляет она смертоносным дыханием воздух.
Просьб не возносит богам и пеньем смиренным не молит
Вышних помочь, не хочет и жертв, искупенье несущих,
625 Ведать, но любит она возжигать погребальное пламя
На алтарях, и со смертных костров похищенный ладан.
Вышние всяческий грех при первом ее заклинаньи
Ей дозволяют, боясь тот голос вторично услышать.
Души живые людей, еще не лишённые тела,
630 Сводит в могилу она; и, судьбе вопреки, пресекает
Смертью насильственной дни; обряд похорон искаженный
Возле надгробья творит — и трупы бегут из могилы.
Мертвых дымящийся прах, горящие юношей кости
Из середины костра похищает, а с ними и факел
635 Рвет из родительских рук; летящие в сумрачном дыме
Смертного ложа куски и ставшие пеплом одежды
Любит она собирать с золою, насыщенной смрадом.
Если же цело в камнях иссушенное мертвое тело,
Влаги в котором уж нет, чья внутренность одерезенела, —
640 Тут-то над трупом она бушует в неистовстве жадном!
Пальцы вонзает в глаза; застывшие очи ей любо
Вывать; на дланях сухих грызет пожелтевшие ногти;
Если удавленник здесь, то веревку со смертною петлей
Рвет она аубом своим; кромсает висящее тело
645 И соскребаёт кресты; в утробе, размытой дождями,

- Роемся иль теребит кишки, опаленные солнцем.
Гвозди ворует из рук и черную жидкость из тела —
Тихо сочащийся гной и капли сгустившейся слизи —
И, зацепившись клыком за жилу, на ней повисает.
- 560 Если же где на земле валяется труп обнаженный, —
Зверя и птицы быстрее накинется; но не кромсает
Трупа железом она иль руками, зубов дожидаясь
Волчьих, и клочья затем вырывает из пасти голодной.
Руки ее не страшатся убийств, когда нужно ей крови,
- 565 Бьющей потоком живым из свежеразверстого горла,
И от убийств не бежит, если требуют теплого мяса
Трепетных жаждут кишок замогильные трапезы мертвых;
Раною чрево раскрыв, не веленьем природы, но силой
Плод исторгает она, чтоб сложить на алтарь раскаленный.
- 560 Если ей тени нужны еще сильнее и свирепей, —
Манов сама создает: ей смерть человека — на пользу.
Это она со щек молодых удаляет румянец,
Левой срезает рукой умирающих юношей кудри.
При погребеньи не раз на трупы родные кидалась
- 565 И припадала к телам фессалийка злая, целуя,
И, безобразя главу, ей рот раздирала зубами,
Прочь отгрызала язык, из горла сухого торчавший.
В хладные губы ее вливала свой шопот ужасный,
Ей для стигийских теней нечестивые тайны вверяя,
- 570 Сексту молва на жилище ее указала, — и тотчас
Двинулся он по пустынным полям глубокою ночью,
В час, как под землю Титан свой день уводит от смертных.
Верные слуги его и сообщники всех преступлений,
Возле разбитых гробниц и могильников старых блуждая,
- 575 Издали вдруг увидали ее на обрывистых скалах,
Там, где к Фарсалии Гем отроги хребта опускает.
Речь незнакомую там ни богам чародейным, ни магам,
Новых заклятий слова слагала она. Опасаясь,
Как бы кочующий Марс не унесся в земли чужие
- 580 И эмафийский предел убийств не лишился бы стольких, —

Зельем нечистым своим окропила колдунья Филиппы
И, заклинанья шепча, удалиться войне запретила;
Мертвых ей груды нужны, и крови целого мира
Жаждет она: убитых царей обезглавливать трупы
585 И гесперийских сынов похищать надеется пепел,
Кости знатных мужей и манов великих присвоить.
Жажда сильна, ей забота одна — от праха Помпея
Что она сможет урвать, что у Цезаря взять ей удастся?

Речь с нею первый завел Помпея сын недостойный:
599 «Ты, о краса гемонид! Ты, кто можешь судьбы народам
Выяснить, иль изменить грядущих событий движение, —
Я умоляю тебя, раскрой, окончанье какое
Рок уготовил войне. Ведь я далеко не последний
Муж среди римской толпы; Великого сын благородный —
595 Буду наследником я иль власти над миром, иль смерти.
Мне неизвестность страшна, но опасность верную смело
Встретить готова душа. Отними же у случая право
Бить нас ударом слепым и неожиданным. Богов ты подвергни
Пытке иль их пощади, но правды от манов добейся.
600 Дверь отвори в элисийский чертог и даже у Смерти
Вырви признание о том, кто из нас ее жертвою будет.
Этo не низкий труд; тебе и самой подобает
Выведасть, как упадет судьбин замечательных жребий».

Радуюсь славе своей нечестивой, в ответ фессалийка
605 Так говорит: «Если б ты покушался на меньшие судьбы,
Было бы, юноша, мне нетрудно заставить всевышних
Выполнить волю твою. Моему искусству доступно
Смерть одного задержать, хоть ее и торопят лучами
Эзезды; пускай они все посулили долгую старость, —
610 Зельем волшебным могу вереницу годин оборвать я.
Если же цепь причин от начала вселенной исходит,
Если всем судьбам беда, коль посмеешь ты что-нибудь тронуть,
И под ударом одним весь род человеческий собрав, —
Мы, фессалийки, тогда всей толпой говорим, что Фортуна
615 Ныне всесильнее нас. Но если грядущее только

Знать ты желаешь, — путей открывается много доступных
К истине: с нами земля, и хаос, и воздух, и море
Будут беседу вести, — и поля, и Родопские скалы.

Так как новая смерть дает нам обильную жатву, —

620 Очень легко подобрать мертвеца с эмафийского поля.
Будь лишь недавно убит, — и уста неостывшие трупа
Громко начнут говорить, а копь солнце сожжет ему тело, —
Будет загробная тень бормотать невнятно для слуха».

Так отвечала она; и чарами сумрак сгущая,

625 Мглою нечистой укрыв зловещую голову, бродит
Между поверженных тел, покинутых без погребенья.
Волки сейчас же бегут, улетают несытые птицы,
Выдернув когти свои, пока выбирает пророка
Ведьма и, шаря в груди, замороженной смертью, ищет
630 Легкие трупа, где ткань без ранения заоченела:
Голос желает извлечь из мертвого тела колдунья.
Много убитых мужей своей участи здесь ожидают,
К жизни кого она вновь призовет? Когда б захотела
С поля все войско поднять и его возвратить для сражений, —

633 Смолк бы Эреба закон и целый народ бы здесь бился,
Чудом могучим ее из Аверна стигийского вызван.
Вот, наконец, она выбрала труп, ему горло проткнула
И, привязав ко крюку веревку с мертвою петлей,
Жалкое тело бойца по скалам и острым камням
640 Тащит: в пещере пустой, отведенной для мрачных обрядов,
Под неприступной скалой мертвеца положила Эрихто.

Грот этот недалеко от Дита глухих подземелий
В недра земли уходил; над бездной склонившись ветвями,
Бледный теснился там лес, чьи вершины не видели неба,
645 Тисы кидали там тень, недоступную Фебовым взорам.
Мрак там и плесень внутри, под сводом пещеры безжизнен
Долгой ночи покров, и свет туда проникает
Только рожденный волшеббой. Не гуще в Тенарском ущелье
Воздух недвижимый стоит, где область подземного царства
650 С нашей граничит страной: владыки Тартара смело

- Манов послали б сюда. И хотя фессалийская ведьма
И принуждает судьбу, — неизвестно, оттуда ль выводит
Или, спустившись туда, стигийские тени встречает.
Пестры наряды ее, как фурий цзетные одежды,
655 Космы откинув назад, открывает лицо она взорам,
Пряди торчащих волос вязеницами змей перевиты.
Юноши видя испуг и свиты его оробелой,
Скованный ужасом взор и лик омертвелый заметив,
«Бросьте, — сказала, — свой страх и трепет души успокойте.
660 Новая жизнь возвратит мертвецу его истинный облик.
Так, что отчаянный трус будет в силах внимать его речи.
Если могу показать озера стигийские, берег,
Где завывает огонь, если вашим глазам в состояньи
Я Эвменид показать и косматую Кербера шею
665 В клубе кишашщих гадюк, и тела сраженных гигантов,
Страшно ли, жалкие, вам боязливых манов узидеть?»
Прежде всего она грудь, нанеся ей свежие раны,
Кровью горячей поит; из чрева гной удаляет;
И наливает туда в изобилии лунное зелье.
670 Все, что природа вокруг на гибель и зло породила,
Вместе мешает она. Собаки здесь бешеной пена,
Рыси лесной требуха, позвоночник гиены свирепой,
Здесь и оленя мозги, змею проглотившего с кормом;
Рыбка, что может корабль, когда Евр надувает ветрила,
675 Вдруг среди волн задержать, глаза драконов и камни —
Те, что звучат, если их согрее орлица-наседка;
В Красных морях дорогих жемчугов хранитель — ехидна,
Из аравийских пустынь крылатые змеи и кожа,
Заживо сползшая с тел рогатых ливийских керастов,
680 И на восточном костре сгоревшего феникса пепел.
Все эти яды смешав — знаменитые вместе с простыми, —
Листьев прибавила к ним заклятых волшебю запретной,
Трав, чьи ростки смочила она зловредной слюною,
Много и зелий других, что миру сама подарила:
685 Голос ее, который сильней, чем всякие травы,

- Может скликать летейских богов, нестройные звуки
Начал сперва издавать, несхожие с речью людскою.
Воеет по-волчьи она и лает она по-собачьи.
Так же, как филин ночной, как сова беспокойная стонет,
690 Так же, как змеи шипят, как звери ревут и зывают, —
Стонет она: и грохот волны, что бьется о скалы,
И завыванье дубрав, и гром, разрывающий тучи, —
Все в этом вопле слилось. Но вот гемонийских напевов
Явственны стали слова — и в Тартар они проникают:
695 «О, Эвмениды, и вы, все Муки смертельного Стикса,
Хаос, готовый всегда миры поглощать, не считая!
Ты, о владыка земли, томящийся в долгих столетиях
Божьим бессмертьем своим! И Стикс, и Элисий, закрытый
Для фессалиек навек! Ты, отвергшая небо и мать,
700 Ты, Персефона, для нас воплощение третье Гекаты,
Через которую я сношусь молчаливо с тенями!
Ты, о привратник дворца, бросающий нашу утробу
В пищу свирепому псу! Вы, Сестры, которым придется
Новую нитку сучить! Перевозчик по огненной влаге,
705 Старец, которого я утомляю, теней призывая!
Просьбе внимлите моей: если вас призываю успешно
Скверной заклятий моих, если я не пою заклинаний,
Мяса людского не вкусив сперва, если полные жизни
Груды я резала вам и жертву мозгами кропила,
710 Если дитя, зародившись, чтоб жить, на блюдо вам клало
Недра свои и главу, — то вы повинуйтесь моленью!
Я вызываю не дух, в подземелиях Тартара скрытый,
К мраку привыкший давно, — но дух, лишь туда нисходящий,
Только что бросивший свет, застывший над первым прозалом
715 К бледному Орку. Пускай услышит он эти заклятья,
К манам лишь раз низойдет! Пусть тень помпеянца, недавно
Павшего, сыну вождя возвестит грядущие судьбы,
Ежели быть вы должны гражданской войне благодарны!».
- С пеной у рта заклинала она и, голову вскинув,
720 Вставшую тень обрела пред нею лежащего тела, —

- Тень, что страшилась теперь своего бездыханного труп
Как ненавистой тюрьмы. В разверстую грудь возвратиться,
В чрево — боится она, и в плоть со смертельною раной.
Смерти последний дар — невозможность смерти, несчастный.
- 725 Жаждают отнять у тебя! В изумленье Эрихто, что судьбы
Медлить еще позволяют себе; на смерть рассердившись,
Труп недвижимый сечет, живую эмеею бичует —
И через щели в земле, которые чарой разверзла,
Лает на маны она, подземную тишь нарушая:
- 730 «О, Тисифона, и ты, к моим воплям глухая Мегера,
Что еще медлит ваш бич погнать сквозь пустоты Эреба
Душу злочастную ту? Я истинным именем вашим
Вас призову, стигийских собак, и на свет я надземный
Выведу; буду вас гнать сквозь костры погребенья, как сторож,
- 735 Выкину вас из могил, все урны у вас отниму я!
Ты, что привыкла богам в обличии чуждом являться,
Ты, о Геката, узнай: тебя в тлеющем образе мертвых
Им покажу, запретив изменять твою адскую внешность!
Всем расскажу про тот пир, который под глыбы земные
- 740 Спрятал, Эннейка, тебя, и какой договор заставляет
Мрачное царство любить, за какую связь не желала
Дочку Церера вернуть. Ты, мира судья наихудший,
Знай, — я Титана пошлю в разрушенный мрак подземелья,
Чтоб тебя свет внезапный сразил. Вы покорны? Иначе
- 745 Я обращусь к тому, чье имя без трепета слышать
Не в состоянии земля, кто смело глядит на Горгону,
Кто и Эринию бьет ее собственной страшною плетью,
Тартаром кто завладел для вас непроглядным; ему вы —
Боги надземные; он преступает стигийские клятвы».
- 750 Тотчас согрелась кровь, омыла черные раны,
Мертвую плоть оживив, по жилам везде заструилась.
Легкие током ее в груди охладелой трепещут;
Новая жизнь проскользнула тайком в онемевшие недра,
Смерть вызывая на бой. И вот задвигались члены,
- 755 Мышцы опять напряглись; но труп не мало-помалу,

- Не постепенно встает: земля его вдруг оттолкнула,
Сразу он на ноги встал. Широко зевнул, и раскрылись
Тотчас глаза у него. На живого еще не похож он,
Вид полумертвый храня: отверделость и бледность остались.
- 750 Он поражен возвращением в мир. Но скованы губы,
Звуков в них нет никаких: нет голоса — лишь для ответа
Будет язык ему дан. «Скажи, — говорит фессалийка, —
То, чего жду от тебя — и большую получишь награду;
Правду ответишь — тебя навеки от чар гемонийских
- 765 Освобожу я за то: на такой костер твоё тело
С пеньем стигийским сложу, на таких дровах уничтожу,
Что не смутят твою тень никакие заклатья магов.
Стоит за это ожить! Ни заговор тайный, ни травы
Уж не посмеют отнять покоя безмерного Леты,
- 770 Если дарую я смерть. Треножники, вышних пророки,
Темные судьбы рекут, но уверенность тот получает,
Кто обратился к теням за истиной, слушает смело
Смерти суровую речь. Не щади, умоляю: скажи мне,
Что совершится и где, да услышу вещания рока!».
- 775 Молвив заклатье затем, дала понять она тени,
Что ей желательно знать. Ей труп со слезами ответил:
«Не разглядел я еще, что прядут угрюмые Парки
В час, когда ты призвала меня с берегов молчаливых;
Все же, от сонма теней удалось под землею узнать мне,
- 780 Что непомерный раздор волнует римские тени,
И нечестивой войной нарушен покой преисподней.
Светлый Элисия край и мрачного Тартара своды
Бросило много вождей: все то, что судьбы готовят,
Сделали явным они. У счастливых теней отражалась
- 785 Скорбь на лице: видел Деций там — отца я и сына, —
Павших как жертвы войны, — рыдания слышал Камилла,
Куриев; Суллу видал, — Фортуне он слал свои пени.
Слезы там лил Сципион о потомке своем, обреченном
Пасть на ливийской земле. Величайший враг Карфагена —
- 790 Сетовал старый Катон о племяннике, рабство проклявшем.

- Между тех скорбных теней, о Брут, лишь ты улыбался, —
Первый наш консул в те дни, когда изгнаны были тираны.
Там Катилина грозил, порвав, разметав свои цепи,
С Марием дикие там ликовали нагие Цетегии.
- 795 Радостных Друзов еще — любимцев народа я видел;
Пылких закона тзорцов — великих в дерзании Гракхов.
Скованы Дита тюрьмой и вечными узами стали,
Рукоплескали они, и толпа нечестивых просила
Доступа в поле благих. Властитель мертвого царства
- 800 Темный свой ширит чертог, заостряет отвесные скалы
И победителю там готовит стальные оковы —
Строгую кару свою. С собой утешение это,
Юноша, ты унеси! Отца твоего и семейство
Маны ждут в месте благом, для Помпея приют сохранивши
- 805 Светлый з подземной стране. Да не гонится впредь он за славой
Жизни короткой своей! Настанет час, что смешает
Всех воедино вождей. Умереть торопитесь и, горды
Духом великим, — все из скромных гробниц выходите,
Манов Римских богоз попирая своими стопами!
- 810 Чье погребение Нил, чье — Тибра воды омоют, —
Вот в чем вопрос. А вожди сражаются лишь за могилы.
Не вопрошай о судьбине своей: поведают Парки
То, чего я не скажу; тебе же верней всех пророков
Судьбы предскажет отец — Помпей на полях сицилийских;
- 815 Впрочем, не знает и он, куда тебя звать и откуда
Гнать, и каких избегать ты должен равнин и созвездий.
Жалкие! Ливии вы, Европы и Азии бойтесь:
Роет могилы судьба в тех странах, где вы побеждали.
О, роковая семья! Не найдешь ты приюта надежней,
820 Чем эмафийский предел!». Так будущий день предсказавши,
Труп молчаливо стоит и скорбно требует смерти.
Чары и зелья нужны, чтоб мертвец упокоился снова,
Ибо не в силах судьба вернуть себе душу людскую,
Ею уж взятую раз. Из огромной груды поленьев
825 Ведьма сложила костер и покойника бросила в пламя.

Воина там уложив, его покидает Эрикто,
Дав наконец умереть. И с Секстом в родительский лагерь
Вместе идет; но так как заря в небесах разгоралась, —
Чтобы успеть в темноте возвратиться к шатрам безопасно,
в30 День задержала она и мраку велела продлиться.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Медленней, чем призывал закон предвечный природы,
Скорбный, как никогда, Титан эфиру навстречу
Гнал из-за моря коней, противясь вращению неба.
Он бы затмиться хотел, претерпев омрачение света,
5 И собирал облака, что не пищей для пламени были,
Но его свет золотой затеняли стране фессалийской.
Ночь эта — крайняя грань счастливой Великого жизни —
Сон беспокойный ему волновала видением лживым.
Видел сидящим себя в театре Помпея, а дальше
10 Призрак всталал перед ним толпы бесчисленной Рима,
Превознося до небес его имя в ликующем крике;
Скамьи гремели вокруг, состязаясь в рукоплесканьях.
Это был тот же народ, те же клики хваленья звучали,
Как встарину, когда перзый триумф он юношей принял,
15 Все племена покэрив, окруженные бурным Ибером,
Полчища те, что призвал к оружию беглый Серторий, —
Он, — кто и Запад смирил, кто и в белой тоге не меньший
Встретил почет, чем справляя триумф, кто при кликах Сената
Римским лишь всадником был. Быть может, душа его, в страхе
20 Пред окончанием благ, возвращалась к веселым годам;
Или предвестия сна обычно таящие правду
В ложном сбличии грез, печалью великой грозили;
Иль, из отчизны изгнав, теперь захотела Фортуна
Так тебе Рим показать. Не тревожьте же вы сновидений,

- 25 Крики ночных часовых! Никого не будите вы, трубы!
Завтра нарушит покой картина мрачного утра,
Бой роковой отовсюду неся, отовсюду сраженья.
Знать бы подобные сны и блаженные ночи — народу!
Если бы Рим твой тебя таким и увидел, счастливцу!
- 30 Если бы боги тебе и родине бедной послали
Этот единственный день, когда в судьбах уверены ваших,
Вы бы столь нежной любви собрали последнюю жатву!
Ты же ведешь себя так, как будто в латинской столице
Должен почтить, а она, твоих клятв действительность зная,
35 Счесть не могла способной судьбу на злодейство такое,
Чтобы могилу отнять любимца отчизны — Помпея.
В плаче надгробном всю скорбь и старцы, и юноши слили б,
Дети рыдали б кругом; и косы свои распустивши,
Женщин бы билась толпа, как встарь при сожжении Брута.
- 40 Но и теперь будет плач, хоть и страшен тиранн-победитель,
Хоть и сам Цезарь им всем возвестит о твоём погребеньи,
Хоть они ладан несут и лавровый венок Громовержцу.
О несчастливцы! Их скорбь поглотили жалкие стоны,
Скорбь, что в театре тебя они не оплакали так же!
- 45 Звезды погасли в заре, когда в лагере с шумом нестройным
Заволновались войска и, влечению рока покорны,
Жаждают сигнала к боям. Толпа несчастных, которым
День пережить не дано, вождя осадила в палатке
И в нетерпении своем, зажженная бурным волненьем,
50 Смерти торопит часы, без того уж совсем недалекой.
Грозная ярость растёт; свою и всеобщую участь
Каждый ускорить спешит: называют Помпея лентяем,
Трусом, кричат, будто он потекает тестю без меры:
Миром желая владеть, племена собрав отовсюду,
65 Властью своей он сковал, а сам опасается мира.
Жалобы льют и цари, и народы восточные ропщут,
Что затянули войну и вдали их от родины держат.
Вышние боги! Когда вы замыслите все уничтожить, —
Любите вы добавлять преступления к нашим ошибкам.

- 60 В гибель мы сами летим, смертоносного просим оружия.
Лагерь Великого сам Фарсалии страстно желает.
Начал тогда говорить красноречия славный создатель
Римского — Туллий, чья власть и тога дрожать заставляли,
Злой Катилина, тебя, пред его миротворной секирой;
- 65 Начал от имени всех, на войну, негодуя, желая
Форума, ростров себе и, в солдатах устав от молчанья,
Дал он витийством своим ничтожному поводу силу:
«Множеством стольких щедрот тебя просит Фортуна, Великий,
Лишь об одном — покорствовать ей; мы, знатные в стане,
- 70 Вместе с царями земли, упав на колена смиренно,
Молим тебя лишь о том, чтобы тестя сломить ты дозволил.
Долго ли будет еще всему человечеству битвой
Цезарь грозить? Негодуют, Помпей непроворный в победе,
Все на тебя племена, подчиненные встарь мимоходом!
- 75 Где же твой пыл боевой? И где уверенность в судьбах?
Или боишься богов? Иль всевышним защиту Сената
Ты не желаешь верить? Скоро сами поднимут знамена,
Кинутся в битву войска: стыдись воевать поневоле.
Если ты избран вождем и для нас эти войны ведутся,
- 80 Дай же им выбрать самим желанное поле сраженья.
Что ты вселенной мечи от крови Цезаря гонишь?
Длань потрясает копьем: едва ли дожждаться сигнала
В силах бойцы; торопись, а не то тебя трубы покинут!
Знать желает Сенат, — он войско твое или только
- 85 Свита, Великий?». Вздыхнул правитель, чуя коварство
Вышних и видя, что рок помышленьям враждебен.
«Если так хочется всем, — сказал он, — чтобы Великий
Был не вождем, а бойцом, — я не стану противиться судьбам:
Пусть же обвалом одним все народы накроет Фортуна,
- 90 И большинству из людей день этот да выйдет последним!
Все ж, будь свидетелем, Рим, — Великого здесь вынуждают
Встретить сей гибельный день. Ты мог бы без раны малейшей
Вынести бремя войны; без всяких ты мог бы сражений
Цезаря взять и его подчинить оскорбленному миру.

- 95 Что за безумье, слепцы, вас влечет к злодеяниям? Вам страшно
В расприх гражданской войны побеждать без пролития крови.
С суши мы гнали врага, пред ним заградили мы море,
Силой заставили мы его отошлать войско
Всходы на нивах щипать, в нем одно породили желание —
- 100 Пасть поскорей на мечи и свои охладевшие трупы
С трупами наших смешать. Война подходит к развязке,
Коль новобранец молодой уже не боится сражений,
Если геройства порыв или гнев раскаленный — сигнала
Требуют. Но иногда людей кидает в опасность
- 105 Страх пред грядущей бедой; и самым храбрым бывает
Тот, кто способен терпеть вблизи угрожающий ужас
И не бросаться вперед. Успехи в делах неужели
Надо судьбе передать? И участь миров предоставить
Воле меча? Вам мила не победа вождя, а сражение.
- 110 Ты мне, Фортуна, дала республикой римскою править:
Рим ты расцветшим прими, защити от Марса слепого!
Этой войне не бывать ни грехом Помпея, ни славой.
Цезарь, враждебной мольбой ты меня победил пред богами:
Вспыхнет борьба! О, сколько злодейств и сколько несчастий
- 115 День этот даст племенам! И как много царств распадется!
Как забурлит Эниией, насыщенный римскою кровью!
Первым копьем да пробьют мне голову в битве смертельной.
Если возможно ее проломить без крушения дела
С партией всей заодно: ведь Помпею не будет победа
- 120 Радостней. Иль, победив, ненавистен я стану народам,
Или же нынешний день внушит сострадание к Помпею.
Бедами всеми грозит побежденным конечная гибель,
Все преступления грозят победителю». Речь заключивши,
Битву начать разрешил и узду с кипящего гнева
- 125 Сбросил; так мореход, побежденный неистовством Кора,
Бурям кормило отдав и забыв свою ловкость, влечется
Тяжестью косной челна... Шумит нестройным смятением
Лагерь, и бьется в груди толчками неровными сердце
Рвущихся в битву солдат. У многих на лицах уж бледность

- 130 Гибели близкой лежит, и смерти подобен их облик.
День наконец наступил, который навек установит
Судьбы всех дел и людей, — и кому достанется Город —
Ясно уже из войны: опасностей личных не видят,
Ужасом большим полны. Кто, видя затопленный берег,
135 Море, чей вздыбленный вал вершину горы покрывает,
Небо, в паденьи своем влекущее солнце на землю, —
Кто при всеобщем конце за себя ужаснется? Бояться
Некогда им за себя: за Рим, за Помпея трепещут.
- Нет уж доверья к мечу, пока, заостренный точилэм,
140 Не заблестает клинок; на камне копье выпрямляют;
Лучшею жилой стрелки тетиву заменяют на луке;
И хлопотливо в колчан вставляют отборные стрелы.
Всадник шпоры крепит, пригоняет узду и поводья.
Если возможно сравнить со всевышними труд человека, —
145 Так же, когда поднялись мятежом гиганты во Флегре,
Марсов ковался клинок в сицилийском горниле, и снова
В пламени ярко краснел Нептуна трезубец могучий,
Вновь закалял острие Пеан, распростерший Пифона,
И по эгиде власы распускала Горгоне Паллада,
150 Молний палленских огни Киклоп для Юпитера правил.
- Скоро Фортуна понять даровала грядущие судьбы,
Разные знаки послав: когда в фессалийское поле
Стали они выходить — весь эфир восстал на идущих;
Людам прямо в глаза метали молнии тучи:
155 Пламя навстречу им бьет; столбы огневые огромны,
С пламенем ливень смешав, они вихри густые вздымают
И ослепляют глаза блистаньем стремительных вспышек;
Шлема срывают султан, растопляя клинки, заливают
Ими ножны, выбивая копье, наконечники плавят, —
160 И смертоносная сталь дымится небесною серой.
Отяжелевших знамен, засыпанных огненным ливнем,
Не оторвать от земли: склоняет их грузная тяжесть
Знаменоносца главу, зрачки истекают слезами —
После фарсальских боев не служить им народу и Риму.

- 165 Бык, приносимый богам, ярится, алтарь разбивая,
Он, убегая стремглав, исчезает в полях эмафийских;
И невозможно найти для зловещего таинства жертву.
Ты же каких Эвменид и каких богов преступленья,
Цезарь, на счастье созвал? Владык ли стигийского царства
- 170 Иль преисподней грехи, иль скрытые ужасы ночи?
Лютый, ты клятвы давал — вести этот бой нечестивый.
Люди понять не могли, — то было ль видением страха,
Или же чудом богоз: но многим казалось, — столкнулся
С Пиндом Олимп, а Гем погрузился в земные провалы;
- 175 Яростным шумом войны гремела Фарсалия ночью;
Крови струился поток в Бебейское озеро к Оссе;
Видели люди, как тьмою у них застилалися лица,
Как затуманился день и ночь навалилась на шлемы,
Тени умерших отцов и предков далеких витали
- 180 Перед глазами бойцов; для душ их одно утешенье
Было: хоть знали они, что моления их беззаконны,
Ибо на братскую смерть, на гибель отцов уповали, —
Те чудеса и смятенье умов возбуждали в них радость,
И для злодейств предвещаньем благим эти страхи казались.
- 185 Диво ль, что люди теперь, свой последний день доживая,
В страхе безумном дрожат, если души людей обладают.
Даром — предчувствовать зло? Живет ли в Гадах Тирийских
Римлянин гостем чужим, из армянского пьет ли Аракса, —
Всюду он, в каждой стране, под любым созвездием мира
- 190 Чувствует тайную скорбь, причины которой не знает:
Плачут, не зная о том, что теряют в полях эмафийских.
Авгур один на Эвганском холме, если верить рассказам,
Там, где горячий Апон, дымясь, из земли вытекает
И разливает Тимав-река Антеноровы воды, —
- 195 Молвил: «Вот гибели день, творится ужасное дело,
Цезарь и Консул Помпей столкнули безбожные рати».
Он иль пророческий гром и Юпитера стрелы заметил;
Или увидел раздор между небом и воздухом мира,
Таинства тверди постиг; или свет печального солнца

- 200 Бледностью мрачной своей в эфире отметил сраженье:
Верно, природа иным создала тот день фессалийский,
Нежели прочие дни: и если бы с авгуром мудрым
Весь человеческий род те новые знаменья понял, —
Мог бы весь мир созерцать Фарсалии грозную битву.
- 205 Высшие между людьми, о вы, о которых Фортуна
Знаки являла земле, к чьим судьбам внимательно небо!
Если позднейших племен и народов нынешних внуки
Будут читать о войне, — имена унесутся ли ваши
Собственной славой в века, иль великим поможет во славе
- 210 Наших усердных трудов и заботы моей попеченье, —
Будет их страх волновать и надежда мольбы бесполезной,
Словно читают они не о судьбах, давно миновавших,
А о грядущей судьбе, — и почтут тебя снова, Великий!
Войско, навстречу идя лучам восходящего Феба,
- 215 Блеском доспехов холмы заливают, спускаясь в долину.
Не безрассудно в поля они ринулись; в твердом порядке
Были злосчастных ряды. Твоему попечению, Лентул,
Левый доверили фланг с наилучшим в бою легионом, —
С первым, четвертый примкнув; легионы же правого фланга
- 220 Дали, Домиций, тебе — под несчастной звездой воитель.
Центр составляет оплот величайшей крепости — войско
Из киликийских земель, под командой оно Сципиона:
Здесь он — лишь воин простой, а в Ливии — главный начальник
По берегам же реки, вдоль влажных болот Энипея
- 225 Каппадокийская шла когорта из горцев, а с ними
Всадники Понта неслись, отпустивши позодья. Высоты
Заняли в поле цари, тетрархи, владыки-тиранны, —
Все, чей пурпур теперь железу латинскому служит.
С Крита кидонцы пришли, из Ливии здесь нумидийцы;
- 230 Там итурейцы идут, чьи стрелы проворны в полете;
Дикие галлы спешат привычных прагов опрокинуть,
И боевые щиты Иберия там поднимает.
У победителя ты отними, о Великий, народы,
Кровью весь мир обогрив, уничтожь все сразу триумфы!

- 236 Это случилось в тот день, когда Цезарь стоянку покинул,
Чтоб на уборку хлебов войска перебросить; внезапно
Видит врага он вдали, сходящего в чистое поле,
И понимает, что час, призываемый в сотне молений,
Ныне готов наступить и всю армию кинуть в пучину.
- 240 От проволочек устав и сгорая жаждою власти,
Срок небольшой гражданской войны проклинал он, как слишком
Медленный способ злодейств. Но ныне, когда он заметил
Миг, роковой для вождей, последних боев приближенье
И колебанье судьбы над готовой разверзнуться бездной, —
- 245 Вдруг охладела слегка его жгучая жажда убийства
И усомнилась душа, которой счастливую участь
Смелость сулила всегда; его счастье — робеть запрещает,
Счастье Помпея — дерзать; но уверенность, страх побеждая,
В сердце воскресла опять, когда воинов стал ободрять он.
- 250 «О покоритель миров! О ты, всех дел моих участь —
Воин, — приблизилась к нам возможность желанного боя!
Больше не надо молить; железом судьбу призывайте!
В ваших таятся руках величие Цезаря ныне.
Ныне тот самый день, который у волн Рубикона
- 255 Был мне обещан давно, наш меч укреплял упованьем
И обещал возратить запрещенные наши триумфы.
Ныне тот день, что вернет вам родных и ваших пенатов
И по заслугам войны земельный надел предоставит.
Он по решению судьбы покажет, кто с правом законным
- 260 В руки оружие взял: побежденный будет виновным!
Коль за меня вы огнем и мечом разоряли отчизну,
Бейтесь теперь горячей, искупайте мечом злодеянье!
Судей смените войны — и окажетесь все вы преступны.
Не за себя хлопочу, а за вас я молю, чтоб свободны
- 265 Стали вы все и свои племенам диктовали законы.
Сам бы я страстно желал моей частной жизни отдался,
Тогу плебея надеть и стать рядовым гражданином;
Но не хочу быть ничем, чтобы вас полновластными сделать!
Властвуйте, — пусть ненавидят меня! За кровь небольшую

- 270 Можете взять вы весь мир: из гимнасиев встретится с вами
Греческих юношей рать, изнеженных в праздной палестре,
Еле несущих копье, и толпы разноязычных
Варваров; звуков трубы и собствнных воинов шума
Вынести не смогут они. В гражданской распре не много
275 Будет участвовать рук: вся ярость войны устремится
Против враждебных племен, противников Рима раздавит.
Гордые царства громить и косные эти народы,
Первым ударом меча весь мир сокрушить поспешайте;
Ясным да станет теперь, что народы, которые к Риму
280 Гнал колесницей Помпей, — одного триумфа не стоят.
Разве армянам нужда — кто будет правителем в Риме?
Станет ли кровь проливать хоть по капле какой-нибудь варвар.
Чтобы в Гесперии был главой государства Великий?
Всех они римлян клянут, на владык негодуя, но больше
285 Тех, кого знают они. Меня ж укрепила Фортуна
Помощью этих дружин, с которыми в Галлии многих
Был я свидетелем битв: и меч какого солдата
Мне не знаком? И если копье вдруг воздух прорежет,
Я без ошибки скажу, чья рука его вверх запустила.
290 Если приметы верны, — а они полководца ни разу
Не обманули еще, — эти грозные лица и очи, —
Знайте: победа в руках! Мне чудятся крови потоки,
Попранных сонмы царей и рассеянных членов Сената,
Тьмы несчастных племен, повергнутых в смертную бездну.
295 Но замедляю свой рок, занимая такими речами
Вас, торопящихся в бой! Простите отсрочку сраженья!
Душу надежда страшит: никогда я не видел так близко
Столько сулящих богов; лишь узкая поля граница
Цель отделяет от нас. Я тот, кому скоро придется,
300 Кончив войну, раздавать владенья царей и народов.
Иль сотряслись небеса, иль какая звезда изменилась,
Что фессалийской стране Всевышние дали так много?
Ныне награда войны или казнь за нее перед нами!
Вообразите для Цезаря все и кресты и оковы,

- 305 Эту на роствах главу и груду растерзанных членов,
Новый в Ограде погром, на запертом Марсовом поле:
С нами в гражданской войне ведь бьется воспитанник Суллы!
Мучит забота о вас: а со мною останется верный
Жребий от собственных рук; кто, врага не сразив, отвернется, —
310 Тот узидит меня, себе пронзившего чрево.
Боги, которых земля от забот отвлекает небесных,
Римский волнует раздор, — тому победу подайте,
Кто не считает за долг добивать побежденных сзирепо
И не вменяет в вину, если граждане знамя восстанья
315 Подняли против него. Когда ваше войско Великий
В узких теснинах держал, не дававших простора геройству,
Как он насытил тогда горячею кровью железо!
Я же прошу вас, бойцы, — врага понапрасну не бейте,
Если покажет он тыл: земляком да будет бегущий!
320 Но, пока блещут мечи, никакой милосердия образ,
Или родителя вид во стане врага да не смогут
Тронуть вас: твердым мечом отгоните почтенные лица.
Если родимой груди коснется ваше железо,
Или израните вы чужого совсем человека, —
325 Будет считаться ваш грех над врагом незнакомцем свершенным.
Быстро ровняйте валы, обломками рвы засыпайте,
Чтобы в порядке по ним продвинуться сомкнутым строем!
Нечего лагерь щадить: там вы стан разобьете, откуда
Недруг на гибель идет». Едва эту речь он закончил,
330 Наскоро все закусив, с оружием бросились к месту.
Веря в победный конец, развалины лагеря топчут;
Не соблюдают рядов, искусство вождя бесполезно,
Ибо отныне войска во всем на судьбу положились.
Если бы в битву послать Помпеевых столько же тестей,
335 Или стремящихся власть захватить над родным государством, —
С меньшим бы жаром они устремились в сражение это!
Только увидел Помпей, что враг на него обратился
И ни на миг не дает отсрочки последнему бою,
Ибо сей день угоден богам, — он застыл, пораженный;

- 340 С оледенелой душой сражения так испугаться, —
Злое предвестье вождю; но страх подавляет он скоро
И говорит, на высоком коне войска объезжая:
«Вот этот день, который давно ваша доблесть искала, —
Распри гражданской конец; со всею обруштесь вы силой;
345 Подвиг последний — мечу; единый лишь час этот краткий
В схватку народы влечет! Кто тоскует по родине милой
И по семье, по пенатам своим, по ложу и детям, —
Пусть их мечом возвратит: все богом решится на поле!
Правое дело велит на Всевышних надеяться больше:
350 Сами Цезарю в грудь наши копья они да направят;
Сами они да скрепят этой кровью Рима законы!
Если бы боги весь мир и власть мою дать собирались
Тестю, — могли бы они легко погубить мою старость.
Если ж они сберегли Помпея вождем, — то не гневны
355 На племена и на Рим. Все средства ныне собрали
Мы для победы. Мужьи благородные делят опасность
С нами, и воины здесь подобны древним героям.
Если бы нашим дням Судьба возвратила Камиллов,
Курциев, Дециев двух, обрекших головы року, —
360 С нами б стояли они! Здесь народы от края Востока,
Множество тут городов; и рати такие ни разу
Не созывались на бой: весь мир нам теперь помогает!
Сколько ни есть нас людей от Борея до Нота под сводом
Звездного круга небес, — мы все взяли за оружие.
365 Разве не можем мы смять, протяженные флаги раскинув,
В их окруженьи — врага? Но рук немногих победа
Требует: большая часть отрядов лишь криком ужасным
Будет у нас воезять; нашим армиям — Цезаря мало!
Вообразите себе матерей на стенах столицы,
370 Что, распустив волосы, посылают вас в эти сраженья;
Вообразите и то, как Сенат, неспособный за войском
Следовать, к вашим ногам повергает святые седины;
Рим, наконец, что идет господину навстречу в испуге;
Вообразите мольбы народа, живущего ныне,

- 375 Просьбы грядущих племен: те родиться желают в свободе,
Эти — в свободе почить. Если после всех этих призывов
Можно сказать обо мне, — то с женой и детьми, умолая,
Рад бы я в ноги упасть, когда бы величию власти
Не повредили мы тем. Если вы не добьетесь победы, —
- 380 Станет в изгнании Помпей стыдом вашим, тестя игрушкой;
Ныне молю, — столь жалкой судьбе, столь позорным годам
Старости да не предам, изведавши рабство!». Сей скорбный
Голос вождя их души зажег, и римская доблесть
Вспыхнула: смерть им милей, если страхи Помпея не ложны.
- 385 Сшиблись две рати тогда в порыве гнева едином;
Страх перед властью — в одних, а других увлекает надежда.
То, что их руки свершат, никакие века не загладят,
Весь человеческий род не поправит за многие годы,
Хоть бы и не было войн. О, сколько племен нерожденных
- 390 Эта борьба сокрушит и сколько народов грядущих
В самом рожденьи убьет. Уж скоро название латинов
Станет легендой пустой; на Габии, Вейи и Кору
Смогут едва указать развалины, скрытые прахом;
Альбы пенаты и вы, лаврентские лары — деревней
- 395 Станете вы без селян, где лишь ночью, сойдясь против воли,
Сетовать будет Сенат, подчиненный велениям Нумы.
Прошлого памятный знак изглодало не хищное время,
Тленьем разрушил его: города опустевшие стали
Следом гражданских злодейств. Изобильный во что превратился
- 400 Наш человеческий род? Племена земли, народившись,
Ни крепостей, ни полей людьми уж не могут наполнить.
Город один нас вместил: в цепях бороздит земледелец
Нивы Гесперии; дом под сгнившею кровлей отцовской
Уж никого не задавит, упав, и, граждан лишенный,
- 405 Рим переполнен теперь подонками целого мира;
Мы разорили его настолько, что долгие годы
Не поведет он гражданской войны; Фарсалия стольких
Стала причиной бед: ей уступят могильные Канны,
Аллия, что проклята навеки фастами Рима.

410 Рим, отмечавший не раз времена потрясений слабейших,
Этого дня не желает и знать! О, горькие судьбы!
Ветер, несущий чуму и заразу летучих болезней,
Лютый пожар городов и неистовый голод повсюду,
Землетрясений удар, разрушающий людные села, —

415 Превозмогли бы мужи, которых судьба отовсюду
В скорбную бойню слила; дары столетий похитив,
В поле она кладет и вождей, и с ними народы,
Чтобы ты мог, из-за них, о Рим, разрушаясь, постигнуть
Бездну падений своих! Чем больше ты ширил владенья,
420 Тем торопливей судьба удачи тебе посылала.

С каждой годиною война тебе новое племя давала,
Видел твой натиск Титан на обеих границах вселенной.
Только один уголок оставалось занять на Востоке,
Чтобы и ночь, и день, и эфир для тебя лишь блистали,

425 Чтобы планеты всегда только римские видели земли!

Но твою злую судьбу обратно влечет чрез столетья
Черный Эмафии день! Его отблеск кровавый позволил
Индии не трепетать перед связками фасций латинских,
Дагов не запер в стенах, запретив им бродяжничать, консул;

430 Плуга в Сарматии он не ведет, препоясав одежды;
Не подвергались еще наказанью суровому парфы,
И, уходя от гражданских злодейств, безвозвратно Свобода
Скрылась за Тигр и за Рейн: столько раз претерпев наши
казни,

Нас позабыла она, германцам и скифам отныне

435 Благо свое подает, на Авзонию больше не смотрит!

Я бы хотел, чтоб ее не знавали наши народы!

С дней, когда Ромул набил свои стены отъявленным сбродом,
Их не к добру заложив при зловещем коршуна лете, —
До фессалийской резни, о Рим, тебе быть бы в неволе!

440 Жалуюсь я на Брута, судьба! Что пользы нам было
Свято законы хранить, по консулам годы считая?

Персы счастливее нас, и арабы, и земли Востока,
Так как влачили свой рок под вечной державой тираннов.

- Жребий наш — худший из всех царям подвластных народов,
415 Ибо нам рабство — позор! Богов-покровителей вовсе
Нет у нас, случай слепой у нас похищает столетья,
Мы же — мы мним, что Юпитер царит. Неужто держащий
Молнии — станет с небес созерцать фессалийскую бойню?
Что ж он, Фолою громить, или Эту громить он огнями
450 Будет? Родопский ли лес неповинный и сосны Миманта, —
Цезаря Кассию даз поразить? Ведь звезды Фиесту
Днем он явил и облек неожиданным сумраком Аргос:
Он ли Фессалии даст, отцам и братьям на гибель
День для таких же мечей? О смертных никто из всевышних
455 Больше не знает забот! Но все ж поражение это
Мы отомстим, насколько земля божествам отомщает:
Равных всевышним богов создадут гражданские войны;
Манов украсит наш Рим перунами, звездами, нимбом,
Будет он в храмах богов загробными клясться тенями.
460 В миг, когда рати бегом пронеслись чрез предел, отделявший
Их от последней судьбы, — на таком небольшом расстоянии
Каждый пытался узнать, в кого он копьем попадает,
Или того разглядеть, чья рука ему смертью грозила.
Тот, кто к злодейству готов, пред собою родителя видит
465 С незащищенным челом, и брата оружие рядом, —
Но не меняет поста; однако же сковано сердце
Оцепененьем глухим; в их жилах кровь леденеет,
Страх пробужден любовью к родным; и долго когорты
Копья сжимают в руках, дазно их подняв для удара.
470 Пусть тебе боги пошлют не смерти всеобщую кару,
Но после смерти твоей дадут тебе чувство, о Крастин, —
Ты, чья рука, метнувши копье, открыла сраженье,
Первую римскую кровь пролила в фессалийской равнине!
О, необузданный гнев! Когда Цезарь сдерживал копья,
475 Чья-то нашлась попроворней рука! И сразу же воздух
Воем рожков застонал, и сигналами дружными рога:
Трубы дерзнули запеть; и вот, поднимается в небо
Шум, долетевший тогда до самой вершины Олимпа,

- Где не бывает уж туч, где гром никогда не грохочет.
480 Отзвуком крик разбудил долины гулкие Гема
И застонали в ответ в горах Пелиона пещеры:
Пинд задрожал, и вдали зазвучали скалы Пангея;
Эты утесы гудят; и даже бойцов устрашает
Собственной ярости вопль, землей отраженный повсюду.
485 Сыплется с разной мольбой великое множество копий.
Ранить желают одни, другие — вонзить наконечник
В землю, и рук не марать: но все изменяет случайность;
Всех, кого хочет, судьба своевольно в убийц превращает
Только ничтожная часть от железа и копий летящих
490 Пала: один только меч насытит ненависть граждан
Может и в римскую грудь направляет меткую руку.
Войско Помпея, сомкнув боевые отряды плотнее,
Соединило ряды и, сдвинув щиты, их стеснило
Так, что с трудом поднимал свою руку с оружием воин
495 И недвижимо стоял, своих же мечей опасаясь.
Цезаря войско спешит и врывается натиском буйным
В эту густую толпу: сквозь недруга, сквозь его латы
Путь прорубает оно, но панцыри твердой преградой
Перед ударом стоят и надежно тела защищают.
500 Все же, пронзают и их — до сердца; сквозь эти доспехи
Каждый удар проходит лишь раз. Гражданскую битву
Войско одно — горячит, принимает — другое: хладея,
Здесь цепенеют мечи; а там они жарки от крови.
Дел столь великих весы не колеблет долго Фортуна,
505 И необъятный обвал в течении судеб несется.
Только лишь крылья свои в полях развернула Помпея
Конница, чтобы кольцом охватить противника с тылу, —
В легких доспехах за ней несут манипулы с флангов
И без пощады врага избивают свирепые орды.
510 Каждое племя спешит со своим оружием в битву,
Римлянин — каждому цель: там стрелы летят отовсюду,
Факелы, камни летят и от воздуха жаркие ядра,
Что расплавляются в нем, разогреты грузным полетом.

- Тьмы итурейцев, мидян и вольные шайки арабов,
515 Грозные луки у всех и стрелы пускают не целясь;
Мечут их в небо они, что над полем раскинулось битвы.
Сыплются смерти с небес; обагрён, не творя преступленья,
Тот чужеземный булат; беззаконие все собралось
К дротикам римским теперь: весь воздух заткан железом,
520 Мрак над полями навис от стрел, несущихся тучей.
Цезарь, за целость боясь своей первой линии фронта,
Долго держал в стороне, за знаменами, главные силы:
В гущу сраженья, туда, где враг беспорядочно бился,
Бросил он сразу войска, оставив недвижными фланги.
525 Вмиг о битве забыв, не стыдясь своей трусости вовсе,
Кинулись в бегство враги, доказав, что гражданские войны
Нехорошо доверять каким-либо варварским ордам.
Только лишь конь во главе, пронзенный под сердце железом,
Сбросил во прах ездока, растоптал его тело ногами, —
530 Всадники кончили бой и, в кучу собравшись, обратно
Ринулись, собственный строй круша в необузданном бегстве.
Всякий порядок тогда утратила битва, и бойней
Стало сражение вдруг: здесь душат, там рубят мечами.
Войско не может одно погубить столько недругов, сколько
535 Может в смятении пасть! О, если б, Фарсалия, поле
Кровью насытила ты, текущей из варварских грудей!
Если бы кровью иной твои не окрасились реки!
Если бы полчища те костями покрыли все нивы!
Иль, коль приятней тебе залить их римскою кровью, —
540 Тех пощади, я молю: да живет и галат, и сириец,
Галл, армянин, ибер на далекой границе вселенной
И киликиец: они после распри гражданской ведь будут
Римским народом!.. Но страх, однажды возникнув,
наполнил
Трепетом всех, — и встают на сторону Цезаря судьбы.
545 Вот дорвались до срединных когорт, до Помпеевой силы:
Бой, кочевавший досель в блуждании диком по полю,
Там задержался, и вдруг пошатнулось Цезаря счастье.

- Здесь уж дрались не войска, что из царств были собраны
в помощь,
Здесь уж не полчища те, что по найму взялись за оружие:
560 Строй тут держали отцы, и братья здесь твердо стояли.
Здесь твоя ярость, твой гнев, твои преступления, Цезарь!
Брось это место борьбы, мой разум, сгущи на нем сумрак!
Сотни грядущих веков от меня, певца злоключений,
Да не узнают, на что гражданские войны способны!
565 Нет, да иссякнет слеза и лучше пусть жалобы стихнут!
Что тут творил ты в бою, — об этом, о Рим, умолчу я!
Цезарь, народных страстей и неистовых бурь поджигатель,
Чтоб ни единая часть от злодейств не устала, обходит
Строй свой повсюду, в войсках раздувая палящее пламя.
570 Он наблюдает, — чей меч обагрён до самой рукоятки,
Чей продолжает блестеть, едва лезвие окровавив;
Чья трясется рука, схватившая меч, и кто вяло,
Кто напряженно разит; кто сражается лишь по приказу
Или же страстью зажжен; чье лицо от убийства сограждан
575 Меркнет; идет к мертвецам, разбросанным в поле широко,
Раны поверженных тел, истекающих кровью, рукою
Он зажимает своей. И везде, где только проходит. —
Словно Беллона, чей бич обагрённый хлещет повсюду,
Или, как Марс, кто свирепо вперед подгоняет бистонов
580 В миг, когда бег колесниц смущает эгидой Паллада, —
Всюду рождается мрак убийств и злодейства и будто
Грозного голоса стон: доспехи под тяжестью тела,
Падая, громко звенят, и клинки, о клинки ударяясь;
Воину сам он меч подает, копье направляет,
585 Повелевает разить железом лицо супостата,
Сам продвигает войска; подгоняет в тылу отстающих
И оробелых бойцов ободряет ударами древка.
Он запретил народ истреблять, на Сенат указуя:
Знает, где кровь страны, кто является сердцем законов,
590 Как ему Рим захватить, где свободу последнюю мира
Легче всего уязвить. Со вторым сословьем мешаясь,

Падает знать; и людей, достойных почета, сражает
Меч: умирают кругом Корвины и гибнут Метеллы,
Лепиды гибнут в бою и Торкваты, которые часто
585 Были вождами страны — все славнейшие после Помпея.

Шлемом лицо плебейским закрыв, врагу неизвестный
Был там и ты, о Брут, — и какое железо держал ты!
О, государства краса! О, последняя ставка Сената!
Ныне последний сын в веках гремящего рода!
590 В гущу врагов не стремись, зажженный чрезмерной отвагой,
Не приближай ты к себе, Филипп, рокового мгновенья, —
Ты, чтоб погибнуть, найдешь свою Фессалию. Тщетно
Ищешь ты Цезаря грудь: еще не достиг он вершины
Власти, еще не попрад законов и прав человека,
595 Чтоб заслужить у коварной судьбы столь почетную гибель:
Пусть он живет и царит, чтобы жертвою Брута свалиться!

Здесь погибал отечества цвет: смешавшись с народом,
Валом высоким лежат на полях патрициев трупы.
Но в избиеньи таком мужей знаменитых заметна
600 Все же Домиция смерть; его сквозь все пораженья
Судьбы веди; и везде он рока удары с Великим
Претерпевал; столько раз побежденный Цезарем, воин
В полной свободе погиб: он пал под сотней ранений,
Радуюсь, что избежал униженья вторичной пощады.
605 Цезарь его увидал лежащим в потоках кровавых
И закричал: «О преемник ты мой, Великого войско
Ты покидаешь, увы! Без тебя уже битва пылает!».
Смокнул, в груди у того еще хватило дыханья,
Чтобы ответить ему, раскрыв помертвевшие губы:

610 «Цезарь, не вижу тебя овладевшим плодами злодейства,
Темен еще твой удел, еще ты ничтожнее зятя:
Что же! К стигийским теням, как верный Великого воин, —
Вольный, спокойно сойду; будешь сломлен ты Марсом суровым
И за Помпея, за нас потерпишь жестокую кару:
615 С этой надеждой умру». — Едва эту речь заключил он,
Жизнь отошла и сумрак густой закрыл ему очи.

Стыдно мне плач поднимать, при всей этой гибели мира,
Над бесконечным числом убитых, за каждым гоняться,
Чтобы узнать, кто дух испустил от раны смертельной;
620 Кто по земле волочит кишки свои, их попирая;
Кто, получивши удар, из горла меч вырывает
Вместе с душою своею; кто валится вмиг от удара
Или без рук продолжает стоять; чье тело пронзили
Стрелы, или кого копье к земле пригвоздило;
625 Кровь у кого из жил, фонтаном в воздух взлетая,
Падает вниз, на оружие врага; кто брата пронзает
И, чтоб ограбить смелей хорошо знакомое тело,
Голову, с плеч оторвав, далеко швыряет; кто, лютей,
Отчею рубит лицо, доказать соседям желая,
630 Что не отца он убил. Ни одна эта смерть не достойна
Жалоб, и времени нет над отдельными трупами плакать.

Как отличалась, увы, Фарсалии грозная битва
От поражений других! Считал в них потери бойцами,
Здесь же — народами Рим; где была только война гибель,
635 Ныне там гибель племен: здесь кровь Ахайи струилась,
Понта, Ассирии кровь; и, в римском потоке сливаясь,
Быстрой рекою она по полям широко растекалась.
Больше глубоких ран в том бою получили народы,
Чем перенести их могли поколения: здесь погибало
640 Больше, чем сила и жизнь: ниспровержены мы на столетия!
Нас одолели мечи, чтобы в рабстве мы ввек пребывали.

Чем заслужил наш внук иль далекое внуков потомство
Свет увидеть при царях! Разве бились тогда мы трусливо?
Иль закрывали мы грудь? Наказанье за робость чужую
645 Нашу главу тяготит. Рожденным после той битвы
Дай же и сил для борьбы, коль дала господина, Фортуна!

Понял несчастный Помпей, что и судьбы Рима и боги
Сторону взяли врага, и разгром его силой принудил
Жалкий свой жребий проклясть. Он встал на холме среди поля,
650 Чтобы оттоль обозреть на равнинах земли фессалийской
Ныне потери свои, закрытые раньше сраженьем.

Много поверженных тел, много стрел, на него устремленных,
И утопавшим себя в кровавом потоке увидел.

Но не желает он всех увлечь за собою в пучину

655 Иль, как бывает в беде, на погибель обречь и народы:

Он, чтобы бо́льшая часть латинских сынов уцелела,
Даже и ныне признал достойными жарких молений
Жителей неба — и так утешения ищет в несчастьях:

«Сжальтесь, о боги, — сказал, — всех народов, молю, не губите,

660 Пусть уцелеет весь мир и Рим устоит, а Великий
Может в несчастье впасть! Если ран моих мало вам, — дети
Есть у меня и жена; я залог такой судьбам доверил!

Разве гражданской войне не довольно — меня уничтожить
Вместе с семьею моею? Иль нас мало без гибели мира?

665 Нужно ли все разрушать? Зачем разоряешь ты землю?
Нет уж, Фортуна, на ней ничего моего». — Так сказал он
И поспешил к знамёнам, к войскам, повсюду разбитым,
Чтобы назад отозвать на гибель идущие рати,

Всем пренебрегши теперь. У вождя хватило бы воли

670 Ринуться в гущу мечей, подставить им горло иль сердце;

Но он боялся того, как бы гибель Великого видя,
Бегство не презрел боец, за вождем не пал бы на землю:
Или же гибель свою от Цезаря глаз укрывал он.

Только напрасно! Ведь тесть твою голову всюду добудет,

675 Ибо, злосчастный, ее он видеть желает!.. Ты также
Бегству причиной, жена, твой образ — ведь рок не дозволит
Гибель принять без тебя. И Великий, коня подгоняя,
Прочь от войны поскакал, не страшась летящих вдогонку
Копий, высокий свой дух унося к последней судьбине.

680 Стонов и слез он не знал, то был уваженья достойный
Девственной скорби порыв, с которым ему не зазорно
Вытерпеть Рима беду. В лице не меняясь, Великий,
Встретил Эмафию ты: тебя не видали кичливым
Битвы счастливых времен, не увидят согбенным лихие.

685 Ниже тебя, как была пред тобой — счастливым в триумфах,
И пред несчастным теперь Фортуна неверная будет.

- Тяжесть судьбы отряхнув, ты уходишь спокойный: и ныне
Радость умчавшихся дней есть время припомнить; надежды
Неисполнимые — прочь! Познай, кем был ты донине.
- 690 Лютых сражений беги, и да будут свидетели боги,
Что не умрет за тебя никто из несущих доспехи;
Так же, как в Африке злой, как при Мунде, в фаросском
разгроме,
Большая часть фессалийских боев без тебя протекает:
Мир разоряет теперь уж не громкое имя Помпея
- 695 И не стремленье к войне: друг с другом, как есть и донине,
Бьются Свобода и царь; и когда ты бежал из сраженья,
Смертью Сенат доказал, что он за себя лишь боролся.
Разве не сладко тебе, что с изгнанием войну ты закончил,
Что уж не видишь злодейств? На кровью покрытые толпы
- 700 Ты оглянись, на ручьи, бурлящие током багряным, —
Сжался над тестем своим. С каким же чувством, подумай,
В Рим он войдет, ошастливленный здесь, на этих разнилах?
Хоть и в изгнание пойдешь ты, один в неизвестные страны,
Хоть и претерпишь нужду, пред фаросским тиранном
склонившись,
- 705 Верь во Всевышних, поверь в благосклонность долгую судеб:
Было бы хуже тебе победить! Запрети же рыдания,
Плач племенам возбрани; да исчезнут печали и слезы!
Пусть одинаково чтут и счастье, и беды Помпея.
И на царей ты гляди спокойно, не взором просящим.
- 710 Данные земли тебе, города и владенья — Египет,
Ливию ты обозри, — и край избери для кончины.
Первый свидетель беды — Лариса встретила ныне
Славную эту главу, не согбенную роком: на стены
Множество граждан ее собралось огромной толпою,
- 715 Будто с победой он шел: дары со слезами подносят,
Храмы, дома отворив; разделить неудачу желают,
«Сделает много еще такое великое имя;
Меньше тебя — ведь только ты сам и можешь народы
В армию снова собрать и счастье вернуть себе снова».

720 Он же в ответ: «Побежденным зачем города и народы?
Сильному будьте верны!». Ты, Цезарь, шествуешь ныне
Через холмы мертвецов, терзая отечеству недра;
Зять уж тебе дарит племена!.. И оттуда Помпея
Дальше уносит скакун; преследуют слезы и стоны,
725 Ропот народный, хулу на суровых богов возносящий.
Ныне нашел ты, Помпей, желанную верность и славы
Ты собираешь плоды! Счастливый — любви не встречает.

Цезарь, заметив, что дол уже гесперийскою кровью
Весь затоплен, щадя железо и подданных руки,
730 Жизнь оставляет бойцам, как жертвам ничтожным, напрасно
Их не желая губить. Однако, чтоб в лагерь обратно
Не собрались беглецы, чтоб ночи покой не рассеял
Страха, — он вражьи валы занять теперь же решает,
Пользуясь случаем тут, — пока всем еще ужас владеет.
735 Он не боялся того, что бойцам, утомленным войною,
Будет тяжел тот приказ. Увещаний достаточно кратких,
Чтобы они за добычей пошли: — «победа — за нами
Полная, — он говорит: — остается, друзья, показать вам
Нашу награду за крозь: я того отдавать не заставляю,
740 Что захотите вы взять. Вот полный всяким металлом
Стан перед нами открыт: здесь лежит — у племен гесперийских
Взятое золото; здесь под шатрами — восточные клады.
Грудой богатства царей и Помпея сокровища с ними
Ждут хозяев себе: бойцы, перегнать торопитесь
745 Тех, кого гоните вы; иначе Фарсалии жатву
Вновь побежденный возьмет». [Ни слова к тому не прибавив,
Сразу безумцев увлек, ослепленных жаждою злата,
Смело итти по мечам, через трупы отцов, попирая
Тело убитых вождей.] Какие валы и канавы
750 Сдержат желающих взять добычу войны и злодейства?
Рвутся узнать, какою ценой преступленье оплатят.

Правда, немало нашли награбленных всюду по миру
Слитков они золотых, на расходы войны запасенных;
Но нехватило того, чтоб насытить их алчные души.

- 756 То, что ибер накопал, что выбросил Таг на побережья,
То, что собирает в песках аримасп богатейший, награбив,
Все же считают они за злодеяния наградой ничтожной;
Ибо им всем обещал победитель Тарпейскую крепость,
Ибо надежда весь Рим давно им сулила в добычу:
- 760 Стана разгром это — просто обман. На дерне вельможи
Спит недостойный плебей; покровы царского ложа
Дерзкий сминает солдат; на постели убитого брата
Или на ложе отца развалился усталый убийца:
Но омрачен их безумный покой, сновидения злые
- 766 Души несчастных людей фессалийскою битвой трезожат.
Да, не заснуть злодеяньям в груди, и сердце волнуют
Те же бои, и рука без меча продолжает движенья.
Кажется, — стонут поля, и земля посылает на спящих
Яд испарений своих, и манами воздух наполнен,
- 770 Ночь, что лежит над землей, таит в себе ужас стигийский.
Грозную кару свою воздает по заслугам победа;
Пламя и свист беспокоют их сон; убитого ими
Тень гражданина встает; и каждого мучит свой призрак.
Этот — черты старика, тот видит юноши облик;
- 775 Многих томительный сон смущает трупами братьев;
В сердце у многих — отец; а Цезаря душат все маны.
Так же Орест Пелопид, алтарем не очищенный скифским,
Некогда видел вокруг Эвменид неотступные лики;
Нет, ни безумный Пенфей, с душою своей потрясенной,
- 780 Элее смятенья не знал, ни Агава, опомнясь от гнева!
Цезаря все те мечи, что ныне Фарсалия зрела
Или отмщенья день увидит в руках у Сената, —
Этою ночью теснят; и чудища ада — бичуют.
Что за мученья дарит несчастному злое создание,
- 785 Если и маны, и Стикс, и Тартар сны отягчают,
Хоть еще дышит Помпей! Но весь этот страх претерпел он:
В час, когда утренний луч озарил Фарсалии трупы, —
Вид ее грозный не смог отвратить от смертного поля
Жадных очей. Он на реки глядел, текущие кровью.

- 790 И на холмы мертвецов, vysotoю равные горам.
Видел убитых тела, гниющие грудами всюду, —
Войско Помпея считал: и для пира велел приготовить
Место, откуда бы мог черты и внешность лежащих
Распознавать: хорошо земли эмафийской не видеть,
- 795 Взглядом скользя по полям, укрытым побойщем плотно!
Видит он в этой крови всевышних своих и Фортуны:
И, одержим, — чтоб продлить желанное зрелище бойни,
Трупы сжигать на кострах запретил и к преступному небу
Смрад эмафийский вознес. Пунийцем встарь погребенный
- 800 Консул и общий костер, зажженный ливийцами в Каннах,
Не дал примера ему — соблюдать человека обычай
По отношению к врагу. Он помнил, гнев не насытив,
В мертвых сограждан своих. Не отдельных мы требуем склепов
И не различных костров: жги в едином огне все народы!
- 805 В пламени общем для всех да истлеет каждое тело!
Хочешь ты зятю отмстить, — так Пинда леса повали ты;
В кучу скорее снеси дубравы дубовые Эты;
С моря увидит тогда Помпей фессалийское пламя.
Что тебе злоба дает? Не все ли едино — истлеют
- 810 Или сгорят мертвецы? В объятиях кротких природа
Все успокоит тела, а погибнет ведь каждое тело.
Цезарь, коль ныне огонь народы эти не тронет, —
Вместе с землею сгорят и вместе с пучиною моря!
Общий костер уничтожит весь мир и с костями смешает
- 815 Звезды. Куда бы судьба ни решила призвать твою душу,
Там же сберутся бойцы. Не выше взойдешь ты на небо,
И не на лучшей земле ты ляжешь во мраке стигийском.
Смерть непокорна судьбе: и все, что земля породила,
В землю уйдет: небеса неимеющих урны укроют.
- 820 Ты же, кто мстишь племенам, их всех погребенья лишая,
Что ж ты от мертвых бежишь, покидаешь зловонное поле?
Цезарь, пей воду сию; если можешь, вдыхай этот воздух!
Нет! Фарсалии дол отнимают гниющие трупы,
Полям владеют они, обратив победителя в бегство!

- 825 К пастбищам смертным тогда гемонийского боя не только
Стаи сошлись бистонских волков, но, почуяв зловонье
Этой кровавой резни, даже львы покидают Фолюю.
Бросил берлогу медведь, а собака презренная — дом свой, —
Каждый из хищных зверей, кто мог обонянием тонким
830 Запах гниения поймать, разложение трупов почуять.
Стаи собираются птиц, летевших давно за войсками.
Вы, что привыкли на Нил менять фракийскую зиму,
Вдруг задержавшись в пути, не торопитесь к теплому Австру;
В небе еще никогда ястребов не парило так много,
835 Света не застили нам такие скопища птичьи.
Птицы неслись из лесов, и где они пищу клевали, —
С каждого дерева там кровавые капали росы.
И на знамена убийц, и на лик победителя часто
Кровь упала с небес или гноя зловонные брызги;
840 Мясо роняли порой усталые хищников когти.
Но далеко не от всех мертвецов остаются лишь кости,
Звери терзают не всё: кишки их совсем не прельщают,
Костного мозга они не любят проглатывать жадно:
Пробует мышцы зверьё. И римляне большею частью
845 В пренебреженьи лежат; их, мало-по-малу разрыхлив,
Солнце, и дни, и дожди с эмафийской мешают зёмлею.
О, злополучный край — Фессалия! Иль преступленьем
Ты оскорбила богов, что одну тебя рок угнетает
Множеством страшных смертей и злодейств? И скольким
столетьям
850 Надо протечь, чтоб, забывши войну, простил тебя правнук?
Новая нива когда возрастит незапятнанный колос?
Или когда сошником не обидишь ты манов латинских?
Раньше придут другие войска, и новым злодействам
Ты предоставишь поля с непросохшею римскою кровью.
855 Если бы вздумалось вам разорить могилы всех предков,
Ряд еще прочных гробниц, а также рассыпавших урны
Из полусгнивших своих, побеждённых ветхостью склепов, —
Всё же в твоих бороздах, Гемония, — больше останков,

- Больше костей разобьёт земледелец мотыкой своею.
860 Нет, ни один бы моряк на берегах эмафийских каната
Не отвязал, и землю твою не царапал бы пахарь, —
Кладбище римских племён; селяне бы все побросали
Это жилище теней; стада б из кустов разбежались,
И никогда бы пастух отарам своим не дозволил
865 Тучные травы щипать, из костей возросшие наших;
И, как страна, что вредна для людей, где солнце сжигает,
Или где царствует лед, — ты лежала б нагой и безвестной,
Если б одним ты была, а не первым лишь полем усобиц.
Боги! Позвольте же нам ненавидеть преступные земли!
870 Чтò вы вините весь мир; чтò ему оправданье несете?
И гесперийский разгром, и горькие волны Пахина,
Твой, о Мутина, ущерб и Левкаду — омыли Филиппы!

КНИГА ВОСЬМАЯ

- Вот по Темпейским лесам, по ущельям глухим Геркулеса,
Уединенья нища Гемонийской безлюдной дубравы,
Гонит Великий коня, что не чует и шпор, утомленный, —
Путает бегства следы, блуждает по сбизчивым тропам.
- 6 Ветер, шумящий в лесу, колеблющий листья деревьев,
Страхом волнует его; и друг, догоняющий сзади,
Трепетом сердце ему сжимает, — и прятаться страшно;
Хоть и совсем уже он с вершины власти скатился,
Ведает все же, что кровь не дешевая в жилах струится,
- 10 И вспоминая свой рок, полагает, что столько же Цезарь
Даст за гибель его, сколько сам он за голову тестя
Рад заплатить. Но увы — напрасно стремленье в пустыню:
Нет, не дозволит судьба в тиши надежных убежищ
Славного мужа укрыть; спешило в лагерь Фарсальский
- 15 Много людей, до которых молва не дошла о разгроме:
Встречей они смущены, а в делах перемена приводит
Их в изумленье: они о разгроме рассказу Помпея
Еле поверить могли. Тяжел для Великого ныне
Каждый свидетель беды: хотел бы он стать неизвестным
- 20 Всем племенам, безопасно пройти, под именем низким, —
Их городá; но решила судьба за долгую милость
Ныне любимца казнить, и славного имени тяжесть
К бедам прибавив лихим, гнетет его счастьем бывалым.
Ныне почувствовал он, что почет его был скороспелым, —

- 25 Проклял деянья своей лавроносной юности с Суллою;
Ныне и Корики флот, и знамена понтийские горько
Павшему вспомнить вождю. Так слишком долгие годы
Разум великий крушат, когда власть свою пережил он.
Если день смертный с концом благоденствия слиться не может
30 И не спешит отвратить печалей ранняя гибель, —
Прежнее счастье нам — стыд. И кто благосклонному року
Смело доверит себя, не будучи к смерти готовым?

Вот он достиг берегов, где Пеней вливается в море;
Были уж воды реки красны от резни эмафийской.

- 35 Там его трепетный челн, против зыби и ветра бессильный,
Годный лишь в мелкой воде, — выносит в открытое море:
Тот, чьи весла еще близ Коркиры и в бухте Левкадской
Плещут. — Либурнской земли и Киликии дальней властитель, —
Тот оробелым пловцом в ладье пробирается малой.

- 40 К берегу Лесбоса он, к свидетелю тайному скорби,
Парус направить велит; Корнелия, ты там скрывалась,
Большей печали полна, чем если б Эмафии поле
Было приютом твоим. Заботу предчувствия множат
Грозную; трепетный страх тревожит твои сновиденья;
15 Мраком владеет ночным Фессалия; каждое утро
Ты на побережье бежишь, на обрывистый камень утеса,
И наблюдая простор, корабля, подходящего с моря,
Первая видишь вдали волною колеблемый парус, —
Но никогда не дерзнешь спросить об участии мужа.
50 Вон и ладья, что в гавань твою обращает ветрило,
Груз неизвестный неся: то мчится ужас последний —
Вестник печальной войны, глашатай новости мрачной,
Твой побежденный супруг! Что миг отнимаешь у скорби
В страхе, — хоть плакать пора? К приближавшейся кинулась
лодке

- 55 И поняла в этот миг приговор жестокий всевышних, —
Страшную бледность вождя, седины, упавшие низко,
Прямо ему на лицо, и от пыли тёмное платье.
Бедная! Небо и свет внезапная мгла ей закрыла,

- Скорбь захватила ей дух: все силы покинули тело;
60 Сердце застыло в груди и, в надежде, что смерть наступает,
Долго лежала она. А челн привязали канатом
К берегу; смотрит Помпей на пустую песчаную отмель.
Близко увидев его, служанки верные только
Стоном глухим роптать на судьбу себе позволяют
66 И госпожи полумертвой своей бездыханное тело
Тщетно хотят приподнять: жену обнимает Великий
И согревает ее сведенное холодом тело.
Кровь разливается вновь по жилам, Помпееву ласку
Чувствовать стала жена и в лицо омраченное мужа
70 В силах она уж взглянуть: запрещает Великий склоняться
Перед судьбой и безмерную скорбь облегчает словами:
«Женщина, предков твоих благородство тебя осеняет, —
Что же теряешь ты мощь при первом ударе Фортуны?
Случай явился тебе прослазиться ныне навеки.
75 Славен твой пол не оружием битв, не блюденьем законов, —
Помощью мужу в беде. Приди же в себя поскорее,
И да сразится с судьбой твоя верность: пусть я, побежденный,
Буду дороже тебе; я — твоя величайшая слава
С часа, как связки мои, и сонм законный Сената,
80 И вереница царей от меня отзернулись: с Великим
Будь же отныне одна! Беспредельная скорбь неуместна,
Если супруг еще жив; оплакивать мертвого мужа —
В этом последний твой долг. Так, в этой войне ничего ты
Не потеряла еще: ведь жив после битвы Великий, —
85 Только удаче — конец; ты плачешь над тем, что любила!»..
Речью такой смущена, с земли она чуть поднимает
Слабое тело сзое, прерывая жалобы стоном;
«О, почему не взошла я на мерзкое Цезаря ложе —
Я, роковая жена, ни с одним не счастливая мужем!
90 Дважды я мир обрекла: Эриния свахой была мне,
Призраки Крассов — за ней; их манам покорная вечно
Я и гражданской войне принесла ассирийские беды:
Кинула в бездну народ, от правого лагеря ныне

Всех отвратила богов! О великий супруг мой, о жертва
95 Брачной постели моей, — имела ли право Фортуна
Эту главу унижать? Зачем обвенчалась преступно,
Если была я залогом беды? Воздай же мне кару, —
Я ее бодро приму! Чтобы море ласковей было,
Искренней — верность царей и мир — к послушанью готовней, —
100 Спутницу волнам отдай! Предпочла б я ценой своей жизни
Мужу победу добыть. Теперь искупи этой жертвой
Все пораженья сзои. А ты, где бы ты ни лежала,
Юлия, — ты, отомстив за наш брак гражданской войною,
Ныне приди, — мне кару неси, а Помпею — пощаду,
105 Смертью разлучницы гнев утолив!». С такими словами
Пала супругу на грудь, у всех вызывая рыдания:
Нежность смягчила тогда суровое сердце Помпея,
Лесбос слезами застлал сухие в Фессалии очи.

Тут митиленский народ, который на берег сбегался,
110 С речью такой приступил к Великому: «Если навеки
Слава дана нам — хранить залог столь примерного брака, —
Просим тебя, удостой хоть одной единственной ночи
Город, что тверд в договоре святом, и союзников лары!
Здесь себе сделай приют, который с почтеньем, Великий,
115 Будет всегда посещать, поклоняясь, пришелец из Рима.
Более прочных оград не найдешь ты себе, побежденный.
Могут другие еще снискать победителя милость:
Эти — винозны уже! Наш остров лежит среди моря,
Флота ж у Цезаря нет; сойдется в убежище это
120 Большая часть вельмож: наш край укрепит твои судьбы.
Храмов убранство возьми, возьми себе золото Вышних;
Коль на судах и в полях молодежь наша биться умеет,
Лесбос тебе отдаем — воспользуйся всей его силой.
Всех, побежденный, возьми, чтобы Цезарь забрать не успел их!
125 И от достойной страны отведи обвинение, будто
В счастья мы шли за тобой и во всем тебе верность хранили,
Но отвернулись — в беде». Такую преданность видя,
Был за вселенную рад, — ибо есть еще верность! — Великий

- И отвечал: «Ни единой страны не найти мне милее
130 В мире, и это я вам доказал немалою порукой:
Крепкий залог привязал к тебе мое сердце, о Лесбос;
Здесь мой священный приют, мои дорогие пенаты,
Здесь был и Рим для меня! Ни к какому берегу больше
В бегстве ладьи я не гнал, хоть и знал, что вы заслужили
135 Лютого Цезаря гнев, на Лесбосе скрывши супругу,
И не боялся, что вы меня предадите трусливо
С целью прощенье снискать. Но вины отягчать я не стану:
Мне надлежит мою долю искать по целому миру!
Слишком ты счастлив, увы, своим вечным именем, Лесбос,
140 Будешь ли ты народы учить, как Великого встретить,
Будешь ли верен — один: мне искать предназначено всюду
Страны, где право царит и где — преступленье. Прими же,
Бог, хоть один благосклонный ко мне, — последнюю просьбу:
Дай мне народ, подобный лесбосцам, который бы пристань
145 Мне, побежденному, дал и презревши Цезаря ярость,
Не запретил бы уйти!». Он смолк; и спутницу скорби
Взял с собой на корабль. Казалось, все люди меняют
Землю, отчизну свою: рыдания везде раздаются
На берегу, грозят небесам воздетые руки;
150 Только злосчастный Помпей своим горем их меньше растрогал:
Плачут они о жене, — за время войны ее Лесбос
Начал землячкой считать и с ней ему жаль расставаться;
Если бы в лагерь она плыла к победителю-мужу,
Матери Лесбоса все ж не могли бы с глазами сухими
155 В море ее отпустить: такую любовь заслужили
Строгая скромность лица, ее доброта и стыдливость;
Вечно душою кротка, никому не докучная гостя,
Даже в спокойные дни, как при муже жила побежденном.
До половины Титан сошел в подводные глубины
160 И для кого заходил и к кому, может быть, восходил, он
Целым себя не являл. Неусыпны заботы Помпея:
Видел он то города, что связаны с Римом союзом,
И вероломных царей, то просторы пустынь неприступных —

Там, где безумствует Австр, где жжет палящее солнце.
165 Часто грызущая скорбь, отвращение к судьбам грядущим
В сердце усталом его волнения жар пробуждают.
Кормчему он задает о всех светилах вопросы,
Как различать берега, каким образом с помощью неба
Путь находить на морях, какие над Сирией блещут
170 Звезды, какая звезда в Повозке нас в Ливию водит.

Так ему молвит в ответ наблюдатель искусный Олимпа:
«Мы не по звездам плывем, что летят в кругу зодиака
С вечным движеньем небес и бедных пловцов в заблужденье
Вводят мерцаньем своим: но тот, что не падает в волны,
175 Светоч Полярный, всех звезд в обеих Медведицах ярче,
Наши ведет корабли. Когда, восходя перед нами,
С Малой Медведицы он горит высоко над снастями, —
Прямо к Босфору плывем и к морю, что выгнуло берег
Скифии. Если же прочь, с вершины мачт опустившись,
180 Начал итти Волопас, Киносура же клонится к морю —
В Сирию мчится корабль. А там и Каноп уж сияет,
Тот, что блуждает всегда в созвездиях южного неба:
Страшен ему Борей; если влево его ты оставишь, —
Фарос минуя, корабль среди моря Сиртов достигнет.
185 Ставить куда паруса и каким канатом ветрила
Ты натянуть мне велишь?». Отвечает, колеблясь, Великий:
«В темную бездну морей, куда хочешь, смело пускайся,
Только бы шел твой корабль от берегов эмафийских подальше
И позади оставлял гесперийское море и небо:
190 Ветер да выберет путь! Свой залог, свою спутницу снова
В целости я получил; я прежде знавал, куда плыть мне:
Пристань теперь Фортуна найдет». Так молвил, а кормчий
Все распустил паруса, на реях висевшие ровно,
Влево корабль повернул, его грудью рассечь собираясь
195 Волны, чей точит прибой Хиоса и Асины скалы, —
Отдал канат на носу, а другой — на корме закрепляет.
Чует движенье вода, и по-новому борозды в море
Нос проложил за собой, и шум волны изменился

- С курсом иным корабля. Наездник не с бóльшим искусством
200 Правым своим колесом полукруг загибает налево,
Чтобы достигнуть меты, колесницей ее не задевши.
Землю Титан осветил и созвездия спрятал от взора.
Те, что бежали в моря, эмафийской разметаны бурей,
Вслед за Великим плывут; на пути от Лесбоса первым
205 Сын его встретил, а с ним толпа верноподданной знати.
Ибо, низвергнув во прах, обратив его армию в бегство,
Все же подвластных царей сохранила Помпею Фортуна:
И властелины земли, и владельцы скиптров восточных —
Свита в изгнании его. В отдаленные дебри вселенной
210 Он Дейотара послал, отыскавшего след полководца:
«Так как, — сказал, — в эмафийском бою утрачены земли,
Бывшие римскими встарь, о вернейший мой царь, остается
Верность Востока узнать, — из Евфрата пьющих народов,
Тигра, который досель от Цезаря был независим:
215 Не затруднись посетить, гоняясь за счастьем Помпея,
Дальние кровы мидян и глухие убежища скифов,
В страны чужие пойди и надменному там Арсакиду
Слово мое передай: „Если в силе еще остается
С нами старинный союз, когда я — Громовержцем латинским,
220 Вы же — при магах клялись, — то скорей наполняйте колчаны
И на армянский свой лук натяните гетскую жилу.
Если, о парфы, стремясь к проходам Каспийским когда-то
Или аланов гоня, загрубелых от вечного Марса,
Я позволял вам гулять на свободе в полях ахемениских,
225 Не заставлял вас искать спасенья в стенах Вавилона;
Если за Кира землей, за далеким царством Халдеи,
Там, где стремительный Ганг и Гидасп — порождение Нисы —
В море вливают струи, — к восходящему пламени Феба
Ближе, чем персы, я был, — и однако, весь мир побеждая,
230 Вам лишь дозволил одним не участвовать в наших триумфах;
Если из всех восточных царей — один лишь парфянин
Был со мною на равной ноге, и как Великого дар
Твердо стоят Арсака сыны, — ибо кто справедливый

Сдерживал Лация гнев после гибельных битв ассирийских? —

235 То за услуги мои пусть Парфия ныне ограды

Сломит и выйдет на брег — запретный в течение столетий, —

Мост Александра пройдя. За Помпея сражайтесь, парфяне:

Рим поражения ждет». И царь, повинувшись приказу,

Взял на себя этот труд и, сложив с себя признаки сана,

240 Выступил в путь, одеждой раба изменив свою внешность.

В бедах удобно всегда тиранну прикинуться нищим:

Право, насколько живет беззаботней, чем сильные мира,

Истинный каждый бедняк... Царя спустивши на берег,

Сам от Икарии скал, Колофон и Эфес покидая,

245 Морем спокойным плывет и подходит к пенным утесам

Малой Самосской земли; и с Косского берега летящий

Ветер вдохнув, мимо Книда бежит и мимо Родоса —

Острова солнца. Потом залив широкий Телмесский

Он пересек, чтобы путь сократить. Памфилия дальше

250 Судну навстречу встает: но еще не дерзает Великий

Городу ввериться здесь и к тебе лишь, к Фаселиде малой,

Смело впервые пристал: ибо страх отгоняют безлюдье

И домов пустота: в них меньше народа, чем видно

На корабле у него; и вновь он поставил ветрила,

255 К Тавру приплыл и Дипсунт увидал, ниспадающий с Тавра.

Мог ли подумать Помпей, что, на водах мир водворяя,

Он и себе помогал. Вдоль Киликии скал безопасно

В малом челне он плывет; и с ним сенаторов много, —

Тянутся вслед за бежавшим вождем. Лишь в малых Сиедрах,

260 В гавани, где пристают и отходят суда Селинунта, —

Там наконец пред собранием вельмож открывает Великий

Полные скорби уста: «Вы, спутники в битвах и бегстве,

Образ отчизны моей. Хоть с вами на голом побережье,

На киликийской земле без армии я совещаюсь,

265 Вашего мнения прошу, — что начать мне в моих затруднениях;

Пусть ваш возвышенный дух мне поможет: в полях эмафийских

Я уничтожен не весь, не настолько судьбой угнетен я,

Чтобы не мог головы приподнять и оправиться снова

От пережитых потерь. Карфагена развалины дали
270 Марию фасции вновь и вписали в летопись имя;
Более легкой рукой поразив, меня Рок подчинит ли?
Сотни моих кораблей несутся в греческом море,
Сотни со мною вождей: мои силы скорей разбросала,
Чем опрокинула в прах Фарсалия. Громкая слава
275 Дел во вселенной моих и миром любимое имя
Могут меня защитить. По верности, да и по силам
Взвесьте повсюду царей, — из Фароса, Ливии ль, Парфов —
Помощь должны мы позвать, чтоб римское дело поправить.

Я же открою вам всем свои затаенные страхи
280 И направленье, в каком склоняются помыслы наши.
Нильский так молод тиранн — ненадежны младенчества годы;
Зрелых ведь требует лет опасная преданность слову.
Также немало страшит и коварство двуличное мавров;
Род свой еще не забыв, Гесперии сыплет угрозы
285 Сын Карфагена лихой и крепко таит Ганнибала
В сердце тщеславном своем, марая побочною кровью
Царство, — себя возводя к нумидийским предкам: мольбами
Вара зачванился он, унижение Рима увидев.

Лучше, друзья, поспешим обратиться скорее к Востоку.
290 Мир величайший Евфрат отделяет своею пучиной,
Каспия горная цепь ограждает огромные земли.
День ассирийский и ночь вокруг иной вращаются оси,
Цветом ее океан, отдаленный от нашего моря,
Разнится. Этой стране одно наслажденье — сражаться.
295 Выше в полях ее конь и луки ее дальнобойней;
Мальчик и старец равно натянуть смертоносную жилу
Ловки, все стрелы несут без промаха верную гибель.
Первым парфянина лук победил сарисы пеллейцев,
Бактры — жилище мидян, Вавилон, ассирийцев столицу,
300 Гордую крепостью стен. Наши копья парфянам не страшны —
Дерзко в сраженье идут, убедившись на гибели Красса
В силе колчанов своих. Но смелость парфян не зависит
От одного острия, от несущего гибель железа:

- Ядом опасным боец насыщает свистящие стрелы,
305 Кровь отравляет тот яд, даже малая рана — смертельна.
О, если б поменьше питал я доверия к лютым
Тем Арсакидам. Мидян завистливый рок возбуждает:
К нашей ревнив он судьбе, а боги мирволят народу.
Я подниму племена, из пределов нам чуждых их вырвав,
310 И напушу на врага, весь Восток в его селах встревожив.
Если ж нарушит союз и восточная верность, и варвар, —
Пусть увлекает судьба мой корабль, потерпевший крушение,
Прочь от союзов земных. Не буду царей умолять я,
Созданных мною; найду утешенье великое в смерти,
315 В мире покоясь ином, где тесть уже больше не сможет
Чествовать или терзать останки мои. Вспоминая
Судьбы всей жизни моей, я вижу, что был почитаем
В этих пределах земли: и, повсюду зрим на Востоке,
Близ Танаиса гремел и за гранью болот Меотийских.
320 В страны какие неслось мое имя для подвигов лучших,
Или откуда оно возвращалось с бóльшим триумфом?
Рим, начинаньям моим споспешествуй: боги охотней
Будут тебе помогать, когда, гражданские войны
С парфом ведя заодно, разоришь ты великое племя,
325 К нашей беде приобщив. Когда Цезаря войско столкнется
С войском мидян, — надлежит, чтоб судьба отомстила
за Крассов
Иль за меня». Так речь заключив, он по шуму собранья
Понял, что план осужден; а Лентул, который отвагой,
Негодованием своим благородным из всех выделялся,
330 Слово такое сказал, достойное консула в прошлом:
«Иль фессалийский разгром сломил твою крепкую душу?
Разве единственный день обрек все судьбы вселенной?
Может ли этакий спор разрешить Эмафия? Или
Раны не вылечить нам кровавой? Неужто, Великий,
335 Только осталось припасть к ногам парфянина? Что ты
Нас избегаешь и все родные края ненавидишь?
Ищешь созвездий чужих и противного полюса ныне,

- Хочешь парфянским рабом к очагам Халдеи приникнуть,
Варварский жертвенник чтить? В любви к свободе зачем ты
340 Повод войны указал? Зачем обманул ты несчастных,
Если ты к рабству готов? Когда ты властвовал — страшен
Парфу о Риме был слух, он царей из Гирканского леса
Видел плененных тобой и владык индийского брега;
Что ж? Он увидит тебя обесславленным, сложенным, низким,
345 Против латинских земель обратит свой дух сумасбродный,
Рим и себя оценив по жалобным пеням Помпея?
Слов, достойных ума и сúdeб своих, ты не скажешь:
Ибо неведом ему латинский язык, он захочет
Слезных молений твоих, Великий. Потерпим ли стыд мы,
350 Парфии дав отомстить за потери на Западе раньше,
Чем за свои — сам Рим отомстит? Он тебя полководцем
Сделал в гражданской войне: зачем же ты скифским народам
Ныне открыть захотел наши раны и тайные беды?
Учишь парфян ты зачем преступать рубежи? Утешенье
355 В бедах теряет наш Рим, — служить своему гражданину
Не допуская царей. Ты не хочешь итти по вселенной,
Дикие те племена ведя на римские стены
И за знаменами вслед, что взяты Евфратом у Крассов?
Разве единственный царь, который в Эмафии не был
360 В час, как таила судьба свою милость, — теперь устремится
Бить победителя рать иль захочет с тобою, Великий,
Участь твою разделить? На парфян не надейся нисколько!
Каждый народ, что рожден снегами под северным небом,
Неукротим на войне и к смерти любовью привязан.
365 Если же дальше пойдешь, на Восток и в жаркие страны,
В ласковом климате их гораздо изнеженной люди.
Там на мужчинах везде мы свободные видим одежды,
Складки широких плащей. Парфянин в равнинах мидийских
И на сарматских полях, и на землях открытых долины,
370 Где разливается Тигр, — повсюду в бегстве свободный,
Неодолим для врага: но там, где местность гориста,
Он не взойдет на суровый хребет; и в чащах дремучих

- Боя не может вести своим неуверенным луком,
Бурной быстрины речной переплыть никогда не сумеет,
375 Не в состоянии он, обливаясь кровью, сражаться
Долго в горячей пыли, под зноем палящего солнца.
Нет ни таранов у них, ни других военных орудий:
Рва не умеют сравнять; и если преследуют парфы —
Все, что задержит стрелу, для них уже будет стеною.
380 Быстрый в бою, проворный беглец, наездник бродячий,
Легче бросающий пост, чем его занимающий — воин!
Полны коварства стрелки, но доблести им нехватает
Вытерпеть Марса вблизи: тетиву издалика натянут,
Пустят стрелу наугад и вручат ее прихоти ветра.
385 Силу имеет лишь меч, и народ, состоящий из храбрых,
Войны мечами ведет; мидяне ж в начале сраженья
Вмиг остаются без стрел и бегут с опустевшим колчаном.
Вовсе не в крепких руках, а в яде таится их смелость.
Видишь ли в них ты бойцов, которых в опасности битвы
390 Только с мечами пошлешь? Позорную помощь такую
Есть ли нужда призывать, чтоб потом умереть на чужбине,
Чтоб от отчизны тебя целый мир отделил? Чтоб давила
Варваров глина твой прах? Чтобы в малой и жалкой гробнице
Спал ты, на зависть другим, когда Красс лишен погребенья?
395 Все ж твоя участь легка: в ней смерть — последняя кара,
Что не пугает мужей; но не смерти Корнелии страшно
В царских ужасных руках: разве нам неизвестна Венера
Варваров, та, что слепым обычаем зверским бесчестит —
Множеством жен — законы семьи и факелы брака?
400 Тысяча женщин глядит на тайны запретного ложа:
Парфов неистовый царь, опьяненный вином и пирами,
Неудержим ни в каких запрещенных законами связях:
Целую ночь напролет объятья бесчисленных женщин
Не утомляют его. На брачном поконились ложе
405 Сестры царей и матери их — таково святотатство!
Прокляты были в веках, хоть невольный грех совершили,
Фивы с преданием их о грешнике бедном Эдипе.

- Сколько же раз у парфян от подобных кровосмешений
В свет Арсакиды пришли? Кто может поять свою мать, —
110 Знает ли меру грехам? Знаменитая дочка Метелла
Тысячной будет женой на этом варварском ложе.
Верь, ни к единой из жен охотней не кинется похоть,
Ибо ее распалит жестокость и слава супругов.
Так как парфянам милы наслаждения дикие, — скоро
115 Красса узнают вдову в Корнелии: пленницей станет
Старой победы она, давним даром судьбы — ассирийцам!
Рана зияет еще неудачи былой на Востоке;
Стыдно не только просить о подмоге царя рокового,
Но и вести, до расправы над ним, гражданскую распря!
120 Большой найдется ли грех и тестя, и твой пред народом,
Чем, — в те часы, когда вы оружие друг с другом скрестили, --
Крассов отмщенье забыть? Должны бы ныне на Бактру
Двинуться вместе вожди и, чтоб не было праздного войска,
Северных даков страну, весь Рейн — лишить гарнизонов,
125 Драться, пока Вавилон и с ним вероломная Суза
Склепы своих же владык под грудой развалин не скроют!
Молим, Фортуна, тебя с Ассирией мир наш нарушить.
Если гражданский раздор Фессалией ныне закончен,
К парфам пускай победитель идет. Единое в мире
130 Племя пробудит во мне за триумфы Цезаря радость!
Разве тотчас же, когда Аракс ледяной перейдешь ты,
Старца печального тень, пронзенного скифской стрелою,
Не обратится к тебе: „О ты, кого после смерти
Прах мой покинутый ждал, как мстителя, с долгой надеждой, —
135 Ты за союзом пришел и миром!“ Там встретишь не раз ты
Памятник наших потерь; те стены, вокруг коих влачили
Наших убитых вождей, где много имен знаменитых
Спрятал Евфрат, где Тигр, унеся наши трупы под землю,
Снова вернул их наверх. Если ужасы эти, Великий,
140 Можешь ты все претерпеть, то ты так же мог умолять бы
Тестя, царящего там — в Фессалии. Что ты не кинешь
Взора на Рим? Если царства под Австром страшишься,

С Юбой неверным, пойдем к Фаросу и в области Лага.

Сирты ливийские здесь ограждают Египет, а дальше

445 Быстрая пенит река семью протоками море;

Край тот своим доволен добром, не нужна там торговля

Или Юпитера дождь; все его упование — в Ниле.

Скипетром царь Птолемей тебе обязан, Великий,

Мальчику ты — опекун. Кого испугает лишь призрак

450 Титула? Возраст его — непорочен. Не в древних палатах

Надобно верность искать, к богам уваженье и право.

Губит весь стыд привычная власть: легчайшая участь

Странам дана при новом царе». — Такими словами

Все убедил он умы. О, как откровенны бывают

455 Речи последних надежд! Отвергнуто мнение Помпея.

Бросив Киликии брег, на Кипр отплывают поспешно —

В край, где стоят алтари, любимые больше всех прочих,

Той из богинь, что в пафосской волне рождение помнит, --

Если нам верить не грех в рожденье всевышних и думать,

460 Будто бы есть у богов начало жизни. Оттуда,

Кипрские камни пройдя, которые тянутся к югу,

Снова Помпей повернул и вышел в открытое море.

Он не причалил к горе, что приветливо блещет средь ночи,

Но, при бореньи ветрил, насили в Нижний Египет

465 Путь проложивши, пристал к Пелусию там, где впадает

В море седьмой рукав — величайший из нильских протоков.

Время стояло, когда Весы равномерно делили

Сутки единственный раз, а затем уменьшением света

Зимним ночам возмещали их срок, сокращенный весною.

470 Слышит Помпей, что ставка царя — на Касийской вершине,

И отбывает туда: так ветрила и Феб позволяли.

Вот уж дозорный верхом по берегу скачет поспешно

И наполняет дворец тревожною вестью о госте.

Еле созвали совет; но все же, пеллейского дома

475 Гады успели сойтись: от них Акорея отличался,

Кроткий в седилах своих и от дряхлости скромный в желаньях

(Мемфис его породил с пустым своим культом — хранитель

- Нила с разливом его; при этом слугителе вышних
Апис прожил не единый свой век, ему Фебою данный).
- 480 Первый он мудро сказал про заслуги Помпея, про верность
И про священный союз, заключенный с усопшим монархом.
Но, искушен советовать злым, сердцеведец тираннов,
Дерзкий решился Потин обречь Великого смерти:
«Знай, Птолемей, что вредят и закон, и религия многим,
- 485 Платится тяжкой ценой хваленая верность, коль хочет
Роком гонимым помочь: покорствуй судьбе и всевышним
Счастливых чти, от несчастных беги! Как пламя от моря
Или земля от светил — отличается право от пользы.
Скипетров сила падет, коль захочет она справедливость
- 490 Взвешивать: чести закон разрушает твердыни тираннов.
Только свобода греха ненавистную власть защищает,
Только разнузданный меч! Без возмездья творятся насилие
Только пока их творят. Кто хочет блюсти благочестье —
Пусть покидает престол: добродетель и власть — несовместны.
- 495 Трусом тот будет вовек, кто жестокости станет стыдиться!
Да не обидит Помпей безнаказанно юный твой возраст;
Он не считает тебя способным даже разбитых
Прочь отогнать! Но чтоб этот гость твой скипетр не отнял,
Близкие есть у тебя: и если томит тебя царство, —
- 500 Фарос и Нил возврати своей сестре осужденной.
Мы от латинских когорт защитим, без сомненья, Египет!
То, что во время войны не досталось Помпею, избегнет
И победителя рук. Из целого мира изгнанник,
Всяких лишенный надежд, теперь он ищет народа,
- 505 С кем бы мог пасть: гражданской войны влекут его тени.
Он не от тестя бежит: бежит от взоров Сената,
Коего большая часть фессалийских птиц накормила.
Также боится племен, чью кровь смешав воедино
Он на войне проливал; царей разоренных боится:
- 510 Он, фессалийский беглец, нигде не нашедший приюта,
Ныне тревожит наш край, еще не загубленный в битвах.
Поводов больше у нас на Великого лить свои пени:

- Что ты пятнаешь, Помпей, войны преступленьем наш дальний
Вечно спокойный Фарос, в победителе к нашим полям ты
515 Что подозренье родишь? Почему в минуту паденья
Выбрал ты эту страну, принося и Фарсалии участь,
И наказание свое? Уж в одном преступленьи повинны
Мы оправдаться мечом: ведь был нам скипетр Сенатом
Дан по советам твоим, за твое мы молились оружие.
- 520 Меч, что судьба обнажить мне велит, не тебе приготовил,
Но побежденному я: поражу им тебя, о Великий!
Тестя бы я предпочел: но нас общий поток увлекает.
Иль сомневаешься в том, что мне надо тебя уничтожить,
Если возможность дана? С каким упованьем, несчастный,
- 525 В нашу страну ты пришел? Иль не видишь народ безоружный,
Еле копающий ил по следам отошедшего Нила?
Надо свой край оценить и в силе ничтожной сознаться.
Можешь ли ты, Птолемей, поддержать обломки Помпея,
Рим под которыми пал? Костер и прах фессалийский
- 530 Смеешь ли ты шевелить и войну призывать в свое царство?
До эмафийских боев ни к каким мы войскам не примкнули:
В лагерь Помпея ль итти, когда его мир покидает?
Ты победителя мощь и изведанный рок раздражаешь?
Надо в беде помогать лишь тому, с кем делил ты удачу.
- 535 В жизни своей никто не ищет друзей средь несчастных!».
За злодеяние — все. А мальчик-царь — в восхищеньи,
Что непривычную честь воздают ему слуги, дозволив
Дело такое решить. Поручают убийство Ахилле.
- Где от Касийских песков коварная тянется отмель
540 И указывает собой близ Египта лежащие Сирты, —
Там небольшую ладью для участников темного дела
Он снарядил. О боги! Неужто варварский Мемфис,
Нил и в бессильи своем пелусийские толпы Канопы
Столь жестоки? Так землю гнетут гражданские распри?
- 545 Так погибает Рим? Разве место в бедствиях наших
Может Египет снискать и участвовать меч в них фаросский?
Верность хоть эту одну сохраните, гражданские войны.

Руки родные послав, прогоните убийц чужеземных,
Если Великий теперь заслужил своим именем славным —
550 Цезаря жертвою стать! А ты, Птолемей, не боишься
Гибели славы такой? Когда небеса громяхают,
Грязные руки сюда ты суешь, полумуж непотребный?
Не покоритель он будь, что трижды в своей колеснице
На Капитолий въезжал, не властитель, защитник Сената,
555 Зять победителя, — нет! Тиранну фаросскому хватит,
Если он — римлянин лишь! Как смеешь ты в нашей утробе
Рыться булатом своим? Не знаешь, мальчишка, не знаешь,
Где твоя скрыта судьба: теперь не имеешь ты права
Скипетром нильским владеть! Убила гражданская распря
560 Давшего царство тебе!.. Перестав улавливать ветер
Парусом, вот уж Помпей на веслах к ужасному берегу
Двинулся: встретить его небольшая бирема несется
С мерзкою шайкой убийц; они говорят, что Помпея
Царство Фаросское ждет, и с кормы высокого судна
565 В малую лодку зовут, ссылаясь на берег коварный
С зыбью двух разных морей, которые бьются об отмель
И чужестранным судам возбраняют к суше причалить.

Если бы судеб закон и близость гибели жалкой —
Той, что была решена велением вечного строя,
570 Не увлекали на брег обреченного смерти Помпея, —
Свита могла бы узнать все признаки черного дела:
Ибо, будь верность чиста, воздавало бы честь непритворно
Царство Помпею, чья мощь создала и дала ему скипетр, —
Сам бы фаросский тиранн во главе всего флота явился.
575 Но, уступая судьбе, повинуется просьбе Великий,
Свой покидает корабль, — рад гибель избрать, но не
трусость.

Быстро ко вражьей корме Корнелия тут устремилась:
С мужем разлуку она не решилась вытерпеть, ибо
Чуяла в страхе беду. «Вернись, безрассудная сердцем,
580 С сыном останься, молю, — вдали от берега ждите,
Что приключится со мной: залогом верности царской

- Будет моя голова». Сказал, но глуха к увещаньям,
Руки простерла к нему Корнелия в горе безумном:
«Не уезжай, жестокий, один! Иль опять меня бросишь.
585 Как в фессалийской беде. Никогда при предвестиях добрых
Не разлучаемся мы! Зачем же корабль повернул ты
В бегстве своем, не оставил меня на Лесбосе скрытой,
Если ко всем берегам запретить мне доступ задумал.
Или же лишь на морях гожусь я в спутницы?». Тщетны
590 Были все слезы ее, хоть она за корму уцепилась:
Ни отвести своих глаз, потрясенная, в страхе не может,
Ни на Помпея смотреть. И все на судах оробели
Перед судьбою вождя, боясь не меча иль убийства:
Страшно, — не стал бы Помпей умолять униженно скипетр,
595 Данный его же рукой. Когда он сходить собирался,
Римский воин ему, Септимий, с фаросской галеры
Отдал честь: о, всевышних позор! Он мерзкого царства
Телохранителем стал, свой дротик родимый отбросив;
Лютый, жестокий и злой, бывал он в убийствах не мягче,
600 Чем кровожаднейший зверь. И кто б не подумал, Фортуна,
Что племена ты щадишь, отвратив эту руку от битвы
И удалив из Фессалии прочь его меч смертоносный.
Ты рассеваешь мечи, чтобы в каждой стране отдаленной
Междоусобиц, увы, злодеянья творились. Самих же
605 В том победителей стыд и вечный позор для всевышних:
Так подчинился царю меч римский. Железом твоим же
Мальчик пеллейский отсек тебе голову ныне, Великий!
Славу какую в веках оставит Септимий потомству?
Как назовет преступленье его тот смертный, который
610 Брута злодеем зовет?.. Приближался последнего часа
Срок роковой; Помпей, на фаросский челн перебравшись,
Всю свою власть потерял: уже вынимают из ножен
Царские изверги меч. Клинки пред собою увидев,
Плащ он накинул на лик; под удар Фортуны открыто
615 Не подставляя главы, зажмурил глаза и дыханье
Сразу в груди задержал, чтоб из уст не вырвалось крика,

Чтобы непрошенный плач не унижил бессмертную славу.

После того, как Ахилла-злодей пронизал ему тело,

Он под ударом клинка не издал ни единого стога,

620 Но, презирая убийц, неподвижным телом не дрогнув,

Смертью себя испытал и мыслил так, умирая:

«Смотрят сюда все века, что будут о бедствиях Рима

Не умолкая вещать, и потомство мира увидит

Эту ладью и фаросцев обман: подумай о славе!

625 Долгую жизнь послали тебе счастливые судьбы:

Люди не знают еще, если смертью того не докажешь, —

Был ли ты стоек в беде. К стыду отнесись ты с презреньем

И не страдай, что убийца таков: ведь кто б ни ударил —

Тестя десницу узнай. Пусть рвут и в клочья терзают, —

630 Все же, владыки небес, я счастлив, и этого счастья

Боги не могут отнять: удача меняется в жизни;

Горестей смерть не дает! Эту гибель Корнелия видит,

Также и сын мой Помпей; о, скорбь моя, тем терпеливей

Стон заглуши, я молю; если сын и жена мне дивятся, —

635 Значит, и любят меня!». Таким помышленьем Великий

Гордый свой дух охранял: так владел он душой умиравшей.

Было бы легче самой Корнелии пасть от злодейства,

Чем его видеть; она оглашает воплями скорби

Воздух: «О, бедный мой муж! Это я — твоя злая убийца;

640 Лесбос причиною был задержки твоей смертоносной,

Цезарь скорее тебя причалил к берегу Нила!

Кто же иной — преступленья творец? Но кто бы ты ни был,

Данный богами палач, — ты, Цезаря злобе служивший

Или себе самому, — не знаешь, жестокий, где скрыто

645 Сердце Помпея; спешишь и так наносишь удары,

Как твоя жертва велит. Но казнь ужаснее смерти

Было бы видеть ему наперед мою гибель. Виновна

Также сама я в войне, — из матрон я одна и в походах,

И по морям провожала вождя, — не дрожа перед роком,

650 Страшного даже царям побежденного я укрывала!

Я ль заслужила, жена, на корме безопасной остаться?

- Ты ль, вероломный, щадил? Стремясь к концу роковому,
Ты обрекал меня жить? Я умру, — но не милостью царской!
Или позвольте вы мне, матросы, кинуться в море;
- 655 Или на шею мою наденьте петлю из каната;
Иль да вонзят в меня меч достойный Великого спутник!
Эту заслугу вождя вмените вы тестю в заслугу.
Держите вы для чего, злодеи, спешащую к смерти?
Жив ты еще, мой супруг, но уже у Корнелии права
- 660 Нет над самою собой: мне мешают приблизиться к смерти!
Для победителя здесь берегут меня!». Так, причитая,
Пала на руки своих и корабль ее в бегстве уносит.
Хоть у Помпея хрустят и грудь, и спина под мечами,
Но досточтимой красы сохранил он образ священный, —
- 665 Гнев на всевышних — в лице; и последнее веянье смерти
Не изменило ничуть наружности мужа: признали
Это все те, что встречали главу отсеченную. Лютый
В мерзком злодействе своем, еще злейшее сделал Септимий.
Сдернув покров, он открыл при последнем Великого вздохе
- 670 Славное это лицо и, схватив за хрипящее горло,
Мужа с поникшей главой поперек скамьи опрокинул.
Мышцы и жилы рассек и долго ломал позвоночник:
Головы резать мечом он был ведь еще неискусен!
Только когда голова наконец отделилась от тела,
- 675 Отнял ее у других приспешник фаросский — Ахилла.
Выродок, римский солдат и последний слуга преступления,
Злобным мечом ты отсекал главу святую Помпея
С целью другому отдать. О, высшая степень позора!
Чтобы Помпея узнал безбожный мальчишка, за кудри
- 680 Ныне хватают — за то благородной главы украшенье,
Что почитали цари. И вот на пике фаросской
Поднята та голова, — а лицо ее жизнью сияет,
Хоть неподвижны глаза, но уста еще горестно шепчут.
Мира никто не хранил, когда они звали к сраженью:
- 685 Марсово Поле, Сенат и ростры они колебали.
В этом лице любовалась собой ты, Рима Фортуна!

Но нечестивый тиранн недоволен зрелищем этим;
Хочет он память сберечь о злодействе. Искусством безбожным
Сохранена голова та от тленья: весь мозг удалили,
690 Кожа засохла на ней, и когда из висящей высоко
Вытекла слизь, — закрепили ей лик, пропитав ее ядом.
Ты, обреченный на смерть последний отпрыск Лагидов,
Ты, что распутной сестре уступишь подаренный скипетр!
Если в пещере святой хранишь ты прах македонца,
695 Если останки царей лежат под горой возведенной
И в пирамидах сокрыт, в незаслуженных им мавзолеях,
Род Птолемеев срамной, для потомства постыдные маны. —
То над Помпеем прибой бушует, безглавое тело
Взад и вперед по отмели мча. Иль было так трудно
700 Целым для тестя сберечь Великого мертвое тело?

Так завершила судьба счастливую долю Помпея,
Верной оставшись; и так на вершине славных деяний
Смертью настигла его: в один этот день кровожадный
Все поражения слила, от которых спасала годами.
705 Больше Помпея уж нет, никогда не мшавшего радость
С бедами; счастья его не мрачил никто из всевышних.
В горе никто не щадил. Фортуна сразила внезапно
Медлившей долго рукой; и вот по отмелям носит,
Рвет на прибрежных камнях, заливая раны водою,
710 Эту игрушку волны; и ныне в безликом обрубке
Можно Помпея узнать потому лишь, что он — обезглавлен!

Раньше, однако, чем мог подойти победитель к Фаросу,
Наспех судьба создала Великому холм погребальный,
Чтоб без могилы не спал, но не спал бы и в лучшей гробнице.
715 Корд боязливый приплыл к побережью из тайных убежищ.
Был с Икарийских берегов Кинирского Кипра он квестор,
Вместе бежал с несчастным вождем. Под сумраком ночи
Он возвратиться дерзнул и страх победил благочестьем,
Чтобы в волнах отыскать Великого труп и на берег
720 Вынести тело его, упокоить останки на суше.

Мрачная Кинфия свет изливала сквозь тяжкие тучи

- Слабый; но в бледных волнах темнеющий тела обрубок
Он увидал. И вождя удержал в объятиях тесных,
Хоть вырывала вода; но, уставши от ноши тяжелой,
725 Вала дождался, и вот при помощи моря доставил
Мертвого к берегу. Там, уже выйдя на твердую землю,
Пал он Помпею на грудь, омывая раны слезами,
И, обращаясь к богам, к затуманенным звездам, воскликнул:
«Нет, не роскошных гробниц и не клубов густых фимиама
730 Требуешь твой, о Фортуна, Помпей. Не просит, чтоб с тела
К звездам насыщенный дым возносил ароматы Востока,
Чтоб его нес на плечах, как родителя, Рим ему верный
И пред процессией шла триумфов былых вереница,
Чтобы печальная песнь оглашала форум, а войско,
735 Копья к земле опутив, погребальный костер окружало, —
Дай ты дешевый гроб, чтоб зарыть по-плебейски Помпея,
Пусть обезглавленный прах в сухое повергнется пламя!
Бедному дров ниспошли, сожигателя жалкого дай ты!
Хватит вам, боги, того, что Корнелия биться не будет,
740 Скорбно власы распустив, не потребует, мужа обнявши,
Чтоб поджигали дрова; ведь нет у костра рокового
Этой несчастной жены, хоть она — от берега близко!».
- Так он сказал; и видит вдали убогое пламя:
Там, не хранимо никем, сгорало незнатное тело.
745 Взял он оттуда огня и, остатки дров выгребая,
Проговорил мертвецу: «Кто бы ни был ты, брошенный другом,
Все же твоя беспризорная тень счастливей Помпея;
Ты мне прости, что пришельца рука твой костер разоряет:
Если по смерти еще остаются какие-то чувства,
750 Сам ты уступишь костер, похорон осквернение допустишь, —
Стыдно тебе догорать, если маны Помпея блуждают!».
- Эти сказавши слова, углей он в полу набирает,
К телу обратно бежит; оно, чуть не сгнув в прибое,
Брега касалось едва. Песок он разгреб неглубоко
755 И, подобравши вдали обломки разбитого судна,
Их положил в эту яму, дрожа. Благородного тела

- Не придавили дрова, не лежит на поленнице мертвый, —
Не из-под низа — с боков пожирает Великого пламя.
Сидя подле огня, сказал он: «О, вождь величайший,
760 Ты, в ком величие всё гесперийского имени слито!
Если приятней тебе без сожжения в море скитанье,
Нежели жалкий костер, — пусть дух твой могучий и маны
Пренебрегут обрядом моим; беззаконие судеб
Мне разрешило его; да не тронут ни чудища моря
765 Праха, ни птица, ни зверь, ни свирепого Цезаря злоба:
Сложенный римской рукой, этот малый костер благосклонно,
Если ты можешь, прими! И если в Гесперию снова
Даст нам вернуться судьба, не будет твой пепел священный
В этом песке почивать: Корнелия, помни, Великий,
770 Примет твой прах и моею рукой соберет его в урну.
А в ожиданьи того невеликим я камнем отмечу
Место, где был твой костер; и если случайно кто-либо
Жертву захочет почтить и воздать ей полную почесть, —
Пепел он тела найдет и в песках то место узнает,
775 Где положить Помпея главу». С такими словами
Начал в загложший огонь он подкладывать топливо снова.
Вспыхнул костер, и Помпей стал медленно в пламени таять,
Тленьем питая огонь. Но скоро звезды погасли
В свете грядущей зари; и чин погребенья нарушив,
780 Ищет испуганный Корд убежища вдоль побережья.
Кары какой ты боишься, глупец, за свое преступленье?
Той ли, что имя твое молва прославит в столетьях?
Даже чудовищный тесть похвалит за то, что ты предал
Кости Помпея земле! Иди, не страшась наказания,
785 Требуя главу, погребенье открыв!.. Но ему благочестье
Долг свой закончить велит: еще не истлевшие части
Полусожженных костей — и в жилах, и полные мозга —
Тушит морскою водой и затем, воедино собравши,
Их засыпает землей; а чтобы, раскрывши их, ветер
790 Праха развеять не мог, навалил на могилу он камень;
Чтобы моряк не сдвинул его, свой канат привязавши,

- Имя святое на нем написал он обугленной веткой:
«Здесь почует Помпей». И это — Великого гробом
Хочешь, Фортуна, ты звать? Этот камень тестю приятней,
795 Чем безмогильная смерть! Зачем безрассудной рукою
Скрыл ты Великого в холм и запер скитальческих манов?
Всюду почует ведь он — до последних пределов вселенной,
Где Океан распростерт: весь народ, все государство —
Вот для Великого холм. Засыпьте скорее тот камень,
800 Знак преступленья богов: если холм Геркулеса — вся Эта,
Если Нисейский хребет — владение Бромия, — что же
Камень в Египте один — гробница Помпея? Он всей бы
Областью Лага владел, когда бы нигде на надгробьи
Имени не было! Все б из Египта мы, люди, бежали,
805 Прах твой боясь растоптать на прибрежиях Нила, Великий!
Если ж достойна скала носить священное имя, —
Список деяний прибавь, величайших подвигов память:
Лепида дикий мятеж и альпийские битвы прибавь ты,
Также Сертория полк при отозванном консуле смятый,
810 Всадника ранний триумф; безопасность торговли народов,
Страх киликійцев в морях; ряд варварских стран покоренных
И кочевых племен, и царств, лежащих под Эвром
И под Бореєм. К тому припиши, что в доспехах всегда он
Тоги гражданской просил, что, проехавши в трех колесницах,
815 Был он доволен, хотя дал отчизне сотни триумфов.
Столько вместит ли курган? Возвышается памятник жалкий,
Титулов всяких лишен и записей хроники римской.
Имя, которое Рим обычно на храмах высоких
Или над аркой читал, из доспехов врага возведенной, —
820 Имя Помпея теперь к песчаному дну опустилось,
К низким камням, где его, лишь согнувшись, увидит прохожий,
Где, коль не скажут, пройдет без внимания странник из Рима.
О роковая земля для распри гражданской — Египет!
Нет, запреждали не зря пророчицы кумской вещанья
825 Всем гесперийским бойцам пелусийского устья касаться,
Нильской воды и ее берегов, затопляемых летом!

- Злая земля, где проклятий сыскать за твои преступления?
Воды пусть Нил отвратит и задержится там, где родился,
Поле бесплодное пусть о зимних дождях затоскует,
830 Пусть тебя всю занесет песок Эфиопии зыбкий.
В римские храмы теперь мы твою допустили Изиду,
Полубожественных псов и систра печальные звуки,
Также Озириса, в ком ты, плача, смертного видишь:
Наших манов теперь ты держишь во прахе, Египет!
- 835 Также и ты, о Рим, хоть лютому ныне тиранну
Храмы воздвиг, — ты еще не искал Помпеева пепла:
Славная тень в изгнании досель! Если в первые годы
Ты опасался угроз победителя, — ныне хоть вырой
Кости вождя своего, коль еще не размыты волною,
840 Спят в ненавистой земле. Кто станет бояться могилы?
Кто устрашится нести алтарей достойную урну?
Пусть же поручит мне Рим преступление это, прикажет
Руки ему посвятить: я был бы безмерным счастливецом,
Если бы мне довелось переправить в Авзонию манов,
845 Их потревожив, — и тем уничтожить такую гробницу.
Может быть, в день, когда Рим попросит конца у всевышних
Или бесплодью полей, или гибель несущему Австру,
Солнца чрезмерным лучам, разрушительным землетрясениям, —
По повеленью богов, по их совету, Великий,
850 В Рим ты войдешь с верховным жрецом, несущим твой пепел.
Ибо, кто ни придет в палимую Раком Сиену,
В Фивы, сухие всегда под созвездьем Плеяд дожденосным,
Чтобы на Нил посмотреть; кто ни вспенит Красное море,
Ни посетит, меняя товар, аравийскую гавань, —
855 Каждый из них завернет к досточтимому камню могилы,
К пеплу, который давно, быть может, с песками глухими
Смешан. И кто, забывая про храм, где Юпитер Касийский,
Манов твоих не почитит? Твоей славы не может уменьшить
Этот ничтожный курган; погребенная в храмах и злате
860 Ниже была б твоя тень: Фортуна, что здесь опочила,
Высшим равна божествам; наконец: этот камень, омытый

Морем ливийским, святей алтарей победителя пышных.
Те, кто Тарпейским богам не желали воскуривать ладан,
Часто ведь молнию чтут, сокрытую в дерне этрусском.

865 Некогда будет на пользу тебе, что мрамора глыба
Не подняла над тобой для веков свою грузную тяжесть.
Пепла ничтожную горсть развеет недолгая древность,
Сгладятся камень и холм и все доказательства сгинут
Смерти, Великий, твоей. Настанет счастливое время,
870 И не поверит никто тому, кто покажет сей камень:
При поколениях иных сочтет, быть может, Египта
Сказкой — Великого гроб, как холм Громовержца на Крите!

КНИГА ДЕВЯТАЯ

- Но не осталася тень погребенной во прахе фаросском,
Пепла ничтожная горсть не связала Великого манов:
Свой недостойный костер, несожженное тело покинув,
Дух из могилы встает и ко сводам летит Громовержца.
- 5 Там, где темный эфир с звездоносным небом граничит,
В области между землей и дорогой луны обитают
Маны полубогов, которым доблести пламень
Дал беспорочную жизнь, приспособил их к сферам эфира
Нижним и души затем собрал в этих вечных пределах.
- 10 Не с фимиамом густым, не в гробнице златой погребенных
Тени приходят туда... Исполнившись истинным светом,
Звездам дивясь кочевым и светилам, прикованным к небу,
Он увидал, в каком мраке ночном наш день пребывает,
И усмехнулся, узрев надруганье над телом безглавым.
- 15 Он над полями летит Эмафии, видит знамена
Цезаря в жаркой крови и флот, рассеянный в море;
И наполняет собой, как мститель за все злодеянья,
Брута священную грудь и дух непреклонный Катона.
- Этот, пока колебалась судьба и было неясно,
- 20 Кто из гражданской войны всемирным властителем выйдет,
Хоть за Помпеем и шел, но также его ненавидел:
Родины участь влекла и ведущая воля Сената.
Но фессалийский разгром склонил его сердце к Помпею,
Родину он поддержал, лишенную ныне защиты,

- 25 Мощью опять оживил размягшие мышцы народа,
Выпавший меч возвратил он руке, обессиленной страхом;
Но не за властью гонясь, он вел гражданскую распрю,
И не пред рабством дрожа: ничего для себя не искал он
В этих боях; с той поры, как умер Помпей, — его целью
80 Только свобода была. Чтобы Цезарь приверженцев воли
Не поспешил захватить — рассеянных всюду победой, —
Он на Коркиру спешит и на сотнях судов за собою
В тайный уводит приют эмафийского боя остатки.
Кто бы сказал, что на стольких судах разбитое войско
35 Мчится, и тесно в морях от уже побежденного флота
Там — на Киферу плывет: Борей корабли подгоняет —
И убегает на Крит; прибой разрезая, проходит
Берег Диктейский. Фикунт закрыть осмелился гавань, —
40 Он разрушает его, по заслугам предав разграбленью;
С ветром попутным затем чрез открытое море стремится
К землям твоим, Палинур (ведь не только в море
Авзонском
Памятник есть у тебя; но и Ливии тихие бухты
Нам говорят, что тебе она нравилась, кормчий фригийский).
45 Тут показались вдали корабли, летевшие с моря,
И породили в сердцах колебанья — союзник ли в бедах
Иль неприятель плывет? Победитель стремительный всюду
Страх порождает и всем в ладье мерещится каждой.
Но принесли те суда одну лишь печаль да рыдания, —
50 Скорбь, что исторгла слезу у сурового даже Катона.
После того как вотще Корнелия долго молила
Пасынка, всех моряков отсрочить бегство, надеясь,
Что обезглавленный труп принесут ей фаросские волны
От берегов, — увидала она обрядное пламя
55 И закричала: «Так что ж, недостойна была я, Фортуна,
Мужа костер поджечь и пасть на холодное тело,
Волосы рвать на себе, опалить их огнем погребальным,
На море вместе сложить разъятые члены Помпея,
Все его раны омыть потоками слез неутешных?

- 60 Кости и стынущий прах недостойна в одежду собрать я,
Чтобы сложить во храме богов все то, что возможно
Взять на заглохшем костре? Без всяких почестей, вижу,
Смертный пылает огонь: быть может, житель Египта
Этот свершает обряд, обидный для манов. Блажен ты,
65 Крассов неприбранный прах! Вы ж Помпею костром доказали
Большую зависть теперь, всевышние! Вечно ли буду
Участь одну эту злую терпеть? Никогда ль не отдам я
Долг мой законным мужьям, не заплачу над полною урной?
Впрочем, могила нужна ль, каких украшений ты ищешь,
70 Скорбь моя? В сердце своем, нечестивица, разве не носишь
Облик Помпея? В душе разве образ его не остался?
Пепел пусть ищет вдова, которая жить еще хочет!
Ныне мне только огонь, мерцающий светом злоеющим
Там вдалеке, к небесам подымаясь с фаросского берега,
75 Знак подает о тебе, Великий! . . Но гаснет и пламя;
Дым, уносящий тебя, исчезает в сиянии восхода,
Ветер мои паруса, ненавистный, уже надувает.
Верьте словам, не хочу покидать я Пелусия берег!
Мне не милее теперь ни край, что своим пораженьем
80 Мужу триумфы давал, ни та колесница, что мужа
На Капитолий везла: счастливый — из сердца исчез он;
Дорог он мне, каким Нил его взял, и скорблю, расставаясь
С этой преступной страной: те пески злодеяньем мне милы!
Ты же, о Секст, испытай и жребий войны, и по миру
85 Знамя отцовское мчи: такое вам всем завещанье
Дал напоследок Помпей, моему попечению вверив:
„Ежели час роковой, сыновья, обречет меня смерти,
Вы продолжайте войну гражданскую, чтобы вовеки,
Коль еще жив на земле потомок нашего рода,
90 Властвовать Цезарь не смел. Могучие крепкой свободой,
Вы города и царей поднимайте именем нашим:
Эту обязанность вам и оружие я оставляю.
Каждый Помпей найдет себе флот, если пустится в море.
В мире ведь племени нет, которое в бой не пошло бы

- 95 Вслед за потомком моим: храните же дух непокорный,
Помните право отца. Одного только слушаться можно,
Если он будет стоять за свободу, — только Катона.
Верность свою доказав, твой наказ соблюла я, Великий!
Хитрость твоя удалась, и, обманута ею, — жива я,
- 100 Чтoб вероломно не взять в могилу твоё завещанье.
Я через хаос пустой и Тартар, коль есть они, буду,
Муж мой, тебя провожать; неведомо, долго ли надо
Смертного ждать мне конца; но раньше живучую душу
Я и сама накажу. Твою гибель увидев, Великий,
- 105 Смерти она не станет искать: умрет от ударов
В грудь, изольется в слезах! Никогда не прибегну к мечу я,
К петле или прыжку в пустоту зияющей бездны:
Стыдно, тебя потеряв, лишь от скорби одной не погибнуть!».
Так восклицая, главу покрыла плащом погребальным
- 110 И в корабельный покой удалилась от света дневного.
Всю свою лютую скорбь затаивши в сердце стесненном,
Льет она слезы ручьем, вместо мужа печаль о нем любит.
Не испугал ее вал, — ни Эвр, в снастях зашумевший,
Ни зазвучавшие в час величайшей опасности крики:
- 115 Но, вознося иные мольбы, чем в тревоге матросы,
К смерти готовясь, лежит, улыбается буре навстречу.
Первой корабль приняла пучина вспененная Кипра.
В море господствовал Эвр, но, дужа спокойней, примчал их
Дальше к ливийским берегам, где раскинулся лагерь Катона.
- 120 Скорбный и в сердце своем исполненный мрачных предчувствий,
С берега Гней, увидав отцовскую свиту и брата,
Бросился в море стремглав, поскорее их встретить желая.
«Брат мой, скажи, где отец: цела ли глава и вершина
Мира, иль всем нам конец? К теням не увлек ли Великий
125 Рим за собой?». Он это спросил; а брат отвечает:
«Счастливы ты, ибо судьба тебя бросила в страны иные,
Ты о злодействе рассказ только слышишь; мои же виновны
Очи, — я видел отца. Не под цезарским пал он оружием
И не от честной руки, достойной такого убийства,

- 130 Но от злодея-царя, властителя Нильской долины,
Гостеприимным богам доверясь, а также подаркам,
Сделанным предкам его, — пал жертвой им данного царства!
Видел убийц я, терзавших его благородное тело;
Но не считал, что фаросский тиранн на это способен,
135 Думал, что Цезарь уже пришел на побережья Нила.
Но ни текущая кровь, ни раны родителя-старца
Не потрясли меня так, как вождя голова, ибо сам я
Видел на пике ее, а затем ее всюду носили
По городам; говорят, для врага ее сберегают:
140 Хочет злодейством тиранн снискать победителя милость.
Тело его фаросские псы или хищные птицы
Съели, иль сжег, может быть, запаленный украдкою пламень, —
Это не ведомо мне. Но какую бы рока обиду
Не потерпел его труп, — этот грех я всевышним прощаю:
145 За сбереженную часть — обвиняю!». Услышавши это,
Скорбь изливает свою не в слезах и не в столах Великий,
Он восклицает, горя справедливым гневом сыновним:
«С суши столкните скорей, моряки, суда боевые!
С ветром противным борясь, пусть флот на веслах несется!
150 Мчитесь за мною, вожди! Никогда ведь в распре гражданской
Не было дела важней, — схоронить незасыпанных манов,
Женственной кровью царя насытить Великого призрак!
Или пеллейских твердынь, иль из склепа прах Александра
Я не сумею спустить в недвижную Мареотиду?
155 Или Амазиса я из недр пирамиды не вырву,
Чтобы с толпою царей он плыл по Нильской пучине?
Всем я гробам отомщу за твой прах неприкрытый, Великий!
Я извлеку из гробниц богиню народов — Изиду
И размечу над толпой Озириса, сбросив полотно!
160 Аписа я заколю святого на пепле Помпея
И на костре из богов сожгу его голову! Также
Весь этот край накажу: разгоню на полях земледельцев;
Всех перебью, для кого разливается Нил: лишь отец мой
Будет Египтом владеть по изгнании богов и народа!».

- 165 Молвил и в гнев свой флот он хочет по морю двинуть,
Но укрощает Катон похвальную юноши ярость.
Слух между тем пролетел о смерти Помпея по берегу,
Воздух везде всколыхнув рыданием громким и плачем.
Скорби являя пример, какой не знавали столетья
- 170 И не видала Земля, когда великого мужа
Целый оплакал народ; но едва, от слез истомившись,
Спрятав лицо в волосах, Корнелия с борта спустилась, —
Вдвое усилился плач и жестокое груди биенье.
Тотчас, как только сошла на берег страны дружелюбной
- 175 Платье она собрала и доспехи несчастного мужа,
Знаки отличья его и тканые златом одежды,
Те, что когда-то носил, — триумфальные тоги цветные —
Трижды Юпитер их зрел! — и сложила в костер погребальный.
Пепел Помпея они заменили несчастной. И этот
- 180 Благодетельный пример костры разжигает повсюду,
Манов Фессалии всей погребальным огням предавая.
Так, когда травы скормив, апулиец их вырастить хочет
И обновить на лугах засохшие зимние стебли, —
Землю он греет огнем, и горят одинаковым светом
- 185 Волтура склоны, Гарган и пастбища знойной Матины.
Только отрадней всего услышать Помпеевой тени
Не поношенья толпы, что возводит она на всевышних,
Смертью его попрекая богов, но слово Катона —
Краткое, полное чувств и правдивым рожденное сердцем:
- 190 «Умер у нас гражданин, который был, правда, неравен
Предкам в блюдении прав, но все же полезный в том веке,
Что совершенно забыл уважение к праву; могучим
Был он, свободу храня; хоть народ к нему в рабство склонялся,
Частным остался лицом, и хоть взял руководство Сенатом, —
- 195 Тот неизменно царил. Он правом войны не пленялся:
В том, что он в дар получал, отказать ему было возможно.
Был беспредельно богат, но больше внес государству,
Чем удержал; он меч поднимал, но умел его прятать.
Тогу сменил на доспех, но мир он любил и в доспехах.

- 200 Рад был он власти вождя, но был рад эту власть и сложить он.
Дом его строг, в нем роскоши нет, и богатства хозяин
Не расточал никогда; его знатное имя почтено
Между племен, помогло прославлению Рима немало.
Мария, Суллы приход загубил когда-то свободы
- 205 Истинный облик; теперь, со смертью Помпея, исчезнет
Даже и призрак ее: уж царская власть не зазорна, —
И потеряет Сенат даже всякую видимость власти.
Счастье, что гибели день не замедлил притти за разгромом,
Что долгожданный клинок принесло злодеянье фаросцев:
- 210 Может быть, мог бы ты жить под царской державою тестя!
Лучший удел — избрать себе смерть, а второй — быть убитым.
Если нам жить суждено под законом чужим, о Фортуна,
Пусть Птолемеем моим станет Юба; пусть буду я предан
Цезарю, лишь бы ему он предал меня, обезглавив!».
- 215 Речь эта больше дала, чем если бы римские ростры
Славу гремели вождю, и до тени его благородной
Смертная почесть дошла. А лагерь кипит возмущеньем:
Стала, лишь умер Помпей, война отвратительна людям.
Таркондимот тут подал сигнал покинуть Катона.
- 220 Флот захватив, готов он бежать, но Катон до побережья
Следом идет и к нему обращается с гневною речью:
«О киликиец, всегда непокорный! Неужто ты снова
Грابتь идешь на морях? Отняла Помпея Фортуна:
Тотчас же стал ты пиратом опять!». И тут оглядел он
- 225 Толпы мятежных бойцов; один из них, всею душою
К бегству открыто стремясь, предводителю так возражает:
«Ты нас прости, Катон, но в Помпеево войско влекла нас
Вовсе не страсть к гражданской войне: любя полководца,
Мы помогали ему. Пал тот, кому мир предпочли мы, —
- 230 Нет и предлога к войне. Дозволь возвратиться к пенатам
И к опустелым домам, и к нашим возлюбленным детям.
Где же конец войны, если он — не Фарсальская битва
И не Великого смерть? Нашу жизнь мы уже загубили,
Дай нам в тиши умереть; гускай озаботится старость

- 235 Хоть о пристойном костре: гражданская распря гробницы
Даже вождям не дает! Но ведь нам не придется, разбитым,
Варваров царство терпеть; ни армянским, ни скифским нам игом
Не угрожает судьба: я иду под власть гражданина
В тоге. И тот, кто вторым при жизни Помпея считался, —
- 240 Станет мне первым теперь: священной тени воздам я
Высший почет; победителю я подчинюсь, как владыке,
Но никакого вождя, за тобою шедши, Великий,
Не выберу, а пойду за судьбой; не смею, не должен
Лучшей я участи ждать! Владеет Цезаря счастье
- 245 Всем; и победа его эмафийских бойцов разметала.
Жалким убежища нет; он — единственный в мире, который
Может и хочет теперь подарить побежденным спасенье.
Междоусобная брань — наш долг при жизни Помпея —
Стала со смертью его — преступлением. Если законы,
- 250 Если ты родину чтить, Катон, — сойдемся к знаменам
Римского консула!». Так воскликнув, взбежал на корабль он
И устремились за ним его люди нестройной толпою.
- Рима свершилась судьба, и народ, возжаждавший рабства,
На побережье морском кишит и волнуется бурно.
- 255 Рвутся такие слова из священной груди полководца:
«Значит, с желаньем таким и вы воевали, солдаты,
Бились вы лишь за господ: вы были войсками Помпея,
А не боролись за Рим? Раз не служишь ты больше тиранну,
Раз ты живешь для себя, а не ради вождей умираешь,
- 260 Раз для себя, не для них, ты мир завоевывать можешь,
Что ж, покидая борьбу, под ярмо подставляешь ты шею
И без царя не можешь прожить? Достойная мужа
Ныне опасность грозит: вашу кровь мог тратить Великий,
Вы же отчизне теперь ни рук, ни мечей не даете,
- 265 Хоть уж свобода близка? Из трех владык одного лишь
Вам сохранила судьба. Стыдитесь! Нильское царство,
Луки парфянских стрелков для республики сделали больше!
Что же! Бегите, глупцы, презрев Птолемея подарок,
Вместе с оружием своим! Кто сочтет вашу руку повинной

- 270 В пролитой вами крови? Сочтет беглецами вас Цезарь,
Вмиг показавшими тыл в бою у Филипп эмафийских.
Что же, ступайте смелей! И, коль Цезарь судья, вы достойны
Жизни: ведь вас ни война, ни осада к тому не склонила.
Сброд недостойных рабов! Потеряв своего господина,
275 Вы перейдете теперь к наследнику. Но почему же
Большого вам не снискать, чем жизнь и прощенье? Умчите
В море Помпея жену, несчастную дочь Метелла!
С нею — и двух сыновей! Превзойдите в дарах Птолемея!
Голову также мою ненавистному бросьте тиранну, —
280 Цену хорошую даст: пусть узнают войска по оплате,
Что не напрасно они под мои стекались знамена!
Ну, убивайте скорей и награду себе обеспечьте!
К бегству способен и трус!». Сказал — и сейчас же обратно
К берегу вновь корабли из открытого моря вернулись:
285 Так покидает рой пчел уже истощенные ульи,
Соты свои позабыв, не сплетает он тучею крыльев, —
Каждая порознь летит и, лентясь, не хочет сосать уж
Горький тимьян; но только в кимвал фригийский ударить, —
Бегство забудут они, оглушенные, труд начинают
290 На цветоносных полях и жаждут разлитого меда:
И на гиблейской траве пастух беззаботный ликует,
Что сохранил шалаша богатство. Так голос Катона
В душах бойцов пробудил готовность к войне справедливой.
Тотчас решил он занять заботой военного дела,
295 Тех людей боевых, что не знают покоя.
Прежде всего утомил он солдат на песках побережья:
Длилась упорно борьба под стенами близкой Карены,
Не отворившей ворот; но не знал он отмщенья и гнева, —
И наказание одно побежденным — победа Катона.
300 После решил он итти во владенья ливийские Юбы,
Смежные с мавров землей; но природа путь преграждала
Сиртами: их победить надеялась дерзкая доблесть.
В дни, когда миру дала обличье природа впервые,
Сирты забыла она в колебаньи меж сушей и морем

305 (Ибо не столь глубоко здесь дно опустилось, чтоб воды
Моря принять, но от них и спасти себя суша не может:
Непроходимы они, подчиняясь двойному закону:
Мелью закрытая глубь, земля, размытая морем,
Где, разбиваясь, валы на многих шумят побережьях.
310 Бросила, видно, тот край, никакого не дав назначения,
В злобе природа своей); иль, может быть, были когда-то
Сирты глубокой водой и пучиной большой разливались,
Но ненасытный Титан, питавший лучи свои морем,
Выпил обширный залив, лежавший близ области знойной;
315 И до сих пор океан с иссушающим Фебом воюет.
Скоро погибели век лучи роковые приблизят,
Сирты станут землей; давно уже поверху плещет
Мелкая зыбь, иссякает вокруг залив обреченный.

Только лишь, вспенив валы, на веслах в открытое море
320 Вышел тяжелый флот, — налетел с проливными дождями
Нот, в своем царстве ярясь; и бурею путь заградил он
Рвущимся в море судам, погнав от Сиртов далеко
Волны, — и новую мель нанес, разбивая пучину.
Он подхватил паруса, их встретив на поднятых мачтах,
325 Вырвал из рук моряков, пытавшихся тщетно канатом
Холст их у Австра отнять, и за борт корабля унеся их,
В клуб раздутый собрал перед носом. Вмиг победил он
Предосторожность того, кто ветрила на рее высокой
Тщетно хотел закрепить, — и с нагими отбросил снастями.
330 Лучше тому кораблю, что, войдя в глубокие воды,
В подлинном море кружит. Одни из них, мачты срубивши,
Тем из-под ветра уйдя, избежали гнетущих порывов:
Их увлекает вперед течение, противное ветру,
И победительный вал толкает их Австру навстречу.
335 Мель обманула других, внезапно раздвинув пучину;
Бьются об землю суда, двойная опасность грозит им:
Нос корабля — на песке, корма же повисла в прибое.
Море дробится о мель, а земля, навстречу возникнув,
В гнев лютует сама: и хоть Австр валы подгоняет,

- 340 Часто бессильны они победить песчаные горы, —
И на поверхности вод, вдали от какой-либо суши,
Неуязвима для волн, вырастает насыпь сухая.
Скован несчастный пловец, — хоть корабль и недвижим на суше,
Брега не видно кругом. Так часть их уловлена морем;
- 345 Большая часть кораблей, покорна руке и кормилу,
Бегством спаслась, ибо их моряки все выходы знали
И невредимо пришли к стоячим водам Тритона.
Берег тот мил, говорят, и богу, который все море
Гулко раковиной оглашает, наполненной ветром.
- 350 Да и Палладе он мил; из главы родителя выйдя,
Ливию прежде всех стран посетила она (и по зною
Видно, что та к небесам всех ближе): спокойные воды
Лик отразили ее, — стопы опустила на берег
И от возлюбленных волн тогда назвалась Тритонидой.
- 355 Там недалеко течет и Летона поток молчаливый,
Как говорят, забвенье неся подземному миру;
Там же некогда цвел, неусыпно хранимый драконом,
Сад Гесперид, что теперь разграблен и беден листвою.
О, как завистлив тот, кто века лишает их славы,
- 360 К правде поэтов зовет! Была золотой эта чаша,
Ветви там в желтых плодах под сокровищем дивным сгибались,
Девичий хор там звучал, — хранитель рощи блестящей,
Змей, осужденный глаза не смыкать в бессоннице вечной,
Там деревья обвивал, отягченные желтым металлом.
- 365 Клад сей с деревьев сорвал, от бремени их избавляя,
Древле Алкид и, ветви тогда оставив без ноши,
Их золотые плоды тиранну в Аргос отнес он.
Флот, далеко от тех мест отброшенный волнами Сиртов,
Сил не имел переплыть Гарамантский залив и остался
- 370 Вместе с Помпеем-вождем близ лучшего Ливии края.
Доблестный духом Катон, не терпя невольного плена,
Войско дерзнул повести по стране племен незнакомых,
Веря в оружие свое, — обойти по берегу Сирты.
Так и зима подсказала тогда, закрыв ему море,

- 375 И ожиданье дождей подбодряло боявшихся зноя;
Чтоб не томил их путь ни жарою, ни холодом лютым,
Эту смягчали пору и зима, и Ливии небо.
- Спутникам так он сказал в преддверьи бесплодной пустыни:
«Други походов моих, что избрали одно лишь спасенье —
380 С непокоренной душой умереть! Собирайте все силы —
Подвиг великий свершить и вынести тяжкие муки.
Ныне в пески мы идем, в сожженные области мира,
Где пламенеет Титан, где редки источников струи,
Где в иссушенных полях кишат смертоносные гады:
- 385 Труден наш путь любви к закону и родине павшей!
Пусть в бездорожье пойдет, пусть в ливийские двинется дебри
Тот, кто в горячих мольбах не мечтает куда-нибудь выйти,
Тот, кто готов лишь итти; никого не хочу обмануть я
И увлекать за собою войска, свой страх прикрывая:
- 390 Будь же мне спутником тот, кого возбуждает опасность,
Тот, кто считает со мной, что для римлян лучшее дело —
Злейшие беды сносить; если ж воин поруки в спасенье
Хочет и тянется он душою к радостям жизни, —
Пусть себе ищет вождя для лучшей дороги! Я первый
- 395 В эти пески углублюсь, я первый поставлю в них ногу:
Пусть небеса меня зноем палят, пусть полная ядом
Жалит змея; на судьбине моей испытайте опасность,
Что угрожает и вам; да возжаждет тот, кто увидит
Пьющим меня; пусть томится жарой, коль в дубраве ищу я
- 400 Тени; пускай упадет, меня на коне увидавши
Перед пехотой, — иль вдруг различие в чем-то заметив
Между вождем и бойцом. И песок, и жажда, и змеи —
Радость для сильных душой: в испытаньях терпенье ликует!
Тем добродетель милей, чем дороже тебе она стоит.
- 405 Ливия может одна бесчисленным множеством бедствий
Бегство мужей оправдать». Так робкие души зажег он
Доблестью, в них пробудив охоту к суровым лишениям,
И в безвозвратный путь чрез рубеж пустыни пустился;
Славное имя спеша запереть в ничтожной гробнице,

- 410 Ливия в плен забрала не знавшего страха Катона.
Ежели верить молве, то является Ливия третьей
Частью земли; но если судить по ветрам и по небу,
Это — Европы лишь часть, ибо Нил не ближе, чем скифский
Брег Танаиса, лежит от крайнего города — Гадов,
415 Там, где от Ливии край Европы бежит и в изгибе
Морю место дает: гораздо большие земли
В Азии только одной. В то время как первые вместе
Нам источают Зефир, — Борей ее слева объемлет.
Справа же Нот, а она, без конца на восток простираясь,
420 Эвром владеет одна. Плодородные в Ливии земли
Заняли западный берег, но и там источников нету.
С севера лишь Аквилон ей изредка дождь нагоняет, —
Ясностью наших небес освежает себе она пашни.
Не развращают ее сокровища; злата и меди
425 Не выплавляют; земля не таит в себе слитков преступных.
Девственны недра ее. Одно лишь богатство у мавров —
Цитров стволы, от которых они даже пользы не знали:
Жили под зеленью их, довольствуясь тенью одною.
Наши пришли топоры в незнакомые эти дубравы:
430 Мы ведь столы для пиров искали на грани вселенной!
Край тот, который замкнул побережье зыбкое Сиртов,
Зноем чрезмерным объят, к раскаленному близок эфиру,
Нивы сжигает свои и лозы песками заносит.
Рыхлая эта земля не скрепляется даже корнями.
435 Климат губителен там; Юпитер без всякой заботы
Эту забросил страну; цепенеет там сонно природа
И в неразрытых песках не чувствует времени года.
Все же ленивый тот край рождает скудные травы:
Дикие их племена назамонов собирают, живущих
440 На побережье морском; тех голых варваров Сирты
Кормят добычею волн; грабитель песчаного берега
Близко с богатством знаком, хоть в гавань к нему не причалит
Там ни единый корабль; так с миром торговые связи
Держит крушением судов назамон. Сюда-то Катона

- 445 Твердая доблесть влечет. Войска, не подумав о ветре,
Бурь никаких не боясь, — на суше опасностям моря
Стали подвержены там: ибо Австр на сухом побережье
Сиртов бушует сильнее, чем в море; вредит еще больше
Он на земле. Дуновенью его не препятствуют горы.
- 460 В Ливии также нет скал, отражающих ветра порывы;
Ей не рассеять смерчей, ибо твердь не насыщена влагой;
Австр не в дубравах шумит, не слабеет, дубы вековые
Долу клоня: открыта земля и, свободный в полете,
Ярость Эоловых бурь он везде на пески изливает.
- 455 Кружит он прах и в извивах своих облаков дожденосных
Перед собой не стремится, — но землю столбом поднимает,
И повисает она, песчаной вершины не руша.
Царство свое назамон по ветру кочующим видит,
Видит обломки лачуг; с раскрытою кровлею, скудный
- 460 Дом гарамантов летит. Не выше взмывает и пламя
В небо добычу свою; насколько дым достигает,
День омрачая собой, — настолько и тучи из пыли.
Буря сильнее, чем всегда, напала на римское войско,
И уж никто из бойцов противиться был ей не в силах,
- 465 Ибо она из-под ног песок вырывала зыбучий.
Землю б она потрясла, весь мир она сдвинула б с места,
Если бы плотной стеной иль утесов тяжестью грузной
Ливия Австр заперла в изъеденных гrotами скалах;
Здесь же, поскольку легко в подвижных песках ей крутиться.
- 470 Стойко бушует она, не встречая препятствий, и недра
Твердо стоят, коль поверхность зыбка... И копья, и шлемы
Грозный порыв подхватил и, щиты у бойцов вырывая,
Все это в воздух умчал, стремясь по небесным просторам.
Может быть, в землях иных, от этой страны отдаленных,
- 475 Чудом явились они: оружие, падая с неба,
Страхом смутило народ, — из рук человеческих выйдя,
Стало казаться оно подарком всевышних. Не так ли
Пали пред Нумой щиты, что патриции носят на шее, —
В час приношений его: ограбил, должно быть, народы

480 Или Борей, или Австр, примчавший нам эти доспехи.

Нот потрясал весь мир, и римляне наземь упали:

В буре умчаться боясь, они завязали одежду,
Руки зарыли в песок; держась не тяжестью только,
Но и усилием тел, едва противились Австру, —

485 Он же на них наметал песка громадные кучи
И засыпал их землей. С трудом поднимали солдаты
Руки и ноги свои, занесенные горами пыли.

Тот, кто стоял на ногах, был валом высоким окован
И шевельнуться не мог в плену у растущего праха.

490 Ветер камня несет, вырывая из стен потрясенных,
И порождает вдали изумленье пред грозной судьбою:
Тот, кто вокруг не видел домов, — развалины видит.
Нет уж дорог никаких, и нет примет путеводных.
Но по земле, как в морях, ведет лишь небесное пламя.

495 Путь узнавали они по звездам: но в пустыне Ливийской
Круг горизонта не все являет светила на небе:
Много скрывается их под уклоном края вселенной.

Лишь загорелась заря и жара избавила воздух
От бушеванья ветров, как потом покрылось все тело;

500 Жаждой пылают уста. Вдали увидели влагу —
Лужу от скудных ключей; едва зачерпнул эту воду
Воин из лужи в свой шлем и подал его полководцу.
Горло у всех уж давно пересохло от пыли: завидно
Было им видеть вождя, глоток получившего влаги.

505 Но закричал он: «За что ты считаешь, солдат малодушный,
В этих войсках одного лишь меня недоступным геройству?
Разве кажусь я тебе совершенно уже неспособным
Первый же зной перенести? Ты достойнее сам этой кары —
Пить, когда жаждет народ!». И тут же, охваченный гневом,
510 Вылил он воду в песок, — и всех напоила та лужа!

К храму затем подошли гарамантов диких, который
В Ливии — только один; говорят, прорицатель-Юпитер
Есть там, но он не похож на нашего, молний не мечет, —
Это утрюмый Аммон с завитыми круто рогами.

515 **Пышных там храмов ему не воздвигло ливийское племя,
И не блистают они дорогими камнями Востока.
Хоть у счастливых племен Аравии — у эфиопов
И у индийцев — один Юпитер-Аммон обитает,
Все-таки бедный он бог: никто богатством от века**
520 **Капища не осквернял; простота первобытная бога
Храм защитила его от золота римского прочно.
Лес зеленеющий там доказывал близость всевышних, —
В Ливии был он один; ибо листьев вовсе не знает
Область песков, отделяющих Лепт прохладный от знойной**
525 **Береникиды: Аммон один себе рощу присвоил.
Лесу причиной — ручей, связавший рыхлую землю
И покоривший пески, укрепив их струею своею.
Впрочем, в полуденный час ничто не противится Фебу,
Ибо листвою едва свой ствол защищают деревья:**
530 **Так сокращается тень под отвесными солнца лучами.**

**Знают, что именно здесь при верхнем солнцестоянии
Феб поражает с небес середину звездного круга.
Ты же, ливийским огнем от нас удаленное племя,
К Ноту кидаешь ту тень, что к Медведице мы направляем**
535 **Тихая всходит у вас Киносура; сухая Повозка
В море заходит, и нет на своде горнем созвездья,
Что не касалось бы волн; оба полюса равно далеки,
И посредине небес бегут зодиака созвездья,
Не по наклону идя: Тельца не прямее восходит**
540 **Там Скорпион, и Весам не уступит времени Овен,
Медленней с неба сходить не прикажет Рыбам Астрей.
И Близнецы, и Хирон, и знойный Рак с Козерогом
Влажным идут наравне, и Лев не выше, чем Урна.**

Возле дверей алтаря стояли пришельцы с Востока
545 **И о грядущей судьбе рога носного бога пытали.
Место они уступили вождю латинскому. Просят
Спутники, чтобы Катон знаменитого в Ливии бога
Здесь испытал, достоин ли он своей славы старинной.
Больше других Лабием убеждал его в голосе бога**

- 550 Дела исход предузнать: «Судьба и дорожное счастье
Ныне позволили нам повстречать великого бога,
Выслушать божий совет: с таким водителем Сирты
Будет легко перейти и военные судьбы предвидеть.
Разве найдется иной, кому боги открыли бы тайны,
- 555 Больше бы правды рекли, чем тебе, Катон непорочный?
Жизнь постоянно твоя направлялась горним законом,
Ты за всевышними шел. Говорить с Юпитером ныне
Воля тебе лишь дана: о проклятого Цезаря судьбах
Ты спроси и узнай отчизны грядущую участь:
- 560 Правом, законом своим наслаждаться ли будут народы,
Или погибнут плоды гражданской распри? Наполни
Сердце вещаньем святым: влюбленный в суровую доблесть,
В чем эта доблесть — узнай и потребуй ее проявленья!».
- Тот, одержим божеством, которое в сердце скрывает,
- 565 Так говорит, отвечая ему пророческим словом:
«Что мне спросить, Лабиен? Предпочту ли свободный,
с оружием
Лучше уж я умереть, чем видеть господство тиранна?
Есть ли различье для нас между краткою жизнью и долгой?
Или — вредит ли насилье добру? Побеждает ли доблесть
- 570 Всякие козни судьбы? Желать ли нам славы и чести
И не считать, что они от успеха становятся больше?
Знаем мы это давно, и Аммон не уверит нас глубже!
Преданы все мы богам, и пусть безмолвствуют храмы, —
Мы не творим ничего без воли всевышних; не словом
- 575 Нас принуждают они: говорит нам творец при рождении
Все, что дозволено знать. Неужели пустыню избрал он,
Чтобы немногим вещать, в песках этих истину спрятал?
Разве не бога приют — земля, и море, и воздух,
Небо и доблесть? Зачем всевышних сверх этого ищем?
- 580 То, что ты видишь вокруг, в чем движешься, — это Юпитер!
Нет, прорицанья оставь нерешительным, вечно трусливым
Перед грядущей судьбой: меня не оракул уверит,
Но убедит меня смерть: погибнет и робкий, и смелый!

Это Юпитер сказал, — и довольно!»: С такими словами,
585 Веру в святыню храня, он жертвенник храма покинул,
Без испытанья судьбы Аммона оставив народам.

Сам он в руке свой дротик несет; задыхаются люди,
Он же — пешком во главе: не приказом, примером их учит
Он испытанья терпеть; не сидит, развалившись, в повозке
590 Иль на плечах у бойцов; во сне — он умеренный самый,
Самый последний в питье; когда, отыскавши источник,
Войско к желанной воде теснится, томимое жаждой, —
Пьет, соблюдая черед. Но коль добродетели чистой
Громкая слава дана и доблесть рассматривать надо,
595 Только отбросив успех, — то все, что у предков мы хвалим,
Было лишь даром судьбы. Кто снискал столь славное имя
Благоприятной войной или пролитой кровью народов?
Я предпочел бы пройти сквозь Ливийские дебри и Сирты
Тем триумфальным путем, чем трижды в триумфах Помпея
600 На Капитолий взойти или стиснуть горло Югурте.
Вот он — отчизны отец, настоящий, о Рим, и достойный
Вечных твоих алтарей! Без стыда мог бы им ты поклясться,
И если ныне иль впредь восстанешь ты, сбросивши иго,
Станет он богом твоим!.. Но зной удушает все больше;
605 И по пустыне идут, южнее которой для смертных
Не создавали нигде всевышние; воды все реже;
Только один на песках отыскали обильный источник;
Множество змей вокруг него так густо кишело, что даже
Места уж не было им. Весь берег сухой занимали
610 Аспиды; в самой воде томились от жажды дипсады.

Вождь, увидав, что погибнут бойцы, покинув источник,
Так им сказал: «Пугайся теперь лишь призрака смерти;
Не сомневайся, боец, и пей без вреда эту воду:
Змей разрушительен яд, лишь когда он в кровь попадает;
615 Скрыта отравы в зубах, и смертью грозят их укусы,
Но не смертельно питье». Сказал и, быть может, опасной
Смело воды зачерпнул: во всей Ливийской пустыне
Это единственный ключ, откуда первым испил он.

- Столько смертей почему источает Ливии воздух,
620 Всякой заразой богат? Какие тайные яды
В этой смешала земле природа? Трудом и усердьем
Мы не узнаем того; а сказанье, известное в мире,
Все обмануло века, за истину выдав неправду.
- В дальнем ливийском углу, где знойную землю пустыни
625 Древний омыл Океан, заходящим солнцем согретый,
Дикие были поля Медузы, дочери Форка, —
Не под листвою дерев, бороздой не разрыхлены плуга,
Полные только камней, порожденных владычицы взором.
В теле ее губительный яд впервые природа
- 630 Пронзела; из горла тогда шипящие змеи
Выползли, жалом своим трепеща с пронзительным свистом,
И по спине у нее разметавшись, как женские косы,
Плечи хлестали они ликованием полной Медузы.
Встали над хмурым челом, поднявшись дыбом, гадюки,
635 Яд изливался из них, когда волосы дева чесала.
- Только на них, не на всю роковую Медузу возможно
Без наказания смотреть: кто пред взором иль пастью Медузы
Время имел трепетать? И разве чувствовал гибель
Тот, кто в лицо ей глядел? Отняв колебанья у смерти,
640 Страх обгоняет она: при виде нее, задыхаясь,
Вмиг погибают тела и души в костях коченеют.
Волосы злых Эвменид порождали один только ужас,
Кербера вой заглушил Орфей своим песнопеньем,
Амфитриониад видел гидру, ее побеждая.
- 645 Но и отец трепетал, второй повелитель на море,
Форк, — пред Медузою. и Кетó — ее мать, и Горгоны —
Сестры ее: Медуза могла и морю, и небу
Оцепененьем грозить и покрыть всю землю камнями;
Птицы при виде нее с небес тяжело упали;
- 650 Зверь застывал на скале; племена, эфиопов соседи,
При обработке полей оцепенели, как мрамор холодный.
Вынести вида ее не могли животные, даже
Змен Горгоны самой от лица заползали на спину.

Ею титан Атлас, у столбов Геркулеса стоявший,
655 Был превращен в утес; когда небеса трепетали
Встарь на Флегрейских полях, то гиганты с их низом зменным
Горами стали: Горгоны глава на груди у Паллады
Этот закончила бой, ужасный для жителей неба.
После того как Персей, сын златого дождя и Даная,
660 В эту страну прилетел на крылах паррасийских — подарке
Бога-аркадца, творца кифары и скользкой палестры —
И серповидный свой меч килленский стремительно поднял,
Меч, обагренный уже другого чудовища кровью —
Тою, что сгрож пролил любимой Юпитером телки, —
665 Помощь тогда подала Паллада крылатому брату,
С ним сговорясь о главе чудовища: в дебрях ливийских
Взор на восток обратить она повелела Персею
И, повернувшись спиной, лететь над царством Горгоны.
Щит ему круглый дала, сверкающий желтою медью,
670 Чтобы он в нем наблюдал обращавшую в камень Медузу.
Не овладел ею сон целиком, который в ту пору
Вечным покоем грозил. Ее волосы частью не спали
И защищали главу из косм выползавшие змеи:
Часть их на лике ее, на закрытых глазах извивалась.
675 Правит Паллада сама дрожащей рукою Персея, —
Ибо глядит он назад, — килленский серп направляет
И обрубает у плеч змееносную шею Медузы.
Страшен был вид головы, кривым железом снесенной,
Страшен, Горгона, твой лик! Скажу ль, сколько яда излили
680 Эти уста! И сколько смертей рассеяли очи!
Даже Паллада глядеть не в силах; противницы образ
Мог бы Персея убить, когда бы Тритония плотно
Не наложила волос и змеями лик не закрыла.
Так, Горгону схватив, уносится в небо крылатый.
685 Он бы свой путь сократил и скорее воздух прорезал,
Если б в полете своем города Европы разрушил.
Но приказала сестра не губить плодородные земли
И пощадить племена. Ведь кто на летящего в небе

- Не захотел бы взглянуть? Подставив крылья Зефиру,
690 Мчится над Ливией он, где нет ни полоски посевов,
Только светила да Феб: колеей своей солнце сжигает
И угнетает поля; ни в какой стране не бывает
На небе ночи темней и луны движенью враждебней,
Коль она вкось не идет и, по кругу скользя Зодиака,
695 Тени земной не бежит, уклоняясь к Борею иль к Ноту.
Этот бесплодный край, не богатый доброю нивой,
Тотчас, однако, впитал стекавшие яды Медуз, ~~ы~~
Крови звериной ее отравой полные брызги:
Их оживляла жара и в рыхлом песке кипятила.
- 700 Первым, кто поднял главу из того ядовитого праха,
Был насылающий сон своей шеей раздутою аспид,
Много попало в него и крови, и яда густого,
И ни в единой змее плотнее, чем в нем, не сгустилось.
В зное нуждается он, в прохладный край переходит
705 Он против воли своей, лишь до нильских песков допозая.
Есть ли в наживе нам стыд? Ливийских способов смерти
Ищем мы в этих краях и аспидом ныне торгуем.
Не оставляет у жертв ни единой капельки крови
Грозный на вид геморрой, огромный в чешуйчатых кольцах;
710 В Сиртах рожден, в их равнинах живет и херсидр земноводный,
Также хелидр, что ползет, дымящийся след оставляя;
Кенхрис, ползущий всегда в одном направлении, прямо;
Знаками чрево его разрисовано пестро, их больше,
Чем на офите из Фив, раскрашенном пятнами мелко;
- 715 И гаммодит, обожженным пескам подобный по цвету,
Неотличимый от них; и с гребнем подвижным керасты;
Также скитал, что еще на земле, где иней не стоял,
Кожу снимает свою; иссушенные жаждой дипсады;
Страшная, с поднятой вверх двойной головой, амфисбена;
720 Натрикс — отравы воды и крылатые гадины — «копья».
Так же парий, бороздящий песок хвостом заостренным;
И разевающий пасть — всю в пене — прожорливый престер;
И разлагающий сепс, разрушающий с телом и кости.

- И выпускающий свист и всех устрашающий гадов,
725 Кто до укуса убьет, — их всех себе подчиняет,
Царь безграничных пустынь — василиск, и без яда губящий.
Вы же, везде на земле божества, ползущие мирно,
С телом блестящим своим в золотых отливах — драконы, —
Африка знойная вас смертоносными делает: вьетесь
730 В воздухе вы на крылах и, стада преследуя, часто
Даже могучих быков в объятиях душите грозных.
Слон не спасется от вас; вы всем посылаете гибель,
И для того, чтоб убить, не нуждаетесь вовсе в отраве.
Меж тех чудовищ лежит бойцов суровых Катона
735 Путь раскаленный, и вождь печальную гибель их видит,
Их необычную смерть от самых ничтожных ранений.
Авл Знаменосец, тот юноша крови тирренской,
Был, наступив, уязвлен повернувшейся быстро дипсадой.
Боли, укуса зубов не заметил он; смертная бледность
740 Не омрачила чела, и язва ничем не грозила.
Но разливается яд потихоньку, палящее пламя
Жжет ему сердце, и жар отравы грызет его чрево.
Влагу высосал яд близ органов жизни и к нёбу
Стал прилипать сухому язык; на теле бессильном
745 Пот выступать перестал, и слезные железы даже
Выдавить слез не могли на его воспаленные очи.
Ни государства честь, ни скорбный голос Катона
Больше не в силах сдержать пылавшего воина, чтобы
Знамени он не швырнул и, беснуясь, не начал в пустыне
750 Влаги искать, которой просил в его жаждущем сердце
Яд. Даже брошенный в Пад, в Танаис или Родан,
Он продолжал бы пылать, — даже Нил разлившийся выпив.
Ливия мчит ему смерть, ибо в этой земле раскаленной
Меньший дипсаде почет, она гибели лишь помогает.
755 Ищет сперва он ключа под покровом песков закорузлых;
К Сиртам обратно бежит и глотает соленую воду:
Волны морские милы, хоть жажду залить и бессильны!
Он не поймет, от чего ему смерть, что от яда он гибнет:

- Жажду во всем он винит, и вот раздутые вены
760 Он открывает мечом и кровью уста наполняет.
Быстро уйти Катон приказал: не дозволил он людям
Жажды могущество знать. Но еще ужаснее гибель
Перед глазами у них: Сабелла несчастного в голень
Крохотный сепс укусил; из тела цепкие зубы
765 Вырвав рукою, к пескам копьем пригвозждает он гада.
Малая эта змея; но из них ни одна не скрывает
Столько заразы в себе: близ укуса, кругом разлагаясь,
Скоро вся кожа сошла и бледные кости открыла.
Вот уже язва растет, и зияет открытая рана.
770 Гноем все члены полны; сочатся икры; колени
Обнажены; на бедрах кругом растаяли мышцы,
Черная жидкость течет из висящего клочьями паха.
Лопнул покров живота, из него кишки вытекают,
Целого тела уж нет, но на землю текут лишь остатки
775 Членов отдельных его, разъеденных ядом жестоким:
Все превращает смерть в ничтожную лужицу слизи.
Также сплетения жил, и легких тканей, и другие
Полости клетки грудной, — все то, что звалось человеком,
Эта раскрыла чума; злочестивая смерть обнажает
780 Тайны природы; гниют и плечи, и сильные руки;
Шея течет, голова. Не скорее под Австром горячим
Льется растаявший снег или воск размягчается солнцем.
Мало сказать, что, гноясь, истекает сожженное тело:
Делает так и огонь; но сгорают ли в пламени кости?
785 Крошатся здесь и они и в прах рассыпаются с мозгом,
Не оставляя следов после этой стремительной смерти.
Меж кинифийских смертей пальма первенства, сепс, — за тобою
Все они душу берут, ты один пожираешь и трупы.
Вот и другая смерть, несхожая с таяньем страшным.
790 Пахарь Марсийских полей Насидий престером жгучим
Был уязвлен. И жаркий огонь ему кинулся в щеки,
Кожу лица натянул и черты исказил безобразно,
Тучностью налил везде ужасно распухшее тело:

- Всюду из членов его, превзошедших размеры людские,
795 Стал изливаться гной, обильно насыщенный ядом;
Сам же скрывается он под грудой заплывшего тела,
Даже не может броня сдержать его распуханья.
Так не вскипает вода в раскаленном сосуде из бронзы,
Пену вздымая свою; так Кор дуновением мощным
800 Не надувает ветрил. Уже не имеет суставов
Этот бесформенный ком, безобразно раздутый обрубок.
Птицы его не клюют, безнаказанно звери не могут
Эту громаду пожрать, я, не смея предать погребенью,
Люди бегут от того непрестанно растущего трупа.
805 Зрелище хуже еще готовят ливийские гады.
Зубы вонзил геморрой свирепый в воина Тулла;
Доблестный юноша был почитателем первым Катона.
Как корикийский шафран, что из статуй течет под давлением,
Сразу из членов его вместо крови обычной полился
810 Сок красноватый, что был порожденьем змея яда.
Слезы — не слезы, а кровь; везде открываются язвы
И отовсюду течет кровавая слизь; наполняет
Ноздри она и уста; и пот выступает багряный;
Жилы, раскрывшись, текут: все тело — как рана сплошная.
815 Ты же, несчастный Лев, — твое сердце кровь задушила,
Оледенев от нильской змеи; не почувствовав боли,
Был ты внезапно сражен и окутан сумраком смертным,
К теням соратников вдруг спустился в глубокой дремоте.
Кубка с такой быстротой не насытит смертельной отравой
820 Яда созревшего сок, что собирает сайтский волшебник
Из смертоносных стеблей, похожих на прутик сабейский.
Бросившись издалека, со ствола иссохшего дуба,
Сразу вонзилась змея (что «копьем» зовет африканец):
Павлу она прошла сквозь главу, виски пронизавши.
825 Яд не при чем: мгновенную смерть нанесла ему рана.
Тише гораздо летит пращею запущенный камень,
В воздухе дольше свистят пресловутые скифские стрелы.
Что было пользы проткнуть острием копья василиска

- Мурру несчастному? Яд мгновенно по древку разлился,
880 В руку всосался ему; поспешно меч обнаживши,
Он ее тотчас отсек, у плеча отделивши от тела.
И, наблюдая пример своей собственной смерти ужасной,
Смотрит, живой, как гибнет рука. И кто скорпиона
Мог бы считать роковым, таящим быструю гибель?
835 Грозен суставами он, прямыми ударами страшен, —
В небе — свидетель тому — блеснит Орион побежденный.
Кто побоялся б топтать твои скрытые норы, сальпуга?
А ведь дают тебе власть над нитью стигийские сестры!
Так им ни ясный день, ни ночь не дарили покоя,
840 Даже земля, где лежали они, подозренья внушала.
Ложа они не готовили там, солому сгребая
Или же лист набросав; но смерти тела обрекали,
Лежа на голой земле и своим горячим дыханьем
Змей привлекая к себе, озябших под холодом ночи,
845 И между тел без вреда их пасти с ядом замерзшим
Отогревали не раз. Не знали пути протяженья
Или конца; их небо вело; и плакались часто:
«Боги, верните вы нам бои, от которых ушли мы,
Дайте Фессалию вновь! Зачем же медленной смерти
850 Преданы руки бойцов, мечу присягнувшие? Гады
Бьются за Цезаря здесь и в гражданской войне побеждают
Легче итти в раскаленный тот край, где солнца конями
Купол небесный сожжен: уж лучше от неба погибнуть,
С воздухом гибель вдохнуть! Не Африку я обвиняю
855 И не тебя, Природа, виню. Эту родину чудищ
Змеям ты здесь отдала, похитив ее у народов;
Чужды Церере поля, ты, пахаря им не пославши,
Их прокляла и людей удалить пожелала от ядов.
К змеям мы сами пришли: покарай же нас по заслугам
860 Тот из всевышних, кому ненавистны блуждания наши,
Кто оградил этот край пустыней сожженной и зыбью
Сиртов и сотни смертей поставил на самой границе.
Через твои тайники война гражданская ныне

- Шествует; римский солдат, познавая загадки вселенной,
865 Рвется к пределам земли. На этой дороге, быть может,
Худшее ждет нас: огонь сливается с гулкой волною,
Небо с землею сошлось. Но дальше, за областью этой,
Царство одно только есть — лишь известная нам понаслышке
Мрачная Юбы страна. С сожаленьем, быть может, мы вспомним
870 Эти пристанища змей, ибо есть тут одно утешенье:
Все же здесь нечто живет! Не к отчизны полям мы стремимся
И не к Европы полям или к Азии с солнцем нездешним.
Но под какою звездой, в какой части земли я покинул
Африку? Помню, зима в Кирене еще цепенела.
875 Или короткий наш путь изменил все явления года?
К полюсу движемся мы другому; из мира выходим;
Ноту мы спину теперь подставляем: быть может, лежит уж
Рим под ногой у меня. Одного у судьбы утешенья
Просим: да явится враг! Пусть Цезарь по нашему следу
880 Кинется нас догонять!». Терпенье суровое в пениях
Так облегчает себя; заставляет сносить все лишенья
Высшая доблесть вождя, кто бдит на песке обнаженном
И ежечасно на бой вызывает с собою Фортуна.
Всем он смертям один предстоит: куда бы ни звали, —
885 Тотчас летит и приносит с собой то, что жизни важнее.
Силу в борьбе со смертью дает; со стонами скорби
Стыдно при нем умирать. Какая чума роковая
Власть возымела б над ним? В других он смерть побеждает.
Там, где присутствует он, бессильны тяжкие муки.
890 Но, наконец, утомясь от опасностей тех несчастливцев,
Позднюю помощь дала Фортуна. В стране Мармарикской
Псиллы живут, заклинатели змей, — и было то племя
Неуязвимо для них: заклятья их мощны, как травы;
Самая кровь тех людей не подвержена ядам, не надо
895 Им и магических слов. Природа тех мест повелела,
Чтоб, проживая меж змей, они не могли отравиться.
Только на пользу им шло, что дома их средь яда стояли:
Жили со смертью в ладах. И крови своей доверяли

Очень: когда выпадал при рождении младенец на землю,
900 Аспид смертельный служил испытанию этого плода, —
Если боялись они вмешательства чуждой Венеры.
Птица Юпитера так из согретых яиц, напоследок
Выведя голых птенцов, обращает их клювом к востоку:
Те, что способны терпеть лучи и могут на солнце,
905 Глаз не спуская, глядеть, — остаются на службе у неба;
Тех, что пред Фебом дрожат, — бросает орлица: так псиллы
Могут свой род доказать, если, змей не страшась, ребенок
Станет с гадюкой играть, которую дал ему старший.

Но не одну безопасность свою хранит это племя:
910 И о гостях печется оно, всегда помогают
Псиллы и людям другим от опасных чудовищ. Как только
Римскому войску велел вожатый раскинуть палатки,
Тотчас они принялись огражденное валом пространство
Пеньем своим очищать и змей прогоняющим словом.
915 Лагерь затем целебным огнем они окружают:
Здесь трещит бузина и каплет гальбан иноземный,
И тамариск, небогатый листвою, и восточная коста,
И панацея горит, и Фессалии тысячелистник;
Здесь и укроп шумит на огне, и тапс эрицийский,
920 Дым от полыни идет и от лиственниц — дым, ненавистный
Змеям; курятся рога оленей, рожденных далеко.

Ночь безопасна бойцам. А если дневная зараза
Воину смертью грозит, берется за магию племя —
И начинается бой заклинателя змей и отравы.
925 Прежде всего он слюной отмечает место укуса,
Яду препятствует тем, оставляя в ране заразу.
С пеной у рта он бормочет затем слова заклинанья,
Не прерывая волшбы, — не дает развитие лэвы
Перевести ему дух, и смерть запрещает умолкнуть.
930 Часто зараза, попав в почерневшие недра, бежала
Лишь от заклятий одних; но если она замедляла
И не хотела истечь, не вняв повелению и зову, —
Бледную рану, припав, лизал языком заклинатель,

- Ртом он высасывал яд, выдавливал также зубами
935 И, удаляючи смерть из уже охладелого тела,
Сплевывал; мог узнавать заклинатель по вкусу отравы
Сразу породу змеи, от укуса которой лечил он.
С помощью их удалось уже легче римскому войску
Долгий свой путь совершать по этим пустынным равнинам.
945 Гасла два раза луна и дважды она загоралась,
Муки Катона в песках и прирост, и ущерб ее видел.
Стала уж день ото дня сгущаться пыль под ногами,
Стал превращаться песок в затверделую Ливии землю,
Изредка стала вдали появляться зелень деревьев,
945 Да кое-где шалаши, соломой покрытые грубо.
Сколько в несчастных зажглось упований на лучшую землю
В день, как впервые они свирепых львов повстречали!
Ближе всего был Лепт, и на этой спокойной стоянке
Зиму они провели, лишенную зноя и ливней.
950 Цезарь, побоищем сыт, удалился с полей эмафнийских,
Бремя всех прочих забот от сердца отринувши с целью
Зятем заняться одним: его следа искал понапрасну
Он на земле и, внимая молве, направился в море.
Видел фракийский пролив и любовью известное море.
955 Берег он слез миновал, где башни Геро возвышались,
Море, что названо вновь по Нефелиной дочери Гелле.
Азию больше нигде от Европы пролив не отрезал
Уже, хоть Понт отделил Византию тесным проходом
От Халкедона, где был всегда в изобилии пурпур, —
960 И через малый проток Эвксин Пропонтида уносит.
Цезарь сигейским песком прошел, дивясь его славе,
И Симонс посетил, и Ретей, могилою грека
Гордый, — жилище теней, что поэтам обязаны много.
Бродит он также вокруг развалин прославленной Трои,
965 Ищет великих следов стены, воздвигнутой Фебом.
Чаща засохших лесов да стволы полусгнившие там, где
Был Ассарака дворец, — и едва на камнях обветшалых
Храмы всевышних стоят; и весь Пергам покрывает

- Только терновник густой: погибли даже обломки!
- 970 И Гесионы утес он видит, и лес, и Анхиза
Брачный чертог, и тот грот, где судья трех богинь находился;
Место, откуда был взят на небо мальчик; вершину —
Скорбной Эноны приют: здесь нет безымянного камня!
Тут ручей перешел, что змеился по праху сухому:
- 975 Это был Ксанф; беспечно ступал по травам высоким:
Фригии житель ему запретил тут окликом строгим
Гектора манов топтать. Разбитые камни лежали,
Не сохраняя следов какой-нибудь древней святыни:
«Видишь геркейский алтарь?» — его проводник вопрошает.
- 980 Ты, о великий, святой поэтов труд, ты у смерти
Все вырываешь, даришь ты вечность смертным народам!
Цезарь, завидовать брось ты этой славе священной:
Ибо, коль право дано латинским музам пророчить, —
Столько же, сколько почет и смиренному старцу продлится, —
- 985 Будут читать и меня, и тебя: Фарсалия наша
Будет жива, она не умрет во мраке столетий!
Вождь, насытивши взор созерцанием древности чтимой,
Вывел из дерна алтарь и, ладан в огне воскуривши,
Стал перед ним возносить не напрасные эти обеты:
- 990 «Боги развалин, о вы, живущие в пепле фригийском!
Лары Энея-отца, которых Лавиний доселе
С Альбою вкупе хранит и фригийское пламя которых
Мой озаряет алтарь, и Паллада, — оплот достославный
Храminy тайной у нас, — мужей недоступная зрению, —
- 995 Вам на святых алтарях сожигает ладан славнейший
Рода Иулова внук и в исконном вашем жилище
Вас по обряду зовет: успех и впредь мне пошлите,
Я вам народ возвращу! Благодарность Авзонии снова
Стены фригийцам вернет, и Пергам возвеличится римский!».
- 1000 Так он сказал и, взойдя на корабль, попутному Кору
Отдал все паруса, желая при помощи бури
Время свое наверстать, проведенное близ Илиона:
Азию он миновал и вспененное море Родоса.

Не ослаблял канатов Зефир, и полночь седьмая
1005 Берег Египта уже огнем указала фаросским.
Но молодая заря погасила полночный светильник
Раньше, чем Цезарь вошел в безопасные воды. Тревогой
Полон был берег, и шум голосов смятенных коснулся
Слуха его: доверяться боясь коварному царству,
1010 Он не причалил к земле. Но навстречу царский приспешник
Жуткий подарок неся, выходит в открытое море:
Тканью фаросской покрыв, главу Помпея везет он.
Речью такую сперва преступленье он страшное славит:
«О, покоритель миров, величайший из римского рода,
1015 И — чего сам ты не знал — обеспеченный гибелью зятя!
Царь пеллейский тебе ибавленье от битв и от моря
Дарует, то поднося, чего в боях эмафийских
Недоставало: за вас войну он-гражданскую кончил.
Здесь, пожелав возместить ущерб фессалийский, — Великий
1020 Пал от наших мечей. Такою ценою, о Цезарь,
Приобрели мы тебя; наш союз этой смертью скрепили.
Крови совсем не пролив, получи фаросское царство,
Власть над Нилом возьми, возьми все то, что охотно
Отдал бы ты за Помпея главу; достойного в лагерь
1025 Друга с доверьем прими, — ему разрешили ведь судьбы
С зятем покончить твоим. Не сочти ты эту услугу
Низкою лишь потому, что не трудным убийство нам было!
Дедовским гостем он был; отцу, потерявшему царство,
Скипетр вернул. Что молвить еще? Ты знаешь название
1030 Делу такому, — а нет, так справься о мнении мира!
Если преступники мы, ты нам больше обязан, сознайся,
Ибо не сам злодеянье свершил!». С такими словами
Он обнажил и поднял главу. Расслаблена смертью,
Образ знакомый вождя давно уж она потеряла.
1035 Цезарь, увидев сей дар, не стал выражать порицанья,
Не отвратил он очей: смотрел, пока не поверил;
Но убедившись, он счел, что может теперь безопасно
Тестем исправнейшим стать: притворные слезы он пролил,

- Выдавил горестный стон из охваченной радостью груди —
1040 Не в состоянии скрыть иначе, как только слезами,
Полнивший душу восторг, и большую услугу тирана
Он умалил, предпочтя оплакивать голову зятя,
Нежели быть должником. Кто топтал сенаторов трупы,
Не изменяясь в лице, кто смотрел с сухими глазами
1045 На эмафийский разгром, — одному лишь не смеет, Великий,
В плаче тебе отказать! О, рока лютейшая прихоть!
Разве против того, кто тобою оплакан, не вел ты,
Цезарь, преступной войны? Но не связь семейная с зятем
Трогает так; не дочь и не внук скорбеть заставляют:
1050 Думаешь ты племена, влюбленные в имя Помпея,
Этим в свой стан заманить. Быть может, зависть к тирану
Переполняет тебя, ты горюешь, что тело Помпея
Кто-то другой, пленивши, пронзил, ты сегуешь горько,
Что ускользнула и месть, и ты, победитель надменный,
1055 Права над зятем лишен. Но какое б тебя побужденье
Ни заставляло рыдать — оно чуждо высокому чувству.
Значит, ты лишь для того по суше и по морю рыскал,
Чтобы твой зять без тебя не погиб? О, как достохвально
Вышла та смерть из-под власти твоей! От какого злодейства
1060 Римский избавила стыд судьба роковая, не давши,
Цезарь коварный, тебе пожалеть Помпея при жизни!
Все же он смеет еще обманывать речью такою,
Ищет доверья к себе, на челе своем скорбь выражая:
«Вестник, скорей убери от моих очей ты подальше
1065 Дар злополучный царя: нанесло преступление наше
Цезарю большее зло, чем Помпею. Единой награды
После гражданской войны — давать побежденным пощаду —
Ныне лишили меня! И если б властитель фаросский
Не ненавидел сестру, воздать ему по заслугам
1070 Я бы сумел: за дар бы такой я твою, Клеопатра,
Голову брату послал! Зачем он мечи свои тайно
Поднял и в наши дела оружие вмешал своевольно?
Значит, пеллейским клинкам я давал на полях фессалийских

- Право и власть? Я вашим царям искал на них воли?
1075 В Риме не мог я стерпеть совместной власти с Великим,
А Птолемея снесу? Напрасно в гражданскую распря
Мы вовлекли племена, если есть еще в мире иная,
Нежели Цезаря, власть; если правят хоть где-нибудь двое.
Тотчас от ваших берегов я флот увел бы латинский,
1080 Да беспокоит молва — не сказали б, что я испугался,
А не щажу я кровавый Фарос. Обмануть не надейтесь
Вы победителя взор: такой же был здесь приготовлен
На берегу мне прием; фессалийское делает счастье,
Что не моя голова снесена. Опасности большей
1085 Мы подвергались в тот миг, когда мы в битву вступали, —
Рима и зятя угроз, и изгнания боялся тогда я:
Кару за бегство воздал Птолемей! . . Но, щадя его возраст,
Я злодеянье прощу: пусть он знает, что это убийство
Больших не стоит наград. А вы погребенью предайте
1090 Славного мужа главу; но не только затем, чтобы спрятать
Ваше злодейство в земле: фимиами на гробнице курите
И упокойте главу, и, на бреге рассыпанный пепел
Взявши, вы урну одну подарите рассеянными манам.
Тестя да узрит приход его тень, пусть голос услышит
1095 Благочестивых скорбей. Но мне предпочтя все иное
И пожелав обязать свою жизнь фаросскому другу, —
Радостный день он украл у людей: ведь наше согласие
Мир потерял! Когда бы мой зов слышали боги,
Обнял бы я тебя, победное бросив оружие,
1100 Старой бы дружбы искал и молил бы всевышних, Великий,
Жизни продлить тебе дни; за труды я счел бы наградой —
Быть только равным тебе! Достигли бы в мире надежном:
Я — чтобы мог ты простить богам свое поражение,
Ты — чтобы Рим мне простил!». Но речью такой не сумел он
1105 Вызвать сочувственных слез, толпа не поверила скорби:
Стон заглушает она, под веселым облищем скрывает
Сердца печаль и смотрит, смеясь, — о, счастливая вольность! —
На преступленье и кровь, о которых сетует Цезарь.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

- В час, когда Цезарь, поплыв за главою Помпея, причалил
К берегу и тронулся в путь, зловеший песок попирая,
Счастье столкнулось вождя с Египта виновного роком, —
Царство ли Лага падет, покоровшись оружию Рима,
5 Или мемфисский клинок победителю голову срубит,
Как побежденную снял? Твоя тень помогала, Великий,
Тестю; и маны твои его охраняли от смерти,
Чтобы и после тебя не любили латиняне Нила.
В Паретонийскую он, спокойный, приходит столицу —
10 Ту, что так связана с ним залогом зверского дела.
Но по тому, как ропщет толпа, негодуя, что вторглись
Фасции Рима и власть, сердце несогласие понял,
Душ колебание он, постиг, что не Цезаря ради
Умер Великий. Но страх на лице искусно скрывая,
15 Смело богов алтари и храмы старинного культа,
Что говорили ему про древнюю мощь македонян,
Он обошел, и ничто не пленило его красотою,
Ни кумиры богов, ни золото, ни города стены.
Только пещера его привлекла, где склеп находился.
20 В той гробнице лежит Филиппа безумный потомок,
Хищник счастливый, что был судьбою, за мир ему мстившей,
Прочь унесен; в святилище том упокоили тело,
Что надлежало кругом развевать по свету: Фортуна,
Маны его пощадив, сберегла до конца государства.

- 25 Если б свобода себе вселенную вновь возвратила, —
Стали б хранить на потеху его, как пример бесполезный
Рабства огромных земель под ярмом одного человека.
Он македонян страну и жилище предков покинул,
Презрел победу отца, трофей Филиппа, Афины
- 30 И к азиатам пошел, судьбы принуждением гонимый,
Род избивая людской, на все племена обнажая
Свой сокрушительный меч: обагрил незнакомые реки —
Кровью персов — Евфрат, а Ганг — индийскою кровью;
Бич роковой земли, он — молния, что поражает
- 35 Все племена, как одно, он — злая звезда для народов!
Он в Океан возмечтал направить чрез внешнее море
Флот. Ни война, ни огонь, ни бесплодной Ливии дебри,
Ни возле Сиртов Аммон его задержать не сумели.
Он бы на Запад пошел, по наклону земли устремляясь,
- 40 Полюсы б он обошел, из источников Нила он пил бы!
Гибели день наступил, — и предел единственный этот
Здесь лишь природа могла царю-безумцу поставить:
Ревностью той же томим, с которою мир захватил он,
Власть он с собою унес: не оставив наследника царству,
- 45 Все города предоставил судьбе, обрек растерзанью,
Но в Вавилоне своем погиб, почитаемый парфом.
- Что за позор! Боялся Восток македонской сариссы
Больше, чем ныне копья; хоть мы властны на Севере дальнем
И до Зефира жилищ, хоть земли стопой попираем,
- 50 Нота рубеж перейдя, — но Востока края уступили
Мы Арсакидов царю; а Парфия, злая для Крассов,
Областью мирной была под владычеством Пеллы ничтожной...
- Тою порою, придя от быстрин пелусийского Нила,
Царственный мальчик смирил невоинственной черни волнение;
55 Цезарь в пеллейском дворце при таком заложнике мира
Был обеспечен, когда Клеопатра на утлой биреме,
Стражу реки подкупив, чтоб спустила фаросские цепи,
Тайно от цезарских глаз пробралась во дворец Эмафийский;
Это — Египта позор, Эриния Лация злая!

- 60 Рима распутная смерть! Как спартанка губительным ликом
Кинула в прах Илион и Аргоса домам навредила, —
Так Клеопатра теперь разожгла гесперийские страсти,
Систром своим — скажу ль! — возмечтав устрасить Капитолий,
Против латинских знамен поднять Каноп боязливый,
- 65 Цезаря, взятого в плен, повести в триумфах фаросских;
В водах левкадских и впрямь опасенье возникло такое, —
Как бы весь мир не взяла нам чуждая женщина в руки!
Дерзость дала ей та ночь, какую впервые на ложе
Наших вождей провела распутная дочь Птолемея.
- 70 Кто же тебе любовь не простит, безумный Антоний,
Если и Цезаря грудь, суровую, пламя палило?
Если безумьем своим, своей необузданной страстью
В том же дворце, где еще обитали маны Помпея,
Этот развратник, в крови фессалийских побоищ, любовью
- 75 Стал заниматься меж дел и смешал с военной заботой
И недозволенный блуд, и потомство помимо супруги?
Стыд и позор! Помпея забыв, от матери скверной
Братьев он Юлии дал; он врагам разбитым дозволил
Силы копить в отдаленном краю Ливийского царства,
- 80 В нильской любви постыдно терял драгоценное время,
Фарос решил подарить, не себе его взять, победивши!
- Веря в свою красоту, Клеопатра к нему приступила
Хоть и грустна, но без слез, притворную скорбь разукрасив,
Косы свои распустив, как будто рвала их от горя,
- 85 И начала говорить: «О Цезарь великий, коль знатность
Есть на земле, — это я — наследница славная Лага,
Вечным изгнаньем теперь лишенная скипетра предков!
Если десница твоя не вернет мне древнюю долю, —
Я припадаю к стопам, я — царица! Звездой справедливой
- 90 Ты над Египтом взошел. Я не первая буду из женщин
Нильской строною владеть: не делал различий по полу
Фарос, но знал и цариц. Отца последнее слово
Ты почитай: на царство права мне общие с братом,
Общее ложе он дал. Сестру сам мальчик любил бы,

- 95 Будь он свободен душой; но всецело во власти Потина
Мысли его и мечи. Себе отцовского права
Полностью я не прошу; но избавь от такого бесчестья,
От преступленья наш дом; прогони ты приспешника злого,
Брату царить прикажи. Каких только мыслей спесивых
100 Этот не ведает раб, Великому голову снявши!
Он и тебе уж грозит — да разрушит судьба эти козни!
Цезарь, земле и тебе достаточно хватит позора
В том, что Помпеева смерть явилась заслугой Потина!».
Зря бы стучалась она в суровое Цезаря сердце:
105 Просьбам лицо помогло, заключает распутница — взором.
И, соблазнивши судью, нечестивую ночь с ним проводит.
Мир от вождя получив, купив дорогими дарами,
Празднуют пиром они окончание важного дела.
Вот Клеопатра спешит показать в изумительном блеске
110 Роскошь, которая в Рим до той поры не проникла.
Самое зданье на храм походило, который едва ли
Век развращенной создаст: потолок вырезной был богато
Убран, и брусья литым окованы золотом были.
Не облицован был дом блестящим, распиленным в плиты
115 Мрамором: высился там агат массивный, чередуясь
С камнем порфирным; везде, во всех дворцовых палатах,
Был под ногами оникс, и обшит Мареотии черным
Деревом не был косяк: оно вместо дуба простого
Не украшеньем дворца, но опорой служило. Слоновой
120 Костью был атрий покрыт, черепахой индийского двери
Были отделаны там и пестрели обильно смарагдом.
Камни на ложах горят, желтеют топазами чаши;
Ярки ковры: их большая часть не мало варилась
В пурпуре тирском, свой цвет не в одном почерпнувши сосуде:
125 Часть их блестит пером золотым; часть — огненной нитью,
Густо которую в ткань челнок фаросский вплетает.
Там и рабынь — без числа, служающих целые толпы:
Разнятся цветом одни, а другие — своими летами;
Ливии кудри у тех, у иных же — волосы светлы

- 130 Так, что и Цезарь в полях далекого Рейна не видел
Столь золотистых кудрей; чья кровь загорела под солнцем,
Тот головою курчав, и назад его волос ложится.
Мальчики жалкие здесь, оскопленные грубым железом;
Старше — напротив стоят; хоть более крепок их возраст,
135 Но совсем не покрыты пушком их гладкие щеки.
Царь и царица вдвоем; и тут же властью сильнейший —
Цезарь. Без меры во всем свою красоту разукрасив,
Братом-супругом своим и скипетром все ж недовольна,
Голову, шею покрыв добычею Красного моря,
140 Много богатств Клеопатра несет на себе в том уборе.
Белые груди ее сияют под тканью сидонской,
Сотканной серским станком и распушенной вильской иглою,
Что растянула покров, основу его разредивши.
На белоснежных клыках лежат из лесов Атлантиды
145 Круглые доски столов, каких не видывал Цезарь,
Даже и Юбу пленив. О, слепого тщеславия одурь
Или безумья порыв — пред ведущим гражданскую распря
Столько сокровищ раскрыть, разжигая жадные страсти
Гостя, держащего меч! Да будь и не он здесь, готовый
150 Мир разорить, чтоб стяжать преступной войною богатство:
Прежних вождей пригласи, у бедных предков известных —
Куриев строгих иль род Фабрициев; пусть возлежал бы
Консул, что грязью покрыт и взят от этрусского плуга, —
Справить столь пышный триумф в честь отчины и он
пожелал бы!
- 155 В золоте яства лежат, что дали земля или воздух,
Море иль Нила поток, что суетной роскоши пышность
В ярости жадной своей отыскала по целому миру
Не из-за голода; здесь и птицы, и звери, в Египте
Чтимые как божества; хрусталь умывает здесь руки
160 Чистою нильской водой; сосуды в камнях драгоценных,
Емкие, льют им вино; не от лоз оно Мареотиды, —
То многоценный фалерн, которому может Мероя
В быстрые несколько лет придать благородную старость.

- Лоб украшают гостей венки из цветущего нарда,
165 Неотцветающих роз; по их волосам умашенным
Пряный течет киннамон, не лишенный еще аромата,
Не потерявший его на этих берегах чужеземных,
Льется и свежий амом, в соседних собранный странах.
Учится Цезарь мотать богатства, им взятые в мире,
170 Он уж стыдится войны, что с зятем вел небогатым,
Повода ищет уже к столкновенью с фаросским народом.
Пиру и Вакху предел положили, устав наслаждаться;
И завязал разговор, который звучал до рассвета,
Цезарь с верховным жрецом, возлежавшим на ложе почетном,
175 Так благосклонно сказав Ахорею в льняном одеянии:
«Старец святых алтарей и, как возраст твой утверждает,
Небом любимый, — скажи о племен фаросских начале,
О положеньи страны, об обычаях, нравах народа
И о богах и обрядах твоих; открой, что за тайны
180 Врезаны в капище здесь, покажи пожелавших открыться
Ныне богов. Коль у предков твоих Платон афинянин
Мог поучаться, то гость у вас был ли боле достойный
Слышать об этом, весь мир охватить своей мыслью способный?
Слухи о зяге моем привели меня в город фаросцев,
185 Да и наслышка о вас: меж сражений всегда изучал я
Звезды и неба простор, и области внешнего мира,
Мой календарь никогда не уступит Эвдоксовым фастам.
Дух мой, в котором живет такое усердие к правде,
К истине жаркая страсть, сильнее ничего не желает, —
190 Только бы знать начало реки, сокрытое вечно,
Этот неведомый край: да будет дана мне надежда
Нила увидеть исток — и войну я гражданскую брошу».
Кончил, и тотчас ему святой Ахорей отвечает:
«Цезарь, мне право дано открыть тебе тайны великих
195 Предков, что скрыты досель от народов непосвященных.
Пусть благочестие видят в дивных чудес укрываньи,
Я же всегда полагал, что жителям неба приятно,
Если священный закон мирозданья известен народам.

- Звездам, — какие одни управляют вращением неба,
200 Движась навстречу ему, — придал различную силу
Первый вселенной закон. Время года вам Солнце меняет,
Ночью сменяет вам день, планетам лучей своих мощью
Путь заграждает вперед и стоянкой их ход замедляет.
Фазы Луны заставляют с Землей сочетаться Тетису.
205 Ведает льдами Сатурн в снеговой замороженной зоне;
Марс — повелитель ветров и молний неожиданных владыка;
Там, где Юпитер царит, — нет бурь и климат умерен;
Жизни всей семени — в руках плодovitой Венеры;
Влаги безмерных пучин Киллений судьбою поставлен.
210 Только лишь в небе дойдет он до места, где смешаны звезды
Рака и Льва и где Сириус льет свое хищное пламя,
Там, где находится круг, изменяющий год, и где виден
И Козерог нам, и Рак, под которым Нила истоки
Скрыто лежат, и когда повелитель воды засияет
215 Прямо над нами, — тогда родник открывается Нила,
Как Океан, разливается он при лунном приросте;
И половодье свое не раньше тех пор укрощает,
Чем когда ночь отберет часы, что утратила летом.
Мнили неправильно встарь, что Нила разливы рождаются
220 Из эфиопских снегов. Ни северных звезд, ни Борея
Там не бывает в горах. Свидетель тому — опаленный
Дочерна солнцем народ и горячим дыханием Австра.
К этому также добавь, что река, порожденная льдами,
При возвращении весны свои умножает потоки
225 Таяньем первым снегов; а Нила разлив наступает
Лишь под созвездием Пса и входит в обычное русло,
Лишь покоряясь Весам, когда Ночь сравняется с Фебом.
Не подчиняется Нил и обычным законам потоков;
Он не бушует зимой, когда с удалением солнца
230 В волнах покорности нет; он должен своею прохладой
Неба враждебность смирять, среди лета он ширит разливы,
Знойной страной окружен; чтобы пламень земли не расплавил.
В мире присутствует Нил и вздувается смело навстречу

Пасти пылающей Льва; когда Рак опалает Сиену —

235 Ей помогает, скорбя; и с полей своих волн не уводит
Раньше, чем к осени Феб не склонится и на Метрою
Тени начнет налагать. Кто может разведать причину?
Нилу такое дала течение мать-природа:

В этом нуждается мир. Встарину считали напрасно

240 Делом Зефиров разлив; ведь дуют они ежедневно
В твердо положенный срок и воздухом долго владеют.
Думали так потому, что гонятся с запада тучи
К Ноту, и ливни должны изливаться потоками в реку;
Иль потому, что устьям реки, заливающим берег,

245 Дуют навстречу они, принуждая их тем к остановке.
Нил же, сдержавши свой бег у преград супротивного моря,
Вширь заливают поля. Об отдушинах также подземных
Предположение есть, о зияющих щелях в пещерах;
Струи сочатся туда подземными ходами тайно

250 И под экватор текут из холодных краев полунощных.
В дни, когда Феб Метрою палит и сожженные земли
Воды впускают к себе по скрытым от мира каналам,
Ганг увлекают и Пад; а Нил, извергая все реки
Из одного родника, не единым их устьем выносит.

255 Тоже и так говорят: Океан, окружающий Землю,
Сам разливаясь вдали, заставляет и Нил разливаться,
В долгой дороге своей морскую соль потерявши.

Думаем также, что Феб и небо питаются морем:

Пьет его Солнце, клешней пылающих Рака коснувшись,

260 Больше вбирая воды, чем может вместить ее воздух;
Ночи ее отдают, обратно в Нил изливая.

Я же, коль право дано разрешать мне столь важные споры,

Думаю, Цезарь, что есть уже поздно излитые воды,

По сотвореньи миров, из жил земли потрясенных,

265 Без повеленья богов; другие же созданы были

Вместе с началом всего, и творец их, мира создатель,

Держит во власти своей, подчиняя точным законам.

Римлянин, Нил изучить — не твоя лишь заветная дума,

- Но македонских царей, персидских, фаросских тираннов;
270 Знания свои все века передать хотели потомству,
Но до сих пор нерушимо хранит природа ту тайну.
Высший из всех царей — Александр, к Мемфисскому богу —
Нилу — ревнуя, послал мудрецов в Эфиопии земли
Дальние; их задержал обожженный, красный от зноя
275 Край полуденный; пришлось им видеть кипение Нила.
К западу путь проложил, к пределам вселенной Сезотрис,
И колесницу его влачили царские выи.
Раньше, однако, он пил из вашего Родана, Пада,
Но не из нильских ключей. Камбиз безумный к востоку
280 До долговечных племен добрался отважным походом,
Но, не имея еды и людьми своими питаюсь,
Вспять отошел, не узнав тебя, Нил. И даже не смеют
Басен слагать об истоке твоём; повсюду, где вьдят, —
Ищут тебя; из племен ни одно не извело славы
285 Нил с ликованьем считать своим. О, Нил, разглашу я
То, что о струях твоих узнать даровал мне однажды
Бог — сокрыватель воды! Из полуденных стран возникая,
Смеешь ты русло свое простираť до страны палящего Рака;
Прямо к Борею ты мчишь, к середине Бота, пучину;
290 Ты извиваешь свой ток то к востоку, то круто на запад,
Или арабов страну, иль ливийский песок орошая,
Первыми видят тебя (истоков не ведая) Серы,
По эфиопским полям ты бежишь чужеземным потоком:
И не узнает весь мир, кому он обязан тобою.
295 Тайных истоков твоих никому не открыла природа
И не дозволила, Нил, племенам тебя видеть младенцем,
Недра сокрыла твои, предпочла, чтоб дивились народы,
Не разузнав, откуда течешь. Дано тебе право
В солнцестоянье — расти, от чужой зимы — разливаться,
300 Ливни свои приносить; тебе одному удастся
Через два полюса течь; один об истоках не знает,
Устья не знает другой. Широко ты потоком ветвистым
Обнял Мерои страну, изобильную черным народом,

Черных деревьев край; они хоть обильны листвою,
305 Но неспособны смягчать своей тенью палящее лето:
Так его яростный Лев отвесными жалит лучами.
Вод не теряя своих, оттуда ты льешься в равнины
Феба и долго течешь по пескам совершенно бесплодным,
То собирая всю мощь в один поток многоводный,
310 То заливая окрест тебе уступающий берег.
Русло покойное вновь собирает отдельные воды
Там, где арабов народ от египетских сёл отграничив,
Филы заставой стоят всей страны. Пересекши пустыню,
Где лишь торговая связь наше море с Красным сближает,
315 Тихой ты гладью течешь: кто, ленивый поток твой увидев,
Мог бы подумать, о Нил, что твоя пучина способна
Яростным гневом кипеть? Но когда ты с обрыва стремишься,
Или крутой водопад течение твое прерывает,
Ты негодуешь тогда, что упорные камни дерзают
320 Водам пути заграждать; ты пену до звезд поднимаешь,
Все твоим ревом полно; и в грохоте гор потрясенных
Пенная блещет река стесненных волн сединою.
Там Абатос, владыка земель, — как почтенные предки
Звали его, — их первый удар, содрогаясь, выносит,
325 Там и утесы стоят, — их называли жилами Нила,
Так как подъема воды они первые знаки давали, —
Там вокруг блуждающих волн природа поставила горы,
Что запрещают, о Нил, тебе в Ливию доступ: спокойно
Между глубоких долин текут молчаливые воды.
330 Первым пускает тебя на поля открытые Мемфис,
Не позволяя брегам возводить преграды разливу».
Так, словно были они обеспечены миром надежным,
За полночь шел разговор, но безумное сердце Потина,
Раз уж себя запятнав святотатственным делом, к злодейству
335 Было готово опять. Помпея убив, беззаконья
Он не боялся теперь: в груди его маны остались,
Мщенья богини его к преступлениям новым толкают,
Низкие руки свои он считает достойными крови,

- Коей должна обогреть отцов побежденных Фортуна.
340 Кару гражданской войны и высокое мщенье Сената
Чуть не присвоил холоп! О рок! Отврати преступленье:
Пусть эту голову меч не отрубит без Брута! Иначе
Римского деспота казнь к злодеяньям фаросцев причтется,
Будет утрачен пример! Строит ковы напрасная дерзость,
345 Смертоубийство свершить не тайным обманом желая:
С непобедимым вождем состязается в битве открытой.
Дух его так от злодейств осмелел, что отдал приказ он
Голову Цезарю снять и к Великому тестя прибавить!
Этот приказ отнести он велит своим преданным слугам
350 Прямо к Ахилле, кто был соучастником в деле с Помпеем,
Кто от ребенка-царя получил все войска под начало:
Тот ему меч над всем поручил, отказавшись от власти, —
Меч над главою своей. «Покойся, — Потин ему молвил, —
Ныне на мягком пуху и ленивому сну отдавайся:
355 В царский дворец Клеопатра пришла; и не только, что предан,
Но и подарен Фарос; иль один ты не хочешь явиться
В брачный чертог госпожи? Сестра сочетается с братом,
Ибо с латинским вождем уже сочеталась: с мужьями
Рим покупает она, а Египет берет своим телом.
360 Старца могла победить Клеопатра своею отравой:
Верь же мальчишке, глупец! Если ночь с ней одну проведет он,
Коль испытает хоть раз объятья распутного тела
И под названьем святым непристойной отведаст страсти,
То, может быть, и твою, и мою — обе головы наши —
365 Даст за один поцелуй. На крестах и в огне мы заплатим
За красоту сестрицы его! Ниоткуда не видно
Помощи: царь ей супруг, а Цезарь — желанный любовник.
Правду сказать, пред жестоким судьей виноваты мы оба:
Кто же не будет из нас в глазах Клеопатры преступным,
370 Коль не развратничал с ней? Во имя убийства пустого,
Нами свершенного зря, во имя союза, что связан
Кровью Помпея, — приди! Подними внезапно восстанье;
Вторгнись; да сменит костер ночные факелы брака —

- Прямо на ложе уьем жестокую нашу хозяйку
375 С тем иль другим из мужей. Вождя гесперийского счастье
Дерзостных да не страшит! Все то, что его возвышало
И над землей вознесло, — нашей общей является славой:
Сделал ведь высшими нас Великий! Взгляни же на берег —
Он нам пророчит успех; у волны обогрелой спроси ты,
390 Как нам с тобой поступать; посмотри на могилу Помпея,
Что не все тело его прикрыла насыпью скудной.
Тот, кто страшит, был равен ему. Не славной мы крови?
Что ж! Не могущество царств, не народы мы ныне тревожим,
Мира меняем судьбу. Вождей увлекает Фортуна,
385 В руки их нам отдает; вот жертва вторая подходит, —
Первой знатнее она: понравимся новым убийством
Людам Гесперии мы; перерезав Цезарю горло,
Тем мы поможем себе, что нас, убивших Помпея,
Римский полюбит народ. Зачем нас пугают напрасно
390 Имя и силы вождя, который, когда его бросят,
Станет солдатом простым? Эта ночь гражданские войны
Кончит и тризны свершит всенародно, и к мзнам отправит
Ту голову, что миру должна. Идите же смело
Цезарю сердце пронзить! Пусть воин лагидов поможет
395 Этим — царю, а римский — себе. А ты — не замедли;
В дыме пиров, опьяненных вином, Венерой плененных
Ты их застанешь: дерзай! О чем Брут и Катон умоляли, —
Боги поручат тебе!». Его коварным советам
Внемлет Ахилла тотчас: но обычной громкой тревоги
400 Лагерю он не трубил и сбора войска не выдал
Громким раскатом рогов; все орудия грозного боя
Наспех он сразу собрал. Отряд его большею частью
Был из латинских солдат; но такое забвенье покрыло
Души бойцов, развращенных давно чужестранным влияньем,
405 Что под командой раба, по приказу приспешника, мчатся
Те, кто позором считал — подчиняться фаросским тираннам!
Чести и верности нет у людей на службе военной;
Руки продажны у них: где больше дают, там и право;

- Эти за жалкую мзду прикончить Цезаря жаждут,
410 Ратуя не за себя. О боги! Где битвы гражданской
Не заставляют встречать нашей родины горькие судьбы!
Так, фессалийских полей не видавшее, войско на Ниле
Яростью римской кипит. Тебя принявши, Великий,
Лага дворец на большее ль мог осмелиться? Пусть же
415 Каждая Вышним рука отдаст свой долг: отказаться
Рима сынам не дано. Богам так было угодно
Лация тело терзать; но злобу меж зятем и тестем
Делит не только народ; наемник гражданскую распря
Движет, и в римских делах принимает участие Ахилла!
420 Что ж! Если рок не удержит тех рук от цезарской крови,
Будет победа — у них! В готовности оба явились;
Всяческим козням дворец в разгаре пиршеств доступен;
Цезаря кровь могла бы тогда пролиться нежданно
В царские кубки, могла б голова на стол показиться.
425 Но побоялись они, как бы в этой большой суматохе,
В трепете битвы ночной, по прихоти рока и ты бы
Там не погиб, Птолемей. Велико на мечи упованье:
Не торопили злодейств и случаем очень удобным
Пренебрегали они: поправимой потерей казалось
430 Этим рабам — отложить час удобный, чтоб с Цезарем кончить.
Мнили средь белого дня его смертной каре подвергнуть.
Нсчъ подарили вождю, и, Потина милостью, Цезарь
Мог без ущерба дождить до восхода грядущего Феба.
Вот уж с Касийской горы взглянул Светоносец, и скоро
435 Утро Египту послал, накаленному даже зарею.
Тут-то и видят со стен — не в отрядах рассеянных войско,
Не в беспорядке толпу, но сомкнутый строй, как бы в битву
Шедший с законным врагом; и бой рукопашный готовы
Все и начать, и принять. А Цезарь, надежд не питая
440 На городскую стену, за дворцовыми скрылся вратами,
Спрятался в мерзкий притон. Но здесь, врагом осажденный,
Замок занять он не мог целиком; лишь часть небольшую
Войском заполнил; кипит его сердце боязнью и гневом:

Натиск пугает вождя, он на собственный страх негодует.

- 415 В тесную клетку попав, так с ревом зверь благородный
Бесится, зубы круша о крепкие прутья темницы.
Мультибер так бы вздымал огонь в сицилийских пещерах,
Если вершину твою засыпал бы кто-нибудь, Этна.

- Тот фессалийский смельчак, кто под Гема скалой не боялся
450 Всех гесперийских Отцов и грозного войска Сената,
Даже Помпея вождя, не имея надежд на победу,
Тот, кто был убежден в своем непомерном успехе,
Здесь пред рабами дрожит и копьями ныне засыпан
В самом дворце; на кого не шли ни аланы, ни скифы,
455 Ни даже мавр, кто шутя мишенью делает гостя,
Тот, кому были тесны все страны Римского мира,
Малым кто царство считал от Инда до Гадов тирийских, —
Ныне, как мальчик, труслив, как женщина, в стенах темницы
Ищет приюта себе; в закрытых дверях он спасенье
460 Видит, в палатах дворца неуверенным крадется шагом;
И не один, а с царем; за собой его всюду таскает,
С целью его наказать и пред смертью утешиться этим;
Голову ведь он твою, коль нехватит огня или копий,
Бросит в рабов, Птолемей! Говорят, царица Колхиды,
465 Мщения древле страшась за измену царю и за бегство,
Так ожидала отца с мечом, точно так же готовым
Голову брата снести. Заставляет однако же крайность
Цезаря мира искать с надеждою; телохранитель
Послан был царский к рабам, чтоб заочным приказом тиранна
470 Бунт их смирить и узнать, кто явился виновником битвы.

- Но уж утратило власть для народов священное право,
И договор не мог уберечь посредника мира
От злодеянья мечом. Кто зачтет тебе это, Египет,
Ужасов стольких творец! Ни Юбы обширное царство,
475 Ни фессалийский простор, ни Понт, ни Фарнака знамена
Грешные, или страна, огражденная холодным Ибером,
Или же варварский Сирт, — не решатся на все злодеянья
Женственной неги твоей! Наступает война отовсюду,

Копья уже летят во дворец, поражают уж стены.

480 Нет здесь тарана, чтоб дверь единым выбить ударом
Или разрушить дворец; не видно военных орудий;
Пламенем дом не объят; но войско, в решеньях слепое,
Бегаёт взад и вперед в суете близ огромного зданья,
Не нападая нигде на него всеми силами сразу.

485 Рок запретил — и вместо стены охраняет Фортуна.

И на судах атакуют дворец под косою, где смело
Этот роскошный чертог в открытое выступил море.
Но защищает косу, везде присутствуя, Цезарь.
Все нападения он огнем и мечом отражает;

490 И, осажденный кругом, — настолько духом он стоек! —
Сам наступленье ведет. Вот факелы он смоляные
Повелевает бросать на суда, что сплылись для сраженья;
Быстро огонь охватил пеньковые снасти и доски
С воском, растопленным в них; одновременно вспыхнули всюду

495 Лавки матросов внизу и канаты на ряях высоких.

Полусожженный флот уже погрузился в пучину.

Гибнут враги, их копья плывут; и пламя пожрало
Там не одни корабли: дома ближайšie к морю
Тоже тогда охватил огонь языками своими;

500 Множит побоище Нот, и пламя, гонимое вихрем,
Всюду по крышам домов не с меньшей скользит быстротою,
Чем поднебесный огонь летит бороздою воздушной,
Только в эфире горя и топлива вовсе не зная.

Этот погром не надолго отвлек от дворцов осажденных

505 Городу в помощь народ. Не теряя мгновений на отдых,
Столь дорогих для борьбы, глухою полночью Цезарь
Спешно взошел на корабль, всегда владея с успехом
Быстрым теченьем войны и украденным времени часом.
Фаросом он овладел — ключом побережья; когда-то

510 Островом был тот в волнах — во время пророка Протея:
Ныне же он подошел вплотную к стенам Пеллейским.
Здесь подвернулась вождю двойная удача в сраженьи:
Он закрывает врагу пролив и выходы в море;

- Видя, что гавань теперь доступна его подкреплениям,
515 Больше не стал откладывать он по заслугам Потина
Смертную казнь; но не так, как бы должно было по гневу,
Не на кресте иль в огне, не под зубом звериным тот умер:
О, преступленье! Глава под мечом искусным упала:
Смертью Помпея погиб! Но вот, уведенная тайно
520 Хитрой рукой Ганимеда-раба, пробралась Арсиноя
К недругам Цезаря; там, как Лага дочь, овладела
Брошенным войском царя, справедливым мечом поразивши
Царского злого раба, наводившего ужас Ахилла:
Новая жертва, Помпей, твоей принесенная тени!
525 Этого мало судьбе; да не будет такое отмщенье
Полною карой твоей! Для расчета полного мало
Даже и крови царя и всего Лагидского дома!
Цезарю сердце пока отчизны мечи не пронзили,
Будет Помпей не отмщен! Но смерть виновника бунта
530 Не укротила мятеж; под верховную власть Ганимеда
Снова войска собрались и с помощью Марса проводят
Много удачных боев: день, Цезаря участь решивший,
Мог бы на веки веков создать себе громкую славу!
Узкой плотиной идет, окруженный плотно бойцами,
535 Вождь латинский, стремясь на пустые суда свое войско
Перевести, — но тут все опасности грозные битвы
Вдруг окружают его; здесь берег суда окаймляют,
С тыла пехота зашла: не видно дороги к спасенью!
Бегство и доблесть — к чему? Лишь на честную гибель надейся!
540 Здесь без разгрома бойцов, без груды поверженных трупов
Цезаря можно разбить, не проливши ни капельки крови!
Местом захвачен врасплох, не зная — бояться ли смерти,
Или ее призывать, в густом строю он увидел
Сцеву, который давно заслужил себе вечную славу,
545 О Эпидамн, на равнинах твоих, — в тот день, как один он
Натиск у бреши сдержал поширавшего стены Помпея...

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

В кровопролитной битве, развернувшейся в 48 г. до н. э. на полях Фарсалии, фессалийского города северной части древней Греции, закончилась борьба Цезаря и Помпея полным поражением последнего. Для современников это была борьба двух больших политических деятелей за власть; в действительности же сражение под Фарсалом являлось столкновением двух враждебных сил, политической гранью, отделявшей старый сенатский Рим от нового, «императорского». Республиканский принцип, уходивший в историю, сменялся отныне принципом монархическим, диктатурой Цезаря. В Фарсальской битве искали выхода те внутренние противоречия, какие задолго до того обозначились в Римском государстве. Уже давно боролись друг против друга две силы, обнаружившиеся впервые со всей определенностью к началу первого века до н. э. в кровавой, неслыханно жестокой борьбе Мария, вождя демократических слоев Рима, и аристократа Суллы, защищавшего интересы римских оптиматов, представлявших сенаторское сословие. Марианцы искали выхода из крайнего обнищания обездоленных низов Рима и мелкого крестьянства Италии, а оптиматы старались удержать свое господствующее положение путем сохранения выгодного для них старого, прочно установившегося режима сенатской республики. Победителями на первых порах вышли оптиматы, но борьба продолжалась дальше, в новых, видоизмененных формах, но столь же упорно. Гражданская война не прекращалась, и под Фарсалом друг против друга стояли все те же непримиримые противники: верхушечные слои

общества, цеплявшиеся за старый, выгодный для них принцип республики, и обездоленные народные низы. Помпей был представителем оптиматов, но стремился, как и Цезарь, к единовластию. Цезарь в борьбе против Сената опирался на народные массы. После же победы Цезарь становится на путь примирения с аристократией.

Когда через четыре года после Фарсала Цезарь был убит в результате политического заговора, то преемники его абсолютной власти не решались, а может быть и не могли упразднить республиканские учреждения разом, и римский Сенат, постепенно все больше и больше терявший свое значение, продолжал существовать до самых поздних времен римского государства.

Создание римской монархии, разумеется, не могло вывести античное рабовладельческое общество из социально-экономического кризиса, одним из внешних проявлений которого как раз и был переход от республики к империи.

Сенатская аристократия, состоявшая из крупнейших землевладельцев и рабовладельцев, в первой половине I в. н. э. находилась в резкой оппозиции к императорам. Основные сведения о том периоде дошли до нас из кругов, близких к сенату. Поэтому в характеристике каждого из римских императоров после эпохи Августа особенно подчеркивался безудержный произвол власти и ее глубокая нравственная распушенность. Самой, пожалуй, страшной фигурой среди неограниченных владык тогдашнего Рима была в изображении этих авторов фигура Нерона. Против Нерона начали рано создаваться в римском обществе политические заговоры; в результате одного из них — заговора Пизона — был казнен молодой, двадцатипятилетний поэт Лукан. Сохранившаяся до наших дней его поэма «Фарсалия» исполнена юношеского протеста против принципов единодержавия.

И хотя за свободолюбивыми лозунгами римских аристократов-республиканцев скрывались узко классовые, реакционные устремления, поэма Лукана сослужила службу тем силам, которые боролись за победу освободительных идей на рубеже XVIII—XIX столетий.

Акад. И. И. Толстой

МАРК АННЕЙ ЛУКАН И ЕГО ПОЭМА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

I

В первые два века нашей эры три крупнейших римских писателя — Лукан, Тацит и Ювенал — были пламенными врагами деспотизма римских императоров.

От всех этих писателей до нас дошло большое литературное наследство. Произведения Тацита и Ювенала неоднократно переводились на русский язык и хорошо знакомы широким кругам читателей. Сравнительно меньше известна русскому читателю поэма Лукана о гражданской войне между Цезарем и Помпеем, или «Фарсалия». Это единственное дошедшее до нас произведение Лукана. На русский язык «Фарсалия» переведена более ста лет тому назад (в 1819 г.) С. Филатовым, причем этот перевод был сделан прозою и не с латинского, а с французского языка. Таким образом, перевод Л. Е. Остроумова — первый полный перевод поэмы Лукана, сделанный с латинского языка и притом стихотворным размером подлинника.

Из древних биографий Лукана, имеющихсся в списках его «Фарсалии», сохранилось две, из которых одна, неполная, приписывается историку Светонию (70—140 гг.), другая — филологу Вакке, жившему, по всей вероятности, в VI в. Кроме того, обстоятельства, послужившие причиной смерти Лукана, и самая его смерть описаны в «Летописи» Тацита (кн. 15, гл. 48—70).

Марк Анней Лукан родился в испанском городе Кордубе (теперешней Кордове) в конце 39 г. н. э., но воспитывался

в Риме, а затем в Афинах. Умер он 30 апреля 65 г. Годы рождения и смерти Лукана — единственные даты, какие можно точно установить; другие же события жизни Лукана точной датировке не поддаются. Лукан был по своему происхождению провинциалом и, согласно римским понятиям, не принадлежал к римской знати, поскольку никто из его семьи не был магистратом в Риме, но, тем не менее, он пользовался всеми преимуществами, какие могли доставить ему богатство и связи. Дядя Лукана — философ Луций Анней Сенека — был одним из самых видных людей своего времени. Будучи сначала воспитателем молодого Нерона, а затем сделавшись — вместе с начальником преторианских когорт Бурром — в сущности негласным властителем Римского государства, Сенека в 56 г. получил звание консула. Лукан рос и воспитывался под руководством Сенеки, единственный сын которого умер еще в детстве.

Будущий автор поэмы о гражданской войне получил самое тщательное образование. Преподавание в то время начиналось с изучения литературы и завершалось в школе «ритора» — профессора риторики. Согласно свидетельствам, которые сохранились в биографии Лукана, приписываемой Вакке, Лукан с самого начала своих занятий обнаружил удивительные способности, опередил своих сотоварищей по школе и сравнивался даже со своими учителями. Лукан в совершенстве владел и латинской и греческой речью. Он прошел и основательную философскую школу под руководством философа-стоика Корнута, у которого обучался и сатирик Персий.¹

В своих декларативных высказываниях стоики учили о полном равенстве людей без различия их социальной принадлежности — рабов и свободных. Однако эти их положения были лишены какой-либо политической заостренности, поскольку основные интересы стоиков были чисто идеалистическими, и внимание их обращалось исключительно на внутренний мир человека

¹ См.: Персий. Сатиры. Перевел и объяснил Н. М. Благовещенский. СПб., 1873, стр. 6 сл.

Согласно основному принципу стоиков, рабу ничто не мешало чувствовать себя «свободным», т. е. быть мудрецом; раб не нуждался ни в каких внешних условиях для своего блаженства, богач же часто являлся «рабом» своих страстей.

Во второй половине II в. до н. э. философия стоиков проникает в Рим, где она видоизменяется, приспособляясь к идеологическим запросам римской знати. Во времена Лукана стоическая философия пользовалась исключительным успехом у представителей высшего римского сословия, идеализировавшего старые римские республиканские традиции и благоговевшего перед своими легендарными предками, жертвовавшими всем, вплоть до собственной жизни, для блага родного государства. Эта философия, проповедовавшая настойчивость в исполнении долга и подчинение личности тому, что является с точки зрения стоической морали должным и необходимым, питала оппозиционные настроения сенаторского сословия, которые в конце правления Нерона (в 65 г.) нашли свое выражение в заговоре Гая Кальпурния Пизона. В этом заговоре принимали участие видные сенаторы и связанные с ними начальники преторианцев.

В поэме Лукана часто слышны отголоски стоического учения, соединяющегося с риторикой, которой она, можно сказать, пропитана.

Лукан начал писать и опубликовывать свои произведения — и в прозе и в стихах — очень рано; поэтому вполне понятно, что в его произведениях весьма сильны были школьные навыки, которые он постепенно, однако, преодолевал: его поэма живо и ярко воспроизводит историческую действительность и теснейшим образом связана с жизненными интересами римской оппозиции Нерону.

Из дальнейших фактов биографии Лукана нам известно, что он женился на Полле Аргентарии, которая была и молода, и красива, и добродетельна, и умна, и богата.¹

Некоторое время Лукану покровительствовал император Нерон, бывший всего на два года его старше. Нерон увлекался

¹ С т а ц и й. Сильвы, II, 7.

литературой и музыкой и стремился прославиться не только как музыкант, но и как поэт. По свидетельству Светония,¹ он впервые в Риме учредил периодические состязания, по греческому образцу, троякого рода, повторяющиеся через каждые пять лет: музыкальные, гимнастические и конные. Он назвал их «Нерониями». На этих-то состязаниях Лукан выступил с «Похвальным словом» молодому императору. Сохранилось известие, что Лукан был вызван Нероном в Рим из Афин, куда он, по всей вероятности, отправился заканчивать свое образование, и, по своем возвращении, был возведен в звание квестора (несмотря на то, что еще не достиг требуемого для этого возраста) и был принят императором в интимный круг друзей, а также получил звание жреца коллегии авгуров.

Но благоволение Нерона не было долговременным и прочным. Античные биографы Лукана объясняют разрыв Нерона с Луканом чисто личными мотивами — завистью императора к литературным успехам Лукана и крайним самолюбием последнего: молодой поэт, как указывается в приписываемой Светонию биографии, обиделся на Нерона за то, что император ушел с публичного чтения, где он декламировал свое произведение; кроме того, говорится в той же биографии, Лукан высмеял стихи Нерона в совершенно неподходящем месте и сочинил стихотворение, где издевался и над самим Нероном и над влиятельнейшими из его друзей. Все это очень правдоподобно, но, кроме того, можно с большою вероятностью предположить, что Нерон подозрительно отнесся к начатой Луканом «Фарсалии», в которой, при всей лести императору во вступлении, симпатии поэта были безусловно на стороне республиканцев и противников тираннии. Самолюбивому поэту было запрещено не только опубликовывать свои произведения, но даже читать их друзьям. Оскорбленный Лукан не удовольствовался резкими нападками на тираннию в своей поэме, где, начиная с книги четвертой, можно видеть прямые выпады против Нерона, но принял еще участие в заговоре Пизона, имев-

¹ Светоний. Нерон, 12, § 3.

шего целью свержение и умерщвление ненавистного императора. Лукан стал душою этого заговора. Но заговор был раскрыт, а заговорщики схвачены. Лукан пришел в отчаянье, ужасаясь предстоящей казни, совершенно потерял мужество и, судя по Светониевой биографии, пошел на то, что обвинил других лиц, надеясь этим спасти себя самого. Но это не спасло Лукана: он был осужден, и ему было только предоставлено самому выбрать род смерти. Лукан остановился на самоубийстве, выбрав обычный в те времена способ — вскрытие вен. Умирая, он, судя по нашим источникам, произнес собственные стихи с описанием смерти солдата, истекающего кровью. Очень возможно, что это были стихи 635—646 из третьей книги «Фарсалии»:

В миг, когда быстрый крюк наложил железную руку,
Был им зацеплен Ликид: он сразу нырнул бы в пучину.
Но помешали друзья, удержав за торчащие ноги.
Рвется тут надвое он: не тихо кровь заструилась,
Но из разодранных жил забила горячим фонтаном.
Тело жививший поток, по членам различным бежавший,
Перехватила вода. Никогда столь широкой дорогой
Не изливалась жизнь: на нижней конечности тела
Смерть охватила давно бескровные ноги героя;
Там же, где печень лежит, где легкие дышат, надолго
Гибель препону нашла, и смерть едва овладела
После упорной борьбы второй половиною тела.

Рассказ о смерти Лукана вдохновил Майкова на иное изображение последних минут Лукана. Молодой, расстающийся с жизнью Лукан так говорит устами нашего поэта:

Ужели с даром песен лира
Была случайно мне дана?
Нет, в ней была заключена
Одна из сил разумных мира!
Народов мысли — образ дать,
Их чувству — слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое —
Вот мой удел! вот власть моя!

С Нероном спорить я дерзал —
А кто же спорить мог с Нероном!
Он ногти грыз, он двигал тронем,
Когда я вслед за ним читал,
И в зале шопот пробегал...
Что ж? не был я его сильнее,
Когда, не властвуя собой,
Он опрокинул трон ногой
И вышел — полотно белсе?

Лукан у Майкова полон сознания значительности своего творчества, он считает себя вдохновителем народа:

Но как без боя все отдать!..
Хотя б к народу мне воззвать!
Певец у Рима умирает!
Сенека гибнет! и народ
Молчит!.. Но нет, народ не знает!
Народу мил и дорог тот,
Кто спать в нем мысли не дает!

В живом и поэтически правдивом изображении Майкова Лукан поддается надежде на возможность спасения от смерти бегством, но, узнав о героической смерти Эпихариды, у которой собирались заговорщики, он обретает мужество и величавое спокойствие:

Теперь стою я, как ваятель
В своей великой мастерской.
Передо мной — как исполины
Недовершенные мечты!
Как мрамор, ждут они единой
Для жизни творческой черты...
Простите ж пышные мечтанья!
Осуществить я вас не мог!..
О, умираю я, как бог
Средь начатого мирозданья!¹

Такое изображение смерти Лукана, разумеется, исторически не доказуемо, но поэтически оно подтверждается всей его поэмой.

¹ А. Н. Майков, Полн. собр. соч., т. III. Поэмы. Изд. 6-е, СПб., 1893, стр. 12 сл.

Не уцелели и близкие родственники Лукана: его отца и двоих его дядей — Сенеку и Галлиона — принудили покончить жизнь самоубийством. Поощажена была вдова поэта, Полла Аргентария, которая впоследствии ежегодно справляла день рождения покойного мужа. До нас дошли и стихотворения Стация (Сильвы, II, 7) и Марциала, писавших уже после смерти Нерона, в честь дня рождения Лукана. Вот три эпиграммы Марциала, посвященные Лукану (VII, 21, 22 и 23):

Славный сегодняшний день, свидетель рожденья Лукана:
Дал он народу его, дал его, Полла, тебе.
О, ненавистный Нерон! Этой смерти ничто не ужасней!
Если б хоть этого зла ты не посмел совершить!

Памятный день наступил рожденья певца Аполлона.
Благостно, хор Аонид, жертвы ты наши прими.
Давший тебя, о Лукан, земле — по заслугам достоин
Был свои воды смешать Бетис с Кастальской водой.

Феб, появивсь, но таким, как громко поющему войны
Лиры латинской второй плектр самолично давал.
В день сей о чем я молю? Постоянно, о Полла, супруга
Ты почитай, и пусть он чувствует этот почет.¹

II

Представители того высшего общества, к которому принадлежал и Лукан, — римские сенаторы — отнюдь не стремились к ниспровержению политической системы, основанной Августом, потому что она гарантировала им господство над рабами и создавала хорошие условия для охраны римских границ, однако идеология Сената при преемниках Августа была оппозиционной деспотизму римских цезарей.

Сенатская оппозиция принципату была достаточно своеобразным явлением в истории Рима. Известно, что, выступая в Сенате,

¹ Пер. Ф. А. Петровского.

сенаторы состязались друг с другом в лести по адресу императора. «Ни одно дело, обсуждавшееся в Сенате, не считалось столь низменным и столь ничтожным, чтобы тут же не перейти к прославлению императора, о каких бы деяниях ни пришлось говорить», — пишет Плиний Младший в своем «Панегирике императору Траяну» (§ 54). И тем не менее Сенат всегда находился под подозрением у императоров, и жертвами их террора являлись в первую очередь сенаторы.

Это объясняется прежде всего тем, что первые императоры, проводя политику укрепления созданной Августом монархии, видели в Сенате постоянную опасность возрождения прежнего республиканского Рима. Формально Сенат сохранял еще свое прежнее значение верховного государственного органа, и внешне императоры не могли не считаться с ним. Тем внимательнее относились они ко всему, что хоть как-то напоминало им о возвращении былой самостоятельности Сената. Второй причиной являлось то обстоятельство, что большинство сенаторов было крупными земельными собственниками; упорно и жестоко борясь с ними и конфискуя их владения, императоры тем самым увеличивали собственный земельный фонд и подрывали экономическую базу римской знати.

Предшественники Нерона — Тиберий, Калигула, Клавдий — проводили политику террора по отношению к Сенату.

Во времена Лукана оппозиционные настроения сенаторов усиливаются из-за нестерпимого гнета Нерона по отношению к сенаторскому сословию. Первые годы его правления, когда Нерон находился еще под влиянием Сенеки и Бурра, не предвещали Сенату ничего плохого. Явившись после похорон императора Клавдия в заседание Сената, Нерон, как сообщает Тацит,¹ «начертил программу будущего принципата, особенно устранив то, что составляло ненавистную сторону только что окончившегося. Ибо он не будет судьей во всех делах, чтобы, заперши у себя во

¹ Летопись, VIII, 4. Пер. В. И. Модестова. См. также: Светоний. Нерон, гл. 10.

дворце обвинителей и подсудимых, давать простор могуществу нескольких человек; ничего в его доме не будет продажного или доступного интригам; его дворец и государство не будут смешиваться; Сенат пусть сохраняет свои древние обязанности; пусть Италия и провинции народа римского обращаются к трибуналам консулов, а они предоставляют им доступ к Сенату; сам же он будет ведать дела провинций, занятых войсками». Таким образом, Нерон публично заявил о своем уважении к правам Сената, предоставил ему право решать важнейшие государственные дела и оставил в руках Сената управление Италией и так называемыми сенатскими провинциями, а в свое ведение брал только императорские провинции, в которых стояли войска и которые управлялись наместниками принцепса, пропреторами. Такая декларация семнадцатилетнего императора безусловно соответствовала интересам сенаторов и способствовала идеализации Нерона в глазах римского общества. И с 54 до 62 г. добрые отношения между принцепсом и Сенатом сохранялись; их деятельно поддерживали и Сенека и Бурр. Поэтому нет ничего удивительного, что идеализация молодого Нерона нашла свое отражение во вступлении к «Фарсалии».

В этом вступлении Лукан рассуждает о судьбах Рима и рассматривает исторический процесс как цепь роковых испытаний, угрожавших существованию государства, но счастливо завершившихся приходом к власти Нерона. Из роковых событий в истории Рима самыми страшными Лукан считает период триумвирата¹ и последовавшую затем гражданскую войну между Цезарем и Помпеем. Однако хотя бедствия, постигшие римскую республику, ужасны,

Но, коль иного пути не нашли для прихода Нерона
Судьбы, и грозной ценой покупается царство всевышних
Вечное, и небеса подчиниться могли Громовержцу,

¹ Т. е. Юлия Цезаря, Помпея и Красса — «Трехголового чудовища», как назвал этот триумвират современник его Варрон в своих «Менипповых сатурах» (Фарсалия, кн. I, ст. 85).

Только когда улеглось сражение свирепых гигантов, —
 Боги, нельзя нам роптать: оплачены этой ценою
 И преступления, и грех; и пусть на Фарсальской равнине
 Кровью залиты поля и насытились маны Пунийца;
 Пусть и решительный бой разразился у гибельной Мунды;
 Цезарь, к несчастьям тем прибавь и осаду Мутины,
 Голод Перусии, флот, у суровой Левкады погибший,
 Да и с рабами войну под склонами огненной Этны, —
 Все же гражданской войне мы обязаны многим: свершалось
 Все это ради тебя!¹

Несмотря на всю лезть этого вступления, в котором предсказывается даже будущий апофеоз Нерона, нет основания предполагать в нем иронию, которую видит древний схолиаст,² или считать вероятным, что прославление Нерона «было вызвано у Лукана желанием приккрыть свободолюбивые идеи, заметные уже в начале поэмы».³ Если отбросить напыщенность и риторичность, свойственные не только Лукану, но и вообще поэзии его времени, то его вступление окажется не менее искренним, чем слова Тацита в начале пятой главы XIII книги «Летописи» относительно декларативного выступления Нерона в Сенате. Для Лукана, так же как, очевидно, и для сенаторов, были естественны надежды на то, что молодой принцепс восстановит римское правовое государство, принципы которого были нарушены и триумвирами и предшествующими Нерону императорами, что он не будет «владыкою», или «тиранном», а пойдет по стопам Августа.

Разбирая ближайшие причины гражданской войны, Лукан не отдает предпочтения ни одному из противников, борьба между ними, гибельная для Рима, внушает ему ужас и отвращение (I, ст. 121 сл.):

¹ Фарсалия, кн. I, ст. 33—45.

² См. схолии к стиху 33-му в издании «Фарсалии» Вебера (Лейпциг, 1831, т. 3, стр. 11).

³ Н. Ф. Дергачи. Борьба за свободу, патриотизм и героика в поэме Лукана «О гражданской войне». Моск. Гос. пед. институт им. В. И. Ленина. Уч. зап. кафедр классической филологии и всеобщей литературы, т. XXXII, вып. VI, М., 1946.

Ты, о Великий Помпей,¹ боишься, чтоб старых триумфов
Новый герой не затмил, и лавр побед над пиратом
В галльских боях не увял. В тебе же к походам привычка
Дух возбуждает, и ты со вторым не помиришься местом:
Цезарь не может признать кого бы то ни было первым.
Равных не терпит Помпей. В чьем оружии более права,
Ведать грешно.

Обдумывая ход исторических событий Римского государства,
Лукан полагает (I, ст. 158), что

... в обществе также таились
Братской войны семена, всегда потоплявшей народы.

Военные успехи, обратившие Рим в мировую державу, разврати-
ли народ (I, ст. 171),

... которому мир и свобода
Силы крепили, храня в бездействии долгом оружие.

С одной стороны, огромная военная добыча породила богат-
ство и роскошь, породившие, в свою очередь, изнеженность
(I, ст. 164 сл.):

... едва ли приличные женам
Носят наряды мужья; героев плодящая бедность
В пренебреженьи...

С другой стороны, расширение земельных владений, сосредотоече-
ние их в руках отдельных богачей и то, что

... поля, взбороненные строгим Камиллом,
Взрытые прежде киркой и мотыкой Куриев древней,
Стали уделом иных, неведомых сельских хозяев,

привело к тому, что закалявшее римлян довольство малым, бла-
городная бедность (*paupertas*, — ст. 165), сменившись непомер-
ным богатством немногих, обратилось для большинства римлян
в нищету и н у ж д у (*egestas*, — ст. 173), и уже (I, ст. 173 сл.):

¹ Надо иметь в виду, что эпитет «Великий» — прозвище (*agnomen*) Помпея, а вовсе не определение его Луканом.

...на злодейства, нужды порождение,
 Смотрят легко; а мечом захватить в свои руки отчизну —
 Это великая честь; и ставят мерою права
 Силу; в неволе закон и решенья народных собраний,
 Консулы права не чтут, и его попирают трибуны.

Выборы должностных лиц обращаются в «торг должностями», заимодавцы берут «хищный процент» и назначают «беспощадные сроки уплаты». Словом, все старинные устои римской республики поколеблены, и «война стала выгодной многим» (I, ст. 181).

Таким выводом заключает Лукан свое изложение причин, разрушивших государственное целое и приведших к гражданской войне.

Но положительной программы у Лукана нет. В своем вступлении он ни слова не говорит о мерах, какие могли бы восстановить былой республиканский строй Рима в том виде, в каком он был, по традиционному представлению, во времена Куриев и Камиллов. Лукан считает такой возврат к прошлому невозможным и мечтает лишь об одном: о водворении мира и спокойствия во всем мире. И вот к этому водворению мира поэт считает призванным Нерона, который и после своего будущего апофеоза должен заботиться о благе вселенной: «блуды равновесие мира» — обращается Лукан к Нерону (I, ст. 57),

Став посредине небес; пусть эта эфирная область
 Ясной останется вся, в облаках да не скроется Цезарь.
 Пусть человеческий род, оружие бросив, стремится
 К общему благу в любви; и мир, по вселенной разлившись,
 Да заградит навсегда железные Януса двери.

Вступление к «Фарсалии» показывает, какова была основная мысль и задача Лукана в его поэме о гражданской войне.¹

¹ Сам Лукан насчитывает шесть причин гражданской войны между Цезарем и Помпеем: 1) роковая необходимость, не допускающая «великому долго выстоять» (I, ст. 67—84); 2) то, что Рим стал «трех владык достоинством» (т. е. Цезаря, Помпея и Красса), тогда как коалиционная тиранния невозможна (ст. 84—97); 3) гибель Красса, бывшего «единой помехой против грядущей войны» между владыками Рима (ст. 98—111); 4) смерть

Эту войну Лукан считал критическим моментом римской истории: ею заканчивался весь период древней республики, выродившейся в тиранию «трехголового чудовища».¹ После исторически неизбежного, с точки зрения Лукана, крушения совместного самовластия трех, а после смерти Красса — двух владык Рима (I, ст. 4 и 84—97) должна была наступить новая эра для римской державы. Лукан считает гражданскую войну, которой он посвящает свою поэму, самым мрачным событием в истории Рима, сходясь в своем мнении с современником и участником борьбы между Цезарем и Помпеем — Цицероном, который через два года после битвы при Фарсале писал: «... я скорблю, что, выступив в жизни как бы в дорогу с некоторым опозданием, я прежде окончания пути застигнут был этою ночью государства».²

Лукан родился после того, как миновала эта «ночь государства», и во введении к своей поэме он надеется на наступление ясного для Рима дня. Для Лукана идеалом верховного правления обновленного римского государства было правление Сената, который поручает власть назначенному им лицу. Эта идея выражена Луканом в начале пятой книги «Фарсалии» (V, ст. 13—14), когда римские сенаторы

...возвещают народам,

Что не Сенатом Помпей, а Сенат руководит Помпеем,

и развита в дальнейшей речи Лентула (V, ст. 17—47).

Таким образом, Лукан и его единомышленники стремились к аристократической («сенатской») республике. Юлии, дочери Цезаря, бывшей замужем за Помпеем (ст. 111—120); 5) соперничество Цезаря и Помпея (ст. 120—157); 6) пороки римлян, порожденные чрезмерным богатством в результате успешных войн и приведшие к разложению римского общества (ст. 158—182).

¹ См. выше, стр. 259, примеч. 1.

² См. трактат Цицерона «Брут», гл. 96, § 330. Эти слова Цицерона поругали темой для одного из лучших стихотворений Тютчева — «Цицерон»:

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!».

лике, возглавляемой зависимым от сената «вождем» (V, ст. 47). Такому «законному» образу правления, которое было установлено в разгар гражданской войны, Лукан противопоставляет деспотию Юлия Цезаря, самовластно распоряжающегося в Риме: незаконно созывающего Сенат и предписывающего ему решения (III, ст. 103—111), издевательски относящегося к народным собраниям (V, ст. 385—402), дерзко заявляющего о своей неограниченной власти (V, ст. 660—664).

Сенат для Лукана — олицетворение свободы, Цезарь — царской власти (VII, ст. 694—697).

Политические взгляды Лукана не находятся в противоречии с его льстивым восхвалением Нерона в начале «Фарсалии»: поэт мечтает, что молодой принцепс окажется тем «вождем», который будет править римской державой в согласии с Сенатом. Идеализация Нерона находится в соответствии с надеждами, которые, как было уже указано, пробудились в сенаторских кругах римского общества в связи с декларацией молодого императора; но при чтении дальнейшего текста «Фарсалии» сразу бросается в глаза, что восхваление Нерона совершенно не связано ни с общей тематикой, ни с отдельными эпизодами поэмы. Лукан как будто совершенно забывает о Нероне, и внимание поэта всецело приковывается к картинам борьбы между Цезарем и Помпеем и к дальнейшим, уже после гибели Помпея, эпизодам гражданской войны, главным героем которой становится для Лукана Катон Младший.

К сожалению, у нас нет никаких сведений относительно того, в какое время написаны отдельные части «Фарсалии», но можно считать несомненным, по данным биографии Лукана, что по крайней мере вторая часть поэмы написана после окончательного перехода поэта на сторону противников тирании Нерона. По указанию биографии Лукана, которую приписывают Вакке (см. стр. 251), нам известно только то, что сам Лукан издал три первые книги своей поэмы, после чего, очевидно, Нерон и запретил ему дальнейшую публикацию его произведений.

Будучи в начале своей литературной деятельности в самых лучших отношениях с Нероном, Лукан в первых книгах «Фарсалии», по всей вероятности, и не думал как-нибудь задевать молодого императора, не намеревался намекать на то, что он деспот и враг свободы (в понимании этого слова Луканом). Но Нерон, особенно после смерти Бурра и удаления от императорского двора Сенеки (в 62 г.), решил, пренебрегая своей первоначальной декларацией, быть полновластным и самодержавным властителем Рима и начал преследования граждан по закону об оскорблении величества. Он стал всячески притеснять сенаторов, между прочим широко конфискуя их имущество. Совершенно естественно, Нерон должен был заподозрить в авторе «Фарсалии» своего если не открытого, то тайного идейного врага — ярого сторонника власти Сената, врага, который, к тому же, оказался и сильным его соперником на литературном поприще.

Вполне понятно, что во второй части «Фарсалии» (начиная с книги четвертой) отношение Лукана к Нерону резко меняется как по личным мотивам, так и благодаря тому разочарованию, какое овладело Луканом и его единомышленниками, когда они увидели истинное лицо своего властителя. Восторженно-льстивое отношение к Нерону сменяется ненавистью к этому тиранну-цезарю, сбросившему маску республиканской лояльности и обратившемуся в настоящего «царя», считавшего, по словам автора «Октавии», что

Предметом страха должен цезарь быть.¹

Явные и скрытые намеки на тираннию Нерона видны во многих местах последних книг «Фарсалии», и для современников поэта эти намеки (какие могли они усмотреть и в первых книгах) были совершенно очевидны.

¹ Decet timeri Caesarem (ст. 457). Трагедия «Октавия», приписываемая Сенеке, была написана, скорее всего, каким-нибудь его подражателем и единомышленником. (Русск. перев. в кн.: Сенека. Трагедии. М.—Л., 1933).

Так, например, изображение Юлия Цезаря, самовластно распоряжающегося в Риме (V, ст. 381 сл.), должно было легко напомнить о самовласти Нерона, а тот стих (V, ст. 385), где осуждается

Лживая речь, которою мы владык обольщаем,

сводил на нет все прославление Нерона во вступлении к поэме (I, ст. 33—66).

Пользуясь словом «Цезарь», которое было фамильным именем в роде Юлиев, а со времен Октавиана-Августа обратилось в титул римских императоров (откуда и русское ц а р ь), Лукан мог в ряде случаев иметь в виду Нерона. Намек на Нерона ясен в стихе 696 книги VII, где противопоставляются С в о б о д а и Ц е з а р ь — *Libertas et Caesar*.¹

Заканчивая описание Фарсальской битвы, Лукан восклицает (VII, ст. 640—646):

...ниспровержены мы на столетья!

Нас одолели мечи, чтобы в рабстве мы век пребывали.

Чем заслужил наш внук иль далекое внуков потомство

Свет увидеть при царях! ² Разве бились тогда мы трусливо?

Иль закрывали мы грудь? Наказанье за робость чужую ³

Нашу главу тяготит. Рожденным после той битвы

Дай же и сил для борьбы, коль дала господина, Фортуна!

Так как Лукан считает выразителем и хранителем римской «свободы» Сенат, то на протяжении всей поэмы Сенат постоянно противопоставляется Цезарю. Это видно уже с первых книг «Фарсалии». Так, в книге I Курион, «оратор продажный и дерзкий»,

¹ В переводе — «Бьются Свобода и царь». Можно было бы передать и более дословно, например так: «Вольность и цезарь в борьбе», но перевод Л. Е. Остроумова ярче передает смысл намека Лукана. В других случаях Лукан, говоря о деспотической власти, применяет и слова *gex*, *dominus* и *regnum* (см. ст. 643, 646; VI, ст. 301 и др.).

² *In regnum nasci*.

³ Намек на нерешительность Помпея.

который «когда-то стоял за свободу» (I, ст. 269 сл.), бежавший из Рима к Цезарю, перешедшему Рубикон, говорит ему (ст. 274):

Я убеждал продлить твою власть против воли Сената.

Первый центурион в войске Цезаря Лелий убеждает его пренебречь волею Сената и римских граждан, приравнивая власть Сената к неограниченной царской власти, то есть аргументируя так же, как аргументировали противники Цезаря, считавшие его царем, или тиранном. Лелий говорит Цезарю (I, ст. 365):

Граждан ничтожных терпеть и царство Сената — тебе ли?

В этой же первой книге Лукан осуждает Сенат за проявленную им слабость и страх, вынужденный походом Цезаря (ст. 486—493):

... Не только народ потрясенный
Страхом встревожен пустым, но курия также — и с места
Все повскакали отцы, — и Сенат, обратившийся в бегство,
Консулам вмиг о войне декрет ненавистный вручает.
Где-то защиты ища, не зная, где скрыта опасность,
В ужасе мчится Сенат, куда его бегство уносит,
И прорывает, стремясь, бесконечные толп вереницы,
Загородившие путь.

Совершенно другую позицию по отношению к Сенату занимает Помпей: в книге второй (ст. 531 сл.) Помпей, обращаясь к своему войску, указывает, что оно «правого дела оплот», так как получило «брани законный доспех» от Сената. Сенат, в глазах Лукана, не только законный орган верховной власти, но он должен стоять даже выше Судьбы (Фортуны), изменчивой и лживой. Восклищая (ст. 566 сл.)

... Неужели Цезарь сумеет
Целый Сенат победить?,

Помпей добавляет:

Не так-то ты слепо несешься,
Вовсе не зная стыда, о Фортуна!

Лукан с презрением относится к этой богине, которая выгораживает Цезаря.

... Сенат из смятенного Рима
Буйных трибунов изгнал, угрожая им участью Гракхов.

Сенат для автора «Фарсалии» выше и консулов, и народных трибунов, и народных собраний: во вступительной части книги первой (ст. 176 сл.) Лукан указывает, как одну из основных причин гражданской войны, то, что

... в неволе закон и решения народных собраний,
Консулы права не чтут и его попирают трибуны.

С чувством горького презрения говорит Лукан о тех сенаторах, какие остались в Риме, не пойдя за Помпеем, и о том неправомочном, с точки зрения поэта, Сенате, который собирает в Риме Юлий Цезарь (III, ст. 103 сл.) и который всецело и раболепно готов подчиняться его произволу. Этому противозаконному Сенату Лукан противопоставляет Сенат, заседающий вдали от Рима, в Эпире. Законность и полномочность этого Сената Лукан доказывает в речи Лентула (V, ст. 7—47). Хотя высшие магистраты и присутствуют здесь в сопровождении ликторов, со вставленными в их фасции секирами, которые должны были выниматься в Риме (законном месте собраний Сената), в знак отсутствия у высших должностных лиц военных полномочий в стенах столицы, — хотя вся обстановка здесь чисто военная, а отнюдь не гражданская, тем не менее Лукан настаивает на том, что собрание в Эпире отнюдь не лагерь Помпея, а истинный римский Сенат, члены которого

... возвещают народам,
Что не Сенатом Помпей, а Сенат руководит Помпеем.

Такое же указание на главенство Сената, олицетворяющего римскую республику, видно и в речи Помпеева легата Петрея (IV, ст. 212—235), где противоплагаются Цезарь и Сенат, за дело последнего Петрей призывает солдат «доблестно пасть».

Вполне понятно поэтому, что Лукан считает позорным бегство Помпея в Египет и порицает побежденного полководца словами приспешника Птолемея, Потина, с презрением говорящего о Помпее (VIII, ст. 483 сл.), что

Он не от тестя бежит: бежит от взоров Сената,
Коего большая часть фессалийских птиц накормила.

Свое отношение к Сенату и скорбь о потере им бывшего могущества Лукан окончательно раскрывает в речи Катона, посвященной убитому Помпею (IX, ст. 190—214):

Умер у нас гражданин, который был, правда, неравен
Предкам в блюдении прав, но все же полезный в том веке,
Что совершенно забыл уважение к праву; могучим
Был он, свободу храня; хоть народ к нему в рабство склонялся.
Частным остался лицом, и хоть взял руководство Сенатом, —
Тот неизменно царил.

...
Мария, Суллы приход загубил когда-то свободы
Истинный облик; теперь, со смертью Помпея, исчезнет
Даже и призрак ее: уж царская власть не зазорна, —
И потеряет Сенат даже всякую видимость власти.

Политическими воззрениями Лукана определяется и его отношение к действующим лицам его поэмы о гражданской войне.

В первой книге «Фарсалии» Лукан старается дать беспристрастную характеристику обоих соперников — Юлия Цезаря и Помпея Великого:

... В чьем оружии более права,
Ведать грешно —

говорит он в 126 сл. стихах своей поэмы. Характеристика обоих вождей дается путем сопоставления одного с другим (ст. 121—157):

Ты, о Великий Помпей, боишься, чтоб старых триумфов
Новый герой не затмил...

... В тебе же к походам привычка, —

обращается Лукан к Юлию Цезарю, —

Дух возбуждает, и ты со вторым не помирись местом:
Цезарь не может признать кого бы то ни было первым.
Равных не терпит Помпей...

Помпей,

Той гражданской своей давно уже тело покоя,
Быть разучился вождем от долгого мира...

и желает лишь наслаждаться своею былою славой, а у Цезаря
... был единственный стыд — не выигрывать битву.

Помпея Лукан сравнивает со старым дубом, который,

Хоть и грозит он упасть, пошатнувшись от первого ветра,

все-таки продолжает величаво стоять среди молодых, полных
силы лесов. А Цезарь подобен сверкающей молнии, которая,

Бурно падая вниз и бурно ввысь возвращаясь.
Гибель сеет кругом и разметанный огонь собирает.

Такая сравнительная характеристика Помпея и Цезаря развита на протяжении всей поэмы и подтверждается и рассказом о действиях, и картинными описаниями, и сравнениями, и риторическими отступлениями, которые Лукан вставляет в свою поэму. Всюду Цезарь отважен, смел, но вместе с тем и рассудителен, Помпей же постоянно проявляет нерешительность и неумение пользоваться своими успехами, хотя и объясняет свои действия высшими государственными соображениями. Так, например, Помпей не решается использовать свой успех при Диррахии, несмотря на начавшуюся в войске Цезаря панику (VI, ст. 290 сл.). Помпей мог бы, по словам Лукана, прекратить гражданскую войну истреблением войска Цезаря, но удерживает «ярость мечей» своих воинов. И это вызывает горестные слова Лукана (VI, ст. 301—313):

... От царей свободен и счастлив
Был бы ты, Рим, и прав не лишен, когда б на том поле
Сулла тогда победил. О горе, о вечное горе!

.
День этот стал бы, о Рим, последним днем твоих бедствий:
С ним из судьбины твоей могла бы Фарсалия выпасть!

Совершенно иначе, чем Помпей, поступает Цезарь в конце Фарсальского сражения: щадя лишь народ, он приказывает истреблять сенаторов и всю знать (VII, ст. 574—585):

Воину сам он меч подает, копье направляет,
Повелевает разить железом лицо супостата,
Сам продвигает войска, подгоняет в тылу отстающих
И оробелых бойцов ободряет ударами древка.
Он запретил народ истреблять, на Сенат указуя:
Знает, где кровь страны, кто является сердцем отчизны.
Как ему Рим захватить, где свободу последнюю мира
Легче всего уязвить. Со вторым сословьем мешаясь,
Падает знать; и людей, достойных почета, сражает
Меч: умирают кругом Корвины и гибнут Метеллы,
Лепиды гибнут в бою и Торкваты, которые часто
Были вождями страны — все славнейшие после Помпея.¹

Оба — и Цезарь и Помпей — выставляют себя в поэме Лукана патриотами, но Цезарь смело идет походом на Рим, лишь на миг задерживаясь у Рубикона в трепете перед явившимся ему в сумраке ночи призраком «Родины смутной» (I, ст. 185 сл.),² и, объявляя себя поборником народа и противником «владык», т. е. сенаторов и знати, так заканчивает свое обращение к войску (I, ст. 350 сл.):

Ведь не ищу я себе ни добычи, ни царского трона:
Мы изгоняем владык из Рима, готового к рабству.

¹ Все это описание гибели римской знати, несомненно, воспринималось во времена Лукана как намек на гонения аристократии Нероном.

² Совершенно иного рода «видение» у Рубикона описано Светонием в главе 32-й его биографии Цезаря. Когда Цезарь, — повествует Светоний, — «ненадолго остановился и, внутренне проверяя все значение задуманного им предприятия, сказал, обращаясь к присутствующим: „Еще нам

А Помпей отказывается возвращаться в свободный от неприятеля Рим во главе войска, говоря (VI, ст. 319 сл.):

... Рим меня встретит,
Только когда я солдат распушу по домам после боя.

и, стоя формально на страже законов государства, упускает возможность овладеть Италией и восстановить нарушенный Цезарем государственный строй Рима.

Цезарь не теряет присутствия духа и рассудительности, поняв, что его хотят убить во дворце Птолемея, и одолевает своих врагов (X, ст. 434—513 и сл.). А Помпей беспомощно отдается в руки египтян и, когда его убивают, заботится лишь о том, чтобы умереть достойно и не потеряв чести (VIII, ст. 561—636).

Но если Юлия Цезаря, несмотря на все его смелые и решительные действия, которые Лукан описывает часто с беспристрастием и даже, порою, с восхищением, никак нельзя назвать героем Лукана, то и Помпей, как мы видим, отнюдь не является предметом его поклонения: Лукан постоянно его осуждает и подозревает в одно и то же время и в неспособности к военному делу и в честолюбии во вред римской республике, которую должен блюсти независимый и законный Сенат. В этом отношении показательна речь Цицерона, обращенная к Помпею перед Фарсальской битвой (VII, ст. 68—85). Цицерон называет Помпея «неповоротливым в победе», спрашивает его, почему он колеблется вверить

есть возможность возврата; а перейдем этот мостик, и все уже придется решать оружием», — в этот момент колебаний было ему такое видение: внезапно появился кто-то неизвестный, необычайного роста и красоты; сидя поблизости, он играл на свирели. Послушать его сбежались не только пастухи, но и многие солдаты с постов, а среди них и трубачи; вырвав у одного из них трубу, неизвестный бросился к реке и, оглушительно заиграв военный сигнал, направился к другому берегу. „Вперед, — воскликнул тогда Цезарь, — куда зовет нас знамение богов и несправедливость противников!“, и прибавил: „Жребий брошен!“». Плутарх говорит, что Цезарь долго обдумывал свой переход через Рубикон (Плутарх. Цезарь, гл. 32). Ср. также сообщение Аппиана (Гражданские войны, кн. II, гл. 35).

богам защиту Сената, и заканчивает свою речь такой знаменательной фразой:

Знать желает Сенат, — он войско твое или только
Свита, Великий?

Истинным героем для Лукана был непреклонный противник тираннии Марк Порций Катон Младший (правнук Катона Старшего), не пожелавший подчиниться милости Цезаря и окончивший жизнь самоубийством в 46 г. до н. э. в африканском городе Утике (отчего и назван был «Утическим»). Восторженное преклонение перед этим хранителем традиций римской республики, возглавляемой Сенатом, видно уже в самом начале первой книги «Фарсалии», где Лукан, сопоставляя соперников в гражданской войне — Цезаря и Помпея, говорит (ст. 128):

Мил победитель богам, побежденный любезен Катону.

Отношение Катона к гражданской войне и к борющимся друг с другом «тестю» и «зятю», т. е. к Цезарю и Помпею, выясняется первый раз в книге второй поэмы Лукана (ст. 234—391). Племянник Катона, будущий убийца Юлия Цезаря, Марк Юний Брут приходит к Катону спросить его совета и мнения о гражданской войне, говоря, что

Бруту единственный вождь — Катон.

Разговор Брута с Катоном очень важен для понимания идеологии самого Лукана и его воззрений не только на историческое прошлое, но и на современный ему государственный строй Рима. Брут и Катон — оба убежденные сторонники аристократической республики, воплощающей, по их мнению, да и по мнению Лукана, идею свободы; оба — последователи стоической философии, в принципах которой был воспитан Лукан. Но Лукан отнюдь не соединяет Брута и Катона в один отвлеченный и безжизненный образ идеального представителя и стража республиканских традиций. Оба они — живые и живо обрисованные люди, несмотря на всю риторичность характеристики их автором «Фарсалии».

Придя к Катону, Брут сразу заявляет, что он не стоит ни на стороне Помпея, ни на стороне Цезаря (ст. 246), но тут же, как мы видели, говорит, что во всем последует за Катоном. Первый вопрос, который задает Брут Катону, это — останется ли Катон в гражданской войне нейтральным или же примет в ней участие, признав ее тем самым не подлежащей осуждению (ст. 247—250):

...Пребудешь ли в мире,
Шествуя твердой стопой сквозь смуты тревожной вселенной?
Иль, в преступленья вождей и в раздоры народа вменявшись,
Междоусобную брань ты решил оправдать соучастьем?

Но Брут тут же отвергает возможность участия Катона в «междоусобной брани», так как Катон, чуждый всяких корыстных целей, не может

Бой ради боя любить,

и советует Катону (уверенный в его согласии) оставаться в стороне от гражданской войны (ст. 265 сл.):

...Влачи на покое
Свой безоружный досуг: так звезды небесные вечно
Без потрясений текут своей чередой постоянной, —
Воздух же, близкий к земле, пылает сверканием молний.
В долах бушуют ветра и дождя огневого потоки, —
Но повеленьем богов Олимп над тучами блещет:
Распри ведет лишь то, что ничтожно; то, что велико —
Свой сохраняет покой.

Брут доказывает правоту своей мысли тем, что, если Катон примет участие в борьбе между Помпеем и Цезарем, он отступит от истинных республиканских принципов, от которых отступили многие сенаторы, должностные лица и другие представители знати. Если же и Катон примет иго Помпея (о возможности подчинения Катона Цезарю Брут, разумеется, и помыслить не может),

...тогда во вселенной свободным
Будет лишь Цезарь один.

Этим аргументом разгорячившийся Брут хочет окончательно убедить Катона остаться вне борьбы между Помпеем и Цезарем и добавляет, что если Катон решит встать на защиту законов родины и на охрану свободы, то (ст. 283 сл.):

Брут ни Помпею врагом, ни Цезарю ныне не станет:
Будет он после войны врагом победителю.

Но Катон вовсе не «Дон-Кихот аристократии», как называет его Моммзен,¹ а гораздо более реальный политик, чем его племянник. Он опровергает доводы Брута, советующего быть в стороне от гражданской войны, и заявляет о необходимости для честного человека принять личное участие в защите родины. Он признает преступность гражданской войны, но считает ее роковой необходимостью, перенося ответственность за нее на богов (ст. 286—288). Хотя Катон и смотрит довольно мрачно на исход гражданской войны и опасается, что в нее будут вовлечены иноземные народы и Рим может пасть «под натиском дагов и гетов» (ст. 296), но он считает, что должен будет поступить в таком случае как сын, провожающий тело умершего отца до могилы и собственноручно зажигающий погребальный костер (ст. 297—301), и восклицает (ст. 300—303):

...Оторвать меня смогут не раньше,
Чем обниму я, о Рим, твой труп; и твою, о Свобода,
Невоплощенную тень провожать я буду до гроба!

Сравнивая себя с легендарным Децием, пожертвовавшим собою за отечество, Катон готов на то, чтобы его поразили оба лагеря — и Цезаря и Помпея (ст. 309). Он считает себя последним республиканцем, после гибели которого некому будет защищать свободу, а победителю, желающему царской власти, не придется больше воевать со своими подданными (ст. 315—319):

... Меня лишь мечом поразите —
Воина призрачных прав и напрасного стража законов!

¹ «Der Don Quichotte der Aristokratie» (Theodor Mommsen. Römische Geschichte, Bd. 3, Kap. 5).

Смерть эта мир принесет, конец трудам и страданиям
Всех гесперийских племен: властителю после Катона
Незачем будет война.

Поэтому Катон считает своим долгом встать на защиту родины под знаменами республики и под предводительством Помпея (ст. 319—323).

Приведя речь Катона, Лукан в нескольких словах описывает впечатление, какое она произвела на Брута, завершая этим его характеристику (ст. 323—325): Катон

...сказал; и острым стрекалом
Гнев он тогда возбудил и юноши пыл безрассудный,
В сердце его зародив к усобице страстную жажду.

Краткая, но очень выразительная характеристика дается Луканом и Катону в конце описания встречи с Брутом и нового брака Катона с Марцией (ст. 372—391). Катон считает своим предназначеньем служить отечеству на благо всей вселенной (ст. 380—383):

...Таковы и нрав, и ученье Катона:
Меру хранить, предел соблюдать, итти за природой,
Родине жизнь отдавать; себя неуклонно считал он
Не для себя одного, но для целого мира рожденным.

В дальнейшем мы встречаемся с Брутом и Катонем лишь во второй части «Фарсалии». Но Брут мало интересует Лукана, и он не делает его одним из героев поэмы. Кроме простых упоминаний о Бруте как о будущем убийце Цезаря (VIII, ст. 610; IX, ст. 17; X, ст. 342), Лукан посвящает ему всего несколько строк в описании сражения при Фарсале, в котором Брут участвует и старается убить Цезаря, переодевшись, чтобы не быть узнанным врагами, в доспехи рядового воина (VII, ст. 586—596).

Зато Катон становится истинным героем книги девятой, большая часть которой (ст. 186—949) посвящена описанию его действий в Африке и его изнурительному и страшному походу по Ливийской пустыне.

Выясняя выше взгляды Лукана на Сенат, мы уже видели (стр. 269), как Лукан оценивает устами Катона роль Помпея в римской республике: Помпей хотя и не может быть приравнен к истинным древним политически-бескорыстным республиканцам, но все же он был полезен государству своего времени. В своем могуществе он не нарушил идеи свободы. Руководя Сенатом, он не покусился на его суверенные права.

Рад был он власти вождя, но был рад эту власть и сложить он.

Отношением к Помпею объясняется и вся деятельность Катона как участника гражданской войны. Однако, если судить только по речи, произнесенной Катonom в память убитого Помпея, можно подумать, что непреклонный республиканец и страж «свободы» всецело оправдывает покойного военачальника. Но ведь τὸν τεθνῆκός τε μὴ κακολογεῖν — нельзя поносить мертвого, — и вот, если обратиться к тому, как относится Катон к живому Помпею, картина изменяется.

По началу книги девятой (ст. 19—30) совершенно ясно, как оценивает Лукан Катона и его отношение к гражданской войне и Помпею. Катон, — говорит Лукан, —

... пока колебалась судьба и было неясно,
Кто из гражданской войны всемирным властителем выйдет,
Хоть за Помпеем и шел, но также его ненавидел:
Родины участь влекла и ведущая воля Сената.
Но фессалийский разгром склонил его сердце к Помпею.
Родину он поддержал, лишенную ныне защиты,
Мощью опять оживил размякшие мышцы народа,
Выпавший меч возвратил руке, обессиленной страхом.
Но не за властью гонясь, он вел гражданскую распрю,
И не пред рабством дрожа: ничего для себя не искал он
В этих боях: с той поры, как умер Помпей, его целью
Только свобода была.

Таким образом становятся вполне понятны слова 128-го стиха книги первой —

Мил победитель богам, побежденный любезен Катону.

Катон считал, что гражданская война, если не суждено погибнуть обоим ее вождям — и Цезарю и Помпею, — должна завершиться установлением тираннической, царской власти над миром. Поэтому он «ненавидел» не только Цезаря, но и Помпея и шел за ним, только из патриотизма подчиняясь воле Сената, оставшегося, хотя бы формально, верховным римским учреждением.¹

В той же девятой книге имеется еще очень интересное «завещание» Помпея, которое передает его сыну Сексту вдова Помпея Корнелия (ст. 87—97):

«Ежели час роковой, сыновья, обречет меня смерти,
Вы продолжайте войну гражданскую, чтобы вовеки,
Коль еще жив на земле потомок нашего рода,
Цезарям царства не дать. Могучие крепкой свободой
Вы города и царей поднимайте именем нашим:
Эту обязанность вам и оружие я оставляю.
Каждый Помпей найдет себе флот, если пустится в море.
В мире ведь племени нет, которое в бой не пошло бы
Вслед за потомком моим: храните же дух непокорный,
Помните отчую власть. Одного только слушаться можно,
Если он будет стоять за свободу, — только Катона».

Таким образом Помпей завещает своим сыновьям и всему своему роду: 1) продолжать гражданскую войну, чтобы не могли воцариться Цезари; 2) поднимать на эту войну и свободные города, и даже царей — именем Помпея, — памятуя о законности его власти; 3) подчиняться в борьбе за свободу одному только Катону.

Такая программа действий в одно и то же время и мстительно-безрассудна и отвлеченна; в ней, кроме того, явно просвечивают сквозь внешние государственные интересы (защита Сената и «свободы») личные интересы Помпея. Надо во что бы то ни стало бороться с Цезарями; для этого пригодны всякие средства, лишь бы не допустить Рим до монархии, — даже союз с восточ-

¹ См. выше стр. 272.

ными деспотами! Не так думал Катон — хранитель древних республиканских заветов, опасавшийся (II, ст. 293 сл.), что

... к римским знаменам пристанут
Дальнего моря цари, под звездою рожденные чуждой.

Катон не мог принять такой программы действий: для него династическая власть Помпея и его потомков, хотя бы и прикрытая формальными полномочиями от Сената, и нелепа и отвратительна.

Помпей становится для Катона героем только после своей смерти, когда Помпей окружается ореолом трагической славы как противник тирании; но до этого он — только наиболее приемлемое орудие для борьбы с врагом Сената и свободы — Цезарем. После смерти Помпея борьба эта теряет свою двусмысленность: никто уже не заподозрит Катона, что он борется в интересах одного из соперников, и Цезарь, говоря словами Брута (II, ст. 273 сл.), уже не станет ликовать при мысли о том, что такой гражданин, каков Катон, принимает участие в междоусобной войне. Помпей погиб, а Катон не сдается на милость победителя и, наоборот, с удвоенною силой начинает новую борьбу с Цезарем, борьбу, в которой он — представитель Сената, защитник свободы, не руководимый никакими своекорыстными побуждениями.

Катон в представлении Лукана — идеальный вождь, деятельный и готовый на любое самопожертвование. В походе по страшной, полной всяких ужасов Африке он переносит все бедствия наравне с простыми воинами, он ободряет войско не только вдохновенными патриотическими речами, но и личным примером выносливости и твердости духа. Для него нет и не может быть никаких компромиссов. И образ Катона у Лукана все время остается не отвлеченным, а живым образом: это во всем — человек, человек идеальных стремлений, но никогда не отрывающийся от действительной жизни и деятельности.

Вот, в представлении сенаторских кругов эпохи Нерона, истинный хранитель «свободы» и борец за Рим, которому он отдает

все свои силы. Такой человек для Лукана истинно прекрасен, и он, только он, а не божества, стоящие за Цезаря, и к которым Лукан в своей поэме относится с нескрываемым презрением, должен стать истинным богом римлян (IX, ст. 601—604):

Вот он — отчизны отец, настоящий, о Рим, и достойный
Вечных твоих алтарей! Без стыда мог бы им ты поклониться!
И, если ныне или впредь восстанешь ты, сбросивши иго,
Станет он богом твоим!

У нас нет никаких документальных данных для того, чтобы определенно судить о первоначальном замысле «Фарсалии», с ее обращением к Нерону, которому Лукан адресует с мольбой как к будущему богу, «блюсти равновесие мира» (I, ст. 57); но совершенно очевидно, что, по мере того как Лукан писал свою поэму, он коренным образом изменил тот замысел, какой можно предполагать в ней, судя по ее началу, и обратил ее в произведение, всецело направленное не только против Нерона, но и против деспотизма всяких «Цезарей». Мстительные слова Помпея — «Цезарям царства не дать» (IX, ст. 90) — приобретают в поэме значение основной программы Лукана и его единомышленников. Понятен поэтому и тот ореол, каким окружает Лукан Катона, и его обожествление, как героического вождя Сената и идеолога «свободы» в представлении аристократических сенаторских кругов времен римской империи.

III

Из крупных литературных произведений времен Нерона у нас сохранилась часть огромного сатирического романа, написанного Петронием Арбитром,¹ которого в настоящее время с полным основанием отождествляют с Петронием, бывшим одно время

¹ Петроний Арбитр. Сатирикон. Перев. под ред. Б. И. Ярхо. М.—Л., 1924.

любимцем Нерона и игравшим при его дворе роль «судьи изящного вкуса» (*elegantiae arbiter*).¹

Так же, как и Лукан, но уже после заговора Пизона, Петроний пал жертвой жестокости Нерона, оклеветанный временщиком Тигеллином.²

Роман Петрония — его «Сатиры», или, как обычно, но неправильно его называют, «Сатирикон», — чрезвычайно интересен для суждения о том, как относились ближайшие современники Лукана к его исторической поэме.

Поэт Эвмолп в романе Петрония говорит:

«Вот, например, описание гражданской войны: кто бы ни взялся за этот сюжет без достаточных литературных познаний, будет подавлен трудностями. Ведь дело совсем не в том, чтобы в стихах изложить факты, — это историки делают куда лучше; нет, свободный дух должен устремляться в потоке сказочных вымыслов по таинственным переходам, мимо святилищ богов, чтобы песнь казалась скорее вдохновенным пророчеством исступленной души, чем достоверным показанием, подтвержденным свидетелями» (гл. 118).

Эвмолп декламирует небольшую поэму о гражданской войне, в которой все исследователи видят протест против художественных принципов, принятых Луканом.

По своему содержанию поэма Эвмолпа соответствует первым книгам поэмы Лукана и, несомненно, подражает отдельным ее местам.

Несмотря на сходство отдельных частей и даже стихов поэмы Лукана и поэмы Эвмолпа, два эти произведения показывают с полной ясностью коренную разницу как идейных установок, так и поэтических приемов, применяемых Эвмолпом и Луканом. Обычно считается, что вложенная Петронием в уста Эвмолпа поэма о гражданской войне «возникла в виде реакции против

¹ Образ Петрония исключительно живо и ярко обрисован Пушкиным в его неоконченной «Повести из римской жизни».

² Тацит. Летопись, кн. XVI, гл. 18—19.

сухого изложения, пропитанного односторонней политической тенденцией»;¹ что Лукан — новатор в области эпической поэзии, считающий, «что до поэзии можно добраться и помимо путей, указанных Гомером, что ее смело можно искать в правде и в истории»² и что Петроний своей поэмой о гражданской войне хотел «проучить Лукана» и доказать, что его «Фарсалия» «была бы несравненно лучше, будь она написана по правилам старой школы», с непременно введенным в исторический эпос богов, мифологических подробностей и элемента чудесного, от которого отказался Лукан.³

Таким образом, выходит, что Петроний — литературный противник Лукана, что поэма Эвмолпа выражает мнение самого автора «Сатир», а что Лукан открыл новые пути историческому эпосу и порвал с укоренившимися в античной литературе традициями. Такое представление о Лукане и об отношении Петрония к его поэме вызвано, безусловно, программным заявлением Эвмолпа в главе 118-й и, в особенности, словами, что «дело совсем не в том, чтобы в стихах изложить факты». Многие из современников Лукана и позднейших римских критиков не считали его поэму поэтическим произведением и не причисляли его к поэтам: «Лукан, — говорит комментатор Вергилия Сервий (IV в. н. э.), — потому не достоин быть в числе поэтов, что, очевидно, сочинял историю, а не поэму»; а схолиаст в комментарии к первому стиху «Фарсалии» замечает: «Лукан потому не считается большинством в числе поэтов, что следует только историкам, что не соответствует поэтическому искусству».⁴ Но не таково было мнение большинства читателей «Фарсалии», которую, по свиде-

¹ Примеч. 354 к гл. 118 перевода «Сатирикона» Петрония, под ред. Б. И. Ярхо, стр. 189 сл.

² Г. Буассье. Общественные настроения времен римских цезарей. П., 1915, стр. 201.

³ Там же, стр. 202—204.

⁴ Servius ad Aen. I, 382. Comm. Bern. ad Phars. I, 1. — Оба эти мнения, скорее всего, восходят к источнику I или II в. н. э.

тельству современника Лукана — поэта Марциала, раскупали на-
расхват:

Правда, иные меня совсем не считают поэтом,
Книгопродавец же мой видит поэта во мне.¹

Но на каком основании можно считать, что словами Эвмолпа Петроний высказывает собственные свои мысли? То, что говорит этот бродяга, мошенник и развратник, которого все бьют и поносят за его надоедливые декламации, вряд ли может быть мнением самого Петрония. Напыщенная и проникнутая консерватизмом тирада в главе 118 гораздо больше походит на издевательство Петрония над современными ему поклонниками старины, чем на его собственное воззрение на поэзию и ее задачи. Сама же поэма Эвмолпа о гражданской войне, перенасыщенная «ученой» мифологией, с ее Плутоном, у которого «разверзается зев, пересыпанный пеплом» (Эвмолп, ст. 77), с Тисифоной, к которой обращается Фортуна, говоря ей (ст. 119 сл.) —

...А ты насыщайся смертями без счета,

О Тисифона, и жуй, бледнолицая, свежие раны,

с Ромулом, «бряцающим дротом огромным» (ст. 268), с Раздором, который (ст. 271 сл.),

...Растрепав свои космы,

Тянет навстречу всевышним личину, достойную ада.

и со всяческими нагромождениями мифологических ужасов и чудес, какими заполнено это произведение, со всеми событиями, какие, в противоположность изложению Лукана, совершаются не по внутренней необходимости и не в силу естественного хода исторических событий, а лишь «по приказу Раздора» (ст. 295), — вся эта поэма — протест не против Лукана, а против бездарных его современников, мнивших себя хранителями заветов Гомера и Верги-

¹ Надпись на книге, содержащей поэму Лукана (Марциал. Книга эпиграмм, XIV, эпигр. 194).

л и я. Эвмолп, несомненно, один из таких невыносимых поэтов, впитавших в себя без всякого толка нахватавшую александрийскую мифологическую ученость и считавших себя вправе не только учить Лукана, но и переделывать на пошлейший лад самого Вергилия, пример чего дан Петронием в главе 89.

Что же касается того, насколько Лукан является новатором в области исторического эпоса, то, за недостатком материала для сравнения его поэмы с другими, более ранними произведениями, посвященными историческим (а не легендарным, как в «Энеиде») событиям римской республики, мы не в состоянии полностью оценить «Фарсалию» в историко-литературном отношении. Известно, однако, что Лукан отнюдь не был пионером этого литературного рода. События жизни римского государства уже с древнейших времен, когда еще только начиналась латинская письменная литература, послужили темой двух крупных эпических произведений: поэт III в. до н. э., старший современник драматурга Плавта, Гней Невий (274—204 гг. до н. э.) написал большую поэму о Первой Пунической войне, а поэт следующего за ним поколения, Квинт Энний (239—169 гг. до н. э.) сочинил в восемнадцати книгах римскую историческую «Летопись», в которой впервые введя в римскую литературу дактилический гекзаметр, изложил всю римскую историю, начиная с легендарного прошлого и кончая современными поэту событиями (опустив лишь историю первой войны Рима с Карфагеном, поскольку она уже была написана Невием). Произведение Энния излагало, как и «Пуническая война» Невия, военную историю Рима. Об эпосе Невия можно судить теперь лишь по свидетельствам о нем и по чрезвычайно скудным отрывкам; поэма Энния известна несколько лучше, но и от нее дошло всего сотен шесть стихов, большею частью разрозненных. Об исторических поэмах, более близких по времени к Лукану, мы тоже не можем судить сколько-нибудь основательно, потому что они не сохранились; но что такие поэмы существовали, это достоверно известно: на одном геркуланском папирусе был обнаружен даже небольшой отрывок, написанный во времена Августа и посвященный битве при Акциии.

Единственная же, кроме «Фарсалии», дошедшая до нас историческая поэма I в. н. э. — это поэма о Второй Пунической войне в семнадцати книгах, написанная Силием Италиком, о стихах которого Плиний Младший не без основания говорит, что в них видно больше старания, нежели дарования.¹ Это растянутое и до крайности риторическое произведение, написанное по материалу Тита Ливия, обнаруживает несомненную зависимость от Лукана, но лишено его поэтической силы и обильно уснащено мифологией, согласно требованиям Эвмолпа; боги в этой поэме принимают, в противоположность «Фарсалии», деятельное участие в событиях.

Таким образом, поэма Лукана о гражданской войне остается для нас первым, хорошо сохранившимся, памятником римского исторического эпоса за период от начала римской литературы до времен Домициана, когда была опубликована поэма Силия Италика.

Несмотря, однако, на невозможность установить детально преемственную связь «Фарсалии» с более ранним римским историческим эпосом, можно с полной уверенностью сказать, что молодой поэт использовал в своей поэме произведения своих предшественников. Если рассматривать его поэму в целом, то она, несомненно, продолжает лучшие традиции римской эпической и дидактической поэзии. Использование произведений предшественников (вплоть до прямых заимствований), продолжение и развитие их дела — одна из отличительных особенностей античной поэзии.

Лукан, придерживаясь во многом традиций, установленных его предшественниками, но отнюдь не слепо им подражая, делает дальнейший крупный шаг в развитии римского исторического эпоса. Он берет у своих предшественников то, что ему представляется необходимым и полезным для разработки своей, уже чисто исторической темы, решительно отказываясь при этом от того, что не подходит и мешает развитию его основной идеи,

¹ Плиний Младший. Письма, III, 7.

которую он излагает в начале своей поэмы (I, ст. 1—97). Отказ Лукана, в силу стремления к исторической правде, от введения богов как действующих лиц в борьбу между Цезарем и Помпеем, борьбу, со времени которой до рождения Лукана не прошло и сотни лет, показывает его сознательный отход от устаревших поэтических традиций; а с другой стороны, широкое применение риторики, сочетающейся с искреннею страстностью (близкой к страстности Лукреция), обильное введение ясно и резко выраженных сентенций, сближающих его произведение с философско-дидактическим эпосом, — все это говорит о том, что Лукан ищет новых путей для исторической поэмы, путей, которые еще только намечались у его предшественников. В ту эпоху, когда жил Лукан, в эпоху, когда было распространено слепое поклонение вычурной и безжизненной поэтической форме, когда уже переставали понимать истинную живую сущность древней римской поэзии и стремились к чисто внешнему ей подражанию, автор «Фарсалии» должен был производить на тогдашних «знатоков» по меньшей мере странное впечатление; и не только такие тупые рутинеры, каков Петрониев Эвмолп, находили произведение Лукана непозитическим, но даже такой тонкий и умный критик, каким был Квинтилиан, ясно видевший талант Лукана, считал его поэму о гражданской войне скорее образцом для ораторов, чем для поэтов.¹

Отзыв Квинтилиана, при всей его краткости, дает, может быть, лучшую из всех характеристик Лукана. В авторе «Фарсалии», своем современнике,² Квинтилиан видит талантливого человека, одаренного и пылкою искренностью и умом, но вместе с тем считает, что мастерство Лукана скорее подходит для оратора, чем для поэта. И, как это ни странно может показаться на первый взгляд, этот отзыв не находится в противоречии с приведенным выше двустушием Марциала. Называя Лукана по-

¹ Квинтилиан. Образование оратора, X, 1, § 90.

² Квинтилиан был моложе Лукана на четыре года, но пережил его на тридцать лет.

этом, Марциал совсем не имеет в виду существа его творчества, а только указывает на успех «Фарсалии» у читателей: пусть считают, что я не поэт, — говорит в этой надписи на книге Лукан, — но мои стихи продаются нарасхват. Вот истинный смысл слов Марциала. Поэма Лукана имела исключительный успех в кругах римской образованной публики.

IV

Излагая в своей поэме события гражданской войны, Лукан соблюдает ту хронологическую их последовательность, какую мы находим и в записках Юлия Цезаря о гражданской войне и в других исторических сочинениях, дошедших до нас от древности. Основным историческим источником для Лукана было, по всей вероятности, сочинение Тита Ливия, написанное во времена Августа. «Римская история» Тита Ливия охватывала огромный период: от древнейших времен до 9 г. до н. э. Из 142 книг этого труда до нас дошли только 35, причем книги, посвященные гражданской войне, не сохранились, а известны нам лишь по краткому изложению их содержания, сделанному еще в древности неизвестным автором, составившим такие изложения также и других книг Ливия.

Содержание поэмы Лукана о гражданской войне в общем соответствует содержанию книг 109—112 «Истории» Тита Ливия. Но Лукан оставил нам свою поэму незаконченной: она обрывается на изложении действий Юлия Цезаря в Александрии, т. е. приблизительно на тех же событиях, какие изложены Цезарем в третьей, и последней, книге его «Записок о гражданской войне».

Однако документальное и подробное изложение последовательных событий гражданской войны не входит в задачу Лукана. Исторические факты служат ему лишь основным фоном, на котором Лукан, как истинный художник, изображает и полные жизни картины (ср. картину паники в Риме в кн. I, изображение леса у Массилии в кн. III, переправу Цезаря в лодке в кн. V, описа-

ние похода Катона в кн. IX, пир Клеопатры и Цезаря в кн. X, и др.), и образы действующих лиц (ср. все характеристики Цезаря и Помпея, Катона и Брута в кн. II, Сцево в кн. VI, лодочника Амикла в кн. V, и др.). Лукан постоянно пользуется случаем, чтобы дать свою оценку историческим событиям и ввести в изложение свои собственные, порой довольно отвлеченные рассуждения, использует всякий удобный случай, чтобы ввести в свой рассказ речей; дает волю своей учености и рассуждает на естественно-исторические, астрономические и другие научные темы (ср. описание африканских змей в кн. IX, астрономические указания в кн. III и других, рассуждения жреца Ахорея о Ниле в кн. X, и т. д.); вводит в поэму ряд мифов и т. п.

Лукан горячо отстаивает право поэта не придерживаться только «истины» и определенно заявляет об этом, когда говорит о мифическом саде Гесперид (IX, ст. 357—367), восклицая (ст. 359):

О, как завистлив тот, кто века лишает их славы,
К правде поэтов зовет!

И вместе с тем Лукан совершенно порывает с обветшалым приемом введения в исторический эпос богов как действующих лиц, которые не только руководят действиями людей, а и сами действуют, подобно гомеровским небожителям.¹ То, что было естественно и обычно для поэтов за несколько веков до Лукана, в его времена, разумеется, стало нелепостью, хотя и поддерживалось косною традицией.

Исторические события гражданской войны излагаются в поэме Лукана далеко не равномерно. Подробно останавливаясь на тех из них, которые дают материал для развития идей, заложенных в «Фарсалии», и картин, возникающих в его творческом воображении, Лукан лишь вскользь останавливается на тех фактах, какие для него несущественны. Так, например, подробно описывая действия под Массилией (кн. III) или поход Катона, которому посвящена почти вся книга IX, Лукан чрезвычайно

¹ См. выше, стр. 282.

кратко передает события, начиная от переправы Цезаря с войском в Эпир и до действий обоих противников у Диррахия (кн. V). Но от исторической поэмы, разумеется, нельзя требовать того, что требуется от историка. Зато психологические подробности — переживания действующих лиц, их страхи, надежды и т. п. — изображаются подробно, живо и во многих случаях очень глубоко и тонко.

Особенно интересуют Лукана те события гражданской войны, какие могут дать ему возможность драматизировать изложение и ввести в него живую человеческую речь. О чем бы ни повествовал Лукан, он всюду, где только возможно, заставляет своих действующих лиц говорить. Само собою разумеется, что ни речи главных участников войны, ни тем более таких второстепенных фигур, как Сцева, Ахроей, Брут, Амикл и жители острова Лесбоса, не могут претендовать на подлинность. Но ведь и античные историки, не только подобные Титу Ливию, но и такие, как Фукидид, старавшийся быть как можно более точным и критически подходивший к своим источникам,¹ вводили в свое изложение речи, нисколько не скрывая, что эти речи никак не могут быть точною записью того, что в действительности было сказано.² «Записки» Юлия Цезаря также переполнены речами. Это вполне понятно, потому что и в Греции и в Риме исторические сочинения считались литературным жанром, близким к ораторскому искусству.

И вот, Лукан следует этому обычаю и настолько широко пользуется речами в своем историческом эпосе, что Квинтилиан имел полное право назвать его произведение более подходящим для изучения оратору, чем стихотворцу. Лукан настолько увлекается речами, что идет и на некоторые отклонения от историче-

¹ См.: Фукидид. История Пелопоннесской войны, I, 20 сл.

² «Что касается речей... то для меня трудно запомнить сказанное в этих речах со всею точностью... Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый оратор... скорее всего мог говорить о настоящем положении дел, причем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного». (Там же).

ских фактов, вводя, например, в свою поэму Цицерона, обращающегося с речью к Помпею перед началом Фарсальской битвы, тогда как Цицерона на фарсальском поле не было. Ради риторического эффекта вводит Лукан и речи Брута и Катона в книге второй, несмотря на то, что свидание Катона с Брутом в Риме при начале гражданской войны более чем невероятно. Но на такие отклонения от фактов древние мало обращали внимания даже в специально исторических произведениях, каковы, например, сочинения Саллюстия или Тита Ливия и «Записки» Юлия Цезаря. Вероятное или правдоподобное легко заменяло собой документальное изложение. У Тита Ливия, да и у других древних историков, считавших свои произведения отнюдь не летописными сводами, а произведениями художественной литературы, мы найдем сколько угодно подобных отклонений.¹

Однако Лукан делает мало исторических ошибок и ход гражданской войны, как мы уже указывали, передает с достаточной точностью, вводя, впрочем, иногда эпизоды или описания, не имеющие прямого отношения к основному содержанию его поэмы. Благодаря таким отступлениям мы можем познакомиться из текста «Фарсалии» с очень интересными и недостаточно известными по другим источникам подробностями римского быта, древней географии и этнографии, с религиозными верованиями и т. п. Подробный рассказ Ахорея о Ниле (кн. X), длинное описание посещения Аппием умолкнувшего Дельфийского оракула (кн. V) и тому подобные отступления дают нам весьма важный материал для истории античной культуры.

Что касается пристрастия Лукана ко всяким «ужасам», а не просто только к «удивительному», пристрастия, которое сразу бросается в глаза при чтении «Фарсалии», то оно вполне гармонирует с задачей его поэмы: показать ужас гражданской войны и все бедствия, какие обрушиваются на государство, когда

¹ См.: М. М. Покровский. История римской литературы. М.—Л., 1942, стр. 278 сл.

люди, стоящие во главе его, а за ними и рядовые граждане, забывая о своей родине и своем долге перед ней, преследуют личные, своекорыстные интересы.

V

В согласии с учением стоиков, Лукан считает, что все в мире определено судьбой, или роком (*fatum*), законов которого не в силах изменить даже сами боги. При таком мировоззрении богам в его поэме, действительно, не может быть места. Но, отвергнув божества как действующие силы, Лукан не хочет совершенно порвать с таинственным и чудесным, которое занимает такое важное место в героическом эпосе. В «Фарсалии» мы встречаем и вещие сны, и пророчества, и гадания, и такие картины, как замечательное описание священного леса (III, ст. 399—425), который приказывает вырубить Цезарь. И хотя Лукан и признает допустимость узнавать (VI, ст. 428—430)

Судьбы по жилам зверей, по птицам, по молниям неба
Иль по светилам гадать, подобно жрецам ассирийским,
Или другим ведовством — негреховным,

но сам он против стремления людей раскрывать предопределения судьбы, осуждая (в начале кн. II) «правителя Олимпа» за то, что он тревожит и смущает людей,

В грозных пророчествах им открывая грядущую гибель,

и с полной определенностью высказывает устами Катона свое отрицательное отношение к оракулам (в кн. IX). Катон отказывается узнать о судьбе посредством обращения к прорицалищу Юпитера-Аммона (IX, ст. 566—584); особенно же резко порицает Лукан «противные вышним таинства магов» (VI, ст. 430), к которым прибегает Секст, «сын недостойный» Помпея (VI, ст. 420).

Особое место занимают в «Фарсалии» легенды и мифы, которые Лукан очень любит вставлять в свое повествование, стре-

мясь украсить и оживить ими изложение исторических событий. Так, Лукан пользуется мифами, например, для сравнения беспокойного сна воинов Цезаря после Фарсальской битвы с муками Ореста, преследуемого Эвменидами, с безумием Пенфея и с отчаянием Агавы (VII, ст. 777—780); для сопоставления участи кораблей Помпея с кораблем Аргонавтов, проходившем между Симплегадами (II, ст. 711—718), а также и для того, чтобы расцветить подробные географические описания, занимающие в его поэме значительное место. Так, например, говоря о посещении Аппием Дельфов, Лукан начинает свой рассказ мифом о создании дельфийского прорицалища Аполлоном (V, ст. 79—85); при описании Фессалии (VI, ст. 333—412) поэт проявляет в полной мере свою мифологическую ученость и уснащает это описание всевозможными мифами, связанными с этой областью: тут и Геркулес, и Ахилл, и Агава с головою Пенфея, и кентавры, и Пифон и т. д. и т. д.

Но наибольший интерес представляют для нас у Лукана те мифы, которые он излагает обстоятельно и подробно. К таким мифам относятся миф об Антее и Геркулесе (IV, ст. 581—660), миф о Палладе-Тритониде и саде Гесперид (IX, ст. 348—367) и миф о Медузе и Персее (IX, ст. 619—699).

Чрезвычайно любопытны различные мотивировки введения в текст поэмы мифа о саде Гесперид и мифа о Медузе и Персее. В первом случае Лукан оправдывает себя правом поэта уклоняться от истины,¹ а во втором, признавая невозможность уяснить истинные причины происхождения заразных испарений и ядов в ливийской земле, он указывает на вздорность мифического объяснения:

Столько смертей почему источает Ливии воздух,
Всякой заразой богат? Какие тайные яды
В этой смешала земле природа? Трудом и усердьем
Мы не узнаем того; а сказанье, известное в мире,
Все обмануло века, за истину выдав неправду.

¹ См. выше, стр. 288.

И как бы в доказательство нелепости сказочного толкования Лукан превосходно излагает самый миф с неподдельным увлечением.

Очень обстоятельно и ярко рассказан и миф об Антее и Геркулесе, кончающийся прославлением победителя карфагенян Сципиона. Этот миф особенно интересен тем, что глубокий смысл его для нас проникновенно раскрыт И. В. Сталиным в его заключительном слове на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г.¹

Поэма Лукана имела огромный успех и в древности, и в новое время. Особенно популярен был Лукан во времена французской революции, когда даже один стих из «Фарсалии» —

Знает ли кто, что мечи нам даны, чтобы не было рабства,²

был выгравирован на саблях национальной гвардии.

Древнейшие и лучшие списки «Фарсалии» относятся к IX и X вв. Со времени выхода первого печатного издания поэмы в 1469 г. и до наших дней появилось значительно более сотни полных изданий ее текста. Переводы «Фарсалии» на разные европейские языки также очень многочисленны.

Для нас поэма Лукана имеет очень важное значение, так как не только освещает историю политической мысли времен римской империи, но и дает богатый материал для изучения античной литературы, являясь замечательным памятником римского исторического эпоса.

VI

Содержание «Фарсалии»

Книга первая. Указание на тему поэмы (1—7).³ — Безумие римлян, забывших о внешних врагах из-за гражданской войны (8—32). — Если, однако, гражданская война

¹ И. В. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 42.

² Ignorantque datos, ne quisquam serviat enses (IV, ст. 579).

³ Цифры в скобках соответствуют порядковым номерам стихов.

вызвана роковой необходимостью и привела к появлению Нерона, то нельзя роптать за нее на судьбу. Лесть Нерону (33—66). — Причины гражданской войны (67—182. См. стр. 262 сл. примеч. 1). — Начало похода Цезаря на Рим и переход через Рубикон (183—230); занятие Армина (231—261). — Прибытие к Цезарю народных трибунов, изгнанных из Рима Сенатом; Курион убеждает Цезаря немедленно начать войну с Помпеем (261—291); речь Цезаря к солдатам (291—351). — Речь центуриона Лелия (352—391). — Цезарь вызывает к себе когорты, находящиеся в Галлии; перечисление этих войск (392—465). — Цезарь занимает Италию своими войсками и наводит этим такой ужас на римлян, что сенаторы и Помпей оставляют Рим (466—522). — Страшные знамения предстоящих бедствий (522—583). — Гадания о судьбе Рима (584—638). — Астрологические предсказания Нигидия Фигула (639—672). Пророчество исступленной римской матроны о грядущей войне (673—695).

Книга вторая начинается с рассуждения в духе философии стоиков о законах мироздания и о роли судьбы и случая (1—15). — Скорбь в Риме. Описание жалоб женщин, воинов и стариков, которые вспоминают времена Мария и Суллы (16—233). — Свидание Брута с Катонам и речи их о гражданской войне (234—325). — Вторичная женитьба Катона на Марции (326—371). — Характер и образ мыслей Катона (372—391). — Помпей отступает в Капую, где пытается организовать сопротивление Цезарю (392—398); описание Апеннин (399—438). — Характеристика действий Цезаря и колебания жителей итальянских городов, не знающих, на чью сторону стать (439—461). — Бегство военачальников Помпея — Либона, Терма, Суллы, Вара, Лентула и Сципиона (462—477). — Домиций пытается защищать город Корфиний, но Цезарь берет город и приказывает освободить пленного Домиция (478—525). — Речь Помпея к войску (526—595). — Видя, что войско его ненадежно, Помпей отступает в Брундисий (596—609). — Описание Брундисия (610—627). — Помпей отправляет своего

старшего сына на Восток и в Египет, а консулов — в Эпир за военной помощью (628—649). — Тем временем Цезарь старается захватить Помпея в Брундисии, блокируя порт (650—679). — Помпей прорывается из Брундисия на кораблях. Город сдается Цезарю (650—736).

Книга третья. Явление спящему на корабле Помпею призрака его покойной жены Юлии, которая предсказывает ему гибель в гражданской войне. Проснувшись, Помпей продолжает путь и достигает Диррахия (1—45). — Дальнейшая часть книги посвящена действиям Цезаря. Цезарь отправляет Куриона в Сицилию и Сардинию за продовольствием, а сам направляется в Рим, где незаконно созывает Сенат (46—107); захват Цезарем государственных денег, несмотря на противодействие народного трибуна Метелла (108—168). — Отступление: описание вспомогательных сил Помпея (169—297). — Оставив Рим, Цезарь переходит Альпы и направляется к Массилии. Речь массилийцев и ответ Цезаря. Начало осады Массилии (298—398). — Описание священного леса под Массилией, который вырубает по приказу и почину Цезаря (399—452). — Цезарь поручает осаду своим военачальникам (453—496), массилийцы делают вылазку и сжигают осадные укрепления римлян (497—508). — Римляне переносят военные действия на море; описание флота римлян и массилийцев (509—538). — Начинается морское сражение, в котором побеждают римляне (539—762).

Книга четвертая. Описание лагеря, разбитого легами Помпея в Испании под Илердой напротив лагеря Цезаря (1—23). — Начало военных действий под Илердой и описание проливных дождей и наводнения, заливающего лагерь Цезаря (24—120). — По окончании наводнения Цезарь переходит через реку Сикор, построив мост. Петрей снимается с лагеря и направляется в Кельтиберию (121—147). — Цезарь настигает Петрея, и оба враждебные лагеря располагаются вблизи друг от друга. Римские воины обеих сторон узнают знакомых и родных и мирно сходятся вместе, но Петрей обращается к своим солдатам с речью и побуждает их к сражению (148—253). — Военные дей-

ствия Цезаря и помпеянцев, кончающиеся победою Цезаря (254—401). — Неудачи военачальников Цезаря. Легат его, Антоний, заперт помпеянами в Салоне (в Иллирии) (402—464); описание подвига Вултея и его воинов (465—581). — Действия Куриона в Ливии. Миф об Антее (581—660). — Войска помпеянцев под начальством Вара и Юбы в Африке. Отношение Юбы к Куриону (661—693). — Временный успех Куриона в сражении с Варом (694—714). — Поражение войска Куриона и его смерть (715—798). — Рассуждение Лукана о Курионе (799—824).

Книга пятая. Заседание Сената в Эпире для обсуждения действий против Цезаря (1—14). — Речь консула Лентула, предлагающего избрать Помпея вождем от имени Сената для ведения войны против Цезаря (15—47); Сенат передает верховное командование Помпею, воздает почет «союзным царям и народам», передает власть над Ливией Юбе, а над Египтом — Птолемею (47—65); Аппий отправляется к Дельфийскому оракулу для получения предсказаний (65—70). — Описание Дельфийского оракула, жрицу которого Аппий принуждает дать предсказания (71—236). — Мятеж в войске Цезаря (237—299). — Цезарь бесстрашно является к мятежникам, обращается к ним с речью и усмиряет мятеж (300—373). — Цезарь посылает войско в Брундисий, а сам без армии отправляется в Рим, где получает консульство (374—402). — После этого Цезарь приезжает в Брундисий, снаряжает флот и переправляется с частью войск в Эпир (403—460). — Войска Цезаря и Помпея приходят в соприкосновение (461—475). — Ввиду того, что Антоний не присылает из Брундисия остальных войск, несмотря на требования Цезаря, он решает сам отправиться за ними (476—503). — Описание попытки Цезаря переплыть через море в простой лодке. Буря мешает переправе, и лодку выбрасывает обратно на берег Эпира (504—677). — Встреча Цезаря его солдатами и прибытие Антония с флотом (678—721). — Ввиду предстоящего сражения Помпей решает отправить жену свою Корнелию на остров Лесбос. Описание их разлуки (722—815).

Книга шестая. Действия Помпея и Цезаря у Диррахия (1—63). — Недостаток подножного корма и болезни угрожают войску Помпея, а войско Цезаря терпит жестокий голод (64—117). — Помпей решает прорвать окружение Цезаря. Описание подвига центуриона Цезаря — Сцевы (118—262). — Военные действия оканчиваются поражением Цезаря, но Помпей не использует свою победу и дает Цезарю уйти в Фессалию (263—315). — Приближенные Помпея убеждают его вернуться с войском в Италию, но Помпей отказывается и сам едет в Фессалию (316—332). — Описание Фессалии (333—412). — Беспокойство воинов перед предстоящим сражением. Сын Помпея Секст решает узнать о предстоящей судьбе при помощи магии (413—437). — Описание фессалийских колдуний и их волшебства (438—569). — Секст приходит к колдунье Эрихто. Разговор его с колдуньей и подробное описание заклинаний и магических действий с предсказанием о грядущем (570—830).

Книга седьмая. Сновидение Помпея и горестные размышления Лукана (1—44). — Солдаты ждут сигнала к бою. Речь Цицерона, побуждающего Помпея начать сражение, и ответ Помпея (45—130). — Выступление войска Помпея и описание грозных знамений (131—234). — Мысли Цезаря перед боем, его речь к войску и бодрость его воинов (235—336). — Мрачные предчувствия Помпея, которые он старается преодолеть, и его обращение к войску (337—384). — Лукан оплакивает предстоящий результат Фарсальского сражения. Первоначальная нерешительность солдат, видящих в противниках своих родных (385—469). — Ветеран Цезаря Крастин начинает битву. Описание начала боя (470—505). — Конница Помпея начинает окружать войско Цезаря, но обращена в бегство когортами (506—544). — Цезарь одерживает верх и приказывает войскам, щадя народ, беспощадно истреблять сенаторов и знать (545—585). — Брут в доспехе простого воина стремится убить Цезаря (586—596). — Смерть Домиция (597—616). — Описание поражения армии Помпея (617—646). — Бегство побежденного Помпея (647—727). — Цезарь занимает лагерь Помпея. Поле сражения на утро

следующего дня. Цезарь запрещает погребать трупы врагов, и они становятся добычей диких зверей и птиц (728—846). — Поэт проклинает Фессалию (847—872).

Книга восьмая. Помпей направляется на остров Лесбос, где находится Корнелия. Встреча ее с Помпеем (1—108). — Несмотря на приглашение лесбосцев, Помпей с женой уезжают с острова. Размышления Помпея на корабле и его беседы с кормчим (109—201). — Встреча с Дейотаром, которого Помпей направляет за помощью к далеким народам (202—240). — Описание путешествия Помпея (241—455). — По совету Лентула Помпей плывет в Египет (456—471). — Приближенные Птолемея обсуждают, как поступить с Помпеем; Потин предлагает его убить (472—535). — Все сождашаются. Скорбь и негодование Лукана (536—560). — Помпей пристаёт к берегу. Описание его убийства. Мысли умирающего Помпея (561—636). — Горестная речь Корнелии (637—662). — Голову Помпея относят к Птолемею, который приказывает ее набальзамировать и сохранить для Цезаря (663—691). — Лукан оплакивает участь Помпея (692—711). — Погребение тела Помпея Кордом (712—780). — Обращение Лукана к Корду и заключительные размышления поэта (781—872).

Книга девятая. Катон собирает на Коркире остатки армии Помпея, разбитой при Фарсале; с Коркиры войско переправляется на судах в Африку и встречается с кораблями Секста Помпея и Корнелии (1—50). — Скорбь Корнелии, передача ею завещания Помпея сыновьям и плач ее (51—116). — Встреча сыновей Помпея — Гнея и Секста (117—166). — Корнелия и все помпеянцы оплакивают Помпея. Речь Катона в его честь (167—214). — Солдаты не хотят продолжать войну и по наущению Таркондимота бросаются на корабли, чтобы покинуть Катона (215—252). — Речь Катона, прекращающая мятеж (253—293). — Катон занимает Кирену и идет через Сирты к Юбе. Описание Сиртов (294—318). — Часть флота потеряна, а остальная пристаёт к берегу у озера Тритона (319—347). — Описание этой местности и сада Гесперид (348—367). — Катон

решает идти через пустыню (368—410). Описание Ливии и тяжелого похода по ней (411—510). — Описание храма Югитера-Аммона в оазисе (511—543). — Лабие и другие спутники Катона убеждают его спросить оракул Аммона (544—563). — Ответ Катона (564—586). — Восхваление терпеливости, скромности и мужества Катона (587—618). — Легенда о происхождении ливийских змей и миф о Медузе и Персее (619—699). — Описание разных видов змей (700—733). — Воины Катона погибают от укусов змей (734—838). — Страдания и жалобы воинов, которых поддерживает только доблесть Катона (839—889). — Римскому войску помогают псиаллы — заклинатели змей, врачующие раны от их укусов (890—937). — Войско приходит на зимовку в Лептис (938—949). — Прибытие Цезаря в Трою (950—999). — Цезарь идет с флотом в Египет и на седьмой день достигает Фароса. Его встречает телохранитель Птолемея с головою Помпея. Речь телохранителя и плач Цезаря, который Лукан считает притворным (1000—1063). — Речь Цезаря к телохранителю (1064—1108).

Книга десятая. Прибытие Цезаря в Египет, где он посещает храмы богов и склеп Александра Македонского. Рассуждения Лукана об Александре (1—52). — Цезарь во дворце Птолемея и свидание его с Клеопатрой, которая просит его о восстановлении ее царских прав (53—103). — Цезарь принимает Клеопатру и Птолемея. Описание пира, данного Клеопатрою (104—171). — По окончании пиршества Цезарь расспрашивает верховного жреца Ахорея о Египте и, в частности, об истоке и течении Нила (172—192). — Ахорей опровергает старинные легенды о Ниле и высказывает свое мнение (193—261). — Потин обдумывает убийство Цезаря, привлекая к себе в сообщники Ахилла (262—398). — Воины Ахилла, часть которых составляли латинские солдаты, окружают дворец; но убийство Цезаря откладывается на следующий день из боязни, как бы в суматохе нападения не был убит Птолемей (398—433). — Цезарь укрывается во дворце, но все время держит при себе Птолемея. Посланный от имени Птолемея к бунтовщикам телохранитель ими

убит. Дворец остается пока неприступным (434—485). — Начинается нападение на дворец с моря, в которое выдается часть дворца, но Цезарь приказывает поджечь вражеский флот, вместе с которым загораются и приморские дома (486—503). — Пользуясь смятением, Цезарь глубокою ночью садится на корабль и захватывает остров Фарос. Цезарь приказывает казнить Потина, а сестра Птолемея Арсиноя собственноручно убивает Ахилла (504—524). — Новый египетский военачальник начинает теснить Цезаря (525—546).

На этом поэма Лукана обрывается.

Ф. А. Петровский.

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга первая

1. Лукан называет Эмафийскими полями и Эмафией (ср. VI, ст. 332 *) и Фессалию в целом, и Фарсальскую равнину (Фарсалию) — место решительной битвы между Цезарем и Помпеем в 48 г. до н. э.; Бой... грознейший, чем битвы сограждан, — так как Цезарь и Помпей были связаны узами родства; см. примеч. к ст. 114.

4. Распавшийся строй самовластья — так называемый первый триумвират — соглашение между Цезарем, Помпеем и Крассом в 60 г. до н. э.

7. Орлы — серебряные изображения орлов на древке служили знаменем римского легиона. (Ср. ст. 244 и др.).

10. Авзонский трофей. Разумеются трофеи, захваченные у римского войска, предводитель которого Марк Лициний Красс был разбит и умерщвлен парфянами в 53 г. до н. э. (См. ст. 104—106). Авзония — поэтическое название Италии. Вавилон — здесь синоним Парфии, столицей которой был на самом деле Ктесифон.

11. Марк Лициний Красс был убит парфянами в 53 г. до н. э. (См. ст. 104—106).

15. Титан — Солнце.

18. Понт — Черное море.

19. Серы — китайцы. Аракс — река в Армении.

28. Гесперия — одно из поэтических названий Испании (собственно, «западная страна»).

30. Пирр — царь эпирский, с которым римляне воевали в III в. до н. э. (ум. в 272 г. до н. э.). Пуниец — Ганнибал (247—183 гг. до н. э.), предводитель карфагенского (пунийского) войска, вторгшийся в Италию в 218 г. до н. э.

* Римские цифры соответствуют порядковым номерам книг «Фарсалии».

33. Для прихода Нерона. Лукан в льстиво-патетическом вступлении к своей поэме изображает императора Нерона (54—68 гг. н. э.) идеальным правителем римского государства.

35. Громовержец — Юпитер.

36. Гиганты — мифические великаны, побежденные Юпитером и другими богами.

39. Маны Пунийца — маны в римской мифологии — души умерших. Говоря о «насыщении» духа Ганнибала, Лукан имеет в виду и сражение при Тапсе в апреле 46 г., когда Цезарь нанес решительное поражение помпеянам в Африке.

40. Мунда — город в Испании, под которым были разбиты сыновья Помпея Гней и Секст в 45 г. до н. э.

41. Мутина (ныне Модена) — город в Северной Италии, где после смерти Цезаря Децим Брут четыре месяца выдерживал осаду Антония (44—43 гг. до н. э.), после чего нанес ему в 43 г. поражение.

42. Перусия (ныне Перуджа) — город в Этрурии, взятый и сожженный Октавианом во время его борьбы с Антонием (40 г. до н. э.). Левкада — остров около берегов западной Греции у мыса Акция, у которого 2 сентября 31 г. до н. э. Октавиан одержал победу над флотом Антония и Клеопатры.

43. С рабами войну. Имеется в виду война Секста Помпея (младшего сына Помпея Великого) с Октавианом в Сицилии («под склонами огненной Этны»): войско Секста Помпея в значительной части состояло из беглых рабов.

62. Януса двери. Двери храма бога Януса стояли отворенными во время войны и затворялись в мирное время. До времен Августа двери этого храма затворялись лишь два раза; Август, желая показать, что при нем водворяется мир, затворял их три раза. Такую демонстрацию мира проделал и Нерон в 66 г. н. э.

64. Вдохновитель таинств Киррейских — Аполлон. Кирра — город в Фокиде близ Дельфов, где был оракул Аполлона.

65. Ниса — гора, на которой, согласно мифу, был воспитан нимфами Вакх.

78. Феба — Луна (сестра Феба, бога Солнца).

85. Трех владык — триумвиров — Цезаря, Помпея и Красса.

95. Братскою кровью. Указание на убийство Рема Ромулом при основании Рима.

101. Истм — Коринфский перешеек, отделяющий северную часть Греции от южной (Пелопоннеса). В настоящее время этот перешеек пересечен каналом.

104. Красс... суровых вождей разнимавший. О роли Марка Лициния Красса в так называемом «первом триумvirате» (соглашении между Пом-

пеем, Цезарем и Крассом) см.: Н. А. М а ш к и н. Принципат Августа. М., 1949, стр. 21 сл.

105. Карры — город в Месопотамии, при котором парфяне разбили римское войско в 53 г. до н. э. и убили его предводителя Красса.

107. Арсакиды — парфяне, или парфы, называемые так по имени родоначальника парфянских царей Арсака.

109. Меч тиранию дробит. Имеется в виду совместное господство над римским государством Помпея и Цезаря, каждый из которых после смерти Красса стремился к неограниченной власти.

113. Грозной рукою Сестер — парок, богиня судьбы, пряхших и пресекавших нить человеческой жизни.

114. Юлия — дочь Юлия Цезаря, бывшая предпоследней (четвертой) женою Помпея; она умерла осенью 54 г. до н. э.

118. Сабинянки соединили. Намек на легендарное «похищение сабинянок» первыми поселенцами Рима при Ромуле, после чего между римлянами и сабинянами началась война, прекратившаяся благодаря посредничеству похищенных сабинянок.

122. Лавр побед над пиратом. Разумеются победы над киликийскими морскими разбойниками, война с которыми была поручена Помпею в 67 г. до н. э.

123. В галльских боях — в войнах Цезаря в Галлии (58—51 гг. до н. э.).

128. Катону. Марк Порций Катон Младший — самый ревностный руководитель сенаторской партии — оптиматов, главных противников Цезаря.

129. В летах преклонных. Помпей, родившийся в 106 г. до н. э., был на шесть лет старше Цезаря.

133. В театре своем. Помпей построил в Риме первый постоянный каменный театр, который был открыт в 55 г., но закончен постройкой лишь в 52 г. до н. э. (В. П. Зубов и Ф. А. Петровский. Архитектура античного мира. М., 1940, стр. 79 сл., №№ 240—250).

168. Камилл и Курии — ходячие образцы аристократической древнеримской республиканской доблести, строгости и простоты нравов. Марк Фурий Камилл, который рисуется крупным полководцем и победителем галлов в 390 г. до н. э., был, по традиции, убежденным аристократом и противником народных трибунов. Из Куриев знаменитым героем той же аристократической республиканской традиции был только один — Маний Курий Дентат, победитель самнитов и Пирра, был трижды консулом и цензором, ум. в 272 г. до н. э. Римские писатели часто употребляют его имя во множественном числе для обобщения: «люди, подобные Куриям». (Ср. такое же множественное число — Катоны — в ст. 313).

177. Консулы... трибуны. Характеризуя внутреннее разложение рим-

ского государства, Лукан приводит в доказательство этого нарушение права важнейшими представителями республиканской власти. Консулы, числом два, — высшие должностные лица в период республики, избиравшиеся на каждый год. Народные трибуны, которых было сначала два, потом пять и, наконец, десять, — должность, возникшая в самом начале республики, в эпоху борьбы между патрициатом (аристократией) и плебсом (народной массой). Первоначальной обязанностью трибунов была защита как отдельных плебеев, так и всего плебса от произвола патрицианских консулов. Трибуны избирались плебсом только из свободнорожденных плебеев. Они считались «священными и неприкосновенными»; имели право наложения запрета («вето») на все распоряжения прочих магистратов (кроме диктатора). Задолго до конца республики институт трибунов превратился в регулярную магистратуру. Вместе с Гракхами (вторая половина II в. до н. э.) воскрес быллой революционный характер этой должности. Реакция Суллы (80-е годы I в. до н. э.) лишила ее почти всякого значения. После отмены законов Суллы, в последние десятилетия республики, трибуны превратились в агентов и клеветников могущественных полководцев, стремившихся к власти.

178. Ликторов связки — пучки прутьев, которые несли служители, сопровождавшие высших римских должностных лиц (магистратов) в знак магистратской власти. Эти пучки, или связки прутьев, называются «фасции».

180. Марсово поле — место народных собраний за стенами Рима, где происходили выборы должностных лиц.

185. Рубикон — река, отделявшая галльские провинции от Италии. Цезарь перешел Рубикон 10 января 49 г. до н. э. с одним легионом, начав переправу со словами «Жребий брошен», как передает Светоний в биографии Цезаря (гл. 33).

188. С башненосной главы. Олицетворения городов (в данном случае Рима) часто и в поэзии, и в произведениях изобразительных искусств огивались в образ женщины с венцом в виде башни на голсе.

195. С выси Тарпейской — с Тарпейской скалы на Капитолии, где был храм Юпитера.

196. Пенаты фригийские — родовые божества Цезаря, когорый вел род Юлиев от Иула (или Аскания), сына фригийского (тройянского) героя Энея, переселившегося после гибели Трои в Италию и считавшегося родоначальником римлян. (См. III, 213).

197. Квирин — божество, отождествлявшееся с основателем Рима Ромулом.

198. Альба — Альба-Лонга, главный город древнейшей федерации латинских городов.

199. Весты святой очаги. Веста — итальянская богиня очага, чтившаяся как основательница и охранительница домашней, семейной жизни. Как

каждое отдельное семейство, так и государство имело свой очаг и свой культ Весты. (См. также примеч. к ст. 597).

218. Кинфия — Луна, называемая так потому, что богиней Луны была сестра Феба-Аполлона, Диана, рожденная вместе с братом на горе Кинфе на острове Делосе. В ст. 217—218 Лукан образно говорит, что дождь лил трое суток.

219. Эвр — юго-восточный ветер.

229. Балеарцы — жители Балеарских островов были искусными мастерами камней пращею.

230. Аримин — город в Умбрии, к югу от устья Рубикона, на Фламиниевой дороге в Рим. (Ныне Римини).

232. Светоносец (лат. Люцифер) — утренняя звезда (планета Венера), видимая еще и при яркой заре.

234. Австр — южный ветер.

245. Когорта — десятая часть легиона, в котором было обычно от 4000 до 6000 человек.

253. Лаций — область Италии между Этрурией и Кампанией, центром которой был Рим.

254 сл. Сеноны — кельтское племя, вторгшееся в 390 г. до н. э. в Среднюю Италию. Были окончательно побеждены в 283 г. до н. э. Кимвры и Тевтоны — германские племена, разбитые в Северной Италии Марием в 101 и 102 гг. до н. э. Марс Ливийский — Ганнибал; вторгся в Италию, перейдя через Альпы, в 218 г. до н. э.

267. Буйных трибунов — Антония и Квинта Кассия. Гракхи были убиты: Гай — в 121 г., а Тиберий — в 133 г. до н. э.

269. Курион — Гай Скрибоний Курион, народный трибун 50 г. до н. э. Он был ранее сторонником оптиматов, но Цезарь подкупил его, уплатив его огромные долги.

276. Квириты — римские граждане.

287. Капитолий... лавра не просит. Триумфатор следовал на Капитолий, увенчанный лавровым венком и с лавровою ветвью в руке. В храме Юпитера Капитолийского он слагал свои лавры на руки изваяния бога.

290. Твой зять — Помпей. (См. примеч. к ст. 114).

312. В тогу одетых — т. е. носящих гражданскую одежду, неспособных воевать.

313. Марцелл и Катоны. Гай Клавдий Марцелл был консулом в 49 г. до н. э. — О множественном числе Катоны см. примеч. к ст. 169; см. также примеч. к ст. 128 и ср. X, ст. 397.

316. Хоть возраст еще не позволил. Намек на первый триумф Помпея после победы над марьянцами в 81 г. до н. э., когда Помпею было всего 25 лет от роду; законный же возраст, дававший право триумфального входа в Рим, был 30 лет.

317. Однажды захваченной чести. Разумеется назначение Помпея единственным консулом в 52 г. до н. э. и его фактическая диктатура.

319. Голод, им взятый в рабы. В 57 г. до н. э. Помпей был сделан полномочным заведующим поставками хлеба, с проконсульской властью на пять лет. (См.: Н. А. М а ш к и н. Принципат Августа. М., 1949, стр. 37).

323. Милон — Тит Анний Милон, народный трибун 57 г. до н. э., выдвинутый сенаторской партией в противовес народному трибуну 58 г. Публию Клодию, видному демагогу, действовавшему в интересах Цезаря. Вражда между Милоном и Клодием достигла крайнего напряжения в 53 г., когда из-за консульских мест происходили вооруженные столкновения. Отряды Клодия, составленные из самых неимущих пролетариев и рабов, сражались с отрядами Милона, выдвинутого оптиматами. В начале 52 г., во время случайной встречи Клодия и Милона на Алпиевой дороге, между их отрядами произошло столкновение и Клодий был убит. Убийство это вызвало крупные волнения в Риме, и толпы народа требовали мести за смерть Клодия. Несмотря на диктаторские полномочия Помпея (см. примеч. к ст. 317) и его сближение с оптиматами (поведшее к разрыву Помпея с Цезарем), оптиматы должны были пойти на уступки и пожертвовать Милоном, который был осужден и отправлен в изгнание.

326. Учителя Суллу. Помпей начал свою военно-политическую карьеру при Сулле, на падчернице которого был женат вторым браком. За год до смерти (в 79 г. до н. э.) Сулла отказался от власти, что Цезарь советует сделать и Помпею (ст. 334 сл.).

328. В чаще Гирканской. Гиркания — страна в Азии, граничившая с севера и запада с Каспийским морем.

336. Киликийцев разбив и Понтийское дряхлое царство. Киликийцами назывались обычно все пираты Средиземного моря (см. примеч. к ст. 122). Цезарь иронизирует над Помпеем, намекая, что не было никакого труда покорить уже старого понтийского царя Митридата VI (120—63 гг. до н. э.) после его неудач в Понте и Армении и после выступлений против него его сына Фарнака. Митридат принял сильно действующий яд, который, однако, его не убил (так как Митридат постоянно принимал противоядия), и тогда старый понтийский царь приказал себя убить своему рабу-кельту.

347. Земледельцами сделать пиратов. После начатой было жестокой расправы Помпей простил сдавшихся ему пиратов и заселил ими разные опустошенные города.

356. Лелий — вероятно, вымышленное имя.

357. Первый центурион — командир первой центурии («сотник») легиона, называвшийся также примипиларий, считался по чину старшим из центурионов. Это был высший чин, до которого мог дослужиться рядовой солдат.

367. Отмели Сиртов — заливы на берегу Северной Африки (Ливии).

370. Океана кипящие волны. Намек на походы Цезари в Британию в 55 и 54 гг. до н. в.

380. Святыни Монеты. Монета — один из эпитетов богини Юноны; Юнона-Монета считалась богиней-советницей. Храм этой богини находился в северной части Капитолия, в нем хранились списки должностных лиц, а кроме того, при нем был римский монетный двор.

381. Над волнами тусского Тибра — т. е. у самого Рима. Тибр назван тусским (этруским), так как ограничивал с юго-востока древние владения этрусков.

389. Осса — горная цепь в Фессалии.

396—408. Леман — Женевское озеро. Восег (ныне Вогеzy) — горный хребет в области лингонов в Кельтской Галлии. Исара — галльская река в области аллоброгов (ныне Изэр), впадающая в «славнейшую реку», т. е. в Родан (нынешнюю Рону). Рутены — народность в Кельтской Галлии. Атакс — река в Нарбонской Галлии. Вар — река в Трансальпийской Галлии, впадающая в море у нынешней Ниццы. Порт, божеством Геркулеса священный, — порт Геркулеса, или Монеk (ныне Монако).

406 сл. Кор и Киркий — названия северо-западных ветров.

413. Тефиса — морская богиня, жена Океана.

420—425. Неметы, битуриги, сантоны, суессоны, левки, ремы, секваны, белги — народности в Галлии. Атур — река в Аквитании, в области тарбеллов, ныне Адур («Тарбелльские струи» — в ст. 421).

426. Ковин — боевая повозка с серпами (кельтское слово).

427 сл. Арверны — народность в Кельтской Галлии. Нервин — народность в Бельгийской Галлии. Родоначальником арвернов считался троянец Антенор («От Илионских кровей» — ст. 428). Поэтому они и претендовали на родство с римлянами, родоначальником которых считался троянец Эней.

429. Племя, себя запятнавшее Котты убийством, — германское племя эбуронов в Бельгийской Галлии, восставшее против римлян в 54 г. до н. в. под предводительством Амбюрига и Катуволка. В сражении с эбуронами погибло зимовавшее у них римское войско и были убиты его начальники (легаты) Квинт Титурий Сабин и Луций Аврункулей Котта. (См.: Юлий Цезарь. Записки о галльской войне, кн. 5, гл. 26—37).

430 сл. Вангионы — германское племя, жившее между Рейном и нижним течением Мозеллы (нынешнего Мозеля). Сарматы — народ, кочевавший от нынешней Волги до Вислы и в части Австрии и Германии. Батавы — германское племя, жившее между устьями Рейна и Мааса.

432. Кинга — река в Испании, приток Ибера, нынешнего Эбро.

433. Родан — ныне Рона; Арар — ныне Саона, река с очень медленным течением.

434. Кебенны — горный хребет в Галлии, ныне Севенны.

436—440. Принадлежность этих стихов Лукану сомнительна; очень

возможно, что они — позднейшее дополнение к его этнографическому и географическому перечислению. Вызывает также подозрение подлинность стихов 430—435. Пиктоны, туроны, анды — галльские племена. Медуана — ныне Мاستенна, приток Лигера, нынешней Луары. Генаб (или Кенаб) — город племени карнутов, нынешний Орлеан.

441. Тревиры — германское племя, жившее между Рейном и Маасом.

442. Лигуры — италийское племя, жившее между приморскими Альпами и Апенниннами. Косматой (Gallia Comata) называлась трансальпийская Галлия, в противоположность той части цисальпийской Галлии, которая была обращена в римскую провинцию и называлась Gallia Togata.

445 сл. Ез — кельтское божество, отождествлявшееся римлянами с Марсом. Тевтат — бог смерти, отождествлявшийся с Меркурием. Таранис отождествлялся с Юпитером.

447. Барды — народные певцы.

450. Друиды — каста жрецов у древних кельтов.

455. Эреб и Дит — божества преисподней.

463. Каики — германское племя, жившее между нынешними реками Эмсом и Лабой (Эльбой). Обычное их название «хавки».

473. Турмы — конные отряды по тридцати человек.

474. Мевания — город в Умбрии.

476. Нар — река в Умбрии.

487. Курия — место заседаний римского Сената.

506. Лары — божества-охранители семьи.

534. Столица латинов — Альба-Лонга. (См. примеч. к ст. 198).

544. Фиестовы Микены. Фиест был братом мифического царя Микен, Атрея. Мстя за смерть своего сына, Атрей убил сыновей Фиеста и накормил его их мясом. На тему о Фиесте написана одна из трагедий Сенеки.

547. Харибда — мифическое чудовище Сицилийского пролива.

548. Собаки — мифического чудовища Сциллы у того же пролива.

549. Куль Весты — см. примеч. к ст. 199.

550. Праздник латинов — празднество, происходившее на Албанской горе в честь Юпитера как охранителя Латинского союза.

552. Фиванский костер. Пламя общего погребального костра сыновей мифического царя Фив Эдипа — Этеокла и Полиника, убивших друг друга, — разделилось надвое как символ их вечной вражды.

554. Кальпа — нынешний Гибралтар. Атлас — гора в Африке напрогив Гибралтара.

557. Ларов холодный пот. Лары были римскими божествами, алтари которых ставились на границах участков. Роса, выступавшая на изображениях ларов, считалась зловещим предзнаменованием. (См. примеч. к VI, ст. 163).

564. Кумская сибилла — легендарная пророчица, жившая около Кум в Кампанин.

566. Галлы и те, кем... движет Беллона — жрецы Кибелы и богиня войны Беллоны.

572. Эриния — божество проклятия, мести и кары.

574. Эменида — другое название Эринии.

574 сл. Агава — мать мифического царя Пенфея, убитого ею в припадке вакхического умоисступления. Ликург — мифический фракийский царь, противник (как и Пенфей) культа Вакха, убивший в припадке безумия своего собственного сына, приняв его за виноградную лозу.

576. Алкид — Геркулес. После схождения в подземное царство Плутона Геркулес убил Лика, осудившего на гибель его семью. После этого убийства Геркулес впал в безумие и убил собственную жену и детей. По приказу враждебной Юноны. Супруга Юпитера (Зевса) Юнона (Гера) преследовала Геркулеса, сына Юпитера и Алкмены, из ревности.

577. Мегера — одна из Эриний. Плутон — бог подземного царства, куда спускался Геркулес за трехголовым псом Кербером, которого затем вернул обратно Плутону.

581. Аниен — приток Тибра. В Аниен Сулла велел бросить останки Марии.

585. Тусских пророков — гаруспиков, гадателей из Этрурии, занимавшихся истолкованием воли богов по внутренностям жертвенных животных и указывавших средства для умиловливания богов.

586. Лука — город в Лигурии (ныне Лукка), где весной 56 г. до н. э. был возобновлен и укреплен политический союз триумвиров — Цезаря, Помпея и Красса.

596. Габийцы — жители города Габий (в Лацин), особым образом подвизывавшие тогу. Этот «габийский» способ подвизывания тоги употреблялся при религиозных обрядах.

597. Хор весталок с повязанной жрицей. Старшая из весталок (жриц богини Весты; см. примеч. к ст. 199) носила на голове особую повязку.

598. Троянская Минерва — изваяние богини, привезенное, по преданию, из Трои в Италию Энеем.

599. См. примеч. к ст. 564.

600. Алмон — маленькая речка в Лацин, где жрецы Кибелы (Кибобы) ежегодно омывали ее идол.

601—604. Перечисляются представители разных жреческих коллегий.

606. Огни рассыпанных молний — так называемые «чортovy пальцы».

639. Фигул — Публий Нигидий Фигул, философ, богослов и астроном (98—44 гг. до н. э.), ставший в гражданской войне на сторону Помпея.

641. Город Мемфис был центром изучения астрономии и астрологии.

642—665. Лукан в этих стихах дает очень характерное для древней

астрологии рассуждение Нигидия Фигула о «влиянии» планет и созвездий на земные дела. Звезда ледяная Сатурна (ст. 652) — планета Сатурн. Под Фебом (ст. 655) разумеется (как и в других местах поэмы) Солнце. Немейский лев (ст. 655) — созвездие Льва, в котором видели льва, убитого Геркулесом. Градив (ст. 659) — планета Марс, названная по одному из имен этого бога. Киллений — планета Меркурий (Киллена — гора в Аркадии, место рождения Гермеса-Меркурия).

653. Девкаллон — сын Прометея, родоначальник нового поколения людей после всемирного потопы. Водолей — зодиакальное созвездие между созвездиями Козерога и Рыб.

674. Пинд — горный хребет в Фессалии. Лией — Вакх. Огигийский — фиванский, или беотийский (Беотия считалась родиной Вакха). Эдонянка — фракиянка.

678. Пеан — одно из имен Феба-Аполлона.

679. Пангей — гора в Македонии, богатая золотом.

680. Филиппы — город в Македонии у подошвы горного хребта Гема. Гем — современные Балканы — место победы Октавиана и Антония над Брутом и Кассием в 42 г. до н. э. У Лукана, по установившейся со времен Вергилия традиции (см.: Вергилий, Георгики, I, 490), Филиппы часто являются синонимом Фарсалии. (Ср.: I, ст. 694; VI, ст. 582; VII, ст. 592 и 872; IX, ст. 271).

684. Лагейский — египетский, так как родоначальником египетских царей Птолемея был Лаг.

685. Безголовое тело — труп Помпея. (VIII, ст. 483 сл.).

688. Энио — богиня войны.

694. Филиппы — снова вместо «Фарсалия». Матрона «видит»: 1) Фарсальскую битву (48 г. до н. э.); 2) битву при Тапсе (в Северной Африке, или Ливии), в которой Цезарь разбил помпеянцев в 46 г. до н. э.; 3) битву при Мунде (в Испании), где Цезарь разбил войско сыновей Помпея в 45 г. до н. э.; 4) убийство Цезаря на заседании Сената в 44 г. до н. э.; 5) гражданскую войну после смерти Цезаря и сражение при Филиппах в 42 г. до н. э.

Книга вторая

19. Ликтор — см. примеч. к I, 178.

46. Требия — приток Пада (По). Канны — город в Апулии — место победы Ганнибала над римлянами в 218 и 216 гг. до н. э. Битва при Каннах, в которой римское войско было окружено и разбито Ганнибалом, вошла в историю как одно из крупнейших сражений древности. Из армии римлян, в которой было более 50 тысяч человек, спаслось, как можно судить по нашим источникам, только 14 тысяч. Было убито много войсковых трибунов (командиров легионов) и сенаторов, бывших при войске:

погиб и консул Луций Эмилий Павел. Однако разгром при Каннах не сломил мощи римлян, и они добились через несколько лет окончательной победы, нанеся в 202 г. при городе Заме в Африке поражение до тех пор непобедимому Ганнибалу.

49. Ахеменовы Сузы — зимняя резиденция персидских («мидийских») царей.

50. Истр — Дунай. Массагеты — скифское племя.

52. Свебы — германское племя.

54. Даки и Геты — фракийские племена. Иберы — испанцы.

55. Один — Цезарь, одержавший победу над луканцами в Испании в 61 г. до н. э. Другой — Помпей, успешно сражавшийся на Востоке в 64 и 63 гг. до н. э.

69—233. Старики с ужасом вспоминают времена Мария и Суллы. Лукан упоминает: 1) Победу Мария над тевтонами в 102 г. до н. э. и над нумидийским царем Югуртой в Ливии в 106 г. до н. э. (ст. 69). 2) Бегство Мария из Рима; его поимку в Минтурнских болотах; заключение в темницу и ужас перед ним кимвра, которому было приказано его убить, — 88 г. до н. э. (ст. 70—87). 3) Высадку спасшегося Мария в Ливии; поход его на Италию; взятие им Рима в 87 г. и смерть сторонника Суллы Бебия, Марка Антония (оратора, деда триумвира Антония) и Крассов (отца и брата триумвира Красса, казенных пособником Мария Гаем Флавием Фимбрией); упоминаемый в ст. 126 верховный жрец-понтифик Квинт Муций Сцевола был тяжело ранен в 86 г., убит в 82 г. до н. э. (ст. 88—129). 4) Седьмое консульство Мария и его смерть в 86 г. (ст. 130—134). 5) Борьбу между вернувшимся из Азии Суллой и Марием Младшим; Священный порт (Sacripotus) — город недалеко от Рима, между Сигнией и Пренестой, под которым Сулла разбил Мария Младшего; Коллинские ворота — в северной части Рима; Марий Младший обещал своим союзникам самнитам перенести столицу из Рима в их область; Кавдинское ущелье — горный проход, где в 321 г. до н. э. римское войско было разбито самнитами (ст. 136—138). 6) Победу Суллы и взятие им Рима в 82 г. до н. э. В стихах 162—165 Лукан приводит мифологические параллели, сравнивая Суллу с фракийским царем Диомедом («царем Бистониды»), кормившим своих коней человеческим мясом; с ливийским великаном Антеем, убивавшим побежденных им людей; с Эномаем, царем греческого города Писы (в Элиде), убивавшим женихов своей дочери, состоявших с ним в беге на колесницах. Сулланский мир — Лукан с горькою иронией называет «сулланским миром» конец истязания Суллою его политических противников. Катула призрак — Квинт Лутаций Катул, победивший вместе с Марием кимвров в 101 г. до н. э. Как приверженец оптиматов, он в 87 г. до н. э. лишил себя жизни, чтобы не пасть жертвою ненависти к нему Мария. Упоминаемый в ст. 175 Марий — Гай Марий Гратидиан, —

был по приказанию Суллы жестоко умерщвлен Катилиною. Далее (ст. 193 сл.) упоминается взятие известного своим храмом Фортуны города Пренесты — последнего оплота Мариа Младшего — и о казнях в Риме. Овилии (ср. VII, ст. 306) — особое место для народных голосований на Марсовом Поле (ст. 139—233).

234. Брут — Марк Юний Брут, будущий убийца Цезаря, племянник Марка Порция Катона Младшего. (Ср. ст. 238).

236. Паррасийская Гелика — созвездие Большой Медведицы.

278. С вождем отставным — с Помпеем, который в это время не занимал никакой официальной должности.

296. Даги — скифское племя, жившее в теперешнем Дагестане.

308. Деций — см. примеч. к VI, ст. 785.

327. Марция — жена Катона, которую он уступил своему другу, оратору Гортенсию. После смерти Гортенсия он снова на ней женился перед своим отъездом к Помпею, поручив ей своих дочерей. Эта вторичная женитьба Катона вызвала насмешки Цезаря, говорившего, что Катон уступил Марцию молодую, чтобы получить ее снова богатой вдовой.

349. Корнелия — дочь Метелла Сципиона, последняя жена Помпея, вдова сына триумвира Красса, убитого вместе с отцом под Каррами. (См. I, ст. 11 и III, ст. 22 сл.).

355. Повязка. После свадьбы новобрачная, дойдя до дома мужа, мазала оливковым маслом и обшивала шерстяными лентами, или повязками, дверные косяки. Этот обряд служил доказательством целомудрия новобрачной.

367. Пурпурной шерсти краса. Невесту перед свадьбой окутывали покрывалом яркокрасного цвета.

369. По обычаю древних сабинов. Лукан говорит о веселых, насмешливых песенках, которые пелись новобрачным.

386. Римские квириды — простые римские граждане.

393. Город кампанский — Капуя, основанная, по преданию, дарданцем (троянцем) Капием, спутником Энея.

399 сл. Нижнее море — Тирренское, Верхнее — Адриатическое.

401. Пиза — город в Этрурии на реке Арне (ныне Пиза).

402. Анкона — город в Пицене на берегу Адриатического моря.

405—410. Перечисляются реки, текущие в Адриатическое море («влево»). В северную часть этого моря текут: Метавр — ныне Метауро, между теперешними Фано и Сенигальей; Крустумий — ныне Крека, между теперешними Римини и Пезаро; Исавр (или Писавр) — ныне Фолья (у его устья — город Писавр, ныне Пезаро); Сапис — ныне Савио, к югу от Равенны; Сена — у теперешней Сенигальи; Эридан — поэтическое название реки Пада (нынешнего По). В южную часть Адриатики впадает Ауфид (ныне Офанто), главная река Апулии.

412. Фазтон. Миф о сыне Феба (Солнца) Фазтоне см.: «Метаморфозы» Овидия, кн. II, 1—328.

421—427. Реки, текущие в Тирренское море («вправо»): Рутуба — в Лигурии; Вултурн — в Кампании (ныне Волтурно); Сарн — река, на которой стоят Помпеи (ныне Сарно); Лирис — в Лацин, на границе Кампании (ныне Гариально), протекающая у городка Вестии и впадающая в море у города Минтурн, где был культ нимфы Марики; Силер (или Силар) (ныне Селе) — река на границе Кампании и Лукании, впадающая в Тирренское море около города Салерна; Макра — на границе Этрурии и Лигурии, ныне Магра.

427. Луна — портовый город в Этрурии.

430. Умбры — итальянское племя в средней Италии на восток от реки Тибра. Марсы — итальянское племя в восточной части средней Италии, к югу от Умбрии.

433. Сцилла — скала на берегу Сицилийского пролива. (См. примеч. I, ст. 548).

434. Лациния — название Юноны по храму ее на Лацинийском мысу около города Кротона.

438. Пелор — мыс на севере Сицилии, ныне Капо-ди-Фаро, или Фаро-ди-Мессина.

456. Эол — повелитель ветров.

460. Нот — южный ветер.

462—478. Перечисляются семь начальников войсковых частей Помпея в северной Италии: Либон, Терм, Сулла, Вар, Лентул, Сципцион и Домиций.

462. Либон — Луций Скрибоний Либон, начальник флота Помпея в Далмации в 49 г. до н. э. Этрурия — область средней Италии на северо-запад от Рима, граничащая на западе с Тирренским морем, а на востоке — с Умбрией.

464. Терм — Квинт Минуций Терм — начальник гарнизона умбрийского города Игувия, ныне Губбио.

465. Сулла — Луций Корнелий Сулла, сын диктатора Суллы, зять Помпея.

466. Вар — Публий Атий Вар, начальник войск Пиценской области с городом Авксимоном (ныне Озимо).

468. Аскул — главный город Пиценской области (ныне Асколи), начальником которого был Публий Корнелий Лентул Спинтер.

472. Сципцион — Квинт Цецилий Метелл Сципцион Пий — начальник апулийского города Луцерии (ныне Лучера).

476. Тестя — Цезаря, которому Помпей временно дал в Галлию один легион, отзыванный назад в Италию в 50 г. до н. э.

478. Домиций — Луций Домиций Агенобарб. Коофиний — главный город пелигнов (ныне Пентима) близ реки Атерна.

480. См. I, ст. 323 и примеч. к этому стиху.

506. Виней — подвижные деревянные галереи, или навесы, закрытые с одной стороны стеною из плетня или досок. Под прикрытием виней делались насыпи при осадных работах.

541. Катилина. Восстание Луция Сергия Катилины против сенатской республики началось в 63 г. и было подавлено в 62 г. до н. э.

543. Гай Корнелий Цетег и Публий Лентул Сура — сообщники Катилины. Безумец с рукой обнаженной. В роде Цетегов был обычай не носить туники под тогой, так что руки оставались обнаженными. (Ср. VI, ст. 794).

544 сл. Метеллы и Камиллы — нарицательные имена (см. примеч. к I, ст. 168). Из Метеллов особенно прославились: Луций Цецилий Метелл, победитель Гасдрубала в 250 г. до н. э.; Квинт Цецилий Метелл Балеарский, победивший морских разбойников Балеарских островов в 123 г. до н. э., и Квинт Цецилий Метелл Нумидийский, победитель Югурты в 109 и 108 гг. до н. э.

546. Цинна — Луций Корнелий Цинна, бывший в 86 г. до н. э. консулом одновременно с Марием.

547. Лепид — Марк Эмилий Лепид, консул 76 г. до н. э. (одновременно с Квинтом Лутацием Катулом), пытавшийся бороться с системой управления, установленного Суллой. Он был разбит Катулом и Помпеем в 77 г. до н. э.

548. Карбон — Гней Папирий Карбон, приверженец Мария, казненный Помпеем в сицилийском городе Лилибее в 83 г. до н. э.

549. Серторий — Квинт Серторий, римский полководец, приверженец Мария, ведший в Испании борьбу с сулланцами, но убитый в 72 г. до н. э. после чего остатки его армии были разбиты Помпеем.

554. Спартак — знаменитый вождь итальянских рабов, возглавивший вооруженное восстание кампанских рабов, подавленное затем, в 71 г. до н. э. Помпеем.

576—581. Ср. I, ст. 122, 336 сл., 347 и примеч. к этим стихам.

577. Книфия — см. примеч. к I, ст. 218.

586. Фасис — река на границе Колхиды (ныне Рион). Помпей достиг Фасиса, преследуя Митридата.

587. Сиена — город на Ниле, в Верхнем Египте (ныне Ассуан). Сиена лежит почти на самом тропике Рака. Неправильность, допущенная Луканом в указании относительно теней, которых не бывает в Сиене только в полдень во время летнего солнцестояния, отмечена писателем IV—V вв. н. э. Макробием в его комментарии к «Сну Сципиона» Цицерона (II, 7).

588. Бетис — река в Испании, ныне Гвадалquivир. (Гесперийский здесь = испанский).

590. Гениохи — народ на северо-восточном побережье Черного моря. (См. примеч. к III, ст. 269).

591. Руно. Имеется в виду миф о похищении Золотого руна Язоном в Колхиде.

592. Каппадоки — народ, населявший Каппадокию — область Малой Азии между Киликией и Понтом. Софена — юго-западная часть Армении.

594. Килики — жители Киликии, области в юго-восточной части Малой Азии. Тавры — жители Таврического Херсонеса, нынешнего Крыма.

609. Брундисий — портовый город в Калабрии, ныне Бриндизи; известен состоявшимся в нем в 40 г. до н. э. соглашением между Антонием и Октавианом. Отсюда шел морской путь в Диррахий.

610. Диктейские пришельцы — критяне, названные так по критской горе Дикте. Лукан передает легенду о переселении в Брундисий критян, покинувших остров Крит вместе с Тезеем, после того как он убил Мино-тавра и на возвратном пути в Атику забыл сменить черные паруса на своею корабле. (См. 64-е стихотворение Катутла, ст. 212 сл.).

611. Кекроп — мифический предок первого царя Афин.

623. Коркира — остров на Ионическом море (ныне Корфу).

624. Эпидамн — другое название иллирийского города Диррахия, ныне Дуррес. (См.: Аппиан. Гражданские войны, II, 39).

625. Адрий — Адриатическое море.

626. Керавны — горный хребет на берегу Эпира (ныне Кимара). Сасон — остров на Адриатическом море (ныне Сасено).

629. Иберийцы — испанцы.

631. К старшему сыну — Гнею, разбитому впоследствии Цезарем при Мунде в 45 г. до н. э.

636. Фаросский — египетский, по маленькому острову Фаросу около Александрии, знаменитому своим маяком.

637. Тигран — царь Армении, Фарнак II — царь Понта, сын Митридата, разбитый в 47 г. до н. э. Цезарем. К победе над Фарнаком относятся известные слова Цезаря, которыми он (по сообщению Светония) сообщил в Рим о своей победе: «пришел, увидел, победил (veni, vidi, vici)».

640. Рифейский — скифский. От названия Рифейских гор, которые античные географы помещали где-то на севере известного им мира.

641. Меотийские болота — нынешнее Азовское море.

645. Вы же, чьи имена отмечает летопись Рима, — консулы 50 г. Лентул и Гай Клавдий Марцелл. В древнем Риме годы считали по именам высших должностных лиц — консулов; списки эти назывались консульскими фастами. (Ср. V, ст. 5 сл.).

659. Где скрылся Великий. Разумеется Брундисий. (См. II, ст. 609).

665. Эрик — гора в Сицилии.

667. Гавр — гора в Кампании.

668. Аверн — озеро в Кампании.

673—679 Ксеркс — персидский царь (486—465 гг. до н. э.), построив-

ший для переправы своих войск в Грецию понтонный мост через Геллеспонт между малоазиатским городом Абидосом и фракийским городом Сестом: в 480 г. Кроме того, чтобы не огибать Афона, он прорыл через него канал.

686. Баллиста — военное метательное орудие.

691. Дева и Весы — знаки Зодиака, в которых Солнце («Феб») находится в августе и в сентябре.

710. Уже Эвбейской волны. Лукан указывает, что проход, по которому ушли корабли Помпея, был уже Эврипа, узкого пролива, отделяющего близ города Халкиды остров Эвбею от материка.

712. Нерей — морское божество, олицетворение моря.

715. Фасис — река в Колхиде, ныне Риони. Пагасский корабль — Арго, названный так по приморскому городу в Фессалии, Пагасе, где корабль этот был построен для Язона.

716 сл. Кианейские камни — два скалистых островка при выходе из Фракийского Босфора в Понт. Они назывались также Симплегадами (сталкивающимися). По мифу, эти «сталкивающиеся» островки стали неподвижными после прохода между ними корабля Аргонавтов.

722. Повозка Боота — главная часть созвездия Большой Медведицы.

Книга третья

16. Ахеронта... кормчий — Харон, перевозчик в преисподнюю теней умерших.

22. Корнелию — см. примеч. к II, ст. 349.

28. Лета — река забвения в преисподней.

34. Моим ты пребудешь — т. е. умрешь.

44. Земля — Иллирия. (См. примеч. к II, ст. 624).

76. Оковы... Рейну и Океану. Имеется в виду постройка Цезарем моста, по которому он перевел свое войско через Рейн, и его переезд на кораблях в Британию. (См.: Юлий Цезарь. Записки о галльской войне, кн. 4—6).

84. Анксур — древнее название Таррацины, города в Лации, ныне Террачина.

85. Помптинские топи — болотистая местность в Лации между горами области вольсков и побережьем Тирренского моря.

86. Владение скифской Дианы — около города Ариции, у подошвы Албанской горы, находилась роща, посвященная Диане, культ которой здесь имел тот же жестокий характер, что и культ Дианы таврической. (Ср. I, ст. 446).

87. На гору Альбы взошел — во время Латинского праздника (feriae Latinae).

94. Панноны — народ, живший в Паннонии — стране между Дакией, Нориком и Иллирией.

104. Феба чертоги — храм Аполлона на Палатине. У Лукана анахронизм: храм этот был построен Августом в 28 г. до н. э.

107. Курульные кресла — переносные складные стулья — знак отличия высших римских должностных лиц.

114. Метелл — Луций Цецилий Метелл, народный трибун. (См. примеч. к II, ст. 544 сл.).

115. Сатурнов храм. В храме Сатурна на римском форуме находилось государственное казнохранилище.

124. Кровью залив священной — так как личность трибуна считалась священной и неприкосновенной.

126. Проклятия... трибунов. Красс был официально проклят одним из народных трибунов в ноябре 55 г. до н. э., когда он самовольно покинул Рим, отправляясь в парфянский поход.

144. Котта — народный трибун Марк Аврелий Котта.

157. Злато пунических войн — контрибуция, которую выплачивали римлянам карфагеняне (пунийцы) после окончания первой и второй пунических войн в 241 и в 201 гг. до н. э.

157—164. Персей — македонский царь, сын Филиппа V, воевавший с римлянами с 171 по 168 г. до н. э. Галл — галльский полководец Бренн (около 390 г. до н. э.). Фабриций — Гай Фабриций Лусцин, отправленный послом к царю Пирру (ср. I, ст. 30), который, по преданию, тщетно старался его подкупить. Миновос Крит — назван так по имени мифического царя Миноса, сына Зевса и Европы. Метелл — Квинт Цецилий Метелл Критский, консул 69 г. до н. э., ведший войну с критскими пиратами. С далекого Кипра. Марк Порций Катон Младший, посланный в 58 г. до н. э. на остров Кипр, вывез оттуда, по словам Плутарха, 7000 талантов, вырученных от продажи имущества отравившегося кипрского царя Птолемея.

167. Впервые. В позднейшие времена римское государство оказывалось беднее его правителя.

172—174. Амфисса — главный город Озольской Локриды, на северо-запад от Дельфов. Кирра — на северном берегу Коринфского залива, гавань Дельфов. Парнас — гора в Фокиде (на север от Дельфов), с которой стекает река Кефис. Дирка — источник у Фив, основанных, по преданию, Кадмом.

175—177. Писа — см. II, ст. 165. Алфей — река в Элиде. По легенде, Алфей, впадая сначала в Ионийское море, снова выходил из-под земли в Сицилии. Менал — гора в Аркадии.

178. Эта — горный хребет на южной границе Фессалии, доходящий до Малийского залива, где он образует Фермопильский проход между берегом и морем. По мифу, на Эте был сожжен Геркулес. У склонов Эты лежал город Трахин.

179—180. Феспроты — жители Феспротии, области Эпира, между Хао-

нией и Амбракийским заливом. Дриопы — одно из фессалийских племен. Селлы — эпирское племя, упоминаемое уже Гомером как додонские (хаонские) жрецы, толкователи воли Зевса по шелесту дубовых листьев.

182—183. Фебова гавань — Аполлония в Эпире, занятая несколькими судами Помпея. Саламин — остров у берегов Аттики.

184. Юпитера... любимец. Юпитер, по мифу, родился на Крите.

185. Кносс и Гортина — города на Крите.

186. Орик — город в Эпире (ныне Эрико), где некогда царствовал дарданский (= троянский) царевич Гелен.

188. Афаманы — эпирское племя.

189. Энхелия — город в Иллирии. В область энхелейцев переселился, по мифу, основатель Фив Кадм, превратившийся там в змея. Лукан производит название Энхелия от греческого слова *enchelys* — змея (точнее — угорь).

190. Колхидский... Абсирт. Лукан имеет в виду иллирийцев, населявших побережье Адриатического моря, куда впадала река Абсирт, названная по имени Колхидского царевича Абсирта, брата Медеи, который ее преследовал и был ею убит у берегов Иллирии. (Эту версию эпизода мифа об Аргонавах передает географ Страбон в гл. 5-й книги 7-й своей «Географии»).

191—192. Пеней — река в Фессалии. Иолак — фессалийская гавань, откуда отплыли в Колхиду Аргонавты.

199. Стримон — река во Фракии.

200—202. Бистонские (= фракийские) птицы — журавли. Кона — город на одном из островов Истра (Дуная). Певка — остров в устье Истра.

203. Мисия — часть северо-западного угла Малой Азии. Каик — река в Идалии (у горы Иды) — южной части Троады.

204. Арисба — город в Троаде.

205. Питана — город в Мисии. Келена — город во Фригии, место мифического музыкального состязания Аполлона с сатиром Марсием, победившим брошенную Палладой-Афиной дудку. Аполлон победил Марсия и содрал с него, живого, кожу.

207. Марсий — приток Меандра.

208. Меандр — река во Фригии и Карии с чрезвычайно извилистым руслом.

209—210. Пактол и Герм — реки в Лидии.

211. Илион — Троя.

213. Иул, или Асканий, — сын Энея. (См. примеч. к I, ст. 196).

214—216. Оронт — река в Сирии. Нин — Ниневия, столица Ассирии, разрушенная уже около 605 г. до н. э. Газа — город в Палестине. Идумея — страна к Югу от Палестины.

217. Тир и Сидон — важнейшие города Финикии. Тир назван неустой-

чивым либо потому, что был в VI в. до н. в. перенесен с материка на два прибрежные островка, искусственно соединенные вместе, или же потому, что часто подвергался землетрясениям.

219. Киносура — созвездие Малой Медведицы.

223. Папирус выделялся из волокон особого тростника, которые склеивались крест на крест.

225. Тавр — горный хребет в Малой Азии, начинающийся в Ликии и разделяющийся у Ликаонии и Киликии на два отрога: один — идущий через Армению до Кавказа, другой — образующий горный проход в Киликии и проходящий через Каппадокию. Тарс — город в Киликии, основанный, по преданию, мифическим героем Персеем.

226—227. Корик, Малл и Эги — города в Киликии.

233. Пеллейский вождь — Александр Македонский, родившийся в городе Пелле (ср. II, ст. 496 сл.). До Ганга, на самом деле, Александр никогда не доходил в своих походах.

236. Инд и Гидасп — реки в Индии.

237. Говорится о сахарном тростнике.

238. Волосы красят шафраном. Об этом обычае, равно как и о других, упоминаемых в ст. 240, сообщает и географ Страбон (66 г. до н. э.— 24 г. н. э.) в описании Индии (География, XV, I, § 30).

244. Аман — гора в Киликии.

245. Нифат — название реки и горы в Армении.

246. Хоатры — скифское племя, жившее у Меотийского болота (Азовского моря).

248. Влево — т. е. к югу.

249. Оресты — неизвестный нам народ.

250. Карманийские вожди. Кармания — область у Персидского залива.

255. Телец — созвездие зодиака.

266. Третьего — Красса, третьего триумвира первого триумвирата. (См. примеч. к I, ст. 11).

268. Бактр — река, на которой стояли Бактры (ныне Балк), главный город Бактрианы, одной из восточных областей Персидского царства. Гиркания — область в север-восточной части Иранского плоскогорья к северу от Парфии.

269. Гениохи — дословно: возницы, всадники — одно из кавказских племен. Страбон (География, XI, 2, § 12) сообщает о них: «Говорят, будто фтиотские ахейцы из Язонава отряда населили здешнюю Ахайю, а лакедемонцы Гениохию; последние были приведены Крекою и Амфистратом, возницами Диоскуров, а гениохи от них получили свое название». (Пер. Ф. Г. Мищенко). Интересно отметить, что одно из лезгинских племен называется «гайнухами».

270. Мосхи — скифское племя, жившее между нынешними Черным и Каспийским морями у южных отрогов Кавказского хребта.

272. Галис — главная река Малой Азии (ныне Кизил-Ирмак), на которой был разбит в 548 г. до н. э. лидийский царь Крез персидским царем Киром. Танаис — Дон.

276. Меотийские волны. — В древности предполагали, что нынешнее Азовское море имеет выход в Северный океан.

278. Столбы Геркулеса — название двух возвышенностей по обоим сторонам Гибралтарского пролива.

279. Гады — ныне Кадикс в Испании.

280. Эсседонийцы — скифское племя, жившее по берегам Дона и Азовского моря.

281. Аримасы — скифское племя. Арии — персидский народ.

283. Гелоны — скифское или сарматское племя, жившее по берегам Борисфена (Днепра) в теперешней Украине.

284. Кир — сын персидского царя Дария Нофа, поход которого (401 г. до н. э.) описан участником его, Ксенофонтом, в «Анабасисе». Мемноново царство — восточные области Персидского царства, названные по имени сына Зари, Мемнона, героя послегомеровских мифов, упоминаемого и в Одиссее.

287. Мститель за братнюю честь — Агамемнон, брат мужа Елены — Менелая.

292. Мармарийские — африканские. Мармарика — область Африки, ныне Барка.

293. Аммон — египетское божество, отождествленное греками с Зевсом. Аммон изображался в виде барана или человека с бараньей головой. Здесь Ливия — Африка.

295. Паретонийские — египетские. Паретоний — пограничный город египетской Ливии, ныне эль-Баретоне, или Берек.

301. Фокейцев сыны — Массилия (ныне Марсель) была основана греками из малоазийской Фокии после разрушения ее персами в VI в. до н. э.

305. Минервы Кекроповой ветви — оливковые ветви.

328. Кому драться пристало — разумеются солдаты не-римляне.

340. Фокида — ошибка Лукана, встречающаяся и у других латинских писателей: Фокея (в Малой Азии) спутана с Фокидою (в материковой Греции).

347. Цереры дары — хлеб.

350. Сагунт — город в Испании (ныне Мурвьедро), основанный, по преданию, как и Массилия, греками. Сагунт был взят Ганнибалом после осады в 218 г. до н. э.

359. Гесперийские страны — Испания.

402. Сильваны и паны — лесные сельские божества.

441. Додоны стволы — дубы. Додона — город в Эпире с оракулом Зевса, находившимся в дубовой роще. (См. примеч. к III, ст. 179—180).

442. Кипарис — дерево, в которое, согласно мифу, был превращен сын царя Телефа. (См.: Овидий, *Метаморфозы*, X, 109—142).

458. Скользять — на валиках или катках.

475. Черепаха — особое построение войска, при котором первый ряд воинов держал щиты перед собою, а следующие ряды — над головами.

494. Фашины — связки прутьев или хвороста для укрепления насыпей.

510. Не расписаны пёстро. Обычно суда делались с расписными бортами, а на корме находились жертвенник и деревянная статуя божества — покровителя корабля. (Ср.: Гораций, *Оды*, I, 14).

514. Брут — Деций Юний Брут Альбин, начальник флота Цезаря.

515. Стехадские поля — острова невдалеке от Массалии.

529. Трирема — судно с тремя рядами весел.

534. Либурны — небольшие быстроходные суда, построенные по образцу ладей иллирийского племени либурнов. (См.: Аппиан. *Гражданские войны*, II, 39).

684. От воска. Палубы на судах шпаклевали воском.

696. Фокеец — массилиец. (См. примеч. к III, ст. 301).

Книга четвертая

1. На последних границах вселенной — в Испании.

4 сл. Войско Помпеево — армия из ветеранов под начальством легатов Помпея — Марка Петрея и Луция Афрания. Петрей служил в Испании от 54 до 49 г. до н. э. После смерти Помпея он сражался вместе с Катонам против Цезаря в Африке, был разбит при Тапсе в 46 г. и лишил себя жизни. Афраний, ставший в 60 г. до н. э. консулом при помощи Помпея, был в 49 г. разбит вместе с Петреем под Илердой. Из Испании они оба отправились к Помпею в Диррахий и безуспешно уговаривали его перенести гражданскую войну в Италию. После битвы при Тапсе Афраний бежал к Сексту Помпею в Испанию, где был захвачен и убит солдатами Цезаря.

8—10. Астуры, веттоны, иберы — испанские племена. Народ, происшедший от смешения кельтов с иберами, назывался «кельтиберы».

12—22. Илерда — город в Тарраконской Испании (ныне Лерида) на реке Сикоре (ныне Сегре), притоке Ибера (ныне Эбро). Кинга — приток Ибера.

56. Перевозчик Геллы — созвездие Овна, златоруного барана, на котором, по мифу, Фрикс и Гелла бежали от преследований мачехи в Кодхиду; по дороге Гелла упала в море, которое в честь ее было названо Геллеспонтом (ныне Дарданеллы).

58. По Весам времена уравнивши, — т. е. после весеннего равноден-

ствия, когда Солнце вступает в знак Овна, противоположный знаку Весов, в который оно вступает в осеннее равноденствие.

63. Набатейский — аравийский.

72. Олимпа граница — линия западного горизонта, где небо (= Олимп) сходится с океаном (Тетфисой).

106. Преисподняя часть вселенной — Антарктика.

134. Венеты — народ фракийского происхождения, живший на северо-западном побережье Адриатического моря к северу от реки Пада (ныне По).

147. К пределам вселенной — здесь: в центральную Испанию.

173. Страх — перед нарушением дисциплины.

256. В Эмафийских полях — в Фарсальском сражении. (Ср. I, ст. 1). В фокейских Массилии водах — см. III, ст. 301 сл.

257. На фаросских волнах — в Египте, где был убит Помпей. (См. примеч. к II, ст. 636).

298. Астурийское золото — испанское. (Ср. примеч. к ст. 8).

322. Диктейские утесы — критские. (Ср. примеч. к II, ст. 610).

323. Аконит — ядовитое растение из семейства лютиковых.

333. Мероя — остров на Ниле.

334. Гараманты — народ, живший в нынешнем Фессалие.

352. Гесперийцы — испанцы.

379. При неведомом консуле — т. е. очень старое вино. Так как летоисчисление в Риме велось по консулам (см. примеч. к II, ст. 645), то и вина определенных годов назывались по именам консулов, избранных на данный год.

380. Мурра — плавиковый шпат, из которого делались очень ценные в древности сосуды.

403. Салоны — далматский город (ныне Сплатро).

405. Иадр — город в Иллирии (ныне Zaga Vecchia).

406. Курикты — жители острова Курикты (ныне Vaglia) у берегов Иллирии.

408. Антоний — Гай Антоний, брат триумвира, легат Цезаря, командовавший отрядом на острове.

416. Басил — легат Цезаря, командовавший войсками на материке.

433. Марк Октавий — начальник флота Помпея.

439. Пугало — охотничий снаряд для загона зверей в определенное место, состоявший из длинной веревки с навязанными на нее разноцветными перьями.

461. Тавроменийский — сицилийский (см. примеч. к I, ст. 547), по городу Тавромению (ныне Таормина) на восточном берегу Сицилии.

462. Опитергинский — из Опитергии (ныне Одерцо), города в области венетов.

463. Корабли — флот Марка Октавия. (См. IV, ст. 433).

465. Вултей — воинский трибун Цезаря.
527. Ледяны Ближнецы — т. е. созвездие Ближнецов: Кастор и Поллукс, сыновья Леды, — главные звезды этого созвездия, в знаке которого Солнце бывает в летнее солнцестояние.
528. Фессалийские стрелы — стрелы фессалийского кентавра Хирона, т. е. созвездие Стрельца. (Ср. примеч. к VI, ст. 393).
- 529—530. Истры — иллирийцы. О либурнах см. примеч. к III, 534.
- 549—551. См. примеч. к III, ст. 174 и к I, ст. 552.
552. Дети драконых зубов — воины, возникшие из драконовых зубов, которые должен был посеять Язон, чтобы получить от царя Колхиды Айета (отца Меден) золотое руно. Выросшие из этих зубов воины перебили друг друга.
583. Лилибей — мыс в Сицилии с одноименным городом (ныне Каподи-Боко).
585. Клупея (или Клипея) — город в Северной Африке (ныне Келибия).
588. Баграда — река, впадающая в Средиземное море между Карфагеном и Утикой, ныне Медьерда.
- 595—597. Тифон (или Тифой), Тигий и сторукий Бриарей — гиганты, сражавшиеся с богами на Флегрейском поле (Флегра, ныне Кассандра) — западной оконечности македонского полуострова Халкидики. (Ср. I, ст. 36 и VII, ст. 145).
612. Клеонейский лев — назван по городку Клеонам, находившемуся между Коринфом и Аргосом, к юго-востоку от Немейской рощи. Обычно этот лев, убитый Геркулесом, называется немейским.
614. Олимпийская палестра — состязание в рукопашной борьбе на Олимпийских играх (в Элиде), учрежденных, по преданию, Геркулесом.
634. Инахийские зыбы — Лерна, болото в Арголиде, древнейшим, легендарным царем которой был Инах.
637. Мачеха — Гера, жена Зевса, сыном которого от Алкмены был Геракл.
639. Олимп — здесь: небесный свод, который поддерживал Геракл вместо Атланта (или Атласа), пока тот ходил добывать для него золотые яблоки Гесперид.
- 657 сл. Супостат-пуниец — Ганнибал, побежденный в Африке Публием Корнелием Сципионом Африканским Старшим (236—183 гг. до н. э.), который построил в Африке «Корнелиев лагерь» (Castra Cornelia) на берегу реки Баграды.
669. Войско царя — войско нумидийского царя Юбы.
675. Океан — здесь: часть Средиземного моря у северного побережья Мавритании.
- 676—681. Гетулы — африканский народ, кочевавший в области нынешнего южного Марокко и западной части Сахары. Автололы — одно из

гетульских племен. Нумидийцы — жители Нумидии, области в северной Африке между Мавританией и Карфагеном. Назамоны — африканский народ, нравы и обычаи которого подробно описаны Геродотом (II, 32 и IV, 172). Мармариды — кочевники на крайнем востоке северного побережья Африки. Гараманты — народ внутренней Африки, главным образом в районе нынешнего Феццана (см.: Геродот, IV, 174 и 183). Мазаки — нумидийское племя. Мидяне — парфяне. Народ масильский — одно из нумидийских племен.

690. Властью трибуна — в 50 г. до н. э. (См. примеч. к I, ст. 269).

696. В твердых Корфиния — ср. II, ст. 478 сл.

697. Рейнской... водой — т. е. в боях с галлами и германцами во время походов Цезаря.

720. Саббура (или Сабурра) — военачальник нумидийского царя Юбы. Упоминается неоднократно Цезарем в «Записках о гражданской войне».

724. Опытный враг — ихневмон, или фараонова мышь, — небольшое млекопитающее с длинным хвостом.

790. Маны пунийцев — души карфагенян, погибших в битвах с римлянами во время пунических войн.

799. Ростры — ораторская площадка на римском форуме, украшенная «рострами» — носовыми таранами отбитых у неприятеля кораблей.

802. Тестя на зятя — Цезаря на Помпея. (См. примеч. к I, ст. 114).

Книга пятая

1. Земля Македонская — Фарсалия.

3. Атлантида — дочь Атланта, одна из Плеяд. Здесь — созвездие Плеяд.

4. Гем — см. примеч. к I, ст. 680.

5—7. И приближался уж день — 1 января 48 г. до н. э. Об обозначении года именами консулов см. примеч. к II, ст. 645. — Слово «январь» (Januarius) происходит от имени бога зверей и всякого начала — Януса.

7. Оба консула — Гай Клавдий Марцелл и Луций Корнелий Лентул — консулы 49 г. до н. э.

8 сл. Созывают в Эпир... отцов. Законное собрание Сената (члены которого назывались «отцами») могло происходить только в Риме. Поэтому консул Лентул у Лука в своей речи (ст. 17 сл.) всячески старается доказать законность заседания Сената вне Рима.

12—13. Секиры и фасции (связки прутьев), в которые вне римской городской черты вкладывались секиры, носили служители консулов и преторов — ликторы.

23. Гиперборейский — северный.

27. Тарпейская крепость — римский Капитолий. Но здесь — это город

Рим, который был сожжен и разграблен галлами в 390 г. до н. э., а Капитолий уцелел. (См.: Н. А. Машкин. История древнего Рима. 1949, стр. 125).

28. Вейи — этрусский город в 35 км к северо-западу от Рима. Последняя война с Вейями, по традиции, продолжалась десять лет (406—396 гг. до н. э.), и окончание ее приписывается диктатору Марку Фурию Камиллу.

33 сл. Лукан, устами Лентула, называет изгнанными из Сената именно тех сенаторов, которые остались в Риме и покорились Цезарю.

39. Под иллирийской волной — см. IV, ст. 404 сл.

51. Фебов Родос — остров у южного берега Малой Азии, посвященный богу Солнца Гелиосу, который отождествлялся с Фебом-Аполлоном.

52. Тайгет — горный хребет в Лаконике на Пелопоннесе.

53. Фокида — см. примеч. к III, ст. 340.

54—55. Котий (или Котис) — фракийский царь, приславший на помощь Помпею своего сына Садалу с пятьюстами всадников. Дейотар — правитель (тетрарх) восточной части Галатии (в Малой Азии) — привел к Помпею шестьсот всадников, а Раскипол (или Раскиполис) — владетель области, граничившей с Фракией и Македонией, — двести. (См.: Юлий Цезарь. Записки о гражданской войне, III, 4).

56. Подчиняет державному Юбе Ливию. Эта власть была дана нумидийскому царю Юбе за победу над Курионом.

59. Птолемей XII Дионис — малолетний сын Птолемея XI Авлета, младший брат Клеопатры, назначенной, по завещанию отца, ему в соправительницы.

60—62. Пеллейская — Македонская, так как Пелла была столицей Македонии, откуда происходил родоначальник египетских Птолемеев (Лагидов) Лаг. Лукан часто пользуется эпитетом «Пеллейский» применительно к египетским царям и к их двору.

63. Помпея главу — см. книгу VIII.

71. На половине пути. Дельфы находились, по верованию греков, в центре земного круга.

73. Бромий — Вакх (Дионис).

80. Пеан — собственно «целитель». Так, между прочим, назывался Аполлон, рожденный Латоною на острове Делосе, который, единственный из всех мест земли, согласился дать убежище беременной от Зевса Латоне, преследуемой Герою. Пифон — дракон, охранявший Дельфы, где до появления Аполлона царствовала богиня правосудия и прорицаний Фемида.

95. Из киррейских пещер — т. е. из дельфийских (Кирра — гавань Дельфов).

100. Тифозей — см. примеч. к IV, ст. 595. Инарима, или Энария, — вулканический остров у берегов Кампании, ныне Искья.

108. Тирийцы — Дидона, мифическая царица города Карфагена, и ее спутники, переселявшиеся из Тира в Африку.

109. Саламинское море. Афиняне получили указание от Дельфийского оракула о битве с персидским царем Ксерксом, флот которого был ими разбит в сражении при острове Саламине в 480 г. до н. э.

120. Треножники — на которые садились прорицательницы (пифии).

122. Аппий Клавдий Пульхр — приверженец Помпея, бежавший в 49 г. из Рима и управлявший, по поручению Помпея, Грецией. Он умер на острове Эвбее незадолго до поражения Помпея.

128. Фебада — жрица Феба, пифия.

134. Пифо — другое название Дельфов. Храм в Дельфах был сожжен галлами (галатами) в 279 г. до н. э.

138. Сибилла — см. примеч. к I, ст. 564.

144. Фокидские, — так как Дельфы находились в Фокиде.

174. Стрекало — острая палка, которой погоняли животных.

183. Эвбейский, — так как Кумы были основаны выходцами из города Халкиды на острове Эвбее.

207. Мстителей-Брутов. Упоминание о свержении царской власти при содействии Брута в 510 г. до н. э. является намеком на убийство Цезаря Марком Юнием Брутом и его сообщниками в 44 г. до н. э.

220. Тьма (tenebrae) — здесь, как часто у Лукана, значит обморок (ср. III, ст. 735).

232. Карист — город на южной части острова Эвбеи, известный своим мрамором.

233. Рами — местечко в Аттике на берегу Эвбейского пролива (Эврипа), известное культом богини возмездия Немесиды.

235. Эврип — пролив между Эвбеей и Беотией. На эвбейском берегу его находилась Халкида, а на беотийском — Авлида, откуда долгое время не мог отплыть флот греков, отправлявшихся в поход под Троем.

286. Эло — убийство самого Цезаря.

306. Тарпейский чертог Юпитера — храм Юпитера на Капитолии.

346. Лабие — Тит Атий Лабие, легат Цезаря во время войны в Галлии, перешедший в 49 г. до н. э. на сторону Помпея.

358. Квириты — «мирные граждане», в противоположность военным. Такое обращение к воинам было равносильно роспуску войска.

375—380. Гидрунт (ныне Отранто) — на юго-восточном, Тарент (ныне Таранто) — на северо-западном, Левка — на южном берегу Калабрии. Салапинские воды — прибрежное озеро (ныне Лаго-ди-Сальпи) у города Салапини, Сипунт, портовый город (ныне Мариа-де-Сипонто), Гарган — гора в Апулии.

378. Авзония — Италия.

379. Калабрийский Австр — южный ветер, дующий с юга Италии, из Калабрии. Гарган-апулие — полуостров в Апулии (ныне Гаргано).

382. Тога — гражданская одежда, в противоположность военной.

384. Фасты — хроника, летопись, или календарь, годы в котором обозначались именами консулов. (См. примеч. к II, ст. 645 и к V, ст. 5—7).

394. Трибы — округа для территориального деления римских граждан и выборов некоторых должностных лиц «по трибам», независимо от деления на патрициев и плебеев.

395. Авгуры. В эпоху Республики жрец-авгур наблюдал за знаменами (в частности, по полету птиц) и мог, на основании их, воспрепятствовать производству выбора должностных лиц. (Ср. I, ст. 601).

399. Чья месячная власть. Лукан прибегает здесь к приему гиперболизации: консулы облакались полномочиями меньше, чем на год, в эпоху Империи, но в 48 г. до н. э. консулами все время оставались Цезарь и Публий Сервилий Ватия Исаврик.

400. Бог — Юпитер-Латин. (См. I, ст. 198).

405. Праздный — из-за войны.

406. Миносский — критский, по имени критского царя Миноса. Основание Брундисия приписывалось критянам.

420. С феакийских берегов — с острова Коркиры (ныне Корфу), отождествлявшейся с гомеровским островом феаков — Схерией. Корабли Цезаря были торговыми парусными судами, тогда как военные суда Помпея были гребными, что давало им преимущество двигаться независимо от направления ветра, а также и в затишье.

441. Бессы — фракийское племя, кочевавшее вплоть до Меотиды (Азовского моря).

457. Керавны — см. примеч. к II, ст. 626.

460. Палеста — город в Эпире, на берегу Адриатического моря (ныне Паласа).

462 сл. Генус и Апс — реки в Иллирии, ныне Шкумби и Семени.

472. Тесть — Цезарь, дочь которого Юлия родила Помпею двух сыновей, умерших в младенчестве.

475. На отмелях нильских — в Египте, где Помпей был убит.

478. Антоний — легат Цезаря (будущий член второго триумvirата в 43 г. до н. э.), задержавшийся в Брундисии.

479. Левкада — см. примеч. к I, ст. 42.

507. Третий от вечера час. Сутки в Риме делились на 12 дневных часов — от восхода до заката Солнца — и 12 ночных — от заката до восхода Солнца (таким образом летом дневные часы были длиннее ночных, а зимою — короче). Для военной караульной службы ночь делилась на 4 стражи по три часа в каждой.

620—624 — ср. IV, ст. 110 сл. Лукан вспоминает мифический всемирный «Девкалионов» потоп.

635. Снова — т. е. казалось, будто опять наступил потоп.

638. Левкадия — Левкада.

650. Сасона пески — см. примеч. к II, ст. 626.

651. Амбракия — город в южном Эпире, ныне Арта.

663. Фасции — т. е. должность консула (см. примеч. к I, ст. 178).

Цезарь говорит, что он добился консулата на 48-й год, овладев Римом. Находясь к началу 49 г. с армией в Галлии, Цезарь не имел права выставлять свою кандидатуру в консулы заочно. (См.: Н. А. Машкин, ук. соч., стр. 341—344; он же. Принципат Августа. М., 1949, стр. 64).

672. Десятый вал. Мы бы сказали «девятый».

716. Письмена. Журавлиная стая на полете принимает форму, схожую с некоторыми буквами греческого алфавита.

719. Лисс — город в Иллирии, ныне Алессиньо.

720. Нимфей — мыс и гавань в Иллирии.

744. Лесбос — остров в Эгейском море у берегов Малой Азии (ныне Митилини).

786. Митилена — главный город острова Лесбоса.

Книга шестая

9. Турмы — конные отряды по тридцать человек.

13. Диррахий — см. примеч. к II, ст. 624.

17. Тавлантии — иллирийское племя, жившее в области Диррахии. Эфирские стены — Эфира, древнее название Коринфа (Диррахий был коринфской колонией).

50. Кирпич — «... в Вавилоне стены сделаны из обожженного кирпича и находящейся там в изобилии горной смолы, заменяющей известь и песок...» (Витрувий. Об архитектуре. 1, 5, 8).

51. Сколько Тигр и быстрый Оронт омывают. Вал Цезаря, по словам Лукана, обнимал пространство, равное Месспотамии и Сирии.

56. Фриксово море — Геллеспонт. (Ср. примеч. к II, ст. 673 и к IV, ст. 56).

57. Иль оторвать бы могли — т. е. прорыть Коринфский перешеек (Истм), отделяющий Северную Грецию от Пелопоннеса.

58. Малея — мыс на южной оконечности Лаконии.

62. Имеются в виду битвы Фарсальская и при Тапсе.

65. Сиканские поля — Сицилия.

66. Пелор — см. примеч. к II, ст. 438 и к I, ст. 548.

67. Рутупинский. Рутупин — портовый город на юго-восточном берегу Британии, ныне (предположительно) Ричборо в графстве Кент.

68. Каледонский — Каледония — нынешняя Северная Шотландия.

74. Микенская Диана. «Микенской» Диана (Артемиды) названа потому, что культ ее был перенесен из Тавриды в Микены. (Ср. примеч. к III, ст. 86). Расстояние, упоминаемое здесь, — приблизительно 15 римских миль (римская миля = 1480 м).

90. Несис — островок вулканического происхождения в Неаполитанском заливе (ныне Нисида).

92. Тифонова ярость — вулканические извержения приписывались заключенным под землю гигантам. (Ср. примеч. к IV, ст. 595—597).

96. Священная болезнь — рожистое воспаление (эрисипела).

126. Укрепление Миниция. Происхождение этого названия не известно.

129. Латинские птицы — орлы, которыми были увенчаны значки (знамена) римских легионов.

144. До похода на Родан — т. е. до похода Цезаря в Галлию.

146. Латинская лоза — виноградная трость, знак отличия низших начальников в войске — центурионов. О подвиге Сцевы упоминает и Цезарь в «Записках о гражданской войне» (III, 53).

149. Соратники. Это не соответствует указанию в стихах 132 сл., что все защитники данной позиции были убиты.

214. От диктейской руки — т. е. от руки одного из критских стрелков (ср. примеч. к II, ст. 610 и к III, ст. 185), которые издавна считались лучшими лучниками.

220—223. Описана схватка в римском амфитеатре.

236. Авл — лицо, очевидно, вымышленное.

256. Богов — т. е. статуи. Марс обычно изображался с копьем и щитом, но без одежды.

259. Кантабры — одно из северных испанских племен, покоренное римлянами только в конце I в. до н. э.

285. Торкват — Луций Манлий Торкват, претор, 49 г. до н. э.

287. Цирценна буря — названа по Цирцеину мысу (ныне Монте Чирчелло) в Лации.

293. Энкелад — один из гигантов. (Ср. примеч. к VI, ст. 92).

306. Утика — город в Северной Африке у устья реки Баграды, где в 46 г. до н. э. кончил жизнь самоубийством Марк Порций Катон Младший, прозванный поэтому «Утическим».

308. Трупа — Помпея.

309. На Мармарийских песках — см. примеч. к III, ст. 292. О смерти юмидийского царя Юбы см.: Записки об Африканской войне, гл. 94 (= Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 454).

310. Сципион — см. примеч. к II, ст. 472 и к I, ст. 39. Сципион был потомок завоевателя Карфагена. После битвы при Фарсале Сципион коман-

довал войском в Африке, был разбит Цезарем в битве при Тапсе, соби-
рался бежать в Испанию, но был захвачен в плен и покончил с собою
в 46 г. до н. э.

311. Катон непорочный — Катон Младший (см. примеч. к I, ст. 128)
покончил жизнь самоубийством в африканском городе Утике в 46 г. до н. э.
(См. Записки об Африканской войне, гл. 93).

331. Кандавия — горная область в Иллирии.

333. Откуда Титан зимою восходит — с юго-востока. Но Лукан пере-
путал расположение Оссы и Пелиона: на самом деле Осса находится на
северо-востоке, а Пелион на юго-востоке Фессалии.

338. Отрис — высокая лесистая гора в фессалийской Фтиотиде. Лев —
знак зодиака, в котором Солнце находится в августе.

339. Япиг — холодный и сухой северо-западный ветер.

345. Темпа — долина в Фессалии, между Олимпом и Оссой, ороша-
емая Пенеем.

349—350. Морского Ахилла царство — Фтиотида. Ахилл назван «мор-
ским», так как мать его Фетиды была морского богиней, одной из дочерей
Нерея. (См. примеч. к II, ст. 712).

351—359. Перечисляются города в Фессалии: Филака — город мифи-
ческого царя Протесилая, первого из греков, прыгнувшего на Ретейский
(троянский) берег и убитого Гектором (см.: Илиада, II, ст. 695—702);
Дорион — родина мифического певца Фамира (или Фамириды), осмелив-
шегося состязаться с Музами и за это ослепленного ими; Гомер называет
Фамира фракийцем (Илиада, II, 594 сл.); Мелибея — родина Филоктета,
получившего от Геракла его лук и колчан со стрелами в награду за то, что
он взялся поджечь погребальный костер, который сделал себе Геракл, мучи-
мый неутолимой болью от одежды, отравленной кровью убитого им кен-
тавра Несса (см. ст. 365); Лариса — родина Ахилла. (Дальше упомянут
не фессалийский, а эпирский город Аргос Амфилохийский). Эпитет Эхио-
новы неприменим к фессалийским Фивам, упоминаемым Луканом: это
название может относиться только к Фивам в Беотии, построенным Кадмом
(см. III, ст. 189 и IV, ст. 549) с помощью Эхиона. (См. примеч. к I,
ст. 574).

360—380. Из перечисляемых Луканом рек по Фессалии текут: Спер-
хей, впадающий в Малийский (ныне Ламийский) залив, Амфрис (река,
у которой Феб-Аполлон пас стада царя Адмета в наказание за убийство
киклопов, ковавших для Зевса молнии), Анавр, Пеней, Апидан, Энипей
(на котором стоял город Фарсал), Феникс, Мелас и Титарес (яли Тита-
ресий), о котором говорится в Илиаде (II, ст. 751 сл.):

... шумит Титарезий лесомы,

Быстро в Пеней устремляющий пышно пятающиеся воды,
Ковк впаде не сливаясь с Пенеем серебристоупынным,

Но всплывает наверх и подобно елею струится:
Он из ужасного Стикса, из вод заклинаний исходит.
(Пер. Гнедича).

(См. ниже, примеч. к ст. 749). Из остальных рек, перечисляемых Луканом, Эй вытекает с Пинда и течет по Эпиру; Родитель беглянки Изиды (т. е. Инах, отец возлюбленной Зевса Ио, бежавшей от преследований Герм в Египет и отождествленной греками с богиней Изидой) — река в Арголиде, которую Лукан принимает за одноименную ей реку в Эпире, о которой только и может здесь идти речь (ср. подобное смешение двух Фив ст. 357); Зятем Ойнея не ставший (т. е. река Ахелой, сражавшийся с Гераклом за обладание дочерью царя Этолии Ойнея, — вытекает с Пинда и впадает в Ионийское море, протекая по границе Акarnании и Этолии). Эвен — река в Этолии, на которой Геракл убил кентавра Несса.

382—385. Перечисляются древнейшие народы, населявшие преимущественно Северную Грецию.

386 сл. Иксион — царь лапифов, покусившийся на обладание Герой. Зевс создал похожий на Геру призрак (облако — Нефелу), и от союза Иксиона с Нефелой произошли кентавры в Пелефронийской пещере, в Фессалии. (Ср. III, ст. 198).

391. Перевозчик — кентавр Несс, покусившийся на жену Геракла Деяниру, когда перевозил ее через реку Эвен. (См. примеч. к ст. 351—359 и 360—380).

392 сл. Лернейская стрела — стрела, пропитанная ядом Лернейской гидры, убитой Гераклом.

393. Хирон — мудрый кентавр, воспитатель Ахилла, нечаянно раненный ядовитой стрелою Геракла и обращенный в созвездие Стрельца (одиннадцатое зодиакальное созвездие, идущее после созвездия Скорпиона). Ср. примеч. к IV, ст. 528. Гемонский — фессалийский.

395. Свирепого Марса — т. е. войны.

397. Скаун фессалийский — конь, созданный Посейдоном (Нептуном).

399. Лапифы (см. примеч. к ст. 386 сл.) считались изобретателями конской узда.

400. Корабль — Арго. (См. примеч. к II, ст. 715).

409. Пифийские игры — дельфийский праздник, справлявшийся в августе—сентябре третьего года каждой олимпиады в память победы Аполлона над змеем-Пифоном (ср. примеч. к V, ст. 80 и 95); наградою за победу на этих играх был лавровый венок.

410. Алоэй — отец гигантов Ота и Эфиальта, хотевших взгромоздить одну на другую горы Пелион и Оссу для захвата неба.

420. Секст — младший сын Помпея. После Фарсальской битвы он бежал с отцом в Египет, спасся после убийства Помпея на острове Кипре и затем, после смерти старшего своего брата, продолжал войну в Испании.

После смерти Цезаря римский сенат назначил его начальником флота. После этого он собрал войско, в которое принял много изгнанников и рабов, и, господствуя в сицилийских водах (Сицилином море), овладел Сицилией и Сардинией. В конце концов он был разбит полководцем Октавиана Агриппой, бежал в Малую Азию и был убит приближенными Марка Антония в 35 г. до н. э. (Ср. примеч. к I, ст. 43).

422. Помпея триумф — над пиратами. (Ср. примеч. к I, ст. 122).

427. Жолуди — пища первобытных людей по античным представлениям. (Ср.: Лукреций. О природе вещей, V, ст. 939 сл.). О Додоне см. примеч. к III, ст. 441. Лукан говорит о предсказаниях, которые давали додонские жрецы по звуку медных, колеблющихся в воздухе, тазов.

429. Ассирийские жрецы — халдеи, астрологи.

436. Гемониды — фессалийские колдуны.

441. Колхидская гостыя — Медея.

476. Арап — см. примеч. к I, ст. 433.

484. Лукан говорит, что колдуны пробили насквозь земной шар, так что стало видно небо противоположного полушария.

547. Гвозди воруют из рук. Разумеются гвозди, которыми были пробиты руки людей, распятых на крестах.

581. Филиппы — т. е. Фарсалию. (См. примеч. к I, ст. 680).

618. Родопские скалы. Родопы — гора в Фессалии.

619. Новая смерть. Лукан, видимо, забыл, что в Фессалии еще не было сражения.

636. Стигийский Аверн. — Аверн — озеро в кратере одного вулкана в Кампании; считалось входом в преисподнюю. Стикс — река подземного царства.

648. Тенарское ущелье — в Пелопоннесе, считавшееся входом в преисподнюю.

664. Кербер — трех- или пятиголовый сторожевой пес подземного мира.

674. Рыбка — у Лукана по-гречески *echenais* (по-латыни — *temota*), «останавливающая корабли» — легендарное морское животное. Так же легендарны и камни в орлиных гнездах.

679. Керасты — порода змей.

680. Феникс — легендарная птица, сжигавшая самое себя по достижении зрелого возраста (через 500 или даже через несколько тысяч лет) и снова возрождавшаяся из пепла.

686. Летейские боги — божества загробного мира, в котором текла река забвения — Лета.

698. Элисий (или Елисейские поля) — обитель блаженных душ.

700. Персефона (Прозерпина) — дочь богини Деметры, похищенная Аидом (Плутоном) в преисподнюю и ставшая ее царицей. По позднейшим представлениям, она считалась одним из воплощений богини Гекаты, являв-

шейся на небе Селеной (Луной), на земле Артемидой (Дианой) и в подземном мире Персефоной.

703. Пес — Кербер. (См. ст. 664). Сестры — Парки. (См. I, ст. 113 и III, 18 сл.).

704. Перевозчик — Харон. (См. примеч. к III, ст. 16).

708. Полное богом — Человеческая грудь считалась обителью особого божества, или гения.

715. Орк — божество загробного мира, а также и весь загробный мир.

730. Тисифона и Мегера — Эринии (Фурии). (См. примеч. к I, ст. 572).

732. Истинным именем — т. е. тайным именем, не известным людям, но известным колдунье Эрихто.

739 сл. Обед. Эрихто грозит открыть известную ей таинственную связь Персефоны с подземным миром. На что здесь намекает Лукан, не ясно, но, во всяком случае, не на гранатовую косточку, проглоченную Персефоной в подземном царстве, так как история об этом была общеизвестна. Генийкой Персефона названа потому, что была похищена Плутоном с луга около сицилийского города Генны.

742. Мира судья наихудший — Плутон. Порядок «судей мира»: 1) Юпитер, 2) Нептун, 3) Плутон.

745 сл. К тому — к таинственному божеству Демиургу (создателю мира, по учению Платона) или Демогоргону, упоминаемому впервые древним комментатором поэта Стация (современника Лукана). Взглянувший на чудовище Горгону обращался в камень.

749. Стигийские клятвы. Боги, клявшиеся загробной рекой Стиксом, были нерушимо этой клятвой связаны.

785—796. Деций — 1) Публий Деций Мус, консул 340 г. до н. э., пожертвовавший, по указанию сновидения, своей жизнью в войне с латинянами, и 2) сын его Публий Деций Мус, посветивший себя, как и отец, подземным богам и павший в битве с амниатами в 295 г. до н. э. (Ср. II, ст. 308 и VII, ст. 359). Камиллы и Курии — см. примеч. к I, ст. 168. Сципион — см. примеч. к IV, ст. 657 и к VI, ст. 310. Катон — Марк Порций Катон Старший (234—149 гг. до н. э.), известный своими настойчиво повторяемыми в Сенате словами: «Карфаген должен быть уничтожен» (Carthago delenda est); Катон «сетовал о правнучке, рабство проклявшим», т. е. об участии Катона Младшего, непримиримого врага Юлия Цезаря. Катилина — см. примеч. к II, ст. 541. Цетеги — см. примеч. к II, ст. 543. Брут — Луций Юний Брут, консул первого года Республики (509 г. до н. э.); он «улыбался», предвидя, что его потомок убьет Цезаря. Друзы — 1) народный трибун 122 г. до н. э. и 2) сын его, носивший, как и отец, имя Марка Ливия Друза, народный трибун 91 г. до н. э. Гракхи — народные трибуны Тиберий и Гай Гракхи (см. примеч. к I, ст. 267), которые в римской сенатской традиции считались «мятежными трибунами», затро-

нули в своих реформах самые жизненные интересы римского общества. Выступая сторонниками римского плебса, Гракхи пытались провести в жизнь демократические идеи, какие возникли в Греции и за которые шла борьба в греческих городах в эпоху эллинизма. Гракхи пали жертвами реакции, но и римской олигархии был нанесен удар. (См.: Н. А. М а ш к и н, *История древнего Рима*. 1949, стр. 245—258).

809. Римские боги — обожествленные после смерти императоры.

814. Судьбы предскажет... Помпей. Очевидно, это предсказание должно было быть в недописанной Луканом части поэмы.

818. В тех странах, где вы побеждали. Помпей был убит в Египте, его старший сын Гней — в Испании, а Секст — в малоазиатском городе Милете. Помпей получил триумфы за победы в Нумидии, в Испании и в Азии.

Книга седьмая

3. Противаясь вращению неба. В древности считали, что собственное движение Солнца по небу идет с запада на восток, а самый небосвод (эфир) вращается с востока на запад гораздо скорее движения Солнца, которое небо и увлекает поэтому вместе с собою. Это убеждение основано на том, что «в своем годовом движении между звездами Солнце проходит около 1° по прямому восхождению и, как бы отставая от вращения небесного свода, запаздывает кульминацией по сравнению с данной звездой приблизительно на 4 минуты звездного времени». (См. Русск. астроном. календарь, Постоянн. ч., изд. 4-е, Нижний-Новгород, 1930).

9. Театр Помпея — первый постоянный театр в Риме, построенный Помпеем из камня на средства от военной добычи после победы над Митридатом. Театр этот, рассчитанный на сорок тысяч зрителей, находился на Марсовом поле. (См. примеч. к I, ст. 133).

14. Первый триумф. Лукан ошибся: первый триумф Помпея был не над «племенами, окруженными бурным Ибером» (т. е. Испанией), а над Нумидией. Помпей был триумфатором трижды: 1) в 81 г. до н. э. — над Нумидией, 2) в 71 г. — над Испанией, 3) в 61 г. — над Азией. В 71 г. он был еще только всадником (см. ст. 19), но его первое консульство началось уже в 70 г.

28. Народу — т. е. римлянам, или италийцам.

62 сл. Красноречия... создатель римского — Марк Туллий Цицерон, который часто и сам хвалился тем, что сила его гражданской власти («власть и тога») одолела Катилину (см. примеч. к II, ст. 541) в 63 г. до н. э., когда Цицерон был консулом. Указание Лукана на присутствие Цицерона в Фарсалии неверно: по свидетельству Тита Ливия, Цицерона в Фарсалии не было.

65. Форума, ростров — т. е. гражданской деятельности, предоставлявшей возможность выступать как оратору. О рострах см. примеч. к IV, ст. 799.

123. Все преступленья грозят победителю. Лукан говорит, что победитель, будь то Помпей или Цезарь, непременно допустит жестокости по отношению к побежденным и поэтому будет ненавидим.

132. Город — Рим.

145. Флегра — см. примеч. к IV, ст. 595—597.

146. В сицилийском горниле. В Сицилии была мифическая кузница циклопов. (Ср. примеч. к VI, ст. 360—380).

149. Эгида — дословно: козлиная шкура — броня, на которой у Афины-Паллады была помещена голова чудовища Горгоны. В позднейших античных представлениях эта шкура заменилась щитом или панцирем с изображением Горгоны. (Ср. примеч. к VI, ст. 745 сл. и миф о Медузе-Горгоне в IX, ст. 624—699).

150. Палленские молнии — Паллена — синоним Флегры. (См. выше, ст. 145).

163. Истекают слезами. По древнему поверью, изображения богов (в данном случае на знаменах), предвещаая несчастья, покрывались каплями пота или слезами (ср. I, ст. 557). Поэт Стаций говорит это про статуэтку Геркулеса, принадлежавшую Александру Македонскому:

... когда гибельный пид он жубок, и смерть осенила
Тучей его, когда лик божества изменился, и броня
Потом покрылась, — объял его ужас на пире последнем.

(Сильвы, IV, 6).

176. Бейбейское озеро — в Фессалии.

187. Гады Тирийские — см. примеч. к III, ст. 279. Гады были основаны финикийцами (тирийцами).

192. Авгур один — Гай Корнелий. Эвганский холм — близ Патавия (нынешней Падуи). О пророчестве Гая Корнелия рассказывает и Плутарх в биографии Цезаря, гл. 47.

193. Апон — источник около Падуи.

194. Тимав — река в области венетов, названная «Антеноровым Тимавом», так как у ее истока был основан выходцем из Трои Ангеном город Патавий. (См.: Вергилий. Энеида, II, ст. 242 сл.).

217. Лентул — см. примеч. к V, ст. 7.

220. Домиций — см. примеч. к II, ст. 478.

222. Сципион — см. примеч. к II, ст. 472. Сципион стал главнокомандующим в Ливии (Северной Африке) после смерти Помпея.

227. Тетрархи — «четверовластники» — титул мелких властителей.

228. Все, чей пурпур... — т. е. все монархи (одежда которых была пурпуровая), подвластные Риму и явившиеся помогать Помпею в войне с Цезарем.

230. Итурейцы — народ из Сирии.

232. Иберия — Испания.

257. Земельный надел. Цезарь обещает по окончании войны наделить ветеранов земельными участками. (Ст. 257 и 258 считаются новейшими издателями поэмы Лукана интерполированными, так как их нет в некоторых списках, а схолиасты не делают к ним никаких примечаний).

270 сл. Гимнасии и палестры — школы для физических упражнений.

306 сл. Ограда. В II, ст. 197 это место на Марсовом поле названо «Овилини». Здесь Сулла умертвил шестьсот пленных, которым была обещана пощада.

315—317. Лукан имеет в виду сражение, описанное им в II, ст. 290 сл.

334. Если бы в битву послать — т. е. если бы каждый из вас был самим Цезарем.

363 сл. От Борей до Нота под сводом звездного круга. Имеются в виду обитатели северного полушария от полярного круга до тропика Рака. (Звездный круг — зодиак).

373. Господину — Цезарю.

392. Габии, Вейи и Кора — небольшие города; Габии и Кора в Лацин, Вейи — в Этрурии.

394. Лаврентские лары — латинский город Лаврент.

396. Подчиненный велениям Нумы. Нума — легендарный римский царь, преемник Ромула. Римские консулы должны были справлять Латинский праздник (Feriae Latinae) на Альбской горе.

408. Канны — см. примеч. к II, ст. 46.

409. Аллия — приток Тибра к северу от Рима (ныне Айя); на этой реке в 390 г. до н. э. римское войско было разбито галлами. День этого сражения (dies Alliensis) — 18 июня — был отмечен в римском календаре (в фастах) как «черный день».

411. Этого дня — дня Фарсальской битвы.

424. Ночь и день — т. е. Луна и Солнце.

428. Связки прутьев — ликторские фасции (см. примеч. к I, ст. 178).

429. Даги — кочевой народ, живший к востоку от Каспийского моря.

430. Плуга в Сарматии он не ведет. При основании колонии в запоеванной стране на обязанности консула было опаживать ее границы плугом.

437. О заселении Рима см. рассказ Тита Ливия, I, 8.

440. Брут — см. примеч. к V, ст. 207.

450. Мимант — гора в Ионии.

451. Кассий — Гай Кассий Лонгин, один из убийц Цезаря. Он был квестором при Кассе и участвовал в битве при Каррах в 53 г. до н. э. В 49 г., будучи народным трибуном, стал на сторону Помпея и командовал его флотом; разбил флот Цезаря в Сицилии. После Фарсальской битвы, в которой он участвовал, перешел на сторону Цезаря, но на самом

257. Земельный надел. Цезарь обещает по окончании войны поделить ветеранов земельными участками. (Ст. 257 и 258 считаются новейшими издателями поэмы Лукана интерполированными, так как их нет в некоторых списках, а схоласты не делают к ним никаких примечаний).

270 сл. Гимнасии и палестры — школы для физических упражнений.

306 сл. Ограда. В II, ст. 197 это место на Марсовом поле названо «Овилии». Здесь Сулла умертвил шестьсот пленных, которым была обещана пощада.

315—317. Лукан имеет в виду сражение, описанное им в II, ст. 290 сл.

334. Если бы в битву послать — т. е. если бы каждый из вас был самим Цезарем.

363 сл. От Борей до Нога под сводом звездного круга. Имеются в виду обитатели северного полушария от полярного круга до тропика Рака. (Звездный круг — зодиак).

373. Господину — Цезарю.

392. Габии, Вейи и Кора — небольшие города; Габии и Кора в Лацин, Вейи — в Этрурии.

394. Лаврентские лары — латинский город Лаврент.

396. Подчиненный велениям Нумы. Нума — легендарный римский царь, преемник Ромула. Римские консулы должны были справлять Латинский праздник (Feriae Latinae) на Альбской горе.

408. Канны — см. примеч. к II, ст. 46.

409. Аллия — приток Тибра к северу от Рима (ныне Айя); на этой реке в 390 г. до н. э. римское войско было разбито галлами. День этого сражения (dies Alliensis) — 18 июня — был отмечен в римском календаре (в фастах) как «черный день».

411. Этого дня — дня Фарсальской битвы.

424. Ночь и день — т. е. Луна и Солнце.

428. Связки прутьев — ликторские фасции (см. примеч. к I, ст. 178).

429. Даги — кочевой народ, живший к востоку от Каспийского моря.

430. Плуга в Сарматии он не ведет. При основании колонии в запоеванной стране на обязанности консула было опаживать ее границы плугом.

437. О заселении Рима см. рассказ Тита Ливия, I, 8.

440. Брут — см. примеч. к V, ст. 207.

450. Мимант — гора в Ионии.

451. Кассий — Гай Кассий Лонгин, один из убийц Цезаря. Он был квестором при Крассе и участвовал в битве при Каррах в 53 г. до н. э. В 49 г., будучи народным трибуном, стал на сторону Помпея и командовал его флотом; разбил флот Цезаря в Сицилии. После Фарсальской битвы, в которой он участвовал, перешел на сторону Цезаря, но на самом

деле оставался его противником и стал во главе заговора против него. После битвы при Филиппах в 42 г. Кассий лишил себя жизни.

457. Равных всевышним богам. Имеется в виду обожествление Цезаря и римских императоров.

471. Крастин — один из ветеранов Цезаря, убитый в Фарсальской битве. Он упоминается и в «Записках о гражданской войне» Цезаря (III, ст. 91 и 99).

508. Манипулы в легких доспехах — т. е. легко вооруженные части войска. (Манипул — одна тридцатая часть легиона).

513. Ядра. О том, что свинцовые ядра, пускаемые из пращи, будто бы накалялись и даже плавились при полете, упоминается и у других древних авторов. Так, например, Лукреций (VI, ст. 178 сл.) говорит:

... свинцовые даже

Ядра, коль долго летят, расплаиваются в быстром вращении.

540. Галаты — кельтское племя (галлы), вторгшееся в 279 г. до н. э. в Македонию, а затем перешедшее и в Малую Азию.

556. Умолчу я. Лукан, как видно из дальнейшего, не исполняет этого обещания.

568. Беллона — см. примеч. к I, ст. 566.

569. Бистонов — фракийцев.

581. Второе сословие — всадники. (Первое — сенаторы, третье — плебей). (См.: Н. А. М а ш к и н. История древнего Рима. 1949, стр. 402—405).

587. Брут — см. примеч. к II, ст. 234. Согласно Плутарху, Брут участвовал в Фарсальском сражении, но рассказ о том, что он переоделся простым воином и хотел заколоть Цезаря на поле битвы, никем, кроме Лукана, не приводится. Вероятно, это — выдумка Лукана.

603. В полной свободе — т. е. не взятый в плен.

604. Вторичной пощады. Первый раз Цезарь пощадил Домиция под Корфинием. (См. II, ст. 512 сл.).

606. Пресмипик мой — восклицание ироническое: Домиций был назначен Сенатом преемником Цезаря в Галлии.

635. Ахайя — Греция.

696. Свобода и царь. В подлиннике *Libertas et Caesar*, причем слово «Цезарь» употреблено в общем смысле тирании при царской власти. Очень возможно, что Лукан здесь намекает на тиранию Нерона.

704. Фаросский тиран — Птолемей XII. (См. примеч. к V, ст. 59).

741. У племен гесперийских — в Испании.

755. Таг — золотоносная река в Испании (ныне Тахо).

772. Пламя и свист — от факелов и змеиных волос Фурий.

777. Орест — сын Агамемнона (правнук Пелопса), убивший свою мать Клитемнестру и любовника ее Эгисфа, мстя за убийство ими Агамемнона. Согласно Эврипидовой версии мифа об Оресте, которой придерживается

Лука́н, Орест был очищен от убийства в Тавриде (у «скифского алтаря»), где была жрицею его сестра Ифигения.

799. Пуниец — Ганнибал, с почетом похоронивший павшего при Каннах римского консула Эмилия Павла. (См. примеч. к I, ст. 39).

825. Гемонийский бой — т. е. фессалийский, Фарсальская битва (Гемония — древнее название Фессалии).

853. Новым злодействам. Имеется в виду битва при Филиппах.

868. Усобиц — т. е. сражений гражданской войны между Помпеем и Цезарем, а также и дальнейших междоусобных битв, вплоть до сражения при Акции.

871—872. Лука́н перечисляет следующие события гражданской войны: 1) сражение при Мунде в Испании в 45 г., 2) морские победы Агриппы над Секстом Помпеем у берегов Сицилии в 36 г., 3) борьбу у Мутины в 43 г. и 4) битву при Акции в 31 г. до н. э. Филиппы здесь: Фарсалия. (См. примеч. к I, ст. 680).

Книга восьмая

1. Ущелье Геркулеса. Согласно мифу, Геркулес пробил горный проход, образовавший Темпейскую долину. (См. VI, ст. 345 сл.).

26. См. I, ст. 122, 336 и примеч. к этим стихам.

79. Связки — ликторские фасции. (См. примеч. к I, ст. 178 и VII, ст. 428).

91. Призраки Крассов — см. примеч. к II, ст. 349.

92. Ассирийские беды — сражение под Каррами в 53 г. до н. э.

118. Эти виновны — тем, что приютили Корнелию.

160. Кому, может быть, восходил. Разумеются жители южного полушария, «антиподы», существование которых подвергалось сомнению.

170. Возок, или Повозка — созвездие Большой Медведицы.

180. Волопас — созвездие северного полушария к югу от Киносуры (Малой Медведицы).

181. Каноп — звезда в созвездии Корабль Арго, невидимая в наших широтах.

184. Фарос — см. примеч. к II, ст. 636.

189. Гесперийское море и небо — запад.

195. Хиос — остров в Эгейском море. Асина — место, нигде больше не упоминаемое.

201. Мета — начальный и конечный столбы в римских цирках, которые семикратно огибались участниками состязаний на колесницах, причем, огибая мету, надо было подъехать к ней как можно ближе, но не задеть ее колесом.

205. Сын — Секст, младший сын Помпея; старший его сын Гней был с флотом на Коркире.

210. Дейотар — см. примеч. к V, ст. 54—55. Посылка Дейотара, пови-
димому, выдумка Лукана.

216. Мидян — парфян.

217. Арсакид — парфянский царь Арсак XIII.

221. Гетская жила — тетива лука, которую геты (см. примеч. к II, ст. 54)
делали, по словам древнего комментатора Лукана, из человеческих жил.

222. Каспийские проходы (*Caspia claustra*) — узкий горный проход
в горной цепи от Кавказа до Каспийского моря.

223. Аланы — сарматский народ.

224. Ахемениские — персидские.

225. В стенах Вавилона — см. примеч. к I, ст. 10.

226. Халдея — юго-западная часть Парфянского царства.

234. После гибельных битв ассирийских — см. примеч. к VIII, ст. 92.

237. Мост Александра — на Евфрате.

244—260. Икария — остров на Эгейском море. Колофон — город в Ма-
лой Азии к северо-западу от Эфеса. Самосская земля — остров Самос
в Эгейском море. Косский берег — Кос, один из Спорадских островов.
Книд — приморский город в Кари, известный культом Афродиты. Родос —
остров у юго-западного берега Малой Азии, посвященный Солнцу. Телмес-
ский залив — на южном берегу Кари. Памфилия — область на южном побе-
режье Малой Азии. Фаселида — город в Памфилии. Дипсунт — река в Ки-
ликии. Сиедры — город, а Селинунт — город и река в Киликии.

256. На водах мир водворяя — т. е. покоря пиратов. (См. I, ст. 122).

269 сл. Ср. II, ст. 91 и примеч. к II, ст. 69 сл.

281. Нильский так молод тираня. Птолемею XII было в то время
13 лет.

283. Мавр — Юба, нумидийский царь, надевшийся, согласно Лукану,
стать вторым Ганнибалом.

286 сл. Марая побочною кровью. Предок Юбы, Масинисса, был женат
на карфагенянке Софонисбе, дочери Гасдрубала, но детей у нее от Маси-
ниссы не было.

292. Лукан указывает, что Ассирия лежит под совершенно иным небом,
чем Греция и Италия, а поэтому смена дня и ночи в ней не соответствует
суткам западных стран.

293. Цветом ее океан. Лукан, очевидно, путает Персидский залив
с Красным морем.

298. Сарисы — длинные копья, которыми была вооружена македонская
фаланга. (См.: Дельбрюк. История военного искусства, т. I. Гос. Воен.
изд., М., 1936, стр. 156 сл.). — В X, ст. 47 сл. Лукан противопоставляет
сарису римскому короткому копью, т. е. македонскую фалангу — римскому
легиону.

328. Лентул — см. примеч. к V, ст. 7.

350. Потери на Западе — в Фарсальской битве.

364. К смерти любовью привязан — т. е. предпочитает смерть повороту бегству.

407. Эдип — царь Беотийских Фив, сын Лая, по неведению убивший своего отца и женившийся на вдове убитого, царице Иокасте, которая была его матерью. Миф об Эдипе послужил сюжетом знаменитой трагедии Софокла «Эдип-царь».

410. Дочка Метелла — Корнелия. (См. примеч. к II, ст. 349).

417. Неудачи былой на Востоке — поражения при Каррах.

422. Бактра — см. примеч. к III, ст. 268.

425. Сузы — см. примеч. к II, ст. 49.

432. Старца печального — Красса.

438. Тигр — несвоевременный намек на сказанное в III, ст. 261 сл.

445. Река — Нил, разделяющийся при впадении в море на семь рукавов.

458. Пафосская волна — море у острова Кипра (с городом Пафосом), куда приплыла родившаяся из морской пены Афродита (Венера).

463. Гора — остров Фарос с маяком.

465. Пелусий — город на восточном побережье Египта.

467. Время стояло. Было осеннее равноденствие, когда Солнце находилось в знаке Весов.

470. Касийская гора (Касий) — между Аравией и Египтом, около Пелусия. На ней был храм Юпитера. (См. ст. 857 сл.).

477. Хранитель Нила. В Мемфисе находился водомер для измерения уровня Нила.

479. Апис — священный бык египтян, храм которого был в Мемфисе. Когда Апис доживал до двадцати пяти лет, его топили в тайном колодце, потом бальзамировали и хоронили в золотом гробу.

481. С усопшим монархом — Птолемеем Авлетом, отцом Птолемея XII, умершим в 51 г. до н. э.

483. Потин — евнух, регент Египетского царства при малолетнем Птолемею.

500. Сестре — Клеопатре, назначенной Птолемею Авлетом в соправительницы Птолемею XII, но изгнанной последним.

507. Фессалийских птиц — т. е. хищных птиц на поле Фарсальской битвы. (Ср. VII, ст. 831 сл.).

518. Оправдаться мечом — убить Помпея.

538. Ахилла — начальник войск и опекун Птолемея. См. о нем «Записки Юлия Цезаря и его продолжателей», изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 350—355, 373 (Записки о гражданской войне, III, 104, 108—112, и Записки об Александрийской войне, 4 и 26).

543. Каноп — город в Египте недалеко от Александрии, известный распущенностью нравов.

596. Септимий — римский военский трибун, который во время войны с пиратами служил у Помпея центурионом. (См.: Юлий Цезарь. Записки о гражданской войне, III, 104)

607. Мальчик пеллейский — Птолемей XII. (Ср. примеч. к V, ст. 60).

610. Брута — убийцу Цезаря.

614. Плащ он накинул на лик. Ср. описание смерти Цезаря у историка времен императоров Траяна и Адриана (II в. н. э.) — Светония (Божественный Юлий, 82): «видя отовсюду направленные на себя кинжалы, он окутал голову тогой, а левой рукой спустил ее складки на самые голени, чтобы тело, закрытое в своей нижней части, и при падении сохранило пристойный вид».

685. Марсово поле. На нем происходили выборы высших должностных лиц (консулов, цензоров и преторов).

694. Прах Македонца — Александра Македонского.

715 сл. Корд — упоминается только Луканом. Кипр назван Кинирским по Кипрскому царю Кинире. Эпитет Икарийский здесь необъясним.

716. Квестор — один из ближайших помощников военачальника, ведавший войсковою казной.

737. Пламя названо сухим, так как погребальный костер не был полит никакими благовониями.

794 сл. Этот камень тестю приятней, чем безмогильная смерть — как худший вид оскорбления и поругания трупа.

800. Эта — см. примеч. к III, ст. 178. Нисейский хребет — см. примеч. к I, ст. 65.

807 сл. О Лепиде, остатки армии которого Помпей разбил в Северной Италии («альпийские битвы»), см. примеч. к II, ст. 547. Серторий — см. примеч. к II, ст. 549. Отозванный консул — Квинт Метелл Пий, тщетно боровшийся с Серторием. Всадника... триумф — см. примеч. к VII, ст. 14. О победе над киликийскими пиратами — см. примеч. к I, ст. 336.

814. Тога гражданская — одежда мирного римлянина, в противоположность военному доспеху. В трех колесницах — во время трех триумфов.

824. Пророчица Кумская — см. примеч. к I, ст. 564.

832. Полубожественных псов — египетского бога Анубиса, изображавшегося с собачьей головой. Систр — особый ударный музыкальный инструмент (погремушка), употреблявшийся при богослужении Изиде.

833. Озирис — египетский бог, супруг Изиды, убитый своим братом Тифоном, но потом победивший его, явившись из подземного царства.

834. Наших манов — манов Помпея.

835. Тиранну — Цезарю.

852. Фивы — город в Верхнем Египте.

860. Фортуна отождествляется здесь с ее любимцем Помпеем.

863. Тарпейские боги — Юпитер, Юнона, Аполлон, Минерва и Марс.

864. Молнию чтут. Место, пораженное молнией, считалось священным. Верховный жрец собирал землю, на которую упала молния и закапывал ее, покрывая, по этрусскому ритуалу, дерном.

Книга девятая

4—9. Стоики считали, что души («маны») героев восходят к лунной орбите, или сфере, где кончается темный воздух земли и начинается область светлого эфира.

12. Звезды кочевые — планеты.

35. Уже побежденного флота — т. е. флота, на котором находятся побежденные в Фарсальской битве.

36. Кифера — остров у южного берега Лаконики.

39. Фиквнт — мыс в Киренаике, в Африке на долготе Тенара.

42. Палинур — кормчий Энея, по имени которого назывался мыс в Италии на берегу Лукании. Мыс в Африке, о котором говорит Лукан, назывался П а л и у р. Очевидно, Лукан здесь допустил ошибку.

65. О Крассах — см. примеч. к II, ст. 349.

79. Колесница — триумфальная колесница Помпея. (См. примеч. к I, ст. 287).

96. Право отца — право ведения войны, данное Помпею Сенатом.

99. Хитрость твоя удалась. Корнелия предполагает, что Помпей дал ей изложенное выше поручение, чтобы она не покончила с собой.

121. Гней — старший сын Помпея, называемый в дальнейшем и «Великим» и просто «Помпеем». (См. ст. 146).

153. Пеллейских — см. примеч. к III, ст. 233 и к V, ст. 60—62, а также VIII, 694.

154. Мареотида — озеро у южной части Александрии.

155. Амазис — один из древних египетских царей.

179. Трижды — во время трех триумфов Помпея.

185. Волтур, Гарган и Матина — горы в Апулии.

219. Гаркондимот — предводитель киликийцев.

236. Вождем — намек на Помпея.

251. Римского консула — Цезаря.

265. Из трех владык — ср. I, ст. 85. Дальше Катон говорит: «Птолемей избавил вас от Помпея, парфяне — от Красса (см. примеч. к I, ст. 11), а вы сами можете освободить себя от Цезаря».

271. У Филипп эмафийских — т. е. в Фарсальском сражении.

288. Но только в кимвал... ударить. О том же говорит и Вергилий в «Георгиках» (IV, ст. 64 сл.).

291. На гиблейской траве. Гибла — гора в Сицилии, славившаяся своим медом.

297. Кирена — главный город Киренаики. (См. примеч. к ст. 39).
347. Воды Тритона — озеро к западу от Малого Сирта, названное по имени морского божества.
355. Летон — река, упоминаемая и Плинием Старшим; по названию сходна с подземной рекой забвения — Летой.
358. Сад Гесперид — дочерей Атланта, хранительниц золотых яблок, три из которых удалось достать Геркулесу для тиранна Аргоса (ст. 367), Эврисфея.
369. Гарамантские воды. Сказано, видимо, вместо «ливийские» (африканские). Гараманты жили в одном из оазисов Сахары, далеко от моря.
406. Бегство мужей — после Фарсальской битвы.
427. Цитров стволы — так называемое «лимонное дерево» (*Thuja orientalis* L.), из которого делались доски для дорожных столов.
439. Назамоны — см. примеч. к IV, ст. 676—681.
478. Щиты — двенадцать священных щитов — вооружение жрецов-салиев. По преданию, один из этих щитов упал с неба во время молитвы мифического царя Нумы Помпилия, и одновременно раздался с неба голос, говоривший, что могущество Рима будет незыблемо, пока будет цел этот щит. Нума приказал сделать по образцу упавшего щита еще одиннадцать одинаковых, чтобы нельзя было узнать настоящий, и тем затруднил возможность его похищения.
510. Всех напоила та лужа — т. е. войско ободрилось, видя героическую стойкость предводителя.
514. Аммон — см. примеч. к III, ст. 293.
- 524 сл. Лепт — *Leptis mino*, город в Африке, ныне Лемта на восточном побережье Туниса. Береникида — область Киренаики.
532. Звездный круг — зодиак.
541. Рыбы — зодиакальное созвездие. Астрея — созвездие Девы.
542. Хирон — созвездие Стрельца.
543. Урна — созвездие Водолея.
600. Стиснуть горло Югурте. Нумидийский царь Югурта был задушен в тюрьме после триумфа над ним Мария в 104 г. до н. э. (См. примеч. к II, ст. 69 сл.).
610. Аспиды — ядовитые змеи, то же, что ехидны в IV, ст. 724. Дипсада — ядовитая змея, укус которой вызывает неутолимую жажду (*Coluber vipera* L.).
626. Медуза — одно из трех чудовищ — Горгон, дочерей морского божества Форка (или Форкия) и Кетя, детей Понта и Геи. Ваглад Медузы-Горгоны обращал все живые существа в камень. После убийства Медузы Персеем при помощи Паллады-Афины и Гермеса (Меркурия), которые дали ему сандалии-самолеты, кривой меч и щит-зеркало, в которое он должен был смотреть, направляя удар меча (чтобы не смотреть непосредственно на

Медузу и не обратиться в камень), голову Медузы взяла Афина и прикрепила ее к своему доспеху — эгиде. Горгон упоминает Гесиод в своей «Теогонии», говоря что Кето

... Горгон родила, что за славным живут Океаном
Рядом с жилищем певец-Геоперид, близ конечных предков
Ночи: Сфенно, Эвриалу, анакомую с горем Медузу.
Смертной Медуза была, но бессмертны, бесстаростны были
Обе другие...

(Пер. В. Вересаева)

643. Орфей — мифический певец, спускавшийся в преисподнюю за своей умершей женой Эвридикой.

644. Амфитрионид — Гераклес, по имени мужа его матери Амфитриона.

645. Второй — после Посейдона (Нептуна).

659. Персей — сын аргосской царевны Данаи и Зевса, спустившегося к ней в виде золотого дождя.

660 сл. См. примеч. к ст. 626. Гермес, культ которого особенно процветал в Аркадии (Паррасии), считался изобретателем кифары и гимнастических упражнений (палестры), во время которых участники натирались маслом. Килленский — аркадский.

663. Другое чудовище — стоглазый Аргус, сторож возлюбленной Зевса — Ио, превращенной Героем в корову. (См. примеч. к VI, ст. 360).

682. Тритония — Афина.

708—726. Перечисляются всевозможные виды ядовитых пресмыкающихся. Кенхрис (ст. 712) сравнивается по своему цвету с пестрым морем — офитом.

787. Кинифийский — африканский, по названию реки на побережье Сиртов.

790. Марсийские поля — в области марсов, в Средней Италии.

808. Корикийский шафран. Шафранная вода употреблялась римлянами для освежения воздуха в театрах. Судя по словам Лукана, эта душистая вода выливалась брызгами из полых бронзовых статуй.

820 сл. Санты — жители египетского города Саиса. Сабейский — аравийский.

827. Скифские — т. е. парфянские.

836. Орион побежденный. По сказанию, мифический охотник Орион был убит посланным Артемидой (Дианой) скорпионом.

837 сл. Сальпуга — ядовитый муравей. Стигийские сестры — Парки, богини жизни и смерти, сестры Стикса, загробной реки.

847. Их небо вело — т. е. они находили путь по звездам.

866. Огонь сливается с гулкой волною — там, где Солнце спускается в Океан.

877. Ноту мы спину теперь подставляем — т. е. идем от экватора на юг: южный ветер (Нот) представляется дующим от экватора и на север и на юг.

891. Страна Мармарикская — Мармарика (ныне Барка) между Египтом и Сиртами.

902. Птица Юпитера — орел.

916. Гальбан — ароматическая камедь из растения *Ferula galbaniflua* L.

917. Тамарикс — кустарниковое растение с мелкими листьями. Коста — арабийское и индийское растение, из корня которого приготавливали дорожную мазь.

918. Панацея — дословно «всцелительное»; растение, из которого приготавливали лекарство от всех болезней. (См.: Гиппократ, Соч., т. III, Медгиз, 1941, стр. 357).

919. Тапс — лекарственное растение (*Thapsia Asclepium* L.), растущее на горе Эрике в Сицилии.

940. Гасла два раза Луна. Согласно Плутарху, этот поход продолжался одну неделю: согласно Лукану, — два месяца, что менее вероятно.

954—979. Фракийский пролив — теснины Геллеспонта у оконечности Херсонеса Фракийского, недалеко от Сеста. Любовью известное море — намек на легенду о гибели двух влюбленных, Геро и Леандра, погибших в Геллеспонте (см. примеч. к IV, ст. 56). Халкедон — город в Вифинии на южном берегу Пропонтиды (нынешнего Мраморного моря), напротив Византии. Эвкси́н — Черное море. Симоис — река на троянской равнине. Ретей — мыс с могилою Аякса. Ассарак — прадед Энея. Пергам — Троя. Гесиона — дочь троянского царя Лаомедонта, отданная на съедение морскому чудовищу и освобожденная Геркулесом. Анхиз — отец Энея, возлюбленный Афродиты (Венеры). Судья трех богинь — Парис. Мальчик — Ганимед. Энона — нимфа, возлюбленная Париса, покинутая им. Ксанф — другое название троянской реки Скамандра. Гектор — сын Приама, главный троянский герой. Геркейский алтарь — алтарь Зевса, у которого был убит Приам при взятии греками Трои.

984. Смирнский старец — Гомер. Смирна была одним из городов, претендовавших быть родиной Гомера.

991. Лавиний — город в Лации, основанный родоначальником римлян Энеем.

993. Паллада — изображение ее, или Палладиум, хранившееся в римском храме Весты.

999. Пергам... римский — главный город пергамского царства (ныне Бергама) в Мисии (Малая Азия), перешедшего в руки римлян во II в. до н. э.

1005. Огонь Фаросский — см. VIII, ст. 63 и примеч. к II, ст. 636.

1051. Тиранн — Птолемей.

Книга десятая

5. Мемфисский — египетский.
8. Смысл тот, что убийца Цезаря мог бы, в глазах римского народа, искупить убийство Помпея.
9. Паретонийская столица — египетская, Александрия.
20. Филиппа потомок — Александр Македонский.
29. Трофей Филиппа — Афины. Македонский царь Филипп (382—336 гг. до н. э.) покорил Афины в результате победы над греками при Херонее в 338 г. до н. э.
- 47 сл. Ср. примеч. к VIII, ст. 298.
51. Арсакидов царю — Александру Македонскому.
52. Пелла — Македония. (См. примеч. к V, ст. 60 сл.).
56. Бирема — двухвесельная лодка.
57. Фаросские цепи. Ими запирался вход в гавань Александрии.
60. Спартанка — Елена.
63. Систр — см. примеч. к VIII, ст. 832.
66. В водах Левкадских — т. е. при Акции.
78. Братъев он Юлии дал. См.: Светоний, Юлий, 52 и Плутарх, Цезарь, 49 говорят только об одном сыне Цезаря от Клеопатры. О Юлии см. примеч. к I, ст. 114.
94. Общее ложе. Сестра Птолемея XII, Клеопатра, была выдана за него замуж.
100. Раб — Потин.
120. Атрий — центральная зала дворца.
129. Ливии кудри — черные волосы.
139. Добыча Красного моря — жемчуг.
- 141 сл. Под тканью сидонской. Китайский шелк, обработанный в Египте для придания ему большей легкости и прозрачности, — род кисей, окрашенной сидонским пурпуром.
- 144 сл. Ср. примеч. к IX, ст. 427.
153. Консул — Луций Квинтий Цинциннат, консул 460 г. до н. э., удалившийся по окончании своих полномочий в свое маленькое имение, где он собственноручно пахал землю, когда (в 458 г. до н. э.) ему было объявлено о назначении его диктатором.
162. Фалерн — одно из лучших итальянских вин. По словам схоластика Лукана, вина, перевозившиеся на нильский остров Мерою, через несколько лет приобретали качества старого вина долголетней выдержки.
168. Амом — душистое растение, из которого делался бальзам; амом собирался в Сирии и в Армении.
175. В льняном одеянии, — какое носили жрецы Изиды.

181. Платон. После смерти Сократа Платон много путешествовал и побывал в Египте, где изучал «сокровенную» египетскую науку.

187. Мой календарь. Юлианский календарь был введен с 1 января 45 г. до н. э. Греческий астроном Эвдокс жил в IV в. до н. э.

203. Стоянкой их ход замедляет. Здесь Лукан говорит о движении планет на небесном своде, которое, благодаря движению солнечной системы, представляется то прямым, то обратным, или попятным.

204. Тефиса — море.

209. Киллений — см. примеч. к I, ст. 642—665.

212. Круг, изменяющий год, — эклиптика в пунктах пересечения ее с тропиками Рака и Козерога, т. е. в пунктах летнего и зимнего солнцестояния.

226. Под созвездием Пса. Разливы Нила происходят в июле, когда под утро начинает восходить созвездие Большого Пса.

227. Когда Ночь сравняется с Фебом — т. е. во время осеннего равноденствия.

240 сл. Дуют они — имеются в виду «этесии», или пассаты, хотя на самом деле они дуют с северо-востока.

265. Другие, — среди которых был и Нил.

276. Сезострис — легендарный египетский царь.

279. Камбиз — сын персидского царя Кира Старшего, завоевавшего Египет в 525 г. до н. э. Власть персов над Египтом продолжалась два столетия.

280. Долговечные племена — мифическое племя макробиев («долголетов»), каждый из которых жил в среднем 120 лет.

301. Два полюса — Северное и Южное полушария.

306. Лев — созвездие, в котором Солнце находится летом.

307 сл. В равнины Феба — в экваториальную зону.

313. Филы — небольшой остров на Ниле, южная граница Египта при Птолемах.

323. Абатос — скалистый остров на Ниле, недалеко от Фил. Абатос — значит «недоступный»; находиться на нем имели право только жрецы.

336. Маны — маны Помпея.

339. Отцы побежденные — сенаторы, сторонники Помпея, побежденные впоследствии Цезарем.

370. Нами свершенного зря, — так как не заслужили благоволения Цезаря.

381. Не все тело, — так как голова Помпея была унесена.

387. Люdiam Гесперии — римлянам. Одним из поэтических названий Италии было Гесперия, т. е. (для греков) страна запада.

447. Мулькибер — Вулкан.

464. Царевна Колхиды — Медея.
- 475 сл. Фарнака знамена грешные. Фарнак поднял восстание против своего отца Митридата. (См. примеч. к II, ст. 637).
476. Страна, огражденная хладным Ибером, — Испания.
- 493 сл. Доски с воском — ср. III, ст. 684 и примеч. к этому стиху.
510. Протей — мифический владетель острова Фароса. Впоследствии Фарос был соединен с материком молотом.
520. Арсиноя — младшая сестра Клеопатры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Фарсалия или поэма о гражданской войне

Книга первая	7
Книга вторая	28
Книга третья	50
Книга четвертая	73
Книга пятая	97
Книга шестая	121
Книга седьмая	146
Книга восьмая	172
Книга девятая	198
Книга десятая	230

Приложения

От редакции	249
Марк Анней Лукан и его поэма о гражданской войне (Ф. А. Петровский)	251
Примечания	301

Марк Анней ЛУКАН
Фарсалия

Печатается по решению Редакционной коллегии
серии «Литературные памятники»

Технический редактор *Р. С. Певзнер*

Корректоры *З. И. Савинова* и *З. Г. Сегаль*

Подписано в печать 10.07.93. Формат 70×90¹/₁₆.
Печ. л. 25,74. Тираж 1 000 экз. Заказ 2649.

Научно-издательский центр «Ладомир». 103617, Москва, К-617, кор. 1435.
ТОО ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Исправления и опечатки

<i>Страница</i>	<i>Строки</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
19	11 снизу	Пламя	Пламя
23	3 сверху	И погрузилась во тьму, покрытая тенью земною.	И погрузились во тьму, покрытые тенью земною
29	6 снизу	пламенем	племенам
127	9 сверху	не хочет,	он хочет,
160	6 снизу	несут	несутся
168	6 "	созданье,	сознание,
280	11 сверху	с мольбой	мольбу

Марк Анней Лукан.